

Alma Mater Studiorum – Università di Bologna

DOTTORATO DI RICERCA IN
TRADUZIONE, INTERPRETAZIONE E
INTERCULTURALITÀ

Ciclo 34

Settore Concorsuale: 10/M2 - SLAVISTICA

Settore Scientifico Disciplinare: L-LIN/21 SLAVISTICA

СПОСОБЫ ЛЕКSIКАЛИЗАЦИИ СОБЫТИЯ ДВИЖЕНИЯ В
РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИТАЛЬЯНСКИМ

Presentata da: Giulia Zangoli

Coordinatrice dottorato

Chiara Elefante

Supervisore

Svetlana Slavkova

Esame finale anno 2023

*Corre se piove, corre dentro al sole
Tre più tre per lui fa sempre sette*
Lucio Dalla, *Nuvolari*

Ringraziamenti

Ringrazio di cuore Svetlana Slavkova per l'inestimabile supporto umano e professionale, la pazienza e per avermi sempre trasmesso fiducia e coraggio in questo lungo e complesso percorso.

È doveroso da parte mia ringraziare il professor Dan I. Slobin per aver risposto con pazienza, attenzione e insperato interesse alle mie domande.

Grazie infinite sempre a Renato.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ПЕРВАЯ ГЛАВА Основные научные подходы к изучению концептуализации движения и пространства	11
1.1 О феномене движения и перемещения	11
1.1.1 Когнитивные теории концептуализации пространства	19
1.1.2 О концептуальной структуре пространства в концепции Л. Талми	25
1.1.3 О понятии пространственной ориентации в теории В.А. Плунгяна	33
1.2 События движения с типологической и когнитивной точки зрения	35
1.2.1 Лексикализация события движения в соответствии с классификацией, предложенной Леонардом Талми	35
1.2.2 Вклад Д. Слобина: подход, направления исследований	45
1.2.3 Последующие исследования по семантике события движения в русле типологического подхода	55
Заключение к Первой главе	58
ВТОРАЯ ГЛАВА Лексикализация события движения в русском языке (в сопоставлении с итальянским)	63
2.1 О конструкциях, кодирующих события движения в типологической перспективе	63
2.2 Система бесприставочных глаголов движения в русском языке	76
2.2.1 Семантика и внутренняя структура глагола <i>идти</i>	87
2.2.2 Семантика и внутренняя структура глагола <i>ехать</i>	94
2.3 Система приставочных глаголов движения в русском языке	99
2.4 Глагольные префиксы в русском языке: о главных подходах в их изучении и классификации	101
Заключение ко Второй главе	119
ТРЕТЬЯ ГЛАВА Русские пространственные префиксы с глаголами движения и их итальянские соответствия	123

3.1 Префикс <i>вы-</i>	125
3.2 Префикс <i>от-</i>	155
3.3 Префикс <i>у-</i>	171
3.4 Префикс <i>пере-</i>	200
3.5 Префикс <i>про-</i>	213
3.6 Префикс <i>до-</i>	241
3.7 Префикс <i>при-</i>	256
3.8 Префикс <i>в-</i>	277
Заключение к Третьей главе	293
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	295
ЛИТЕРАТУРА	303

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе рассматривается лексикализация события движения в русском языке в сопоставлении с итальянским. При анализе языковых средств, выражающих концептуальные компоненты движения в русском языке, следует учитывать вклад глагольной префиксации и семантику русских глаголов движения, участвующих в кодировании маршрута движения. Цель нашей работы двойная: с одной стороны, мы рассмотрим пространственную семантику выбранных нами глагольных префиксов и определим их семантический вклад в лексикализацию события движения. С другой стороны, мы проанализируем соответствия русских приставочных глаголов движения при переводе на итальянский язык. В частности, мы сосредоточимся на том, выражается ли вклад префикса, передается ли он полностью или частично, какие нюансы его пространственной семантики могут опускаться, а какие выражаются обязательно и какими языковыми средствами.

Теоретическая рамка нашей работы опирается прежде всего на труды Л. Талми, выполненные в русле когнитивного подхода к изучению лексикализации события движения с типологической точки зрения. Как известно, в работах Л. Талми определяются и описываются концептуальные компоненты события движения, среди которых важнейшую роль играют следующие составляющие: (само) движение (*Motion*), фигура (*Figure*), т. е. движущийся субъект, ориентир или фон (*Ground*), т. е. объект или область пространства, относительно которого совершается передвижение, и маршрут (*Path*), представляющий собой траекторию, по которой передвигается субъект. Кроме того, в зависимости от события движения, в нем могут участвовать также иные компоненты, такие например как способ (*Manner*) или каузатор (*Cause*) движения. Согласно концепции автора, в зависимости от того, чем выражается информация о маршруте, языки могут относиться к двум различным группам – глагольного и сателлитного типов. В языках глагольного типа, к которым относят романские языки, маршрут, как правило, выражается глаголом. С другой стороны, в языках сателлитного типа, к которым принадлежат славянские языки, маршрут выражается так называемым 'сателлитом'. К сателлитам относятся те элементы, которые, вне зависимости от их формального статуса, относятся к глагольной группе и выполняют одну и ту же функцию: выражение маршрута движения (Talmy 2000a, 2000b, 2007).

Выбор настоящей темы во многом оправдан тем, что, насколько нам известно, она оказывается достаточно малоизученной (темой) в рамках сопоставительных исследований между русским и итальянским языками. Имеются некоторые работы, посвященные системе глаголов движения русского языка в сопоставлении с итальянским (Gebert 1982; Cardelli 2004;

Cardelli 2006; Nistratova 2019).¹ В них, однако, семантический вклад русских глагольных префиксов подробно не рассматривается,² поскольку внимание, наоборот, сосредотачивается в основном на описании системы бесприставочных глаголов движения в русском языке, как в аспекте дейксиса, так и с точки зрения внутренней семантической структуры глаголов движения русского языка. В частности, в работе (Nistratova 2019) рассматривается употребление русских глаголов движения *идти* и *прийти* в сопоставлении с итальянскими глаголами *andare-venire*. С другой стороны, в работе (Cardelli 2006) принимается когнитивный подход к описанию семантики и функционирования глаголов движения русского языка, в основном, бесприставочных. Что касается приставочных глаголов движения, автор сосредотачивается на том, каким образом префиксация меняет внутреннюю (семантическую) структуру глаголов движения. Насколько нам известно, не имеется в литературе работ, в которых проводится развернутый сопоставительный анализ между глаголами движения русского языка, образованными при помощи префиксов с пространственной семантикой, и глаголами движения итальянского языка. Сопоставление двух глагольных систем наблюдается отчасти только в работе (Cardelli 2004), в которой, однако, фокус делается в основном на системе бесприставочных глаголов движения русского языка в сопоставлении с итальянскими соответствиями.

Применяемый в нашей работе метод сопоставительного анализа способов лексикализации события движения способствует выявлению сходств и различий как в выражении компонентов движения в рассматриваемых нами языках, так и в концептуализации передвижения в пространстве говорящими на русском и итальянском языках. В рамках сопоставительного языкознания, как правило, сравниваются два или больше двух языков с синхронической точки зрения вне зависимости от степени их родства (Кашкин 2007: 5; Ярцева 1981; Puato 2016: 2–3). Несмотря на то, что традиционно сопоставительные исследования (Ceruti 2009, Муравьева 1975) связывали (и связывают) с практикой преподавания иностранных языков и перевода, более современные работы в этой области языкознания имеют также теоретический характер (Puato 2016: 3). Наша работа вписывается в это направление: изучая факты структуры одного языка, можно пролить свет на факты другого

¹ Картина отчасти меняется при рассмотрении других славянских языков в сопоставлении с итальянским: например, в работе (Perissutti 2012) с учетом концептуализации компонентов движения, разработанной Л. Галми, проводится экспериментальное исследование, в котором рассматривается, каким образом итальянские учащиеся описывают событие движения средствами чешского языка. В работе (Marcol-Casoli 2016) описывается система глаголов движения итальянского языка и способы их передачи на польский язык.

² Следует при этом уточнить, что в науке наблюдается значительный интерес к изучению глагольной префиксации в русском языке как в диахронической перспективе (Ruvoletto 2016; Dickey 2017), так в синхронии, прежде всего в связи с семантикой вида глаголов (см., например, Benacchio, Muro, Slavkova 2017) или в связи с множественной глагольной префиксацией (Татевосов 2009), но не в сопоставительном аспекте.

языка, которые без этого сопоставления могут остаться затушеванными. В качестве примера приведем описание семантической структуры некоторых глаголов итальянского языка, выражающих способ движения, таких как например *correre*, *volare*. Как мы увидим далее в третьей главе, только при сопоставительном анализе раскрывается их сложная внутренняя семантика.

Сопоставительный анализ проводился на основе материала из русско-итальянского параллельного корпуса Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ). Только в некоторых (отдельных) случаях для целей нашего анализа мы сравнивали русский текст с итальянским переводом, не включенным в параллельный корпус. Мы считаем, что использование параллельных текстов для сопоставительного анализа способствует с одной стороны выявлению и описанию важных характеристик сопоставляемого языка (итальянского), а с другой — описанию и восприятию (в том числе и в дидактических целях) языковых единиц и структур исходного языка (русского). В связи с этим, наша работа вписывается в сопоставительные исследования двунаправленной ориентации (см. об этом подробнее Puato 2016). Кроме того, рассматривая явления морфологии и словообразования, мы не можем не обращаться также к лексике и к синтаксису и рассматривать уже не только (и не столько) слово и его структуру, и даже не словосочетание, но высказывание и текст, учитывать контекст употребления, в том числе и расширенный контекст. Представленный нами анализ не преследует цели показать статистическую значимость стратегий лексикализации движения, а скорее выявить и описать различные нюансы при его концептуализации и выражении в рассматриваемых языках. Выявление сходств и различий позволяет систематизировать общую картину распределения семантики компонентов события движения в двух языках.

На наш взгляд, сопоставительное изучение сходств и различий в лексикализации события движения может послужить основой для новых практических разработок в преподавании русского языка итальянским учащимся, а также итальянского языка в русской аудитории. В этом отношении представляется весьма удачным применение когнитивного подхода к изучению пространственной семантики глагольных префиксов также для дидактических целей. Когнитивный подход к изучению семантики глагольных префиксов способствует их усвоению, не опираясь исключительно на запоминание значений, а скорее на установление семантических связей и на выявление возможных соответствий в итальянском языке.

Работа состоит из введения, трех глав и заключения. В **Первой** главе представляется теоретическая рамка, на которую опирается сопоставительный анализ. Рассматриваются

понятия движения и перемещения согласно семантическим толкованиям, приведенным как в русскоязычной литературе (Апресян 1995; Майсак 2005; Плунгян 2002; Рахилина 1990), так и в работах на других языках (Tesnière 1959; Fillmore 1975, 1983; Wälchli 2001). Кроме того, концептуализация пространства описывается в русле когнитивного подхода к изучению языка (Johnson 1987; Langacker 1987). Представлена типологическая классификация языков по лексикализации события движения, введенной Л. Талми, а также основные последующие исследования, посвященные лексикализации события движения в различных языках, проведенные в русле типологического подхода (Beavers, Levin, Tham 2010; Wälchli 2001). Отдельный параграф первой главы посвящается вкладу исследований, проведенных Д. Слобиным в области лексикализации компонентов движения, в частности, способа движения в различных языках. Во **Второй главе** описываются система бесприставочных глаголов движения в русском языке и основные подходы к их изучению (Бондарко, Буланин 1967; Исаченко 1960; Карцевский 2000, 2004; Плунгян 2011; Forsyth 1970; Veyrenc 1980). Регулярно проводятся параллели с итальянской системой глаголов движения (Bertinetto 1986; Iacobini 2010; Iacobini, Corona 2018). В этой главе мы также подробно рассматриваем семантику и внутреннюю структуру русских глаголов *идти* и *ехать*, эталонных представителей так называемых глаголов определенного движения в русском языке. Особое внимание уделяется глаголам определенного движения, поскольку именно они являются основой для образования приставочных глаголов движения совершенного вида, а от них уже посредством механизма вторичной имперфективации образуются корреляты несовершенного вида (Зализняк, Шмелев 2000; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015). Далее в этой главе представлен обзор системы приставочных глаголов движения русского языка. Отдельно мы рассматриваем главные подходы к изучению семантики глагольных префиксов, фокусируясь на их пространственных значениях (Кронгауз 1995, 1998; Татевосов 2009; Янда 2012; Kagan 2016, Nessel 2008, 2020). В **Третьей главе** представляется подбор глагольных префиксов с пространственной семантикой, выбранных для целей сопоставительного анализа. Для каждого префикса предлагается словарное толкование, описывается его пространственная семантика согласно концепциям, разработанным различными авторами (Dickey 2010; Endresen et al. 2012; Janda 1986, 1988; Talmy 1975, 2007; Апресян 1995; Добрушина, Меллина, Пайар 2001), и проводится анализ контекстов употребления приставочных глаголов в русском языке и возможные стратегии их передачи на итальянский язык. Выводы изложены в заключении, прилагается также список литературы.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДВИЖЕНИЯ И ПРОСТРАНСТВА

В настоящей главе, посвященной теоретической рамке нашего исследования, мы определим некоторые ключевые понятия, лежащие в основе нашей работы. Представим прежде всего понятие глаголов движения, в частности, с точки зрения их лексической семантики, иллюстрируя определение, предложенное в литературе по данной теме, и останавливаясь на понятии 'событие', отнесенном к движению как таковому.

События (*events*), наряду с действиями (*actions*) и процессами (*processes*), включены в классификацию, предложенную в работе (Lyons 1977), в которой автор различает статические и динамические ситуации, включающие в себя события, действия и процессы.³ Динамическая ситуация, по мнению автора, представляет собой то, что происходит в мире, и поэтому противопоставляется статической ситуации, по определению воспринимаемой как существующая, однородная, непрерывная и неизменная. Динамическая ситуация может иметь несколько временных контуров («may be of several temporal contours» (Lyons 1977: 483), и в таком случае она определяется как процесс, или же она может быть чем-то мгновенным (*momentary* в терминологии автора) и обозначать событие.⁴ Глаголы движения относятся к динамическим ситуациям, так как они кодируют процессы или события.

1.1. О феномене движения и перемещения

В широком смысле глаголы движения или перемещения определяются как те лексемы, которые обозначают изменение местоположения одушевленного или неодушевленного предмета в пространстве.⁵ Однако в литературе существуют некоторые подходы, которые различают понятия движения (точнее, передвижения) и перемещения. Среди наиболее известных разграничений этих двух понятий напомним то, которое предложено в работе (Tesnière 1959). Французский лингвист считает, что различие между движением и перемещением (*mouvement* и *déplacement* в терминологии автора) является фундаментальным.

³ В работе (Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015), посвященной теории аспектуальности, все происходящее в мире явления делятся на состояния, события и процессы. Авторы определяют состояние как то положение дел, которое не подвергается изменениям на протяжении некоторого отрезка времени, событие – как смену положения дел, переход из одного состояния в другое (новое) состояние, в то время как процесс – это длящаяся во времени гомогенная ситуация, предполагающая последовательную смену фаз (2015: 26, 42; см. также Зализняк, Шмелев 2000: 35-36).

⁴ Со схожим смыслом в русскоязычной литературе вместо термина *событие* употребляется термин *ситуация*, которая также может восприниматься как динамическая: ср. выражения *ситуация движения* (см. англоязычный термин *motion events*), *ситуация перемещения* (Майсак 2005; Плунгян 2002).

⁵ Это определение опирается прежде всего на описание глаголов движения в следующих работах: (Fillmore 1983: 219-220; Майсак 2005: 101-102; Lyons 1977: 494; Miller, Johnson-Laird 1976: 525-527; Плунгян 2002: 60-62).

Достижение конечной точки передвижения определяется автором как перемещение, в то время как движение — это всего лишь средство или способ его достижения. Если, например, человек добирается до места назначения (до конечной точки) на поезде, он осуществляет перемещение, не совершая никакого движения вообще, поскольку он остается сидящим в поезде в течение всего времени поездки. В отличие от этого, хомяк, бегающий вокруг колеса в своей клетке, осуществляет движение, не совершая никакого перемещения, поскольку колесо закреплено на оси, а клетка остается на том же месте (1959: 308).

Движение, в понимании Теньера, является понятием внутренним, в то время как перемещение – внешним. Это означает, что для преодоления определенного расстояния каждый субъект использует определенный способ передвижения (*бег, полет, ползание*), который в значительной степени зависит от его физических характеристик. По этой причине, по мнению автора, в языках представлено большое разнообразие глагольных лексем, кодирующих движение (Tesnière 1959: 308). В качестве примера можно привести русские глаголы *бегать, прыгать, плавать, летать, ползать* и т. д.

В работе (Майсак 2005) также считается, что перемещение связано с изменением местоположения рассматриваемой сущности⁶ по определенному маршруту. Перемещение обозначает только пройденное расстояние, оно фокусируется не на субъекте движения, а на пространстве, и по этой причине лексика для описания перемещения численно уступает той, что посвящена движению, и часто состоит из противоположных пар - *подниматься* и *опускаться, приходиться* и *уходить, входить* и *выходить* (102) (ср. также Tesnière 1959: 309). Что касается самого движения, Майсак также связывает его с некой хаотичностью, в частности, с его восприятием как неопределенного и нелинейного (102).

Как будет показано в следующих параграфах, концепция, представленная в работе (Tesnière 1959), лежит в основе типологической классификации событий движения, предложенной в работах Л. Талми (2000a, 2000b, 2007) и Б. Вельхли (Wälchli 2001). Понятия движения и перемещения, по сути, близки к семантическим компонентам события движения, выявленным Л. Талми. В частности, в концепции Талми движение и маршрут (*Motion + Path*) соответствуют перемещению, а способ (*Manner of Motion*) соответствует движению. Сравнивая французский и немецкий языки, Л. Теньер отмечает, что в немецком языке глаголом выражается движение (*Manner of Motion*), а во французском – перемещение (т. е.

⁶ Понятие *сущности* (*entity*) будет рассматриваться подробнее в параграфе 1.1.1. Здесь и далее в качестве русского перевода англоязычного термина *entity* мы будем использовать слово *сущность*, применяемое в работе (Кубрякова 1997). Кроме того, мы здесь опираемся прежде всего на то определение *entity*, которое представляется в работе (Lyons 1977), согласно которому под словом *entity* понимается любой воспринимаемый нам одушевленный или неодушевленный движущийся в пространстве субъект (445).

компоненты 'движение' и 'маршрут') (1959: 309). Сказанное можно графически представить в Таблице 1, взятой из работы (Tesnière 1959: 310) и адаптированной нами. Из примеров в Таблице 1 видно, что в немецком языке движение кодируется глагольной лексемой (*schwimmt*), а во французском – деепричастным оборотом (*en nageant*). С другой стороны, перемещение в немецком языке выражается предложной конструкцией (*über den Fluss*), а во французском – глагольной лексемой (*traverse*).

Таблица 1

Anton	schwimmt	<i>über</i>	<i>den Fluss</i>
Antoine	<i>traverse</i>	le fleuve	en nageant

Вслед за Теньером, другие исследователи также при определении понятия глаголов движения различают движение и перемещение, обращая особое внимание на последнее. Так, например, в работе (Апресян 1995а) мы также находим отсылку к понятию перемещения, что видно из предложенного автором компонентного анализа глаголов *ехать* и *идти*.⁷

А едет из Y-а в Z на W = 'А перемещается из Y-а в Z, потому что А находится на W, которое перемещается из Y-а в Z, и перемещение из Y-а в Z входит в число целей А'.

А идет из Y-а в Z = 'А перемещается из Y-а в Z, переступая ногами и ни в какой момент не утрачивая полностью контакта с поверхностью, по которой А перемещается' (ср., в противоположность этому, *бежать* — с периодической утратой контакта с поверхностью) (Апресян 1995а: 108).

Более того, и Л. Теньер, и Ю.Д. Апресян отмечают, что в случае перемещения важна именно геометрия пространства, поскольку феномен перемещения находится в прямой зависимости от пространства и, следовательно, от его геометрии. Основополагающими, в частности, по мнению Апресяна, являются понятия оси симметрии движущегося субъекта и пространственной ориентации (абсолютной или относительной) (1995а: 109-113).

Американский лингвист Ч. Филлмор в работах (Fillmore 1975, 1983) рассматривает на материале английского языка те события движения, которые описывают целенаправленное перемещение (*bounded motion*). Эти события характеризуются наличием начальной точки (*starting point* или *origin*), определяющей источник передвижения (*Source*), и конечной точки

⁷ О глаголах определенного движения и неопределенного движения (соответственно, типа *идти* и *ходить*) речь будет идти во Второй главе (2.2). Важно также подчеркнуть, что перемещение, в том числе с точки зрения дейктического компонента, в некоторых языках оказалось в центре многочисленных исследований и получило больше внимания, чем изучение лексической семантики способа движения (см. Майсак 2005: 116).

(*ending point* или *destination*), указывающей на цель передвижения (*Goal*). Кроме того, автор выделяет также сам маршрут движения (*Path*) (1975: 270-271).⁸

Филлмор характеризует событие движения на основе понятий времени и пространства, показывая, что оно разворачивается внутри некоей пространственно-временной рамки. Автор вводит понятия временной рамки (*reference time*)⁹ и пространственной рамки (*reference place*), которые определяют пространственно-временные координаты события движения. Иными словами, они указывают на точку или промежуток времени и пространства, на фоне которых разворачивается событие. Временная рамка может совпадать со всей продолжительностью события, как в примерах (1a) и (1б),¹⁰ в которых выражаются обе локативные валентности начальной и конечной точки.

(1a) It was very good for me, because I saw a lot of authentic backgrounds for made-up stories which I will write later on. [...] There was a Lufthansa plane that was supposed to fly from Philadelphia to Boston to Frankfurt. O'Hare was supposed to get on in Philadelphia and I was supposed to get on in Boston, and off we'd go. But Boston was socked in, so the plane *flew straight to Frankfurt from Philadelphia*.

(1б) Мне это очень пошло на пользу, потому что я увидел настоящую обстановку для тех выдуманных истории, которые я когда-нибудь напишу: [...]. Самолет "Люфтганзы" должен

⁸ Отметим здесь, что понятие маршрута (*Path*), применяемое в работах (Fillmore 1975, 1983), отличается от понятия маршрута, представленного в работах других лингвистов. Согласно терминологии, применяемой, например, в работе (Talmy 2000b), маршрут (*Path*) описывается следующим образом: «[...] the path followed or site occupied by the Figure object with respect to the Ground object» (2000b: 25), при этом внутри самого маршрута могут выделяться три участка: начальная порция (*initial portion*), срединная порция (*medial portion*) и конечная порция (*final portion*). Терминология, применяемая Талми, отличается от терминологии Филлмора (1975), у которого *Path* (маршрут) обозначает только срединную порцию пути, в то время как в работе Талми данный термин указывает на все порции пути (начальную, срединную, конечную). В работах В.А. Плунгяна (2002, 2011) используются два термина: маршрут и траектория. Термин 'маршрут' обозначает, как и у Филлмора, срединную порцию пути, указывая «на все те участки, где объект находился между началом и концом перемещения» (2011: 328), в то время как понятие траектории состоит из трех существенных участков: исходного пункта перемещения, конечного пункта перемещения и маршрута (Плунгян 2002: 60) и в этом смысле соответствует понятию маршрута (*Path*), разработанному в трудах Л. Талми. В работах других лингвистов понятие траектории (*Trajectory*) также соответствует понятию маршрута (*Path*), применяемому в работах Л. Талми (см., например, Janda 1986; 1988).

Возвращаясь к понятию *Path* в терминологии Талми отметим еще раз, что в различных работах применяются разные термины, в частности, срединная порция пути движения названа *Median (Intermediary part)* в работе (Корецка, Vuillermet 2021), *Medial (medial part)* в работе (Корецка 2017), *Medium* в работе (Slobin 1997), *Trajectory* в работах (Stefanowitsch, Rohde 2004; Stefanowitsch 2018), *Path* в работах (Fillmore 1975; Wälchli, Zúñiga 2006; Verspoor, Dirven, Radden 2004).

Ввиду отмеченной нестабильности в отношении названия промежуточных этапов маршрута, которая наблюдается в лингвистической литературе, мы решили использовать в нашей работе ставшую уже классической терминологию, применяемую в работах Л. Талми.

⁹ Следует здесь уточнить, что понятие *reference time* это не термин, связанный с употреблением глагольных времен в высказывании. В концепции Ч. Филлмора понятие *reference time* обозначает "the point or period that is the focus or background for the event [...]" (1975: 271).

¹⁰ Здесь и далее в этой работе, если другое не указано, примеры взяты из параллельного корпуса НКРЯ (в данном случае английского).

был вылететь из Филадельфии, через Бостон, во Франкфурт. О'Хэйр должен был сесть в Филадельфии, а я в Бостоне, и — в путь! Но Бостон был залит дождем, и самолет прямо из Филадельфии улетел во Франкфурт.

В примере (1a) выражения from Philadelphia to Frankfurt кодируют соответственно начальную и конечную точки движения. Временная рамка представляет собой промежуток времени, совпадающий с продолжительностью самого полета из Филадельфии в Франкфурт. Как видно из примера (1б), все эти компоненты передаются также в русском переводе вне зависимости от выбранного переводчиком приставочного глагола.

С другой стороны, когда глагол движения обозначает удаление из начальной точки или, наоборот, достижение конечной точки, тогда временная рамка совпадает с моментом отправления (*departure time*) или с моментом прибытия (*arrival time*), соответственно. Так например, в (2a) и (2б) выражения, определяющие временную рамку события, фокусируются именно на моменте отправления, удаления из исходной точки (соответственно, at eleven o'clock и 11.00).

(2a) Noticing that it was rather thicker than usual, Harry slit open the envelope, pulled out the first page of parchment within and read: Dear Mr Potter, please note that the new school year will begin on September the first. The Hogwarts Express *will leave* from King's Cross Station, platform nine and three-quarters, at eleven o'clock.

(2б) Гарри вскрыл конверт и вытащил пергамент. Уважаемый мистер Поттер! Напоминаю Вам, что первого сентября начинается учебный год. «Хогвартс-Экспресс» *отходит* от платформы № 9 3/4 с вокзала Кингс-Кросс в 11.00.

В примере (3a) временная рамка определяется выражением in September 1783, а временной фокус падает на момент прибытия в Индию.

(3a) Jones *arrived* in India in September 1783 to serve as a judge in the Supreme Court of Bengal.

(3б) Джонс *приехал* в Индию в сентябре 1783 года, получив должность в Верховном суде Бенгалии.

Наряду с временной рамкой Филлмор определяет также пространственную рамку, в которой разворачивается событие движения. В качестве пространственной рамки может служить то место, в котором начинается движение, как в примере (2a) или, наоборот, то место,

куда направляется субъект передвижения, как в примере (3а). Филлмор подчеркивает, что понятие пространственной рамки события движения можно понять и определять по-разному в зависимости от семантики самого глагола движения. Пространственная рамка может относиться либо к начальной точке движения, как в случае глагола *leave* (в русском переводе это значение кодируется при помощи префикса *от-*), либо к конечной точке, как, например, в случае глагола *arrive* (в русском языке в этом случае возможен префикс *при-*). Кроме того, для некоторых глаголов движения, в силу их внутренней семантики, может быть релевантна только срединная порция маршрута, а не начальная или конечная точки (Fillmore 1975: 272).

Релевантность срединной порции маршрута, по нашему мнению, во многом зависит также от выраженных в английском высказывании возможных для данного глагола локативных валентностей. Проиллюстрируем нашу гипотезу примерами (4а) и (4б):

(4а) “But I’ll not keep you sitting up late to-night,” said she; “it is on the stroke of twelve now, and you *have been travelling all day*: you must feel tired.

(4б) — Но нынче я не дам вам сидеть поздно, — сказала она, — уже двенадцатый час, а вы *были в пути весь день* и, наверно, очень устали.

В примере (4а) отсутствие лексически выраженной локативной валентности, определяющей конечную точку, аспект глагольной формы, временная рамка – позволяют интерпретировать значение глагола движения в том смысле, что пространственно-временной фокус падает скорее всего на срединную порцию маршрута.¹¹ Об этом свидетельствует русский перевод, представленный в примере (4б), в котором посредством выражения *быть в пути* передвижение субъекта описывается и воспринимается как некое продолжительное

¹¹ Тем не менее, глагол *to travel* может использоваться в контекстах с указанной конечной точки движения, как видно из примера (i).

(i) When Henry Kissinger *travelled to China* in 1971, he did more than end nearly a quarter-century of estrangement between Washington and Beijing.

(ii) Когда Генри Киссинджер в 1971 году *приехал в Китай*, он не просто положил конец почти четвертьвековому разрыву между Вашингтоном и Пекином.

Тот факт, что английский глагол *to travel* может принимать локативную валентность конечной точки, выражающую пересечение границы ориентира (*boundary-crossing*), отличает его, например, от русского *путешествовать*, для которого валентность конкретной конечной точки не характерна. Поэтому *путешествовать* не может использоваться для перевода *to travel* в примерах (i) и (iii):

(iii) Everyone who is allowed *to travel into Nova Scotia* from outside Nova Scotia (including if you’re travelling through Nova Scotia to another destination) needs to apply to travel to Nova Scotia by completing the Safe Check-in Form and must self-isolate for 14 days when they arrive in Nova Scotia, or for the duration of their stay if it’s less than 14 days. (<https://novascotia.ca/coronavirus/travel/> 10.06.2021).

состояние, разворачивающееся во времени и в пространстве (понятие путешествия может здесь ассоциироваться с неким контейнером, внутри которого передвигается субъект).¹²

Итак, в зависимости от семантики английского глагола в высказывании может высвечиваться на пространственно-временной рамке либо начало движения, либо окончание движения, либо срединная порция. В связи с этим, Филлмор предлагает классификацию глагольных лексем, кодирующих определенное движение, на основе их связи с теми обстоятельствами времени, которые присутствуют в тексте высказывания и могут указывать либо на его начало, либо на его конец, либо на саму продолжительность передвижения. В первом случае, когда фокус падает на первый этап движения, эти глаголы движения определяются Филлмором как ориентированные на источник (*Source-oriented*), во втором, когда фокус на конечном этапе, – как ориентированные скорее на конечную точку (*Goal-oriented*). Наконец, когда обстоятельства времени подчеркивают продолжительность передвижения, глаголы движения определяются как *Neutral*, т. е. как нейтральные в отношении начального или конечного этапов движения. По словам автора: «The time adverbs and tenses associated with verbs designating actions serve to locate in time the beginning, the duration or the end of the action [...]» (Fillmore 1983: 219).¹³

Подход Филлмора был применен к системе глаголов движения русского языка Е.В. Рахилиной. В концепции, разработанной в работе (Рахилина 1990), диагностическим критерием для разграничения различных групп глаголов движения по отношению к русскому языку являются вопросительные предложения со словом *когда?* и их сочетаемость с глаголами движения. Вопросы такого рода действительно могут относиться к начальному этапу движения (*Когда ушел?*), если они задаются в отношении глагола удаления, ориентированного на источник (*Source-oriented*), семантический компонент которого задается ‘условием нахождения в Q (Q соответствует начальной точке)’. Вопрос может относиться также к конечному моменту движения, если он задается в отношении глагола прибытия,

¹² Интересно отметить, что представление путешествия как некий контейнер, внутри которого совершается передвижение субъекта, может быть релевантно также при переводе английского примера (4а) на итальянский язык, ср. (4в) “Non la tratterò fino a tardi stasera” disse; “è ormai mezzanotte e lei ha trascorso l'intera giornata in viaggio. Sarà di certo stanca.” (перевод наш *Jane Eyre cap. 11*)

¹³ Стоит здесь остановиться на понятии асимметрии между начальной и конечной точкой движения, часто называемом также *goal-bias* или *goal-over-source-principle*, согласно которому в естественных языках существует тенденция фокусироваться на цели (конечной точке) передвижения, а не на исходной точке, которую чаще всего можно восстановить из контекста. Более того, с когнитивной точки зрения общение также ориентируется на достижение и открытие нового, которое представляет цель коммуникации. Движение как физическое, так и метафорическое — это чаще всего движение вперед. Показательно следующее замечание в работе (Miller, Johnson-Laird 1976): «It seems to make little difference where the traveling was *from*, but where it was *to* is critical» (539, курсив авторов) (см. также Майсак 2005: 114-115 и во Второй главе (2.2.1) *Примечание 2. О понятии goal-bias*).

семантический компонент которого обозначает ‘to start being in R (где R соответствует точке прибытия)’ (*Когда приехал?*). Наконец, вопросы, содержащие вопросительное слово *Когда?* и относящиеся к таким глаголам движения, как *ехать, плыть, бежать, лететь, ползти* (в терминологии Филлмора – *Neutral*, нейтральные глаголы), фокусируются на общей продолжительности движения, т. е. ориентируются на серединную порцию маршрута (1990: 92–93).

В связи с этим Е.В. Рахилина описывает три группы глаголов движения на основе семантических переменных, характерных для каждой группы.

К первой группе автор относит глаголы удаления, основной переменной которых является Q, относящаяся к начальной точке движения, как видно из примера (5), в котором приставочный глагол *уехал* ориентируется на исходную точку движения, несмотря на то, что она лексически не выражается:

(5) Он *уехал* во вторник. (1990: 92)

Во вторую группу входят глаголы прибытия, основной переменной которых является R (конечная точка движения). В эту группу входит, например, приставочный глагол *приехал*, фокусирующийся на конечной точке движения, как показано в примере (6):

(6) Он *приехал* в Чикаго около полуночи. (1990: 92)

В третью группу включаются глаголы движения, называемые автором глаголами ‘чистого перемещения’ (1990: 96), в контекстах применения которых фокус падает именно на продолжительность движения. Эти глаголы характеризуются тем, что ни одна из переменных не является особо значимой, но обе могут выражаться. В этом случае серединная порция маршрута становится особой семантической переменной для этих глаголов (ср. *идти через лес, лететь сквозь облачность*, Рахилина 1990: 91-96, 113).

Тем не менее, важно подчеркнуть, что приведенные автором примеры ((5) и (6)) нуждаются в уточнении с точки зрения возможных локативных валентностей. Приставочные глаголы с префиксом *при-*, несмотря на то, что их пространственная семантика ориентирована на конечную точку, могут свободно сочетаться также с локативной валентностью, выражающей исходную точку (*приехать откуда?*). То же самое касается также приставочных глаголов, образованных при помощи префикса *у-* (*уехать откуда куда*) и приставочных глаголов типа *идти* (*идти откуда куда*).

В этом параграфе мы вкратце рассмотрели основные понятия, представленные в некоторых работах, посвященных лексической семантике глаголов движения (ср., например, Fillmore 1975, 1983; Рахилина 1990). В следующих параграфах будет представлен более подробный анализ глагольных лексем, относящихся к каждой из вышеизложенных групп: глаголов удаления, глаголов прибытия, глаголов 'чистого перемещения'. Предметом нашего анализа будут приставочные глаголы движения и семантический вклад префиксов русского языка в выражении семантических компонентов события движения.

1.1.1 Когнитивные теории концептуализации пространства

В этом параграфе концептуализация пространства, в котором совершается движение, анализируется с когнитивной точки зрения.

Если рассматривать положение, занимаемое человеком в контексте планеты, то на самом деле он является физическим существом скромных размеров. Однако с точки зрения человеческого восприятия, то есть если учесть, как человек видит и описывает мир в своем повседневном опыте, то он сам и его восприятие действительности становятся мерилем всего. В работе (Lyons 1977) подчеркивается, что антропоцентризм и антропоморфизм проникают в язык, потому что человеческая мыслительная деятельность опирается на перцептивный опыт и на положение человека на нашей планете. Поэтому, человек выражает лексическими средствами движение, опираясь именно на собственное восприятие (690). По мнению автора, это первая переменная, которую необходимо принимать во внимание, говоря о концептуализации пространства. Вторая переменная связана с той ролью, которую пространство играет для человека на когнитивном уровне. Пространство всегда было в центре человеческого интереса и внимания, вспомним, например, использование пространственных выражений в непространственных контекстах, многочисленные пространственные метафоры, пронизывающие (человеческий) язык (см. Miller, Johnson-Laird 1976: 375; Lakoff, Johnson 2003).

Человек живет и передвигается по земной поверхности в вертикальном положении, что позволяет ему определить одно из измерений в трехмерном пространстве - вертикальное измерение, а также позволяет зафиксировать землю в качестве источника системы координат. Направленность в вертикальном измерении определяется нашим опытом воздействия гравитации. Поэтому, в работе (Lyons 1977) утверждается, что вертикальное измерение является наиболее физически и психологически значимым из всех пространственных

измерений, в том числе с лингвистической точки зрения (690-691; об опыте пространственной ориентации человека см. также (Lakoff, Johnson 2003; Лакофф, Джонсон 2008: 93).

Кроме того, в концепции автора физический мир содержит три типа трехмерных сущностей первого порядка: самостоятельно передвигающиеся (люди и животные), сущности, которые могут быть перемещены с места на место, статичные сущности (скалы, горы, озера), которые переместить нельзя.¹⁴ В работе (Lyons 1977) автор также отмечает, что места (*places*), даже если они не являются сущностями, в некоторых языках могут рассматриваться как сущности. С другой стороны, автор пишет, что сущности могут занимать определенное пространство, и, поэтому, могут служить референтом, идентифицирующим занимаемое ими пространство.¹⁵

Использование таких слов, как *север, юг, восток, запад*, определяет местоположение объектов в довольно точной и стандартной системе отсчета. В повседневной жизни также можно определить положение объекта относительно положения солнца, звезды или опорной точки в окружающей среде, например, моря или горы. Однако чаще всего в повседневной жизни мы определяем положение сущности или направление ее движения с помощью противопоставлений *вверх – вниз, вперед – назад, вправо – влево*. Такие различия, наряду с дейктическими словами *здесь* и *сейчас*, кажутся более базовыми, примитивными, чем те различия, которые относятся к фиксированной точке отсчета в окружающей среде или к природным явлениям.

Ориентация сущностей в пространстве по отношению к измерениям *вверх – вниз, вперед – назад, вправо – влево*¹⁶ имеет решающее значение для семантического анализа локативных и направительных выражений. Неподвижные земные сущности, такие как горы, здания или деревья, в отличие от таких мест, как озера и равнины, по своей природе ориентированы в вертикальном измерении;¹⁷ люди и животные и, в целом, подвижные

¹⁴ В работе (Vandeloise 2007) к первичным материальным сущностям автор относит, помимо пространственных (35-37), также исчисляемые сущности (людей, животных, предметы), массы (воду, воздух) и агрегаты (соль, песок) (35-43). В работе (Кореска 2009: 67) эти сущности определяются как смешанные. По мнению автора, речь идет в основном о зданиях и артефактах, которые, в зависимости от контекста, могут восприниматься как места или объекты. Автор называет их "функциональными местами", такими как, например, дома, вокзалы и т. д. В работе (Aurnague, Borillo, Vieu 1997) простые материальные сущности разделяются на пять классов: объекты (подвижные сущности, в том числе одушевленные), части материи, вещества, места и части пространства, то есть сущности, определяемые относительно других сущностей, например, внутренняя часть коробки. Авторы работы отмечают также, что классификация не относится к объективной реальности, а к тому, как она (реальность) описывается языком. В зависимости от контекста одна и та же лексема может обозначать различные сущности, например слово *яблоко* может обозначать не только предмет, но и часть материи (69-102).

¹⁵ Так, например, в предложении *I'll meet you at the car* (Lyons 1977: 693) автомобиль используется для обозначения области пространства и поэтому оно эквивалентно: "I will meet you at the place where the car is".

¹⁶ Термины из работы (Апресян 1995а); ср. также терминологию в работе (Кубрякова 2002). Для семантического анализа этих пространственных выражений см. (Апресян 1995а: 109-113).

¹⁷ Такие элементы ландшафта, как скалы, горы, озера, равнины в некоторых языках могут восприниматься и концептуализироваться как сущности первого порядка: «physical objects are what we call first-order entities» (1977: 442). В своих работах Лайонз называет их статус онтологически неопределенным (Lyons 1977: 693). Однако,

сущности¹⁸ по своей природе ориентированы в передне-заднем измерении и канонически ориентированы в вертикальном измерении. В работе (Talmy 2000a: 201) также подчеркивается значимость вертикального измерения для человеческого тела, вытекающая из его врожденной асимметричной геометрии. Автор проводит параллель между человеком и Землей: обе эти сущности имеют асимметричную геометрию, для которой характерны следующие противоположности: верх и низ, север и юг, восток и запад.

В работе (Lyons 1977) отмечается, что пространственные выражения являются грамматически и семантически более базовыми, чем непространственные, например, временные. Для описания этого явления автор использует термин *localism* (718). Пространственные выражения являются примитивными, базовыми в том смысле, что они функционируют как структурированные концептуальные модели для других выражений, прежде всего временных. Это означает, что пространственная организация сама по себе имеет центральное значение в когнитивных процессах человека (Lyons 1977: 718; ср. также Talmy 2000a: 179; Langacker 1987: 66-173),¹⁹ о чем свидетельствует также тот факт, что пространственное представление понятий, связанных со временем, характерно для значительной части естественных языков, а временные выражения часто являются производными от пространственных (ср. Lyons 1977: 718; Кронгауз 1998: 160-165; Talmy 2000a: 214-216).

С точки зрения когнитивной лингвистики, язык отражает те модели, в соответствии с которыми функционирует и структурируется человеческое мышление. Поэтому, чтобы понять, как мы мыслим, следует изучать структуру языка. Иными словами, для лингвиста-когнитивиста структура языковой системы напрямую отражает структуру нашей концептуальной системы: «[...] cognitive linguists view language as a system that directly reflects conceptual organization» (Evans, Green 2006: 17).

Другим важным принципом когнитивной лингвистики является идея *embodiment* (воплощения в человеческом теле),²⁰ согласно которой наш перцептивный опыт действительности в значительной степени зависит от наших физических свойств как

отмечает автор, каждый язык по-своему определяет, какие элементы действительности считать сущностями первого порядка, в зависимости от их формы, цвета и текстуры, отличающих их от окружающей среды.

¹⁸ Для полноты картины следует отметить, что для подвижных сущностей, не наделенных самостоятельным движением, ни одно из трех измерений не является более значимым, чем другие. Исключения составляют объекты, которые неустойчивы в некоторых позициях, и, поэтому они в обязательном порядке занимают фиксированную позицию (ср. Lyons 1977: 696-698).

¹⁹ Эти размышления приводят нас к примитивным (базовым) концептуальным доменам, введенным Рональдом Лангакером, и к топологическим схемам, представленным в работе (Johnson 1987), о которых речь будет идти далее в этом параграфе.

²⁰ См. русский перевод в работе (Рахилина 2000: 6).

человеческих существ.²¹ Это является фундаментальным принципом когнитивного подхода к изучению языка, сформулированным с первых страниц одной из центральных работ, внесших вклад в развитие этой дисциплины – *The Body in the Mind* М. Джонсона (Johnson 1987). Как отмечает автор: «Our reality is shaped by the patterns of our bodily movement, the contours of our spatial and temporal orientation, and the forms of our interaction with objects» (Johnson 1987: xix). Как мы уже отметили, гравитация является объективной характеристикой внешнего мира, но то, как мы воспринимаем ее в силу нашей массы, формы нашего тела и свойств окружающей среды, отличается от того, как ее воспринимает, например, животное.

Мысль о том, что мы можем говорить только о тех предметах и явлениях, которые мы воспринимаем и концептуализируем, предполагает, согласно теории Джонсона, обязательное наличие перцептивного опыта в восприятии мира (или воплощенного опыта, *embodied experience*). Этот перцептивный опыт может отображаться на когнитивном уровне топологическими схемами²² (*image schemas*). В концепции автора, топологическая схема состоит из определенных элементов и отношений и может служить для концептуализации и организации действительности (восприятий, образов, событий) на когнитивном уровне. Иными словами, топологическая схема — это ментальная структура, которая организует то, что мы воспринимаем, и поэтому обладает строго определенными чертами. С другой стороны, она динамична, поскольку сама ее структура может меняться, в результате взаимодействия с тем опытом, которым она обусловлена (Johnson 1987: 28-30); ср. также: «A schema is a recurrent pattern, shape, and regularity in, or of, these ongoing ordering activities» (1987: 29).²³ Эти структуры организуют нашу концептуализацию перцептивного опыта на более абстрактном уровне, чем так называемые *mental pictures* (ментальные образы). Топологические схемы функционируют в соответствии с принципами гештальта, поскольку они состоят из

²¹ Простым примером того, как строение нашего организма может влиять на перцептивный опыт, является цвет. Человеческий организм имеет три типа фоторецепторов, в то время как у других организмов их два. Характеристики нашего зрительного аппарата определяют характер и диапазон наших зрительных ощущений.

²² В работах различных авторов англоязычный термин *image schema* переводится на русский язык по-разному, например, в работе (Кустова 2004: 96) употребляется термин *имидж-схема*, в то время как в работе (Кубрякова 1996) применяется выражение *образная схема*, а в предисловии к русскому изданию «Метафор, которыми мы живем» А.Н. Баранов (2008) использует термин *схема образов*. Здесь и далее в качестве русского перевода англоязычного термина *image schema* мы будем использовать выражение топологическая схема, применяемое в работах (Рахилина 2008: 379-380; Рахилина 2010: 220-221).

²³ Функционирование и структуру топологических схем проще понять, если ознакомиться с теми перцептивными механизмами, которые характеризуют наше восприятие мира. Эти механизмы восприятия были формализованы гештальтпсихологией, течением мысли, возникшей в конце XIX века. Его сторонники изучали принципы, лежащие в основе когнитивной обработки перцептивного опыта и позволяющие создавать структуру, или "гештальт", из неполных перцептивных данных. Так, например, когда маленький предмет помещают перед большим, мы воспринимаем выступающие части большого предмета как часть единого целого, даже если мы не видим всей фигуры. В качестве примера из повседневной жизни можно представить себе два здания, одно из которых выше другого: даже если здание, стоящее за более низким, видно не полностью, мы все равно представляем себе его как единое целое. Подробнее о применении принципов гештальта в рамках когнитивного подхода к изучению языка см. работу (Lakoff 1977).

нескольких взаимосвязанных частей и образуют единство, благодаря которому мы организуем наше восприятие мира (Johnson 1987: 44). Ключевым принципом гештальта для понимания и концептуализации пространственных отношений является противопоставление фигуры и фона (*Figure-Ground segregation*). Согласно этому принципу, человеческое восприятие классифицирует любую визуальную сцену в соответствии с организацией 'фигура-фон'. В пространственной сцене фигура является доминирующей сущностью по форме, цвету или конфигурации, и она противопоставляется второй, второстепенной сущности (*Ground*), находящейся на заднем плане (фон).²⁴

В концепции М. Джонсона, из нашего повседневного взаимодействия с миром вытекает одна из фундаментальных топологических схем человеческой концептуализации. Это схема пространственной ориентации, предполагающей движение в замкнутую область пространства и из нее (*in-out orientation*), в основе которого лежит наше осознание пространственных разграничений. Каждая сущность, с которой мы вступаем в контакт, имеет "границы", наше собственное тело можно воспринимать как контейнер с внутренней и внешней частью. Наши повседневные действия характеризуются этой схемой пространственной ориентации «*in-out*»: как утверждает Джонсон, им свойственны «*repeatable spatial and temporal organizations*» (Johnson 1987: 21; см. также 30-37).

Как мы уже отметили, топологические схемы состоят из простых элементов и отношений. В качестве примера М. Джонсон рассматривает структуру топологической схемы 'Маршрут' (*Path*), которая графически представлена на Рисунке 1. Эта схема состоит из трех элементов: начальной точки (А), конечной точки (В), и вектора, описывающего маршрут от А до В. В структуру этой топологической схемы входит также отношение, определяемое как векторная сила, обеспечивающая передвижение от А к В.

Рисунок 1 (адаптирован из работы (Johnson 1987: 28))

Кроме того, автор подчеркивает определяющую роль топологической схемы пространственной ориентации «*in-out*» в концептуализации ситуации движения. Эта топологическая схема графически представлена на Рисунке 2.

²⁴ О других принципах, лежащих в основе гештальта, см. в работе (Evans, Green 2006: 65-68).

Рисунок 2 (адаптирован из работы (Johnson 1987: 32))

На *Рисунке 2* изображается передвижение сущности *Trajector* (TR) в отношении ориентира *Landmark* (LM),²⁵ графически представленного в виде круга, т. е., замкнутой области пространства (контейнера), которую можно считать исходным пунктом передвижения. Сущность передвигается по определенному маршруту (TR) из замкнутого пространства в открытое. Структура топологической схемы пространственной ориентации «in-out» фокусируется на перемещении: конфигурация маршрута (TR) может меняться, сущность может, например, передвигаться по прямолинейному или зигзагообразному маршруту, но тип пространственной ориентации «in-out» и результат перемещения меняться не будут (Johnson 1987: 33-34).

Топологические схемы применяются в концептуализации и в структурировании ситуации движения, а также более абстрактных явлений нашей жизни. Топологическая схема пространственной ориентации «in-out» применяется также в отношении таких событий или абстрактных сущностей, в которых возможно обнаружить некую ориентацию «in-out». Джонсон называет этот когнитивный механизм метафорической проекцией (*metaphorical projection*): «The OUT schema [...] is metaphorically projected onto the cognitive domain where there are processes of choosing, rejecting, separating, differentiating abstract objects [...]» (34).

Концепция, лежащая в основе понятия топологических схем, сильно не отличается от концепции, разработанной Р. Лангакером (Langacker 1987), в которой американский лингвист вводит понятие домена (*domain*): «Domains are necessarily cognitive entities: mental experiences, representational spaces, concepts or conceptual complexes» (1987: 147). Домены могут быть простыми (*basic*) или сложными (*abstract*),²⁶ они располагаются по отношению друг к другу в

²⁵ Как мы увидим далее, термины М. Джонсона *Trajector* и *Landmark* соответствуют терминам Л. Талми *Figure* и *Ground* (2000a, 2000b, 2007). Здесь уточним также, что в различных работах, посвященных изучению семантики глагольных префиксов, применяются различные термины для обозначения терминологии, введенной Л. Талми, т. е., понятий *Figure* и *Ground*. В работе (Зализняк 2006) употребляются термины *Фигура* и *Фон*, в то время как в некоторых работах, применяющих когнитивный подход к изучению семантики русских глагольных префиксов (Neset 2010; Janda 1988), употребляются термины *Trajector*, *Landmark*.

²⁶ Понятие сложного домена (*abstract domain*) Лангакера соответствует понятию идеализированной когнитивной модели, или ICM (*Idealized Cognitive Model*), введенному в работах (Lakoff 1982, 1987), которая представляет собой сложное структурированное целое, некий гештальт, посредством которого мы организуем наш перцептивный опыт и знания о действительности (Lakoff 1987: 68).

соответствии с иерархией, основанной на их сложности: «for the most part this grounding is indirect, being mediated by chains of intermediate concepts» (там же: 149-150). Это означает, что более сложные домены определяются более простыми, вплоть до самых базовых доменов в иерархии.

Из нашего повседневного опыта вытекает несколько простых доменов, на которых основываются когнитивные способности человека. Перемещение одушевленных и неодушевленных сущностей в пространстве занимает центральное место в нашем опыте, и даже в своей простейшей форме пространственное движение включает в себя ряд событий (*events*),²⁷ отображаемых на когнитивном уровне.

Лангакер считает, что концептуализация движения в пространстве подразумевает сложную последовательность сменяющих друг друга когнитивных событий. Он обобщает эту динамическую последовательность в формуле, представляющей то, каким образом человеческий разум концептуализирует движение. Показано также различие между временем концептуализации перемещения (*processing time*) и временем реализации движения по определенному маршруту (*conceived time*) (Langaker 1987: 166-168).

1.1.2 О концептуальной структуре пространства в концепции Л. Талми

Фундаментальная роль концептуализации через ментальные схемы, отмеченная Джонсоном и Лангакером, рассматривается также Леонардом Талми (Talmy 2000a), который определяет схематизацию как процесс выбора наиболее значимых элементов сцены, способных представить ее как единое целое, в то время как другие, второстепенные элементы могут оставаться за пределами внимания. В своей работе автор рассматривает тот раздел языка, который позволяет нам абстрагировать воспринимаемое, и концептуализировать пространство и сущности в нем (177-214).

По мнению Талми, в языковой репрезентации концептов важно различать два основных уровня языка, имеющие разные свойства и организацию: лексический уровень и структурный уровень. Лексический уровень состоит из (лексических) элементов, принадлежащих к открытым классам, таким как существительные, прилагательные, глаголы. Структурный уровень, со своей стороны, состоит из элементов, принадлежащих к закрытым классам, т. е. из грамматических элементов и категорий. Лексический уровень обеспечивает выражение содержательной информации, в то время как структурный уровень предоставляет

²⁷ В концепции Р. Лангакера термин *event* обозначает «a cognitive occurrence of any degree of complexity, be it the firing of a single neuron or a massive happening of intricate structure and large-scale architecture» (1987: 100).

концептуальную структуру, «a skeletal conceptual microcosm» (Talmy 2000a: 179), которая играет фундаментальную роль в организации и выражении новой информации.

Грамматические элементы, составляющие структурный уровень языка, образуют базовую структуру для некоторых концептуальных категорий,²⁸ таких как пространство, время, перспектива, движение и т. д. Автор считает, что важно определить структуру этих концептуальных категорий, потому что они играют центральную роль в структурировании других, более сложных концептуальных категорий (в том числе, основанных на элементах открытых классов) (179-180; ср. также понятие метафорической проекции, введенное М. Джонсоном (1987: 34).

В концептуализации структуры пространства участвуют две подсистемы. Первая подсистема может рассматриваться как пространственная рамка, в отношении которой определяются локализация (*location*) и маршрут (*path*) движущихся субъектов. Вторая подсистема представляет содержимое пространственной рамки, т. е. различных возможных участников ситуации движения или состояния (т. е. фигуру и ориентир, в отношении которого совершается передвижение или определяется местоположение (Talmy 2000a: 180)).

Благодаря языковой системе, описывающей пространство, мы можем представить себе любую пространственную сцену посредством одной и той же (фиксированной) структуры. При помощи элементов, принадлежащих к структурному уровню языка, возможно фокусироваться на той области пространственной сцены, которую мы воспринимаем как главную, и охарактеризовать ее по отношению к другой области, второстепенной. Как в ситуации движения, так и в ситуации состояния, пространственное расположение первичного объекта (фигуры)²⁹ определяется относительно другого (вторичного) объекта в той же сцене (фона, или ориентира), местоположение которого уже известно. Рассмотрим несколько примеров, приведенных автором.

²⁸ В работе (Talmy 2000a) выражения *концептуальные категории* (*conceptual categories*) и *концептуальные домены* (*conceptual domains*) используются альтернативно для обозначения одних и тех же понятий. В данной работе мы решили использовать термин *концептуальная категория* применительно к теории Талми, чтобы отличить ее от подхода (и от терминологии) Р. Лангакера.

²⁹ В своей работе (Talmy 2000a) Л. Талми использует термины первичный и вторичный объект для обозначения понятий фигуры и фона, описанных в гештальтпсихологии (см. сноску 23). Заимствуя эти понятия из психологии в лингвистику, автор вкладывает в них несколько иное содержание и использует термины фигура и фон применительно к схематизации событий движения. В понимании автора фигура обозначает подвижный или движущийся субъект, характеризующийся следующими основными переменными: местоположением, ориентацией и маршрутом. Фон — это ориентир с четко определенной позицией в пространственной сцене, в рамках которой можно охарактеризовать существенные переменные фигуры (ср. Talmy 2000a: 184). В данном параграфе мы используем следующие соответствующие русские выражения: *Figure (Primary object, Focal object)* – фигура, *Ground (secondary object, Reference Object)* – ориентир, *Spatial scene* (также *spatial configuration, spatial situation*) – пространственная сцена, *Primary Reference Object* – первичный ориентир, *Secondary Reference Object* – вторичный ориентир, *Encompassive secondary Reference Object* – внутренний вторичный ориентир, *External secondary Reference Object* – внешний вторичный ориентир.

- (7) The bike stood *near* the house.
 (8) The bike stood *in* the house.
 (9) The bike stood *across* the driveway.
 (10) The bike rolled *along* the walkway. (2000a: 182)³⁰

Например, в (7) локализация фигуры (*the bike*) определяется посредством предлога *near* в отношении расстояния к местоположению ориентира (*the house*). С другой стороны, в примере (8) локализация фигуры (*the bike*) определяется с помощью предлога *in* относительно расположения и формы ориентира (*the house*). В примере (9) локализация и ориентация фигуры (*the bike*) определяются предлогом *across* относительно местоположения и конформации ориентира (*the driveway*). И, наконец, в примере (10) маршрут, пройденный фигурой (*the bike*), выражается предлогом *along* и определяется относительно положения и конформации ориентира (*the walkway*).

Различный функциональный статус двух объектов, фигуры и ориентира, можно показать на простом примере, если поменять местами участников ситуации в высказывании, как показано в примерах (11) и (12).

- (11) The bike is *near* **the house**.
 (12) **The house** is *near* the bike (примеры из Talmy 2000a: 183)

Примеры (11) и (12) являются грамматически правильными, но содержание (12) не соответствует тому, как мы видим и структурируем наше восприятие пространства. Иными словами, пример (12) является необычным, потому что не соответствует принципу гештальта, согласно которому более мелкие объекты легче воспринимаются как фигуры, чем более крупные (*principle of smallness*).³¹ Предложения в примерах (11) и (12) были бы синонимичны, если бы в них эксплицитно указывалось только расстояние между двумя объектами, но в примере (11) *дом* становится ориентиром, относительно которого характеризуется положение

³⁰ Ср. итальянские и русские соответствия:

(7a) La bicicletta era (accostata) *vicino* alla casa. (7б) Велосипед стоял *рядом* с домом.

(8a) La bicicletta era *in* casa. (8б) Велосипед стоял *в* доме.

(9a) La bicicletta era *in mezzo* al vialetto d'accesso. (9б) Велосипед стоял *поперек* дороги.

(10a) La bicicletta andava (giù) *per* il viottolo (*lungo* il viottolo). (10б) Велосипед катился *вдоль* дорожки//аллеи.

³¹ Тот же принцип структурирования пространственных отношений действует и в русском и итальянском языках.

Ср. соответствующие переводы:

(11a) La bicicletta è *vicino* alla **casa**. / (11б) Велосипед стоит *рядом* с **домом**.

(12a) La **casa** è *vicino* alla bicicletta. / (12б) **Дом** стоит *рядом* с велосипедом.

велосипеда, а в примере (12) *velosiped* не может быть ориентиром в отношении *дома*. Эта асимметричная роль в пользу *дома* соответствует требованиям привычного нам мира, в котором дома занимают гораздо менее вариативное положение, чем велосипеды, и являются более крупными ориентирами. В примере (12) роли поменялись местами неестественным образом, что привносит некую необычность.

Иная картина наблюдается в случае двух объектов примерно одинакового размера, таких, как *книга* и *тетрадь* в примерах (13) и (14).

(13) Тетрадь лежит рядом с книгой.

(14) Книга лежит рядом с тетрадью.³²

В пространственной сцене локализация и ориентация фигуры могут характеризоваться относительно одного или нескольких ориентиров. Талми описывает два типа ориентиров, первичный и вторичный. Первичный ориентир эксплицитно выражается лексически и функционирует как ориентир относительно местоположения или передвижения фигуры. Сказанное проиллюстрируем на основе примера (15), в котором велосипед является фигурой, а церковь – первичным ориентиром, позволяющим определить и описать местоположение велосипеда.

(15) The bike is *near/in/behind* the church. (2000a: 203)

Со своей стороны, вторичный ориентир может не выражаться эксплицитно в пространственной сцене, но его можно восстановить (из общего контекста сцены). Талми различает два типа вторичных ориентиров: внутренний и внешний.

Внутренний ориентир – это понятие более широкое, чем первичный ориентир, так как он включает его в себя. Наиболее распространенным внутренним ориентиром является наша система координат, в которую вписывается первичный ориентир, как показано в примере (16).

(16) The mosaic is *on the east* wall of the church. (2000a: 204)³³

³² Ср. также итальянские и английские соответствия:

(13a) Il quaderno è *vicino* al libro. (13б) The notebook is *next* to the book.

(14a) Il libro è *vicino* al quaderno. (14б) The book is *next* to the notebook.

³³ Ср. итальянское и русское соответствия:

(16a) Il mosaico è esposto sulla parete della chiesa *rivolta a est*.

(16б) Мозаика находится на *восточной* стене церкви.

Второй тип вторичного ориентира – внешний – обычно выражается отдельно именной конструкцией. В примере (17) внешним ориентиром является говорящий, по отношению к которому определяется местоположение первичного ориентира (*church*) и фигуры (*bike*).

(17) The bike is on **this** side of the church. (*i.e., on the side of the church toward me*) (2000a: 208)³⁴

Как мы уже отметили, грамматические элементы, составляющие структурный уровень языка, представляют пространство схематично, и, следовательно, на языковом уровне в пространственной сцене кодируются только некоторые элементы (Talmy 2000a: 219). Языковые элементы, имеющие пространственное или локативное значение, как, например, предлоги английского языка (но не только), представляют абстрактные схемы: “The particular schematic abstractions represented by individual spatial expressions, such as English prepositions, can be called *schemas*, [...]” (там же 2000a: 220). Иными словами, элементы закрытых классов составляют базовую структуру для (нашей) концептуализации пространства. К главным свойствам этих схем Талми относит идеализацию (*idealization*) и абстрактность (*abstractedness*).

Под понятием идеализация понимается тот механизм нашей мыслительной деятельности, благодаря которому мы можем схематично представить себе конкретный объект пространственной сцены, фокусируясь только на его отличительных чертах. Например, доминирующим в конфигурации таких сущностей как, например, человек, карандаш или небоскреб является вертикальное измерение, и поэтому мы можем их себе представить в виде линии. Если судить по примерам (18)-(20), можно допустить, что ориентиры, в отношении которых совершается передвижение, описанное предлогом *along*, могут схематично восприниматься в виде линии. Иными словами, линии – это идеальный образ ориентира для ситуаций передвижения, описываемых про помощи *along*. При этом, абстрактную схему, представленную предлогом *along*, можно применить к передвижению различных сущностей в пространстве.

(18) An ant crawled *along* the pencil.

(19) The snake slithered *along* the performer.

(20) The outside elevator rose *along* the skyscraper. (2000a: 220)

³⁴ Ср. итальянское и русское соответствия:

(17a) La bicicletta è su **questo** lato della chiesa (= *sul lato della chiesa rivolto verso di me parlante*).

(17б) Велосипед стоит на **этой** стороне церкви (т. е. *на стороне, которая ближе ко мне говорящему*).

Важно отметить, что перспектива концептуализации в разных языках может меняться. Так, например, если (18) действительно можно перевести на итальянский язык при помощи (18а) и (18б), соблюдая английскую схему, то для примеров (19) и (20) это не так. В этих двух примерах в итальянском и русском языках естественнее выразить контактную поверхность (*тело, стена*), вдоль которой происходит движение, как показано в примерах (19а)-(20б).

(18а) *La formica avanzava lungo la matita.*

(18б) *По карандашу полз муравей.*

(19а) *Il serpente strisciava lungo il corpo dell'artista.*

(19б) *Змея скользнула по телу артиста.*

(20а) *L'ascensore esterno saliva lungo la parete del grattacielo.*

(20б) *Внешний лифт поднимался вдоль стены небоскреба.*

Второе свойство, характеризующее абстрактные схемы, т. е. абстрактность, находится в комплементарном отношении со свойством идеализации. При восприятии пространственной сцены благодаря идеализации наша мыслительная деятельность относит конкретные сущности к абстрактным схемам, а за счет свойства абстрактности наше внимание фокусируется только на тех физических чертах сущностей, которые активируют определенную схему, игнорируя другие физические характеристики (сущностей) (2000а: 222–223).

Если мы рассмотрим, например, предлог *in* в английском языке, то при его употреблении релевантно именно то, что ориентир может концептуализироваться в виде объекта объемного типа (или контейнера), в то время как все остальные его физические характеристики остаются нерелевантными. Схожим образом, одна и та же схема может применяться к различным типам маршрута. Талми приводит в качестве примера предлог *through* в английском языке: абстрактную схему, заданную этим предлогом, можно применить к различным типам маршрута (линейного, зигзагообразного и т. д.), а пространство, через которое осуществляется движение, может представлять собой жидкость, или, например, однородную среду, как лес в примере (21).

(21) *I arced/zigzagged through the woods.* (2000а: 224)³⁵

³⁵ Ср. итальянские и русские соответствия:

(21а) *No attraversato il bosco allungando il percorso / a zig-zag.*

Размеры ориентиров также не влияют на применение абстрактной схемы в пространственной сцене. В примерах (22) и (23) размеры ориентиров значительно различаются, но в обеих пространственных сценах может быть применена схема, заданная предлогом *across*.

(22) The ant crawled *across* my palm.

(23) The bus drove *across* the country. (2000a: 224)³⁶

В каждом языке имеется определенный набор абстрактных схем, представляющих различные пространственные сцены. Более того, к одной и той же пространственной сцене возможно применять более одной схемы, в зависимости от тех характеристик фигуры и ориентира, на которых мы фокусируем наше внимание. Проиллюстрируем сказанное на основе примера, приведенного автором (2000a: 227). Талми рассматривает передвижение фигуры по горной тропинке через горный хребет в функции ориентира. В зависимости от того, как концептуализируются горы, возможно применять различные схемы, характеризующие передвижение фигуры. Если горы воспринимаются как вертикальная сущность, для кодирования схемы маршрута в английском языке будет более естественно использовать предлог *over*. Если, наоборот, вертикальное измерение нерелевантно в процессе концептуализации, то горы воспринимаются как плоскогорье, и предпочтительнее будет использовать английский предлог *across* (Talmy 2000a: 227-228).

В тех случаях, когда к одной пространственной сцене возможно применить более одной схемы, как правило, сам говорящий выбирает ту схему, которая подходит для его коммуникативных целей в соответствии с его собственной перспективой. С другой стороны, иногда именно язык или культура подбирают только одну определенную схему для соответствующей пространственной сцены. В этих случаях Талми говорит о

(21б) Я пролетел дугой / проехал зигзагами *через* лес.

Как в итальянском языке, так и в русском при переводе обоих английских примеров маршрут кодируется одним и тем же элементом (глаголом *attraversare* и префиксом *pro-* в сочетании с предложно-падежной конструкцией (*через* + вин. п.) вне зависимости от типа маршрута (линейного, зигзагообразного и т. д.).

³⁶ Ср. итальянское и русские соответствия:

(22а) La formica *ha attraversato (percorso)* il palmo della mia mano.

(22б) Муравей *пробирался по* ладони моей руки.

(23а) L'autobus *ha attraversato (percorso)* il paese.

(23б) Автобус *проехал через* страну.

Интересно отметить, что в итальянском языке способ, которым совершается движение, не обязательно лексически выражается (ср. в английских примерах *crawled*, *drove*, в которых применение глагола, выражающего способ движения, предпочтительнее).

лингвокультурном 'отборе' (*linguocultural "preselection"*): именно язык навязывает нам выбор среди (теоретически) возможных альтернатив (2000a: 230). Эта мысль созвучна тому, что неоднократно высказывал Д. Слобин (Slobin 1996, 2003, 2004, 2005, 2006). Оба автора подчеркивают тот факт, что то, как мы воспринимаем и концептуализируем реальность зависит также от тех структур, которые характеризуют тот язык, на котором мы разговариваем. Это касается прежде всего того пространства, в котором совершается передвижение, и тех сущностей, с которыми мы взаимодействуем. В качестве примера Талми рассматривает концептуализацию прототипического взаимодействия между человеком и транспортным средством. В английском языке, например, автомобиль воспринимается скорее как замкнутая область пространства, к описанию которой можно применить схему контейнера//вместилища (в терминологии автора *an 'enclosure' schema*). По этой причине в английском языке мы говорим *in the car*, а не *on the car*, и мы используем выражения *to get into the car* и *out of the car*, обозначающие передвижение внутрь контейнера и из контейнера, соответственно. С другой стороны, прототипическое взаимодействие человека с другими средствами транспорта может восприниматься по-другому, например, когда речь идет об автобусе, мы концептуализируем его скорее как плоскую поверхность (платформу), а не как замкнутое пространство. По этой причине в английском языке принято говорить *to be on the bus*, *to get onto the bus* или *off the bus*. Тем не менее, если для целей коммуникации прототипическое взаимодействие с транспортными средствами нерелевантно, говорящий может выбирать ту схему, которая (лучше всего) соответствует его коммуникативным целям. Если, например, важно подчеркнуть, что кто-то находится в автобусе, в английском языке допускается вариант *in the bus* (24).³⁷

(24) There was an artist *in the bus* sketching its contours. (2000a: 231)

³⁷ Более того, автор отмечает, что использование предлогов *in* или *on* по отношению к средствам передвижения также зависит от различия между средствами, имеющими дорожку, и теми, у которых ее нет. Если средство передвижения позволяет пройти по горизонтальной платформе, по которой можно ходить, то активируется схема, представленная предлогом *on* (*to be on a plane, on a ship, on a train, on a bus*), в противном случае используется предлог *in* (*in the car, in a helicopter, in a boat*) (Talmy 2000a: 231) Аналогично, в итальянском языке, как нам кажется, некоторые транспортные средства концептуализируются в соответствии со схемой, которая подчеркивает их проходимость, в то время как другие средства транспорта естественнее представить себе в виде замкнутой области пространства, абстрагируясь от других их характеристики. В итальянском языке схемы кодируются глагольными лексемами и предложными конструкциями: ср. *salire, entrare in auto/macchina; salire sull'aereo, salire sull'autobus, salire sul treno, salire sulla nave, scendere in barca*). Кроме того, в итальянском языке тоже предлог *in* может активировать схему, центральным признаком которой является расположение или перемещение в замкнутую область пространства, ср. *andare a casa* vs. *andare in casa* (= *entrare in casa*) (в русском языке: *домой* vs *в дом*).

Рассматривая вопрос с различных точек зрения и применяя разные подходы к изучению концептуализации пространства, разные авторы в разное время подчеркивали центральную роль понятия схемы и схематизации в нашей мыслительной деятельности. В работах Л. Талми, фокус делается, как мы отметили выше, на связи между языком и концептуализацией действительности: схемы одновременно образуются и отображаются на структурном уровне языка. С другой стороны, в концепции М. Джонсона (1987) топологические схемы являются прежде всего результатом нашего взаимодействия с окружающей средой и нашего восприятия мира.

Более того, разные авторы при изучении семантики глагольных префиксов русского языка с когнитивной перспективы (см. в этой работе вторую и третью главы) также применяли в своих работах понятие базовой конфигурации, или прототипа (Janda 1986, 1988; Янда 2012; Endresen et al 2012; Janda, Lyashevskaya 2013), от которого расходятся в виде радиальной сети все остальные значения одного и того же префикса. Нетрудно увидеть сходство в этих подходах: их объединяет признание ключевой роли схематизации в концептуализации пространства и в выражении на языковом уровне нашего с ним взаимодействия. Конфигурации, введенные Л. Яндой, для описания различных значений префиксов, представляют собой различные схемы, определяющие семантический вклад префикса внутри предложения. Семантическую структуру глагольных префиксов русского языка с когнитивной перспективы и с опорой на понятие топологической схемы (*image-schema*), введенное М. Джонсоном (Johnson 1987), рассматривают также Т. Нессет (Nesset 2008, 2020) и другие исследователи школы CLEAR (Cognitive Linguistics: Empirical Approaches to Russian).

1.1.3 О понятии пространственной ориентации в теории В.А. Плунгяна

Типы пространственных ориентиров, имеющих отношение к ситуации движения, описаны (в том числе на материале русского языка) и классифицированы с типологической точки зрения в работе (Плунгян 2002). В концепции автора показателями ориентации являются те языковые средства, которые локализуют части маршрута в определенном участке пространства (63), а это, например, локативные выражения, обозначающие исходную точку, серединную порцию и конечную точку движения. Они относятся к тем объектам, которые нам помогают установить некую организованную структуру в той порции пространства, в рамках которой совершается движение (66).

В.А. Плунгян (2002) рассматривает различные стратегии оформления части маршрута, в частности, каким образом лексически выражается ориентация движения с типологической

точки зрения. Прежде всего автор определяет понятие локализации и ориентира.³⁸ Под локализацией понимается «указание на положение определенного участка пространства относительно определенного ориентира» (2002: 66), а ориентиром считается тот объект, который организует вокруг себя некую порцию пространства (66). Эту порцию пространства автор называет 'окрестностью' ориентира: ее можно разделить на несколько топологических зон, в зависимости от типа ориентира.

Кроме того, локализация может быть относительной и абсолютной: эти два варианта противопоставляются на основе того, каким образом задан ориентир. При относительной локализации ориентир задается в контексте, по словам автора его можно считать «переменной при глаголе перемещения» (2002: 74) (ср., например, выражение *войти в комнату*, где префикс³⁹ *в-* указывает на то, что конечный пункт перемещения находится во внутренней зоне ориентира, а именно, *комнаты*). В.А. Плунгян считает префиксы русского языка показателями глагольной ориентации, т. е. языковыми средствами, задающими ориентацию глагольных аргументов либо совместно с предложной конструкцией (*перейти через дорогу*), либо самостоятельно (*перейти дорогу*) (2002: 71-72).

Иными словами, объект (*Ground*) не является априори фиксированным, а выступает в роли ориентира в контексте высказывания. В этом смысле, можно сказать, что понятие относительной локализации в теории Плунгына соответствует понятие первичного ориентира в концепции Л. Талми (см. об этом подробнее ниже).

С другой стороны, при абсолютной локализации языковой элемент поверхностной структуры, выполняющий функцию ориентационного показателя, указывает (всегда) на один и тот же ориентир вне зависимости от контекста употребления (2002: 74-75). В качестве примера ориентационного показателя этого типа можно привести наречную конструкцию итальянского языка *a casa*, или наречия русского языка *домой, дома* (ср. английское *home*). Ориентиры, относящиеся к абсолютной локализации, приближаются к вторичным ориентирам в терминологии Л. Талми.

В работе (Плунгян 2002) автор выделяет четыре класса абсолютных ориентиров: предметные, гравитационные, антропоцентричные и дейктические ориентиры. К первой группе относятся те объекты окружающей среды важны для человеческой деятельности, такие как, например, элементы ландшафта, артефакты, и части тела (75-76). Далее, есть

³⁸ В концепции автора понятия *объект* и *ориентир* соответствуют понятиям *Figure* и *Ground* в терминологии, применяемой Л. Талми.

³⁹ Напомним здесь, что в концепции Л. Талми глагольные префиксы русского языка являются глагольными сателлитами (Talmy 2000b: 222; 2007: 139).

гравитационные ориентиры, участвующие в описании ориентации в тех ситуациях движения, которые предполагают вертикальное передвижение (вверх-вниз).

Антропоцентричные ориентиры задают ориентацию движения относительно важной для человеческого тела характеристики: релевантности передней зоны по сравнению с задней. Эта асимметрия, присущая человеку и живым существам, объясняется тем, что главные органы восприятия расположены на передней части тела и, соответственно, при прототипической ситуации движения человек передвигается вперед, куда направлен его взгляд, а не назад. Согласно когнитивному подходу к изучению языка эта асимметрия лежит также в основе понятия *goal-bias*.⁴⁰

Наконец, абсолютные ориентиры дейктического типа опираются на фиксированную точку отсчета, определяемую местоположением говорящего или наблюдателя ситуации движения, и называемую дейктическим центром. Дейктические показатели могут выступать в паре противоположных элементов, один из которых выражает движение к дейктическому центру, а второй – удаление от дейктического центра. В итальянском языке, например, это противопоставление кодируется глаголами *andare* и *venire*, выражающие передвижение от дейктического центра и к дейктическому центру соответственно. Кроме того, дейктические показатели могут выражать также различные семантические (локативные) роли, например, в русском языке пара лативных показателей *сюда/туда* центростремительного и центробежного типа соответственно кодируют конечную точку движения. Они противопоставляются паре эссивных ориентиров *здесь/там* центростремительного и центробежного типа, кодирующие локативную валентность 'место'⁴¹ (75-82).

1.2. События движения с типологической и когнитивной точки зрения

1.2.1 Лексикализация события движения в соответствии с классификацией, предложенной Леонардом Талми

С типологической точки зрения события движения представляют собой одну из наиболее изученных сфер: это может быть связано с тем, что понятие движения занимает центральное место в повседневной жизни людей как в физическом плане, так и на языковом

⁴⁰ См. об этом *Примечание 2* во Второй главе.

⁴¹ Локативная роль 'место' определяется автором как «обозначение пространства, где локализуется ситуация движения» (2002: 65). На наш взгляд, это понятие соответствует понятию пространственной сцены (*spatial scene*) в терминологии Л. Талми.

уровне. В изучении кодирования событий движения с типологической⁴² и когнитивной точки зрения решающую роль играет исследование, проведенное Леонардом Талми.

Согласно концепции автора, событие на когнитивном уровне – это часть пространственного, временного или иного континуума, которая может выделяться и концептуализироваться как отдельная сущность (*entity*). Автор различает простое и сложное события. *Простое событие*⁴³ выражается простой синтаксической структурой и не может концептуализироваться как состоящее из отдельных частей. Со своей стороны, *сложное событие* состоит из главного и дополнительного компонентов, как на когнитивном уровне, так и на уровне поверхностной структуры (2000b: 215). Автор также отмечает, что сложное событие может концептуализироваться и выражаться на языковом уровне также простой структурой благодаря процессу концептуальной интеграции событий, в основе которой лежит механизм слияния событий (Talmy 2000a: 11; 2000b: 216). Такие сложные события автор называет макрособытиями. Сказанное проиллюстрируем на основе примеров, приведенных автором. В примере (25) сложное событие кодируется сложной синтаксической структурой, в то время как в примере (26) то же событие подвергается процессу концептуальной интеграции, и выражается в форме одного (простого) макрособытия.

⁴² Несмотря на то, что в различных работах, в том числе и в относительно недавних трудах (ср. Beavers, Levin, Tham 2010; Wälchli, Zúñiga 2006; Wälchli 2001) классификацию языков по типу лексикализации события движения, введенную Л. Талми, определяют как типологическую, под типологией в понимании Талми часто имеется в виду бинарное деление языков на сателлитные и глагольные. Важно при этом учесть, что исследования, проведенные Л. Талми в области лексикализации события движения, исходят прежде всего из когнитивной науки, применяемой к изучению языка. В своих трудах автор определяет и описывает те (семантические и концептуальные) компоненты, которые участвуют в образовании и выражении события движения как на когнитивном, так и на поверхностно-языковом уровне. Кроме того, следует обратить внимание на то, что Л. Талми впервые определил модели лексикализации события движения в своих ранних трудах еще в семидесятых годах прошлого века (Talmy 1972, 1975), а классификация, предложенная автором, вышла в свет в восьмидесятых годах. За почти 40 лет исследования, выполненные в русле типологического подхода, стали все более и более специализированными. Более современные исследования рассматривают больший объем языков, опираясь часто на количественные методы изучения языковых данных. В качестве примера в нашей работе мы ссылаемся на статью (Wälchli, Zúñiga 2006), на работы А. Веркерк (Verkerk 2014, 2015) и на сборник, вышедший под ред. Гошлер и Стефановича (Goschler, Stefanowitsch 2013). В этом последнем сборнике нам представляется особенно интересной количественно-типологическая работа (Wälchli, Sölling 2013). На наш взгляд, стоит обратить внимание на то, что на начальном этапе исследования авторы отказываются от абстрактных семантических компонентов события движения, выявленных Л. Талми (в частности, от компонентов маршрут и способ движения), и опираются на более конкретные сферы лексики (*more concrete lexical domains*), описывающие такие типы движения как, например, 'enter', 'exit', 'walk', 'run'. Различие в подходах Л. Талми и некоторых других (более современных) ученых, чьи труды вписываются в русле типологических исследований, выражается в том, что работа Л. Талми исходит прежде всего из когнитивного представления движения в пространстве, в то время как типологические исследования могут исходить из (более конкретных) лексических понятий. В связи с этим, по нынешним параметрам исследования Л. Талми в области лексикализации события движения относятся скорее к сопоставительным, чем к строго типологическим исследованиям.

⁴³ Перечислим здесь некоторые термины, применяемые в работе (Talmy 2000b), и их русские соответствия, используемые в данном параграфе: *Unitary event* – простое событие; *Complex event* – сложное событие; *Macro-event* – макрособытие; *Framing event* – основное событие; *Co-event* – сопутствующее событие; *Core schema* – ядерная схема; *Path* – маршрут; *Verb-framed languages* – языки глагольного типа, *satellite-framed languages* – языки сателлитного типа.

(25) The candle went *out* because something **blew** on it. (сложное событие (*изменение состояния* + **каузатор изменения**) → сложная структура)

(26) The candle **blew out**. (макрособытие (**каузатор** + *изменение состояния*) → простая структура) (Talmy 2000b: 217)

Важно здесь отметить, что языки отличаются по типу информации, которая может выражаться структурой макрособытия (2000b: 217). Подтвердить можно примерами из итальянского и русского языков, в которых при переходе к простой структуре ((26a) и (26б)), в отличие от английского примера в (26), глагол не содержит информации о каузаторе изменения состояния.

(25a) La candela *si è spenta* **per un colpo d'aria**. (*изменение состояния* + **каузатор изменения**)

(25б) Свеча *погасла*, потому что на нее что-то **задуло**. (*изменение состояния* + **каузатор изменения**)

(26a) La candela *si è spenta*. (*изменение состояния*)

(26б) Свеча *погасла*. (*изменение состояния*)

Итак, макрособытие — это сложное событие, выражаемое простой структурой, но в котором все-таки можно различать на когнитивном уровне основное и сопутствующее события. Основное событие предоставляет общую схему, которая применяется при концептуализации различных типов информации, в том числе о движении и локализации в пространстве. Талми выделяет четыре компонента основного события. Мы здесь их перечислим и охарактеризуем их связи с событием движения. Первый компонент — это фигура, т. е. движущийся субъект, далее, выделяется ориентир (второй компонент), т. е. сущность относительно которой определяется передвижение фигуры. Третий компонент — это процесс, посредством которого фигура перемещается по отношению к ориентиру, т. е. само движение, а четвертый компонент связывает фигуру и ориентир, устанавливая определенное пространственное отношение между ними. В случае события движения фигуру и ориентир связывает маршрут, который сам по себе или вместе с ориентиром составляет так называемую ядерную схему события движения (2000b: 218-219; 226-228).⁴⁴

⁴⁴ Ядерной схемой события движения является либо маршрут, либо комбинация маршрута и ориентира. В примере (i) существительное *home* считается Талми сателлитом, кодирующим маршрут и ориентир, и соответствующим выражению "*to the home of entity1/entity2*", оставляя возможность для двух интерпретаций: *to his home* или *to her home* (2000b: 229; 2007: 147).

Что касается самого движения, Талми различает два связанных между собой типа движения: поступательное и непоступательное. Первое относится к передвижению физического объекта в пространстве, а второе определяется как тот тип движения, который не предполагает изменения положения субъекта в пространстве. Примерами непоступательного движения являются колебательное движение, вращательное движение и т. д. В рамках макрособытия поступательное движение определяет перемещение объекта в пространстве, а непоступательное движение характеризует способ движения объекта (ср. *The ball rolled over and over in the magnetic field* (вращательное движение) vs *The ball rolled down the hill* (вращательное движение + поступательное движение) (2000b: 228). В английском языке эти два типа движения могут образовывать макрособытие движения и кодироваться компактным образом, как показано в примере (27), где выражением *roll down* кодируются движение камня по наклонной плоскости (основное), а также его вращение (сопутствующее).

(27) The rock rolled down the hill = [the rock moved down the hill] with-the-manner-of [the rock rolled]. (Talmy 2007: 74).

Компактный способ выражения двух типов движения наблюдается также при переводе английского примера (27) на итальянский и русский языки. В примере (27a) конструкцией *rotolò giù* выражаются как движение субъекта по наклонной плоскости, так и его вращение, т. е. способ его передвижения, в то время как в русском примере (27б) информация о способе передвижения содержится в глагольной основе, а передвижение по наклонной плоскости кодируется префиксом и предложно-падежной конструкцией (*с* + род. п.).

(27a) Il masso *rotolò giù* dalla collina.

(27б) Камень скатился *с* холма.

Основное событие представляет собой ядро макрособытия, т. е. оно составляет общую структуру и пространственно-временную рамку события, в то время как сопутствующее событие выполняет вспомогательную функцию по отношению к основному событию, дополняя его картину (или представление наше о нем). Сопутствующее событие активно участвует в строении концептуальной структуры макрособытия движения: оно может иметь отношение к каузатору или к способу движения (2000b: 219-220). Так, например, в (28) и (29) фигура (*the pencil*) движется по отношению к ориентиру (*the table*). В обоих примерах маршрут

(i) He drove her *home*.

кодируется сателлитом *off*, в то время как глагольной лексемой *roll* (28) выражаются компоненты движение и способ, а глаголом *blow* – движение и каузатор движения (29).

Как видно из русских переводов в примерах (27б), (28а) и (29а), английским сателлитам *down* и *off* может соответствовать префикс *c-*, выполняющий функцию сателлита, описывающего маршрут в сочетании с предложно-падежной конструкцией (*c* + род. п.).⁴⁵

(28) The pencil rolled *off* the table.

(29) The pencil blew *off* the table. (Talmy 2007: 71)

(28а) Карандаш скатился со стола.

(29а) Его сдуло со стола.

В работах (Talmy 2000а, 2000б) рассматривается также соотношение между семантическими компонентами и элементами поверхностной структуры⁴⁶ макрособытия. Вопрос может изучаться исходя из семантических компонентов, рассматривая, какими элементами поверхностной структуры они выражаются в различных языках. Однако, можно также фокусироваться на элементах поверхностной структуры и определить, какие семантические компоненты они кодируют в различных языках.

В зависимости от принятого подхода, образуются две возможные типологические классификации языков. Возьмем в качестве примера один из семантических компонентов события движения, а именно: маршрут. В разных языках он может кодироваться глаголом или сателлитом. В зависимости от элемента поверхностной структуры, выражающего маршрут, Талми делит естественные языки на две группы: языки глагольного типа и языки сателлитного типа. К первой группе относятся языки, кодирующие маршрут глаголом, а во вторую группу входят языки, выражающие маршрут сателлитом.

В концепции автора сателлитом может быть любой элемент поверхностной структуры предложения, тесно связанный с глаголом, но не являющийся дополнением предиката: «is the grammatical category of any constituent other than a nominal or prepositional-phrase complement that is in a sister relation to the verb root. The satellite, which can be either a bound affix or a free

⁴⁵ Интересно отметить, что в более ранней работе (Talmy 1975), в которой Л. Талми провел параллель между некоторыми префиксами русского языка (вместе с их соответствующими предложно-падежными конструкциями) и элементами поверхностной структуры английского языка, для префикса *c-* предлагается следующее толкование:

<*s-* *s* + -gen>

(Кот спрыгнул со стола)

<*off* -*of*>

(The cat jumped-off off-of the table (GEN) (Talmy 1975: 216).

⁴⁶ Талми применяет выражения *semantic elements* vs *surface elements*. В данной работе в качестве соответствий используются выражения семантические компоненты и элементы поверхностной структуры (2000б: 21-22).

word, is thus intended to encompass all of the following grammatical forms: English verb particles, Latin or Russian verb prefixes» (2000b: 222). Тем не менее для нашего анализа представляется более полезным определение сателлита, представленное в работе (Talmy 2007), в которой автор не исключает из набора языковых элементов, определяемых как сателлит, предложные конструкции, тем более в тех случаях, когда они тесно связаны с глаголом и активно участвуют в выражении маршрута движения: «it is the grammatical category of any constituent other than a nominal complement that is in a sister relation to the verb root. It relates to the verb root as a dependent to the head» (2007: 139).⁴⁷ В языках сателлитного типа маршрут кодируется сателлитом, как в (30), в то время как в языках глагольного типа маршрут выражается глаголом (30а), а сателлит служит для передачи способа движения (в данном случае при помощи деепричастия *flotando*).

(30) The bottle floated *out*.

(30а) La botella *salió flotando* 'The bottle exited floating'. (2000b: 223)

Русским соответствием этих примеров будет *Бутылка уплыла*, в котором префиксом *у-* выражается маршрут, а глаголом – способ движения. В итальянском языке возможны два различных стратегии передачи английского выражения *floated out*, как показано в примерах (30б) и (30в).

(30б) La bottiglia è *fluttuata via*.

(30в) La bottiglia *si è allontanata galleggiando*.

В первом случае (30б) сателлитом *via* выражается маршрут, а глаголом – способ движения, в то время как во втором случае (30в) сателлитом (*galleggiando*) кодируется способ движения, а глаголом (*allontanarsi*) – маршрут.

К группе языков глагольного типа, как правило, относят романские языки, семитские языки, японский, тамильский, полинезийские языки, банту, некоторые языки майя и другие, а

⁴⁷ Учитывая это последнее определение сателлита, нам кажется вполне закономерным рассматривать также соответствующие предложные конструкции итальянского языка с этой точки зрения. Этот 'расширенный' подход к изучению выражения информации о маршруте применяется и развивается в некоторых исследованиях, также опирающихся на концепцию Л. Талми. В частности, например, в работах (Fortis, Vittrant 2016; Iacobini, Corona, Vuoniconto 2020) рассматривается распределение выражения информации о маршруте среди различных элементов высказывания и предлагается новый подход к классификации языков в зависимости от того, чем именно выражается маршрут. На наш взгляд, этот подход особенно продуктивен при рассмотрении роли итальянских предложных конструкций (локативного типа) в лексикализации события движения (ср. *corsero sotto la protezione del tetto; volò in camera*). О распределении информации о маршруте среди элементов поверхностной структуры высказывания см. также работу (Sinha, Kuteva 1995).

к языкам сателлитного типа – индоевропейские языки (за исключением романских), финно-угорские языки, китайский и другие (2000b: 221-223).

В Таблице 2 представлена структура макрособытия движения в языках глагольного и сателлитного типа.

Таблица 2

макрособытие →	основное событие	сопутствующее событие
компоненты →	движение + маршрут	способ движения
выражение в языках глагольного типа →	глагол (<i>entrare</i>)	сателлит (<i>volando</i>)
выражение в языках сателлитного типа →	глагол + сателлит (<i>лететь</i> + <i>в-</i>)	глагол (<i>лететь</i>)

Как видно из Таблицы 2, один и тот же элемент поверхностной структуры, например, глагол, может кодировать различные семантические компоненты в зависимости от типологической принадлежности языка. В языках глагольного типа глагол, как правило, выражает движение и маршрут, а в языках сателлитного типа – движение и способ.⁴⁸

Кроме того, Талми отмечает, что в некоторых языках можно применять различные стратегии лексикализации⁴⁹ компонентов события в зависимости от характеристик движения. Например, в романских языках, то движение, которое предполагает пересечение границы ориентира (*boundary-crossing*), кодируется одной структурой, в то время как определенное движение, не указывающее на пересечение границы, выражается иной структурой. Эта двойная стратегия лексикализации определяется автором как комплементарная система лексикализации (*complementary system of conflation*). Помимо этой системы в языках мира можно встретить также применение параллельной системы лексикализации компонентов события движения (*parallel system of conflation*). Эта система встречается в тех языках, в которых одно и то же событие движения может выражаться стилистически синонимичными конструкциями, одна из которых характеризует языки глагольного типа, а другая - языки

⁴⁸ Талми описывает также те более редкие случаи, характеризующие английский язык, в которых глаголом кодируются компоненты 'движение' и 'ориентир', а префиксальной морфемой (префиксом) – маршрут. Автор приводит следующие примеры глаголов английского языка: *emplane* (садиться в самолет) и *deplane* (высаживаться, выходить из самолета), в которых глагольной основой обозначается движение по отношению к ориентиру (самолету), а информация о маршруте заложена в префиксальных морфемах (2007: 99-100).

⁴⁹ Термином лексикализация (*lexicalization*) Л. Талми обозначает процесс, в ходе которого определенный компонент значения регулярно ассоциируется с определенной морфемой (2007: 69).

сателлитного типа. В английском языке такие синонимичные конструкции тоже возможны (см. (31) и (32)), но они стилистически отличаются.

(31) The bottle *exited* the cave *floating*.

(32) The bottle *floated out* of the cave. (2007: 105)

В разных языках элементы поверхностной структуры высказывания могут выражать различные семантические компоненты события движения. Сказанное применяется также в отношении сателлита. В языках сателлитного типа, в русском и в английском языках, например, сателлитами, как правило, кодируется маршрут, но ими могут выражаться также другие компоненты:⁵⁰ в примере (33) сателлитом *home* кодируются одновременно маршрут и ориентир.

(33) She drove *home* (to her cottage in the suburbs) (Talmy 2007: 147)

(33a) È andata *a casa*.

(33б) Она поехала *домой*.

Интересно отметить, что как в итальянском (33a), так и в русском переводе (33б) английского текста в (33), информация о маршруте и об ориентире содержится в локативной валентности, выражающей конечную точку движения (*a casa, домой*).

При описании различных стратегий выражения семантических компонентов движения Талми вводит понятие релевантности (*salience*) информации в высказывании в том смысле, что компоненты движения могут оказаться на переднем или на заднем плане. Компонент события движения, как правило, считается на заднем плане, когда он выражается глаголом или другим элементом, в том числе и сателлитом, непосредственно относящимся к глаголу. Во всех остальных случаях компонент выдвигается на передний план. В примерах (34) и (35) содержится одна и та же информация, меняется только статус семантического компонента 'способ движения': поскольку в примере (34) способ движения кодируется отдельно (*by plane*), вне глагольной группы, этот компонент оказывается на переднем плане. В примере (35) информация о способе движения кодируется глаголом (*flew*) и поэтому она остается на заднем

⁵⁰ Существуют также языки, в которых глаголом могут кодироваться движение и маршрут, а сателлитом в виде глагольного префикса – способ движения (Talmy 2007: 150-151).

плане, на фоне. При переводе английских примеров на русский язык наблюдается та же стратегия лексикализации способа движения: этот компонент может выражаться отдельно (34б), а также базовым глаголом (35б), т. е. фоновым элементом высказывания. Совсем иная картина представляется в итальянских переводах: в примере (34а) способ кодируется отдельно наречной конструкцией (*in aereo*), в то время как в (35а) способ лексически не выражается.

(34) I went *by plane* to Hawaii last month.

(34a) Sono andato *in aereo alle Hawaii il mese scorso*.

(34б) Месяц назад я прибыл *самолетом* на Гавайи.

(35) I *flew* to Hawaii last month. (Talmy 2007: 163)

(35a) Sono andato alle Hawaii il mese scorso. (способ Ø)

(35б) Месяц назад я *прилетел* на Гавайи.

В связи с этим, автор предполагает, что на языковом уровне выражаются чаще те семантические компоненты движения, которые могут попадать на задний план, поскольку их кодирование получается естественнее и проще для говорящих, не требуя особых когнитивных усилий. Например, способ движения будет выражаться чаще, в тех языках, в которых он может кодироваться глаголом, т. е. фоновым элементом. Иными словами, языки, в которых семантические компоненты движения могут выражаться компактным образом в глагольной группе, как правило, обладают бóльшим потенциалом для лексического кодирования более подробной информации о событии движения. Например, в английском языке, относящемся к языкам сателлитного типа, детали о маршруте могут передаваться компактным образом посредством 'сателлитного комплекса', состоящего из нескольких различных элементов. Сказанное видно из примера (36), в котором информация о маршруте выражается сателлитами **back**, **down**, **into**, относящимися к глагольной форме **ran**.

(36) The man **ran back down into** the cellar. (2007: 164)

Автор сравнивает английский пример с его возможными соответствиями в испанском языке, который относится к языкам глагольного типа. Из приведенных ниже примеров видно, что глаголом (т.е. фоновым элементом) может передаваться только один семантический компонент движения, в то время как остальная информация о движении передается вне

глагольной группы и, следовательно, выдвигается на передний план, в более маркированную позицию, как показано в примерах (36б)-(36г).

(36а) El hombre **corrió** al sótano.

(36б) El hombre **volvió** al sótano **corriendo**.

(36в) El hombre **bajó** al sótano **corriendo**.

(36г) El hombre **entró** al sótano **corriendo**. (Talmy 2007: 165)

Стоит отметить, что даже в одной типологической группе, например, среди языков глагольного типа, встречаются различные стратегии передачи информации о движении, и языки могут отличаться по степени 'компактности', т. е. по объему информации, которую можно передавать фоновыми элементами. Так, например, в итальянском языке возможны все соответствия испанских примеров (36а-г), но также возможен вариант с нанизыванием сателлитов (37д), как в английском примере (36).

(37а) L'uomo **corse in** cantina.

(37б) L'uomo **tornò in** cantina **correndo // di corsa**.

(37в) L'uomo **scese in** cantina **correndo // di corsa**.

(37г) L'uomo **entrò nella** cantina **correndo // di corsa**

(37д) L'uomo **corse di nuovo giù in** cantina.

Как видно из примеров (37а-г) в итальянских переводах часть информации о маршруте и о способе движения можно передавать также фоновыми элементами. В примере (37а) способ кодируется глаголом, оставаясь на заднем плане, в то время как в (37б), (37в) и (37г) выделяется особо (**di corsa // correndo**) и поэтому оказывается на первом плане. Что же касается предложения в (37д), то он является примером прямого соответствия английской фразы в (36). В (37д) способ движения выражается глаголом, а первый отрезок маршрута кодируется наречной частицей (**giù**), относящейся к глаголу, и указывающей на передвижение вниз. Кроме того, обратное или повторное передвижение передается наречной конструкцией (**di nuovo**), а достижение конечной точки выражается предложной конструкцией локативного типа, приобретающей в этом контексте направительную интерпретацию (т. е. в сочетании с глаголом движения).

Схожее явление можно наблюдать также среди языков сателлитного типа. Талми приводит примеры из русского и английского языков, которые тоже могут отличаться по

степени компактности выражения информации. В примерах (38) и (38a) в обоих языках информация о движении выражается фоновыми элементами и находится на заднем плане. В примере (39a), наоборот, в английском переводе информация о способе движения передается отдельно, вне глагольной группы, и в более маркированной позиции, чем в примере (38a). Это может быть связано с тем, что в английском языке не существует прямого соответствия для глагольного префикса русского языка *при-*. Семантику русского префикса *при-* можно передать выражением 'into arrival at', и, поэтому, выражение способа движения уходит из глагольной группы: этот компонент кодируется отдельно, наречной конструкцией (*at a run*), как показано в примере (39a).

(38) Он **подбежал** к воротам.

(38a) He **ran up** to the gate.

(39) Он **прибежал** к воротам.

(39a) He **arrived** at the gate **at a run**. (Talmy 2007: 165)

1.2.2 Вклад Д. Слобина: подход, направления исследований

Лексикализация события движения рассматривается также в работах⁵¹ Д. Слобина с типологической точки зрения.

Исходя из бинарной типологической классификации языков мира по лексикализации событий движения, введенной Талми, Слобин рассматривает и дополняет ее с целью определить, в какой степени психолингвистические, морфосинтаксические и прагматические факторы также участвуют в организации высказывания и, следовательно, в выражении семантических компонентов движения. В этой связи Слобин вводит также понятие риторического (повествовательного) стиля (*rhetorical style*)⁵² и утверждает, что различия между языками лежат не только в лексических и морфосинтаксических свойствах, но и в повествовательных приемах определенного языка. Риторический стиль определяется теми языковыми средствами, которые являются легко доступными носителям определенного языка.

⁵¹ Мы ссылаемся здесь прежде всего на работы (Berman, Slobin 1994; Slobin 2004), в которых авторы рассматривают повествования детей и взрослых, говорящих на разных языках, и устно описывающих картинки из детской книги *Frog, where are you?* (Mayer 1969). Благодаря легкому для понимания сюжету и отсутствию письменного текста иллюстрированная детская книга Майера (1969) оказалась ценным инструментом для типологических и сравнительных исследований на протяжении десятилетий (с подробной библиографией можно ознакомиться в работе (Strömqvist, Verhoeven 2004)).

⁵² Под выражением 'риторический стиль' (*rhetorical style*) понимается то, каким образом события рассматриваются и описываются говорящими. В работе (Slobin 2004) выражения *rhetorical style* и *narrative style* употребляются как синонимы для обозначения одного и то же понятия (Slobin 2004: 223, 254).

Иными словами, говорящие, как правило, выбирают те языковые средства, которые позволяют более непосредственно и за счет меньшего когнитивного усилия обработать и передать информацию (2004: 219-223; 2017: 421-422).

В классификации, предложенной Л. Талми, языки отличаются по тому, какими элементами поверхностной структуры кодируются семантические компоненты маршрута и способа движения.⁵³ Слобин рассматривает прежде всего выражение этого последнего компонента, и, вместо бинарной типологической классификации языков, предлагает распределение языков по шкале значимости способа движения (*cline of manner salience*).⁵⁴ Согласно этому подходу на одном полюсе шкалы располагаются языки, сильно ориентированные на выражение способа (*high-manner-salient languages*), а на противоположном полюсе шкалы находятся языки, слабо ориентированные на выражение способа (*low-manner-salient languages*). К языкам, сильно ориентированным на выражение способа, относятся языки сателлитного типа, в которых имеется обязательное место на уровне поверхностной структуры для выражения способа, и этот компонент, являясь фоновым элементом высказывания, выражается регулярно. С другой стороны, в языках глагольного типа выражение способа, в отличие от выражения маршрута, является нерегулярным и факультативным. Более того, способ лексически кодируется только тогда, когда он коммуникативно значим, и в этих случаях в структуре высказывания он находится в более маркированной позиции (Slobin 2004: 250-252).⁵⁵

⁵³ В концепции Слобина термин 'способ движения' (*Manner of Motion*) можно считать своего рода 'гиперонимом', для описания совершенно разных характеристик движения, например, тип движения (*motor pattern*) (*прыгать, скакать*), темп движения (*ходить, бегать*), динамику силы (*шагать, ступать, маршировать*), а также отношение движущегося субъекта к самому движению (*attitude*) (*прохаживаться, фланировать, прогуливаться*). Кроме того, в семантике глагола, кодирующего способ движения, может быть заложена также информация о средстве передвижения (в английском языке, например, *to sled* (кататься на санках), *to ski* (кататься на лыжах), *to skateboard* (кататься на скейтборде) (2004: 255; 2006: 62).

⁵⁴ В концепции Слобина значимость способа движения (*manner salience*) определяется как релевантность этого семантического компонента при описании события движения на определенном языке (2006: 64) "the level of attention paid to manner in describing events". Выражение *cline of manner salience* в работе (Майсак 2005) переводится как "шкала значимости способа" (111). Русские соответствия для *high-manner-salient*, *low-manner-salient languages* также взяты из работы (Майсак 2005).

⁵⁵ В работах (Talmy 1985, 2000b, 2007) также отмечается, что в языках сателлитного типа выражение способа находится на заднем плане (*background*), в то время как в языках глагольного типа кодирование этого компонента выдвигается на передний план (*foregrounded*). Сопоставляя английский и испанский языки, Талми приходит к выводу, что в английском способ и маршрут, как правило, выражаются элементами поверхностной структуры, находящимися на заднем плане и именно по этой причине в высказывании лексически выражаются оба этих компонента, в то время как в испанском фоновым элементом выражается только маршрут, в то время как способ, выражаясь деэпричастием или наречием, попадает в (более маркированную) позицию фокуса. Именно поэтому в испанском языке маршрут выражается регулярно, а лексические маркеры способа движения часто опускаются (2000b: 131). Однако это, по мнению Д. Слобина, не объясняет, по какой причине в языках глагольного типа конструкции с глаголами, выражающими способ, употребляются реже, чем в языках сателлитного типа. Слобин предполагает, что это может быть связано с определенным риторическим стилем, характеризующим языки глагольного типа (2004: 257).

По мнению Слобина, для языков сателлитного типа характерно регулярное и более детальное выражение способа движения, что свидетельствует о многообразии этой семантической зоны. В английском языке, например, способ движения, обозначаемый русским глаголом *прыгать* (и его производными), может выражаться при помощи следующих глагольных лексем: *jump, leap, bound, spring, skip, gambol*. Этим он отличается от языков глагольного типа, в частности, от французского (а также от итальянского, по нашему мнению), в котором есть одно главное соответствие, *bondir* (Slobin 2005a: 316-317).

Нельзя не согласиться с Д. Слобиным в том, что различия в концептуализации и выражении способа движения в разных языках играют важную роль также в усвоении иностранных языков. Например, говорящие на языке глагольного типа, могут испытывать определенные трудности в изучении языка сателлитного типа, в частности, в плане выражения событий движения, в силу различного статуса семантического компонента 'способ'. Таким образом, сопоставительный анализ средств выражения способа движения представляет интерес не только с типологической точки зрения, а также в целях разработки более эффективного подхода к обучению иностранным языкам (1996: 88-91; 2006: 71).

Рассмотренные выше особенности, связанные с выражением способа движения, варьируются от языка к языку даже среди языков сателлитного типа и их нецелесообразно игнорировать («[...] manner of motion is too important for human beings to ignore» (2004: 237)). По этой причине, по мнению Слобина, бинарная классификация нуждается в некотором уточнении. Вне зависимости от языка, на котором совершается общение, каждый говорящий может выражать способ движения, особенно в тех случаях, в которых этот компонент коммуникативно значим (2004: 237; 2006: 71).⁵⁶

Более того, Слобин подчеркивает, что расположение языков по шкале значимости не является фиксированным и со временем может меняться. Автор приводит пример итальянского языка, который, по сравнению с остальными романскими языками, чаще прибегает к конструкциям, состоящим из частицы,⁵⁷ кодирующей маршрут, и глагола, тоже

⁵⁶ Носители языков глагольного и сателлитного типов могут концептуализировать и, соответственно, выражать событие движения с противоположной точки зрения. Слобин приводит следующий пример на материале английского и испанского языков: *человек вбежал в дом*. Носитель английского языка воспринимает бег как главную информацию о событии движения, т. е. на английском языке говорящий представляет себе человека, который бежит из внешнего (открытого) пространства во внутреннее (более замкнутое) пространство. В английском языке это можно передавать конструкцией *he ran in*, т. е. субъект движется бегом, меняя свою локализацию в пространстве. Носитель испанского языка, с другой стороны, представляет себе следующую картину: субъект сначала стоит на одной стороне порога, а дальше на другой. Фокус падает не на способ движения (бегом), а на изменение локализации в пространстве. В восприятии носителя испанского языка информация о способе является второстепенной: важно, что субъект изменил свою локализацию в пространстве, а не каким образом совершается передвижение (2005a: 319-320).

⁵⁷ Мы будем называть частицами или адвербиальными частицами те слова итальянского языка, которые сами по себе могут выполнять различные роли, от наречия до предлога, но приобретают один (общий) статус, когда

выражающего маршрут, например, *andare via*, или способ, например, *correre via*. Кроме того, автор отмечает, что в итальянском языке некоторые глаголы, кодирующие способ движения, такие, например, как *correre*, *volare* могут сочетаться с предложной конструкцией, приобретающей направительное значение (*nella stanza volò, corsero al villaggio*) (см. об этом в Третьей главе). В связи с этим, автор предполагает, что итальянский язык может передвигаться в сторону языков сателлитного типа. Может, однако, наблюдаться также обратный процесс. Слобин приводит пример глагольных префиксов русского языка, выражающих маршрут, которые в некоторых случаях образуют приставочные сочетания, в сильной степени лексикализованные. Схожая мысль представлена в работе (Майсак 2005: 106), в которой рассматриваются глагольные лексемы *подняться*, *перевалить*, *спускаться* при анализе русского перевода отрывка из повести *The Hobbit, or There and Back Again* (Tolkien 1937). Слобин определяет эти глагольные лексемы как 'гибридные', заимствуя определение из работы (Кореска 2006), в котором оно применяется для описания типологических сдвигов, имевших место во французском языке. В русском языке некоторые приставочные сочетания могут определяться как гибридные в силу утраты самостоятельного значения (и употребления) их глагольных основ (при этом, в отличие от французских глагольных префиксов русские префиксы сохранили свою прозрачность и продуктивность) (Slobin 2004: 251-252; 2017: 434-435).

Как мы уже отметили, в языках, сильно ориентированных на выражение способа, имеется элемент поверхностной структуры для его лексического выражения, например, в языках сателлитного типа, способ выражается глаголом, а маршрут – сателлитом, т. е., элементом поверхностной структуры, относящимся к глаголу. Оба семантических компонента движения, маршрут и способ, выражаются таким образом в глагольной группе фоновыми элементами и довольно компактным образом, как показано в примерах (40) и (41) на материале русского и английского языков. С другой стороны, в языках глагольного типа в глагольной группе кодируется только маршрут, в то время как способ может лексически не выражаться, как видно из итальянского (42) и французского (43) примеров.

выступают в качестве сателлитов в итальянских глагольных конструкциях, называемых синтагматическими. В англоязычной литературе, посвященной описанию конструкций сателлитного типа в итальянском языке, в отношении этих частиц применяются различные термины: *directional particles*, *locative particles*, *post-verbal particles* (Jacobini 2009, 2010, 2012), *adverbial items*, *adverbials* (Bernini, Spreafico, Valentini 2006), *adverbial particles* (Beavers, Levin, Tham 2010). В литературе, посвященной этой теме на итальянском языке, наблюдается меньшая стабильность в плане терминологии. Частицы определяются как *avverbi di direzione*, *avverbi*, *avverbi locali*, *avverbi locativi* (ср. соответственно Simone 1996, 2008; Vicario 2008; Cerruti 2008; Schwarze 1985; Masini 2006), *modificatori*, *avverbi spaziali* (Cini 2008), *particelle avverbali* (Spreafico 2008), *avverbiali di direzione*, *avverbi* (Bernini 2006), *particelle* (Masini 2006), *particelle spaziali* (Jansen 2004).

- (40) An owl **popped out**.
- (41) Там **выскочила** сова.
- (42) Da quest'albero *esce* un gufo.
- (43) D'un trou de l'arbre *sort* un hibou. (Примеры из Slobin 2004: 224)

В примерах (40)-(43) средствами различных языков, относящихся к сателлитному и глагольному типам, описывается появление совы на пространственной сцене. Языковой материал относится к типологическому исследованию, проведенному автором, в котором информанты, говорящие на разных языках, описывали картинки из иллюстрированной детской книги *Frog, where are you?* (Mayer 1969). Рассматривая различные стратегии выражения компонентов движения, применяемые информантами, Слобин приходит к выводу о том, что, во-первых, внутри самой группы языков сателлитного типа имеются различия в выражении компонентов движения. Так, например, в английском и в других германских языках, например, появление совы на сцене можно описывать двумя равноправными конструкциями. Первый вариант образуется посредством глагола типа английского *come*, указывающего на дейктический компонент маршрута, и сателлита, кодирующего вектор маршрута (направление), например *come out*. Второй вариант фокусируется на способе движения, который кодируется глаголом, а информация о маршруте выражается сателлитом (например, *fly out / pop put / jump out*) (2004: 227). В русском языке, наоборот, не имеется самостоятельного глагола, эквивалентного английскому *come*: в нем способ движения кодируется обязательно. Поэтому, вне зависимости от того, куда падает фокус, на дейктическую или на векторную составляющую маршрута, все равно русскоязычные информанты выбирают приставочные глаголы, семантика которых в обязательном порядке содержит информацию о способе движения. Так, например, вариант *прилететь*, в котором фокус падает на дейктическую составляющую маршрута, выбрали 11% информантов, а глаголы движения с префиксом *вы-* и с фокусом на векторной составляющей маршрута (передвижение изнутри наружу) – 89% участников эксперимента (Slobin 2004: 227).⁵⁸

С другой стороны, как мы уже отметили, меньшая ориентированность языков глагольного типа на выражение способа связывается с определенными ограничениями на кодирование пересечения границы ориентира. В англоязычной литературе эту особенность называют *boundary-crossing constraint* (2004: 225-226). Речь идет о характерном для романских и других языков глагольного типа свойстве, согласно которому глаголы, кодирующие способ движения, как правило, не применяются в конструкциях, обозначающих пересечение границы

⁵⁸ См. также эксперимент, описанный в работе (Pavlenko, Volynsky 2015).

ориентира, т. е. передвижение в новую область пространства. Считается, что в этих контекстах в языках глагольного типа применяется другая стратегия: изменение локализации кодируется глаголом (движения), а способ может выражаться отдельно, например, при помощи деепричастия, как показано в примере (44).

(44) Il gufo è uscito *volando* dall'albero. (Наш пример, т. е. иной вариант передачи на итальянский язык той картины из книги *Frog, where are you?*, показанной информантам во время эксперимента.)

Тем не менее, Слобин считает, что в языках глагольного типа в определенных контекстах ограничение на выражение пересечения границы ориентира посредством глагола, кодирующего способ движения, перестает действовать. В частности, это касается тех случаев, в которых глаголы, кодирующие способ, выражают «[...] particular force dynamics – high energy motor patterns that are more like punctual acts than activities, such as equivalents of ‘throw oneself’ and ‘plunge’» (2004: 226). Эти глаголы, кодирующие способ движения, могут выступать в сочетании с предложными конструкциями локативного типа (*si precipitò sulla via, si slanciò nel cortile, irrompemmo nelle stanze*), приобретающими направительное значение и выражающими также вместе с глаголом изменение локализации субъекта, в том числе пересечение границы ориентира. В итальянском языке в качестве примера можно привести глаголы *precipitarsi, lanciarsi* (ср. Iacobini 2010: 503, 505; Lapesa, Lenci 2012).

Итак, на наш взгляд, в подходе Д. Слобина к изучению лексикализации события движения с типологической точки зрения, можно выделить два главных момента. Во-первых, следует подчеркнуть, что в работах Слобина фокус делается прежде всего на способе движения и выражение этого семантического компонента описывается с типологической точки зрения. Во-вторых, необходимо учесть, что Слобин пересматривает и дополняет ту типологическую классификацию языков по лексикализации семантических компонентов движения, которую впервые ввел Л. Талми. Помимо языков сателлитного и глагольного типа, Слобин определяет также третью группу – это так называемые языки эквиполентного типа (*equipollently-framed languages*), в которых маршрут и способ движения кодируются эквивалентными грамматическими формами, получающими одинаковый морфосинтаксический статус (2004: 248-249; 2006: 64-65).

Таким образом, можно утверждать, что вклад Д. Слобина в изучении события движения состоит не только в расширении диапазона изученных языковых средств для выражения

способа движения, но также в том, что он уделяет внимание адвербиальным конструкциям, идиоматическим выражениям, идеофонам⁵⁹ и жестам, сопровождающим речь говорящих.⁶⁰

Помимо выражения способа, Д. Слобин рассматривает также стратегии выражения маршрута с типологической перспективы. Напомним здесь, что в концепции, разработанной Л. Талми, именно маршрут составляет «ядерную схему» события движения. Слобин также считает его неотъемлемым компонентом движения, но именно поэтому он считает, что не следует сравнивать языки по тому, как они выражают этот компонент, потому что «without a path verb or a satellite or other path element, there is no motion event» (2004: 238).⁶¹ По мнению Слобина, стоит, однако, рассмотреть, каким образом языки отличаются по степени сегментации маршрута, и как это отражается на структуре высказывания. Степень сегментации маршрута относится к тому, насколько подробно описывается этот компонент. Слобин приводит пример на материале английского языка. В примерах (45) и (46) представлены две разные стратегии выражения одного и того же события: в примере (45) информация о движении передается весьма компактным образом посредством глагола *escape*, в то время как в примере (46) маршрут описывается более подробно, и кодируются все его отдельные участки, т. е. исходная, серединная и конечная порции. Важно при этом отметить, что в примере (46) в английском языке применяется стратегия, характеризующая в первую очередь языки глагольного типа: каждый участок маршрута кодируется отдельным глаголом (*exit, pass, enter*). Та же сегментация маршрута может выражаться в английском языке более компактным образом посредством одного только глагола в сочетании с различными сателлитами, как показано в примере (47).

⁵⁹ Слобин ссылается, в частности, на исследование, проведенное на материале баскского языка (Ibarretxe-Antuñano 2004), в котором фоновимбализм активно участвует в выражении способа движения (Slobin 2004: 233-234). Идеофоны широко представлены также в языках Западной Африки и Южно-Восточной Азии (ср. Voeltz, Kilian-Hatz 2001).

⁶⁰ Слобин ссылается на следующие исследования (McNeill, Duncan 2000; Özyürek, Kita 1999), в которых анализируются жесты, сопровождающие устные повествования на разных языках. В основе устных нарративов лежит известный американский мультфильм *Canary Row*. Исследование показывает, что англоязычные говорящие могут усиливать выражение способа посредством жеста, объединяющего в себя способ и маршрут, или могут сопровождать речь жестом, выражающим только маршрут. Информанты английского языка редко используют глагол, кодирующий маршрут, сопровождаемый жестом, выражающим способ. Наоборот, информанты, говорящие на языках глагольного типа (на испанском, турецком и японском), часто употребляют как жесты, выражающие только один из двух компонентов, способ или маршрут, так и жесты, объединяющие в себя выражение обоих компонентов. Более того, в языках глагольного типа, жесты, выражающие способ движения, могут относиться как к глаголам, выражающим маршрут, так и к глаголам, кодирующим способ. Д. Слобин предполагает, что эти данные могут свидетельствовать о том, что говорящие на языках глагольного типа воспринимают способ движения как отдельный (дополнительный) семантический компонент движения, в то время как говорящие на языках сателлитного типа его воспринимают как внутренний семантический компонент определенного движения (2000: 113, 132; 2004: 235-236, 255-256).

⁶¹ Имеется в виду поступательное движение, предполагающее изменение локализации движущегося субъекта в пространстве (ср. также Talmy 2000b: 35). В работе (Wälchli 2001) поступательное движение определяется как *basic intransitive motion* (300).

(45) The frog *escaped*.

(46) The frog *exited* the jar, *passed* through the window, and *entered* the woods.

(47) The frog crawled *out* the jar and *through* the window *into* the woods. (2004: 238)

В примере (47) применяется стратегия, характеризующая языки сателлитного типа: глаголом (*crawl*) выражается способ, а сателлитами (*out, through, into*) – различные участки маршрута, относящиеся в свою очередь к различным ориентирам. Сказанное представим в Таблице 3.

Таблица 3

участок маршрута	стратегия					
	(45) глагол	(46) глагол + ориентир		(47) глагол + сателлит + ориентир		
исходная порция	<i>escaped</i> ∅	Exited	the jar	crawled	out	the jar
серединная порция		Passed	the window		through	the window
конечная порция		Entered	the woods		into	the woods

Итак, в английском языке благодаря определенным морфосинтаксическим свойствам возможно выражать подробную информацию о маршруте весьма компактным образом. Однако, как мы уже отметили, среди языков сателлитного типа могут быть существенные различия в выражении семантических компонентов движения. В русском языке, тоже относящемся к языкам сателлитного типа, применяется промежуточная стратегия: способ движения кодируется глаголом, но поскольку сателлиты представлены глагольными префиксами, каждый сателлит может относиться только к одному глаголу. Сказанное проиллюстрируем на основе примеров (48)-(48в).

(48) He still **wandered on**, *out of the little high valley*, **over its edge**, and *down the slopes* beyond. (Slobin 2005b: 120)⁶²

(48a) Il **continua d'avancer au hasard**, *sortit du haut vallon*, **en franchit le bord** et *descendit la pente* au-delà. (Slobin 2005b: 121)

(48б) Он **шел и шел**, *поднялся из впадинки*, **перевалил через ее край** и опять стал *спускаться*.⁶³

⁶² Английский пример относится к повести *The Hobbit, or There and Back Again* (Tolkien 1937). Английский текст и его переводы на разных языках как сателлитного, так и глагольного типов подробно рассматривается в работах (Slobin 2005a, 2005b).

⁶³ Русский перевод английского примера взят из работы (Майсак 2005: 106).

(48в) *Girovago ancora fuori dalla piccola valle elevata, l'oltrepasò e scese giù per la china, dall'altra parte.*⁶⁴

В английском примере (48) маршрут описывается тремя сателлитами (*out, over, down*), относящимися к одному и тому же глаголу, кодирующему способ движения (*wander*). Более того, к каждому участку маршрута относится отдельный ориентир (*the little high valley, its edge, the slopes*). Из примера (48) видно, что в английском языке возможно выражать компактным образом подробную информацию о маршруте. В русском языке (48б), с другой стороны, каждый участок маршрута кодируется отдельным глаголом (*поднялся, перевалил, спуститься*), как в языках глагольного типа – ср. французский (48а) и итальянский (48в) переводы. Интересно также отметить, что в русском переводе (48б) при употреблении глаголов *подняться, перевалить, спуститься* способ движения отдельно не выражается. Эти глаголы движения русского языка можно формально считать приставочными глагольными лексемами, хотя на самом деле они в сильной степени лексикализованы. В связи с этим некоторые авторы предполагают, что русский язык занимает промежуточное положение между английским языком, относящимся также к языкам сателлитного типа, и романскими языками, входящими в группу языков глагольного типа (ср. Майсак 2005: 106-107; Slobin 2004, 2005b: 121-123, 2017: 434-436).

Стоит здесь сделать небольшое отступление, и подробнее рассмотреть семантическую структуру английского выражения *to wander on*. В нем частицу *on* можно считать сателлитом глагола *wander*, хотя этот сателлит участвует не в выражении маршрута, а в выражении аспектуальной информации (т. е. принадлежит к той называемым *English aspect satellites* (Talmy 2007: 155)). Талми включает английскую частицу *on* в число сателлитов, выражающих аспектуальную информацию (*English aspect satellites* (2007: 155)).⁶⁵ В примере (40а) частица *on* обозначает итерацию, продолжение способа движения, обозначенного глаголом *to wander*. В выражении *to wander on* заложены два семантические компонента, передаваемые на русском языке при помощи словосочетания 'бродить дальше' (продолжать бродить).

В русском переводе (48б) фокус делается именно на этом аспектуальном значении частицы *on*, которое может передаваться посредством редупликации⁶⁶ глагола *идти* в форме

⁶⁴ Tolkien, J. R. R. *Lo Hobbit o la riconquista del tesoro*. Milano. Adelphi. 2012: 110.

⁶⁵ Л. Талми определяет семантику частицы (сателлита) *on* следующим образом: «continue V-ing without stopping», например, в выражении «we talked / worked on into the night» (2007: 155). Кроме того, в толковом словаре английского языка *Collins Cobuild* толкование *on* в функции наречия определяется следующим образом: «28. [ADVERB after verb] You use *on* to say that someone is continuing to do something. *They walked on in silence for a while*». < <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/on> > (27.07.2022).

⁶⁶ О грамматической функции глагольной редупликации ср. Barotto, Mattioli 2020: 52, 56-60; Мельчук 2000, Т. 3: 48-61; Thorton 2009).

прошедшего времени (*шел и шел*), в то время как второй компонент (*бродить*) лексически не выражается.

В итальянском переводе (48в) применяется отчасти стратегия, характеризующая, как правило, языки сателлитного типа: способ движения выражается глаголом (*vagabondò*), а маршрут – частицами-сателлитами (*fuori, giù*). Выражение *scendere giù*, образованная посредством глагола *scendere*, обозначающего передвижение вниз, и частицы *giù*, тоже указывающей на передвижение вниз, относится к итальянским конструкциям, определяемым как синтагматические, о которых речь будет идти далее в Третьей главе. Вклад английской частицы *on* в выражении *wander on*, в итальянском переводе передается посредством наречия *ancora*.⁶⁷

Во французском переводе (48а) аспектуальное значение английской частицы *on* передается выражением *continua d'avancer*. Различные участки маршрута выражаются во французском переводе глаголами (*sortir, franchir, descendre*), в то время как информация о способе движения выражается наречной конструкцией (*au hasard*).

Анализ различных стратегий лексикализации семантических компонентов движения, применяемых в примерах (48)-(48в), показывает, что среди языков одного типологического типа, как сателлитного, так и глагольного, существуют различия в выражении события движения, и они (эти различия) зависят также от морфосинтаксических свойств определенного языка, которые формируют его риторический (повествовательный) стиль (во взаимодействии с другими факторами) (2004: 223, 254).

При рассмотрении вклада, внесенного Д. Слобиным, в типологические исследования по лексикализации события движения, следует обратить внимание еще на одну центральную в концепции автора мысль, которую можно передать на английском языке следующей формулировкой: *thinking for speaking* (1996). Суть выражения заключается в том, что на когнитивном уровне мы фокусируем наше внимание на тех свойствах предметов и событий, которые нам проще и непосредственнее выразить. (1996: 76). Иными словами, в момент формулирования высказывания на то, как мы обрабатываем информацию, полученную из внешнего мира, влияет набор тех языковых средств, которые нам доступны на родном языке.

⁶⁷ Интересно при этом отметить, что наречие *ancora* не является здесь прямым соответствием сателлита *on*. Наречие *ancora* может обозначать возобновление действия после паузы (в значении «снова, еще раз»), а также продолжение действия, без пауз, не прекращая то действие, которое обозначено глаголом, к которому сателлит *on* относится.

1.2.3 Последующие исследования по семантике события движения в русле типологического подхода

Концепция, разработанная Л. Талми, оказала большое влияние на развитие последующих работ, выполненных в русле когнитивного и типологического подходов. В этом параграфе представим вкратце некоторые исследования, посвященные лексикализации семантических компонентов движения.

В работе (Beavers, Levin, Tham 2010) также изучается лексикализация события движения с типологической точки зрения. По мнению авторов, сосредотачиваться только на бинарной классификации языков по типу лексикализации движения может ограничивать перспективу, поскольку как в группе языков глагольного типа, так и в группе сателлитного типа могут встречаться стратегии лексикализации, которые отходят от характерной для той группы модели. По этой причине следует прежде всего внимательно рассматривать и описывать различные лексические и морфосинтаксические средства, имеющиеся в распоряжении у говорящих на разных языках для выражения ситуации движения (334). Кроме того, понятие сателлита, введенное Л. Талми (2000b: 222; 2007: 139), учитывается в расширенном смысле, уточняя, что «we employ the term ‘satellite’ in a broader sense: any constituent that is sister or adjoined to the verb (root)» (2010: 339).

Для иллюстрации своей теории авторы приводят пример итальянского языка, относящегося к глагольному типу, в котором могут применяться конструкции, характерные для языков сателлитного типа. Речь идет о так называемых синтагматических глагольных оборотах, образованных посредством глагола, обозначающего маршрут (*uscire*) или способ (*correre*), и частицы, кодирующей информацию о маршруте (*fuori, giù, su, via*) (2010: 348).⁶⁸

С другой стороны, в языках сателлитного типа, встречаются контексты, в которых оба главных семантических компонента движения, маршрут и способ, выражаются сателлитами, а глаголом кодируется только компонент ‘движение’ (*Motion*). Авторы ссылаются на материал из английского языка, как показано в примере (49), в котором способ движения кодируется наречием (*stealthily*), а маршрут – предлогом (*out*). Схожая стратегия может применяться при переводе английского примера (49) как на итальянский язык (49а), так и на русский язык (49б), хотя в обоих языках возможны и другие соответствия английского предложения, как показано в примерах (49в) и (49г).

⁶⁸ Иногда частица может дублировать информацию о маршруте, которая уже содержится в значении самого глагола (*uscire fuori, fuggire via*). Схожее явление может встречаться также в русском языке: уйти *отсюда*, выйти *на улицу*.

- (49) **John moved stealthily out** of the bedroom. (2010: 362) (**Figure, Motion, Manner, Path, Ground**)
- (49a) **John è andato via** dalla stanza di soppiatto. (**Figure, Motion, Path, Ground, Manner**)
- (49б) **Джон незаметно [вышел]** из спальни. (**Figure, Manner, Path and Motion, Ground**)
- (49в) **John è uscito** dalla stanza di soppiatto. (**Figure, Motion and Path, Ground, Manner**)
- (49г) **Джон выскользнул** из спальни. (**Figure, Path Manner and Motion, Ground**)

Авторы приходят к выводу о том, что вне зависимости от типологической классификации по лексикализации события движения в разных языках могут применяться одни и те же стратегии выражения семантических компонентов движения, если они обладают одинаковым набором языковых средств (2010: 362).

В русле когнитивного подхода к изучению лексикализации семантических компонентов движения, применяемого в работах Д. Слобина (1987, 1996, 2004), некоторые российские авторы рассматривали ту сферу лексики русского языка, которая описывает и передает концептуализацию пространства русскоязычными говорящими (Левонтина, Шмелев 2000; Шмелев, 2002; Арутюнова 1999). В этих работах лексика русского языка, относящаяся к пространству и к передвижению в пространстве, определяется как культурно-специфическая и трудно поддающаяся переводу.

В работе (Арутюнова 1999) также подчеркивается особая и важная роль тех лексем, которые описывают пространство и передвижение в пространстве на русском языке (*путь, дорога*). Анализируя их метафорическое употребление, автор приходит к выводу, что понятия движения, пространства и времени можно рассматривать как одно целое и что движение составляет третий компонент хронотопа, наряду с пространством и временем (1999: 4).

Роль морфосинтаксических и лексических факторов в выражении семантических компонентов движения рассматривается с типологической точки зрения также в работе (Wälchli 2001). Автор опирается на труды Л. Талми (1985, 2000a, 2000b) и Л. Теньера (1959), ссылаясь в частности на работу *Eléments de syntaxe structurale* (Tesnière 1959), в которой определяется различие между понятиями движения и перемещения, *mouvement* и *displacement* в английском переводе, применяемом в работе (Wälchli 2001)).

Исследование Вельхли проводится на материале многоязычного параллельного корпуса переводов *Евангелия от Марка* (оригиналом служит текст на классическом греческом

языке), и фокусируется на выражении перемещения (*displacement*),⁶⁹ т. е. на том, чем кодируются движение и маршрут. Автор считает, что эти семантические компоненты лексически выражаются во всех языках: меняется только средство их выражения на уровне поверхностной структуры (300). Особенно важно то, что рассматривается выражение перемещения не только на уровне глагольной лексемы, но и на уровне предложения.

Вельхли квалифицирует основные типы перемещения в зависимости от того, куда ориентировано движение, на конечную или исходную точку. Перемещение, ориентированное на конечную точку, может описывать следующие ситуации движения: передвижение в сторону ориентира (AD);⁷⁰ достижение и пересечение границы ориентира (IN), передвижение вверх, над ориентир (SUPER). С другой стороны, перемещение, ориентированное на исходную точку, объединяет в себя следующие ситуации движения: удаление из исходной точки (AB); передвижение из замкнутого пространства в более открытое (EX); передвижение вниз под ориентир (DE) (300-301).

В теории, посвященной типологии перемещения, разработанной автором, в зависимости от предпочтительного средства поверхностной структуры, выражающего эти семантические компоненты, т. е. движение и маршрут, выделяются три языковых макротипа: глагольный, адвербиальный и именной. В этих макротипах соответственно перемещение может кодироваться глагольной лексемой (*verbal encoding*), при помощи частиц, наречий и других служебных показателей (*adverbial encoding*), посредством предлогов, послелогов, падежей (*adnominal encoding*) (301). При этом, автор подчеркивает, что в языках, относящихся к одному и тому же макротипу, могут применяться различные стратегии выражения компонентов движения, в зависимости от морфосинтаксических и лексических свойств конкретного языка (302-303). Иначе говоря, принадлежность языка к одному макротипу не исключает возможность принимать те стратегии выражения перемещения, которые характеризуют остальные языковые макротипы.

Автор приводит пример из языков глагольного типа: в итальянском языке, например, встречаются также конструкции, состоящие из глагола, кодирующего способ движения, и частицы, выражающей маршрут (*correre fuori / volare via*). По мнению автора, применение этой конструкции в языке глагольного типа может объясняться тем, что итальянский язык, как и остальные романские языки, восходит к латыни, которую автор относит к именному макротипу (в латыни перемещение может кодироваться посредством предлогов и падежей

⁶⁹ В своем анализе Б. Вельхли рассматривает только *basic intransitive motion*, т. е. самостоятельное поступательное движение человека без никаких указаний на способ движения: «[...] prototypically the normal motion of humans (not animals or objects) moving without special haste and without vehicles» (300).

⁷⁰ Типы перемещения обозначены автором латинскими предлогами (300).

(*adnominal encoding*), например *cucurrit in domum* (вбежал в дом), а также префиксом (*adverbal encoding*), например, *transire viam* (перейти через дорогу) или: в латыни перемещение может кодироваться посредством предлогов и падежей (*adnominal encoding*), а также префиксами (*adverbal encoding*), например *rapido percurrens turbine campos* (пример из работы (Bertocci 2017: 46)). По словам Б. Вельхли: «[...] the two deviant languages of type V [французский и итальянский языки, глагольного типа – G.Z.] [...] have some adverbial marking as a relic from earlier times» (308). Поэтому вне зависимости от того, выражаются ли семантические компоненты движения глагольными лексемами, т. е., *uscire correndo*, или синтагматической конструкцией типа *correre fuori*, по мнению автора, в обеих конструкциях лексический фокус падает на тот языковой элемент, который выражает способ движения. В этом смысле, по словам автора, «Lexically, [...] *run* is the main verb [...]» (308). Маршрут при этом кодируется глаголом *uscire*, который определяется автором как направительный элемент (*directional auxiliary*) (2001: 308).⁷¹

Типологическое разделение языков по макротипам графически представлена автором в виде спиральной структуры, в рамках которой языки могут располагаться в центре или на периферии, а также занимать промежуточную позицию в зависимости от предпочтительных стратегий лексикализации перемещения (317-318).

На наш взгляд, вклад Б. Вельхли в изучение лексикализации семантических компонентов движения отличается двумя важными моментами. Первый относится к методу исследования: сопоставительный анализ автора проводится на материале параллельного корпуса, который может служить полезным источником для выявления языковых различий и нюансов в выражении события движения на уровне высказывания. Во-вторых, имеет смысл подчеркнуть, что в работе Вельхли, как и в других работах по семантике события движения (Beavers, Levin, Tham 2010; Slobin 2004, 2005a, 2005b) типология лексикализации строится прежде всего на основе морфосинтаксических и лексических свойств, характеризующих разные языки.

Заключение к Первой главе

В этой главе мы представили теоретическую (концептуальную) рамку, на которую опирается наша работа. Мы рассмотрели прежде всего некоторые ключевые понятия, лежащие в основе нашего анализа: событие как таковое (Lyons 1977), движение и перемещение в

⁷¹ Напомним, что в концепции, разработанной Л. Талми, деепричастие *correndo* (*uscire correndo*) можно считать сателлитом, относящимся к глаголу *uscire*.

пространстве (Tesnière 1959; Майсак 2005; Апресян 1995a). В частности, в параграфе 1.1 мы обратили внимание на то, каким образом Ч. Филлмор (Fillmore 1975, 1983) характеризует событие движения, описывающее целенаправленное перемещение (*bounded motion*), на основе понятий времени и пространства. На материале английского языка автор различает три группы глагольных лексем, кодирующих определенное движение: глаголы, ориентированные на источник движения (*Source-oriented*), глаголы, ориентированные на цель передвижения (*Goal-oriented*), и глаголы, определяемые как нейтральные в отношении начального или конечного этапов движения (*Neutral*). Подход Филлмора был применен на русском материале Е.В. Рахилиной (Рахилина 1990) для разграничения и описания различных групп глаголов движения русского языка: глаголов удаления, глаголов прибытия и глаголов 'чистого перемещения'.

В параграфе 1.1.1 представлены некоторые когнитивные теории концептуализации пространства, в котором совершается передвижение. Мы говорили прежде всего о центральной роли перцептивного опыта человека в восприятии внешнего мира и о роли пространства в организации когнитивной деятельности человека. Далее мы представили понятие 'сущность' в понимании различных авторов (Lyons 1977; Aurnague, Borillo, Vieu 1997; Vandeloise 2007; Кореcka 2009). Мы вкратце проиллюстрировали главные принципы, лежащие в основе когнитивного подхода к изучению языка. В частности, мы рассмотрели концепцию, разработанную в работе (Johnson 1987), в центре которой лежит понятие топологической схемы (*image schema*). В понимании Джонсона перцептивный опыт человека играет фундаментальную роль в восприятии окружающей среды. Более того, на когнитивном уровне человек структурирует полученную от внешнего мира информацию при помощи топологических схем. Далее мы охарактеризовали те топологические схемы, которые применяются при представлении ориентации и передвижения в пространстве и привели некоторые примеры согласно теории М. Джонсона. Наконец, в этом параграфе мы представили модель структурирования когнитивной деятельности человека, разработанную Р. Лангакером, и опирающую на понятие домена (*domain*).

Отдельный параграф (1.1.2) посвящен концептуальной структуре пространства в понимании Л. Талми (Talmy 2000a). Мы рассмотрели центральные составляющие его теории, в частности, то, каким образом как в ситуации движения, так и в ситуации состояния, пространственное расположение первичного объекта (фигуры) может описываться и характеризоваться относительно другого (вторичного) объекта (ориентира) в той же пространственной сцене, местоположение которого уже известно. Мы рассмотрели некоторые

примеры, приведенные автором. В тех случаях, когда нам это представлялось целесообразным, мы сравнили английские тексты с их переводами на итальянский и русский языки.

В параграфе 1.1.3 внимание уделяется понятию пространственной ориентации, представленному в работе (Плунгян 2002), в которой рассматривается то, каким образом кодируется ориентация движения с типологической точки зрения. В ходе параграфа мы представили понятия локализации (относительной и абсолютной) и ориентира в концепции автора, описывая различные типы ориентиров, выявленных автором.

Во второй части первой главы мы рассмотрели некоторые подходы к изучению лексикализации события движения с типологической и когнитивной точки зрения. В параграфе 1.2.1 мы проанализировали подход Л. Талми (Talmy 2000b) к концептуализации и структурированию события, представили понятия простого и сложного событий (в том числе и макрособытия) в понимании автора и рассмотрели некоторые примеры, приведенные автором вместе с их переводами на русский и итальянский языки. Как мы отметили в параграфе 1.2.1, макрособытие представляет собой сложное событие, выражаемое простой структурой, но в котором все-таки можно различать на когнитивном уровне основное и сопутствующее события. Далее мы описали четыре компонента основного события, выявленных автором, в отношении ситуации движения. Мы представили понятие ядерной схемы и описали роль сопутствующего события в строении концептуальной структуры макрособытия движения: оно может иметь отношение к каузатору или к способу движения. Далее представлено определение сателлита, введенное Талми, а также принципы разделения естественных языков на языки глагольного и сателлитного типа.

В параграфе 1.2.2 рассмотрен вклад Д. Слобина в изучение лексикализации события движения с типологической точки зрения. В исследованиях, проведенных автором, подчеркивается роль психолингвистических, морфосинтаксических и прагматических факторов в организации высказывания и, следовательно, в выражении семантических компонентов события движения. Кроме того, мы проанализировали то, каким образом в работах автора изучается компонент способа движения с типологической перспективы. Как мы отметили в параграфе 1.2.2 Д. Слобин рассматривает прежде всего выражение этого компонента, и, вместо бинарной классификации языков, вводит понятие шкалы значимости способа движения (*cline of manner salience*). Согласно этому понятию языки располагаются вдоль воображаемой шкалы, на одном полюсе которой находятся языки, сильно ориентированные на выражение способа (*high-manner-salient languages*), а на противоположном полюсе шкалы – языки, слабо ориентированные на выражение способа (*low-manner-salient languages*). При этом, рассматривая применение синтагматических

конструкций, характеризующих итальянский язык, автор подчеркивает, что расположение языков по шкале значимости со временем может меняться. Далее мы проанализировали некоторые примеры, частично приведенные автором, в которых сравниваются различные стратегии кодирования семантических компонентов движения как в языках спутникового типа (в английском и русском языках), так и в языках глагольного типа (в итальянском и французском языках) и указали на некоторые переходные случаи.

Наконец, в параграфе 1.2.3 представлены некоторые из исследований последних лет, касающиеся лексикализации события движения и выполненные в русле типологического подхода. В частности, мы рассмотрели работу (Levin, Beavers, Tham 2010), в которой, исходя из бинарной классификации, представленной Л. Талми, авторы подчеркивают центральную роль различных лексических и морфосинтаксических средств, имеющихся в распоряжении у говорящих на разных языках для выражения ситуации движения. Более того, в работе пересматривается понятие спутника, введенное Л. Талми, и оно применяется в расширенном смысле к анализу различных стратегий лексикализации события движения на разных языках. Мы проанализировали пример, приведенный авторами, предложили его перевод на итальянский и русский языки и сравнили различные возможные стратегии лексикализации события движения.

Еще одна теория лексикализации (компонента) маршрута с типологической точки зрения представлена в работе Б. Вельхли (Wälchli 2001), в которой автор сосредотачивается на том, какими средствами кодируются движение и маршрут, и выделяет три языковых макротипа: глагольный, адвербиальный и именной. Мы рассмотрели примеры из каждого макротипа на материале латинского и итальянского языков, обращая снова внимание на роль синтагматических конструкций итальянского языка.

ВТОРАЯ ГЛАВА

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ СОБЫТИЯ ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИТАЛЬЯНСКИМ)

2.1 О конструкциях, кодирующих события движения в типологической перспективе

Как уже было сказано ранее (см. 1.2.1), согласно бинарному разделению языков, введенному Талми, среди языков мира выделяются две основных группы по лексикализации ситуации движения (событий движения): языки глагольного типа (*verb-framed languages*), которые отображают компонент ‘маршрут’ (*Path*) в самом глаголе, и языки сателлитного типа (*satellite-framed languages*), в которых компонент ‘маршрут’ выражается отдельно при помощи сателлитов, связанных с главным глаголом. Согласно этому бинарному разделению языков, русский язык относят к языкам сателлитного типа, т. е. в нем ‘маршрут’ выражается при помощи глагольных префиксов, в то время как способ движения⁷² кодируется базовым глаголом.

Примечание 1. О структуре маршрута

Согласно подходу, представленному в работах Л. Талми, маршрут состоит, как правило, из трех составляющих: вектора (*Vector*), структуры (*Conformation*) и дейксиса (*Deictic*). Векторы указывают на направление субъекта движения во всех порциях маршрута. Векторы могут быть представлены в форме *deep prepositions*, как, например, AT, TO, FROM, VIA, ALONG, указывающих на разных направлениях субъекта движения (Talmy 2000b: 53).

По словам автора, структура маршрута является геометрическим комплексом, связывающим общее представление о фоне (*Ground*) с его конкретными реализациями (там же: 54). Вектор маршрута указывает на направление движения, в этом смысле фон (*Ground*) воспринимается как одномерный объект, т. е. как точка (начальная точка, промежуточные точки, составляющие серединную порцию маршрута, конечная точка). С другой стороны, структура маршрута релевантна тогда, когда фон (*Ground*) воспринимается не как одномерный, а как трехмерный объект, имеющий определенные границы. Смена фона, вернее, переход от одного фона к другому (например, пересечение какой-либо границы (*boundary-crossing*)) определяет структуру маршрута. В связи с этим, можно предположить, что структура маршрута не предполагает обязательно пересечение границы, хотя она требует трехмерного представления фона. Вышесказанное иллюстрируется на основе следующего примера:

- (i) The ball rolled *past* the lamp at exactly 3:05. (Talmy 2000b: 56)

В примере (i) векторный компонент “MOVE VIA a point” взаимодействует со структурным компонентом маршрута, указывающим на местоположение субъекта движения в пространстве, согласно формулировке “which is to one side of [a point]”. Взаимодействие этих двух компонентов выражается на английском языке при помощи предлогом *past* (2000b: 55–56).

Л. Талми считает, что в языках глагольного типа вектор и структура маршрута передаются глаголом, как, например, в итальянском *entrare* (глагольная лексема кодирует одновременно само движение, вектор и структуру (*boundary-crossing*)). Наоборот, в языках сателлитного типа, сам сателлит выражает компоненты маршрута, в то время как глагол кодирует само движение и способ движения. Если применить подход, представленный в работах Л. Талми, для описания компонентов

⁷² *Manner of Motion* в терминологии Талми, и *способ перемещения* в работах (Плунгян 2002, 2011).

маршрута на русском материале, то можно предположить, что движение и способ движения кодируются базовым глаголом, в то время как вектор маршрута выражен предложно-падежной формой (в + Acc), а его структура – при помощи приставки (*в-*) (там же: 56): *войти в* комнату.

В работе (Iacobini, Corona 2018) вопрос о составляющих маршрута рассматривается с диахронической перспективы и сопоставляется с их кодированием в латыни и в итальянском языке. Авторы принимают терминологию, употребляемую в работе (Grinevald 2011), согласно которой вектор выражает направленность в пространстве (*spatial orientation*), структура указывает на пересечение границы (*boundary crossing*),⁷³ а дейксис назван *deictic anchoring*. В латинском языке можно выразить более одного компонента маршрута в одной конструкции, в то время как в итальянском языке в силу существования лексических пар типа *salire – scendere, andare – venire, entrare – uscire* можно выразить только некоторые из составляющих маршрута. Так, например, в глаголе *entrare* включены, как мы уже отметили, компоненты движение, вектор, структура, и, по мнению авторов, также пространственный дейксис, но невозможно в нем выразить направление движения по вертикальной оси (2018: 17-18). В этом смысле, на наш взгляд, в конструкциях итальянского языка, состоящих из глагола и частицы (*verbi sintagmatici*), таких как, например, *entrare dentro*, не просто дублируется информация, кодируемая глаголом, а скорее она распределяется среди различных элементов выражения. Иными словами, согласно подходу, представленному в работах Л. Талми, сателлит *dentro* только кодирует векторный компонент, в то время как в глаголе сливаются компоненты маршрута разного порядка, векторного и структурного.

Далее в этом параграфе мы попытаемся применить подход, представленный в работах Л. Талми, на русском материале и выделить компоненты маршрута, описываемые автором, в русских примерах. В примере (ii) можно предположить, что префиксом *вы-* кодируется структурный компонент маршрута (передвижение из замкнутого пространства в более открытое пространство (см. также Апресян 1995b: 490-491), в терминологии Л. Талми MOVE FROM a point of the inside (of an enclosure)), в то время как базовым глаголом выражаются само движение, способ движения и векторный компонент маршрута (однаправленность движения). Кроме того, на наш взгляд, можно также выделить факультативные векторные компоненты маршрута, которые могут указывать, соответственно, на начальную (*из комнаты*) и конечную (*на веранду*) точки движения.

- (ii) Корытин поднялся, *вышел из комнаты на веранду*. Там его ждали ранние гости [...].

На основе вышеприведенного примера можно предположить, что в языках сателлитного типа понятие *boundary-crossing* выражено, как правило, сателлитом (в данном случае префиксом), а векторные компоненты маршрута распределяются среди элементов высказывания, имея при этом статус обязательного или необязательного компонента. Статус векторного компонента во многом зависит от внутренней семантики и от локативных валентностей приставочных глаголов. Проиллюстрируем нашу гипотезу на основе следующего примера:

- (iii) Йеванде *доплыл из Ливии до берегов* Сицилии на корабле.

В примере (iii) префиксом *до-* кодируется структурный компонент маршрута (достижение конечной точки), в то время как базовым глаголом выражаются само движение, способ движения и векторный компонент маршрута. Кроме того, информация о векторе маршрута выражается также предложно-падежными формами *из Ливии* и *до берегов*, кодирующие, соответственно, начальную точку движения (факультативный компонент маршрута) и конечную точку передвижения (обязательный компонент маршрута).

⁷³ В этом отношении, понятие *conformation*, как компонент маршрута в терминологии Л. Талми, отличается от компонента структуры в работах (Iacobini, Corona 2018; Grinevald 2011), в которых она, по сути, сводится к понятию *boundary-crossing*. Скорее всего, то, что описано в этих работах, это только одна возможность структуры маршрута, которая реализуется тогда, когда субъект перемещается из одного фона (трехмерного замкнутого пространства) к другому (трехмерному, но не обязательно замкнутого типа).

Ниже приводятся примеры, относящиеся к сателлитному (50), (50а) и глагольному (50б) типам языков:

(50) They got up and *staggered on* in the direction which eight out of the thirteen of them guessed to be the one in which the path lay; but they never found out if they were right. Such day as there ever was in the forest was fading once more into the blackness of night, when suddenly out sprang the light of many torches all round them, like hundreds of red stars. *Out leaped* Wood-elves with their bows and spears and called the dwarves to halt.⁷⁴

(50а) Они поднялись и, *пошатываясь, побрели* в ту сторону, где, по мнению восьми друзей из тринадцати, проходила тропа. Но им не довелось узнать, кто был прав. Тусклый день начинал переходить в темный вечер, и вдруг кругом засветились сотни ярких факелов, словно сотни красных звезд. Из темноты *выпрыгнули* лесные эльфы с луками и копьями и закричали им: "Стой!".

(50б) Si alzarono e *avanzarono barcollando* seguendo la direzione in cui - secondo almeno otto di loro - doveva trovarsi il sentiero; ma non riuscirono a sapere se la loro decisione era stata giusta o no. Infatti, quella specie di giorno che c'era nella foresta stava ancora una volta sbiadendo nelle tenebre della notte, quando improvvisamente tutt'intorno a loro si accesero le luci di molte torce, come centinaia di stelle rosse. Ed ecco che guardinghi *avanzarono allo scoperto* gli Elfi Silvani, armati di archi e frecce, e intimarono ai nani di fermarsi.

В примере (50) английские глаголы *stagger* и *leap* кодируют способ движения, в то время как маршрут выражается сателлитами *on* и *out*. В русском переводе в (50а) английское выражение *staggered on* переводится при помощи оборота, включающего в себя деепричастие (*пошатываясь*), обозначающее способ движения (в его образовании участвуют приставка *по-* и суффикс *-ыва-*, кодирующие, согласно традиционной классификации, прерывисто-смягчительный способ действия (Зализняк, Шмелев 2000: 122-124; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: 129-131; Исаченко 1960: 279-283); в терминологии, употребляемой в работе (Forsyth 1970) «iterative procedurals [...] which express the combined meanings of totality and repetition» (167)), и приставочную форму (от глагола определенного движения *брести*) *побрели*, кодирующую способ движения и маршрут (в самом глаголе). Здесь, как нам кажется, помимо перфективирующей функции префикс *по-* (*побрели*) имеет инхоативное (а не пространственное) значение, и она функционально выполняет ту же роль, что и сателлит *on* в

⁷⁴ Примеры (50), (50а) и (50б) взяты из повести *The Hobbit, or There and Back Again* (Tolkien 1937) Дж. Р. Р. Толкина в русском переводе 1976 г. (Толкин 1976) и в итальянском переводе (Tolkien 2012).

английском примере (*staggered on*). Кроме того, в русском переводе в (50а) английскому выражению *out leaped* соответствует выражение **выпрыгнули**, в котором маршрут кодируется при помощи префикса *вы-* (сателлита⁷⁵ в терминологии Талми), а компоненты ‘движение’ и ‘способ’ выражены базовым глаголом (*-прыгнули*).

С другой стороны, в итальянском переводе в (50б) компоненты ‘движение’ и ‘маршрут’ (в терминологии Талми так называемая «ядерная схема» (*core schema*)) выражаются основным глаголом (*avanzare*), в то время как способ движения либо не выражается лексически, либо кодируется отдельно, при помощи дополнительных средств, как, например, деепричастного оборота (*barcollando*). Интересно, что в (50б) в итальянском соответствии английского *out leaped* способ движения лексически не выражается, зато маршрут движения не только кодируется глаголом (*avanzarono*), но он как будто дублируется лексически, при помощи выражения *allo scoperto*, которое функционально соответствует роли сателлитов *out* и *вы-*.

Отметим здесь также, что в языках глагольного типа, как, например, в итальянском языке, когда способ движения нерелевантен для восприятия сообщения, он, как правило, лексически не выражается, но, его, скорее всего, можно восстановить из контекста, как видно в примере (51б).

(51а) «Дорогие мама и папа! Представляю себе, как вы меня ругаете, и зря. Дело в том, что абсолютно нечего писать. Ну, абсолютно. Лазька улетел на свою историческую родину, где одни, пардон, евреи.

(51б) “Cari mamma e papà, posso immaginare quanto mi stiate rimproverando, e a torto. Fatto sta che non c’è assolutamente niente da scrivere. Assolutamente niente. Laz’ka è partito per la sua patria storica, dove pardon ci sono solo ebrei.

Из вышеприведенных примеров становится понятным, что компонент ‘способ движения’ играет важную роль в разграничении двух языковых групп, сателлитной и глагольной. Для языков сателлитного типа характерно более детализированное кодирование способа движения (Slobin 2004: 251). Именно с этой перспективы Д. Слобин рассматривает типологическую классификацию, предложенную Л. Талми, дополняя и расширяя ее. Д. Слобин пишет, что языки мира можно расположить на шкале значимости по степени выражения способа движения – на одном полюсе находятся языки сателлитного типа, сильно

⁷⁵ В работах (Плунгян 2002, 2011) сателлиты названы соответственно *пространственными модификаторами глагола* и *ориентивами*. С. Г. Татевосов (Татевосов 2000) употребляет выражение *глагольные пространственные показатели*.

ориентированные на выражение способа, а на противоположном полюсе расположены языки глагольного типа, слабо ориентированные на выражение способа. Таким образом, бинарной оппозиции, введенной Л. Талми, Д. Слобин противопоставляет *языковой континуум* – от одного полюса до противоположного.

Следует здесь напомнить, что в исследовании, проведенном Слобиным на материале иллюстрированной детской книги *Frog, where are you?* (Mayer 1969), все носители русского языка выбрали глаголы движения, кодирующие способ движения, поскольку в русском языке он выражается обязательно, и, в результате, русский язык оказался на одном конце шкалы значимости по степени лексикализации способа движения (см. Slobin 2006: 66). На противоположном полюсе этой воображаемой шкалы располагаются, например, романские языки, в которых способ движения выражен только когда он релевантен и соответствует коммуникативной цели сообщения. Сказанное подтверждается приведенными ниже примерами (52a)-(53б).

(52a) Перед летками ульев рябили в глазах кружащиеся и толкущиеся на одном месте, играющие пчелы и трутни, и среди их, все в одном направлении, туда в лес на цветущую липу и назад к ульям, *пролетали* рабочие пчелы с взяткой и за взяткой.

(52б) Dinanzi alle aperture delle arnie le api e i fuchi, che giravano e si urtavano nello stesso posto, abbagliavano la vista, e in mezzo a loro, sempre nella stessa direzione, verso il bosco, su di un tiglio fiorito e indietro verso le arnie, *passavano volando* le api operaie cariche di polline e in cerca di bottino.

(53a) Крылья ласточки фыркнули над самой головой игемона, птица метнулась к чаше фонтана и *вылетела на волю*.

(53б) Le ali della rondine frullarono sopra la testa dell'egemone, l'uccello si slanciò verso la vasca della fontana e *volò via*.

В примерах в (52a) и (53a) способ движения субъекта кодируется базовым глаголом (*летели, летали*), в то время как маршрут выражается префиксом (*про-*, *вы-*). С другой стороны, как видно из примера в (52б), в итальянском языке способ движения может передаваться отдельно, при помощи дополнительных лексических средств, например, посредством использования деепричастного оборота (*volando*). Кроме того, как видно в примере в (53б), в итальянском языке при кодировании события движения конструкция сателлитного типа также допускается. В (53б) способ движения выражается глаголом *volare*

(‘лететь’), в то время как маршрут кодируется при помощи адвербиальной частицы *via* (‘вон, прочь’). Конструкции сателлитного типа, применяемые в итальянском языке для выражения событий движения, будут рассматриваться подробнее далее в этой главе. Здесь, на наш взгляд, важно только отметить, что их альтернативное употребление при выражении событий движения может привести к передвижению итальянского языка по шкале значимости, введенной Д. Слобиным и, следовательно, допустить, что итальянский язык не занимает фиксированного положения на одном из полюсов шкалы значимости вместе с остальными романскими языками, а продвигается в сторону языков сателлитного типа.

Рассматривая примеры в (52a)-(53b) становится также понятным, что в русском языке птица может только лететь, если речь идет об изменении ее местоположения в пространстве, в то время как в итальянском языке вполне приемлемо использовать глагол более общей семантики, кодирующий маршрут, без указания на способ движения (*passare* ‘*пройти*’).⁷⁶

Изучая глаголы движения в типологической перспективе, В.А. Плуноян (2002, 2011) подчеркивает, что в разных языках глагольные лексемы, выражающие движение субъекта, могут отличаться по составу и поверхностному выражению локативных валентностей (2011: 328). В подходе автора включены в локативные валентности те аргументы глагола движения, которые определяют начальную точку движения, серединную порцию и конечную точку движения.⁷⁷ Например, в русском тексте в (54) выражаются конечная точка движения (*в беседку*) и серединная порция маршрута (*по мокрым дорожкам*), в то время как в (55) представлены начальная (*из аэровокзала*) и конечная (*на улицу*) точки движения. Поскольку аргументная структура глаголов движения может быть выражена полностью или частично, опущенные локативные аргументы как правило, восстанавливаются из контекста.

(54) Вдвоем прошли в беседку, по мокрым дорожкам, покрытым палыми, истлевающими, темными листьями.

(55) Пока оформляли паспорта, мы потели, задыхались, со страхом ожидали, что станет с нами, когда мы выйдем из аэровокзала на улицу.

⁷⁶ В русском языке выбор (общего) глагола, описывающего локализацию субъекта, а не его передвижение в пространстве, приемлем только в том случае, когда фокус делается на возникшем (в результате этого перемещения) состоянии, как в следующих примерах:

(i) X *оказался* в комнате.

(ii) X *è finito* nella stanza.

⁷⁷ В терминологии автора – исходный пункт и конечный пункт перемещения (Плуноян 2011: 328).

В речи может также кодироваться только конечная точка движения (*на работу*), как в примере (56), в то время как исходная точка и срединная порция могут быть нерелевантными или восстанавливаться из более широкого контекста.

(56) Пришли на работу, а потом пошли пообедать.

Кроме того, следует учесть, что не каждый глагол движения имеет все три локативные валентности, причем не только на поверхностном, но даже и на семантическом уровне. В.А. Плунгян выделяет группу «сильных» глаголов способа перемещения (2011: 330-331), включающую в себя те глаголы движения,⁷⁸ которые не могут одновременно кодировать способ движения и принимать локативные валентности конечной или начальной точки движения. Здесь, на наш взгляд, возможно, речь идет о тех глаголах движения, которые описывают процесс, развивающийся во времени, но не предполагающий достижения внутреннего предела (*activities*⁷⁹ в терминологии Вендлера (Vendler 1957)), и не могут восприниматься как глаголы движения, направленного на достижение конечной точки (например, глагол *танцевать* в русском языке, глаголы *danzare, viaggiare* в итальянском языке). В связи с этим, если судить по степени лексикализации способа движения (способа перемещения в терминологии В.А. Плунгяна) и локативных валентностей, можно сказать, что языки представляют собой *валентностный континуум*, который соединяет два полюса. На одном полюсе, по мнению Плунгяна, находятся германские языки (особенно английский), в которых практически нет «сильных» глаголов способа движения, а на противоположном полюсе располагаются романские языки, в которых, по мнению автора, «практически любой глагол, описывающий способ перемещения, оказывается «сильным» в указанном понимании» (2011: 331).

По сравнению с романскими языками, в русском языке встречается относительно мало «сильных» глаголов способа, среди которых автор упоминает *извиваться* и *танцевать*, которые не могут выражать одновременно способ движения и локативную валентность конечной точки. (ср. 2011: 331). В отличие от русского *танцевать* (ср. неприемлемость примера в (57б)), английская глагольная лексема *dance* может одновременно выражать способ

⁷⁸ В работе (Плунгян 2011) предлагается также разграничение между глаголами движения и глаголами перемещения. Данный вопрос будет подробнее рассмотрен в параграфе 2.2.

⁷⁹ Согласно классификации типов ситуаций, введенной З. Вендлером (Vendler 1957), глагольные лексемы каждого языка можно включить в один из следующих универсальных акциональных классов: *activities* (глаголы деятельности), *achievements* (достижения), *accomplishments* (исполнения), *states* (состояния). Для русских эквивалентов английских терминов мы опираемся здесь на терминологию, применяемую В. Плунгяном при переводе английских терминов, использованных в работе (Мелиг 1985).

движения и принимать локативную валентность конечной точки, как в примерах (57a) и (58a)). В русском языке для выражения этих двух компонентов события движения (способа и достижения конечной точки движения) нужны два различных глагола: *танцевать*, кодирующий способ движения, и *выбежать*, включающий в себя, благодаря префиксации, способ и маршрут, и принимающий локативную валентность конечной точки, как показано в (58б).

(57a) They **danced** into the bedroom. (2011: 330)

(57б) *Они **танцевали** в спальню. (2011: 330)

(58a) Then a marimba began to play, tinkly and repetitive, a firework exploded, and Christ **danced** into the arena-danced and postured with a bleeding painted face, up and down, up and down, grimacing like a prostitute, smiling and suggestive.

(58б) Потом послышались звуки маримбы, наигрывавшей все один и тот же мотив, в небе вспыхнул фейерверк, и на арену, **танцуя**, **выбежал** Христос; он прыгал взад и вперед, взад и вперед, становился в позы; с размалеванным и окровавленным лицом, гримасничая, как проститутка, Христос непристойно улыбался.

Кроме того, при дословном переводе английского примера в (57a) на итальянский язык видно, что локативная валентность в (57в) не кодирует достижение конечной точки: она только определяет место, где разворачивается действие (*nella camera da letto*, т. е. в комнате, по комнате). Таким образом смысл английского предложения искажается. Это объясняется тем, что, в итальянском языке в отличие от английского языка, не имеется специализированного предлога, выражающего направление движения (ср. английский предлог *into*), поскольку направленность движения кодируется глаголом. В итальянском языке для выражения способа движения (*dance*) и достижения конечной точки движения (*into the bedroom*) нужны два различных глагола: *ballare* и *entrare*, как видно в переводе в (57г). Деепричастие *ballando* выражает способ движения, а глагольная лексема *entrare* кодирует маршрут и может принимать локативную валентность. В этом случае, при употреблении глагола направленного движения, как, например, *entrare* и неспециализированного предлога *in* активируется направительное значение достижения конечной точки движения.

(57в) **Hanno ballato** nella camera da letto [dentro la stanza].

(57г) Sono entrati **ballando** nella camera da letto.

Как было отмечено выше, это явление тесно связано с внутренней семантикой глаголов и с их акциональной принадлежностью (Vendler 1957). Иными словами, в зависимости от того, как воспринимается ситуация, описываемая глаголом движения, становится возможным или невозможным присоединение локативных валентностей направления. Если, с одной стороны, русское *танцевать* и итальянское *ballare* называют неопредельный процесс и входят в акциональный класс *activities*, то, судя по примерам в (57а) и в (58а), английское *dance* называет скорее всего действие, имеющее внутренний предел, и может получать результирующий оттенок, попадая также в класс терминативных (предельных) глаголов.⁸⁰ Стоит подчеркнуть, что глагольная лексема *танцевать*, относящаяся к группе сильных глаголов способа перемещения в терминологии В.А. Плуногяна, может принимать локативную валентность, выражающую конечную точку движения только в тех случаях, когда к ней присоединяется префикс, как видно из примеров в (59) и в (60).

(59) Вайнштейн, как только услышал свою фамилию, до неузнаваемости переменялся в лице, поднял согнутые в локтях руки и, как бы жеманно вытанцовывая фрейлахс, на цыпочках, осторожненько, осторожненько, с ничего не видящими безумными глазами *протанцевал в коридор*, вполголоса напевая с сильным акцентом: «Каустическая сода, каустическая сода...»

(60) Юлия Сергеевна Вяземская увидела, что из постаревшего затравленного волка он снова стал легким и красивым, как давным-давно, когда он *вытанцевал* с ней *в коридор* и прижал ее затылок к телефону.

При рассмотрении использования глаголов со значением *танцевать* в вышеприведенных примерах в (57а)-(57г) и (58а)-(58б), на наш взгляд, выступает на первый план понятие «сильных» глаголов способа перемещения в понимании В.А. Плуногяна (2011). Нам кажется важным здесь подчеркнуть, что, мысль В.А. Плуногяна о «сильных» глаголах способа перемещения развивается в том же направлении, что и понятие *boundary-crossing constraint*, использующееся в англоязычной литературе по данной теме. Английский термин принадлежит американским лингвистам Д. И. Слобину и Н. Хойтингу (Slobin, Hoiting 1994), хотя на этот феномен впервые было обращено внимание в работе (Aske 1989).⁸¹ Авторы

⁸⁰ Не случайно З. Вендлер замечает, что «There is a very large number of verbs that fall completely, or at least *in their dominant use*, within one of these categories» (Vendler 1957: 150, *курсив наш*). В связи с этим, можно предположить, что глагол *dance* попадает в класс *activities* в его главном употреблении, в то время как в его 'периферийном' употреблении на первый план выходят другие компоненты его семантики.

⁸¹ В обеих работах (Slobin, Hoiting 1994; Aske 1989) выделяются два типа локативных валентностей конечной точки: валентность, ориентированная на сам маршрут движения (в англоязычной терминологии *mere locative path phrase* в (Aske 1989) или *path-focused orientation* в (Slobin, Hoiting 1994: 493) и валентность, ориентированная на

объясняют, что *boundary-crossing constraint* (ограничение на пересечение границы ориентира) указывает на невозможность в языках глагольного типа присоединять локативные валентности, ориентированные на конечную точку движения, к глаголам, обозначающим только способ движения (т. е. к глаголам сильного способа перемещения в терминологии В.А. Плунгяна). Однако, картина гораздо сложнее, чем простое бинарное противопоставление языков сателлитного и глагольного типов. Внутри самой группы языков глагольного типа бывают случаи, когда приемлемо также присоединение локативной валентности, ориентированной на конечную точку движения, к глаголу, обозначающему способ движения, как видно в итальянском переводе (61в) русского примера в (61а).

(61а) Растерянно ухмыльнувшись, Никанор Иванович и сам не заметил, как оказался у письменного стола, где Коровьев с величайшей быстротой и ловкостью начертил в двух экземплярах контракт. После этого он *слетал* с ним *в спальню* и вернулся, причем оба экземпляра оказались уже размашисто подписанными иностранцем.

(61б) Grinning with embarrassment, Nikanor Ivanovich did not even notice how he suddenly came to be standing beside Berlioz's desk and how Koroviev had managed with such incredible speed and dexterity to draft a contract in duplicate. This done, he *flew into the bedroom* and returned with the two copies signed in the stranger's florid hand.

(61в) Con un sorrisino confuso, Nikanor Ivanovich non si accorse neppure come si ritrovò accanto alla scrivania del defunto, dove, con rapidità e abilità grandissime, Korov'ev redasse un contratto in due copie. Poi *volò in camera* da letto e ne ritornò con le due copie munite della firma svolazzante dello straniero.

В русском оригинале в (61а) информация о способе движения и о двунаправленности маршрута содержится в исходном глаголе, в то время как достижение конечной точки передается предложно-падежной формой (*в спальню*). Приставка *с-* не является пространственной, она выражает однократность движения и перфективирует глагол неопределенного движения *летать*.⁸²

конечную точку движения (*telic path phrase* в (Aske 1989) или *ground-focused orientation* в (Slobin, Hoiting 1994: 493)). Ниже приводятся примеры обоих типов локативной валентности конечной точки:

- (i) The man **ran up to** the house. (Slobin, Hoiting 1994: 495) (*path-focused orientation*)
- (ii) The man **ran into** the house. (Slobin, Hoiting 1994: 495) (*ground-focused orientation*)
- (iii) Pat *went up* the ladder. (Aske 1989: 6) (*mere locative path phrase*)
- (iv) Pat **swam into** the cave. (Aske 1989: 6) (*telic path phrase*)

⁸² Иными словами, двунаправленность движения включена в семантику глагола *летать*, в то время как однократность передается при помощи префикса *с-* (Исаченко 1960: 270-272; 322-324). Об этом см. также в

В английском переводе в (61б) специализированный предлог с направительным значением *into* кодирует валентность конечной точки движения (достижение конечной точки), в то время как способ передается глаголом (*flew*).

В итальянском переводе в (61в) глагол, выражающий способ движения (*volare*), также принимает локативную валентность конечной точки (*in camera da letto*). Однако, в отличие от английского предлога *into*, итальянский предлог *in* не играет решающей роли в выражении достижении конечной точки движения, поскольку он может иметь как локативное, так и направительное значение, возможно, в зависимости от лексического значения главного глагола (об этом см. также сноску 131 в Третьей главе). При этом, отметим, что в итальянском переводе в (61в) значение достижения субъектом конечной точки движения может активироваться при определенных контекстных условиях, хотя оно и не кодируется лексически.⁸³ Иными словами, в некоторых контекстах в итальянском языке ограничение на выражение пересечения границы ориентира (*boundary-crossing constraint*) может как бы подавляться, и глаголы, кодирующие способ движения, принимают локативную валентность конечной точки. Можно предположить, что в (61в) данная возможность обусловлена характером самого действия, т. е., его относительной быстротой и внезапностью. В данном примере следует учесть также роль простого прошедшего времени (*passato remoto* или *perfetto semplice*), которое может придавать действию ингрессивное значение (см. об этом Bertinetto 1986: 226-231). Иными словами, обозначая начало действия, то есть, указывая на то, что субъект перестал находиться в исходной точке, эта форма глагола не описывает действие в процессе, как это происходит, если используются другие (специализированные) формы, например, прогрессив или имперфект: *volava, stava volando*.

Та же возможность наблюдается в итальянском языке также с глаголом *correre* (*бежать/бегать*), как видно из примера в (62б).

(62а) Серафим вспомнил, как *выбежал на лед* человек, какой-то заключенный и, смешно растопырив руки, пытался поймать утку.

(62б) A Serafim era tornato in mente l'uomo, un detenuto, che *era corso sul ghiaccio* e, tendendo comicamente le braccia, aveva tentato di afferrare l'anatra.

работе (Forsyth 1970), в которой префикс *c-* определяется как «'totalising' prefix» (1970: 329), в том смысле, что событие, выраженное приставочным глаголом, представлено как однократное и завершённое.

⁸³ В этом отношении Т. Никитина (Nikitina 2008) наблюдает, что «Languages lacking specialized means of encoding directionality outside of the verb (by specialized satellites) do not always restrict expression of directed motion to a subset of inherently directional verbs» (Nikitina 2008: 177).

В русском оригинале в (62а) способ движения кодируется базовым глаголом (*бежать*), в то время как маршрут выражен при помощи приставки (*вы-*), значение конечной точки морфологически выражено специализированной предложно-падежной формой *на лед*, а ее достижение маркируется совершенным видом глагола. В итальянском переводе в (62б) способ движения выражается глаголом *correre*, у которого в данном контексте высвечивается значение достижения конечной точки, а не локализации субъекта в пространстве. Такая возможность обусловлена, на наш взгляд, тем, что глагол *correre* в этом значении предполагает обязательное наличие локативной валентности, выраженной (*sul ghiaccio*) или подразумеваемой, и поэтому в форме аналитического перфекта выбирается вспомогательный глагол *essere* (*быть*). Такая форма аналитического перфекта исключает процессную интерпретацию, для которой нужны специальное указание на длительность и употребление глагола *avere* в составе сложных прошедших времен: *ha corso, aveva corso (sul ghiaccio per tre ore)*.

Кроме того, в итальянском языке, бывают случаи, когда глагол, выражающий способ движения, включает в себя также маршрут и тогда определенно может принимать локативную валентность конечной точки. Сказанное подтверждается примером в (63а), в котором глаголом *irrompere* кодируются способ и маршрут движения, а предлог *in* получает направительное, а не локативное толкование.

(63а) Dall'andito che la tenda celava, come da gelida spelonca, ***irruppe*** nella sala un impetuoso soffio di vento.

(63б) Из скрытого портьерой коридора, как из ледяной пещеры, ***ворвался*** в гостиную бурный порыв ветра.

Можно предположить, что в итальянском языке данная возможность обусловлена лексическим значением глагола, выражающего способ движения, т. е. глаголом, обозначающим быстрое, внезапное передвижение в сторону конечной точки (*irrompere*)⁸⁴ (ср. Iacobini 2010: 503, 505; Slobin 2004: 226, 251). В частности, Д. Слобин подчеркивает, что «The only exception seems to be verbs that encode particular force dynamics – high-energy motor patterns that are more like punctual acts than activities, such as equivalents of ‘throw oneself’ and ‘plunge’. Such verbs occur with boundary-crossing in V-languages» (2004: 226).

⁸⁴ Итальянский глагол *irrompere* обозначает стремительно войти куда-л., ворваться куда-л. Глагол восходит к латинскому глаголу *irrumpere*, образованному при помощи префикса *in-*, указывающего также на передвижение внутрь, и латинского глагола *rumpere* (ср. Il Nuovo De Mauro, ed. online; Vocabolario Treccani della lingua italiana, ed. online; Vocabolario etimologico Pianigiani, ed. online).

Следует также отметить, что внутри группы языков сателлитного типа, английский язык отличается от русского в плане совместимости семантики глаголов, выражающих способ движения, с локативными валентностями конечной точки. Как видно из примеров в (64б) и (64в), в английском языке приемлемы обе конструкции: конструкция глагольного типа (64б) и конструкция сателлитного типа (64в).

(64а) Когда мокрый Иван *приплясал по ступеням к тому месту*, где осталось под охраной бородача его платье, выяснилось, что похищено не только второе, но и первый, то есть сам бородач.

(64б) When the wet Ivan *came dancing back up the steps to the place* where the bearded fellow was guarding his clothes, it became clear that not only the latter, but also the former — that is, the bearded fellow himself — had been stolen.

(64в) When Ivan *clambered damply up the steps at the place* where he had left his clothes in the care of the bearded man, not only his clothes but their venerable guardian had apparently been spirited away.

(64г) Quando il fradicio Ivan *risalì sgambettando su per i gradini dove aveva lasciato i suoi vestiti sotto la sorveglianza del barbuto*, fu subito chiaro che non solo erano spariti i primi, ma anche il secondo, ovvero il barbuto stesso.⁸⁵

В английском переводе в (64б) глаголом *dance* кодируется способ движения, характеризуя действие, обозначаемое глагольным комплексом *came back up to*, которым выражены маршрут и достижение конечной точки (при помощи глагола *came* и сателлитов *back, up, to*). Важно при этом подчеркнуть, что в кодировании маршрута участвует здесь также глагол (*came*), как в языках глагольного типа.

С другой стороны, в английском переводе в (64в) способ движения выражается глагольной лексемой *clamber*, а маршрут кодируется при помощи сателлитов *up* и *at*, которые вводят в текст локативные валентности серединной порции (*up the steps*) и конечной точки движения (*at the place*).

В итальянском переводе в (64г) глаголом *risalire* кодируется маршрут движения, а деепричастием (*sbambettando*), выступающим в функции сателлита в отношении глагольной формы *risalì*, выражается способ движения, в то время как выраженные локативные валентности (*su per i gradini dove...*) описывают соответственно серединную порцию маршрута и конечную точку движения. Кроме того, сателлитом *su* дублируется та информация

⁸⁵ Bulgakov, M.A. *Il Maestro e Margherita*. Milano. Mondadori. 2016: 58.

о маршруте, которая уже заложена в семантике глагола *risalire*. Иными словами, можно предположить, что в этом контексте сателлитом усиливается значение направленности (передвижение ‘снизу – вверх’), присущей глагольной лексеме *salire*.

В русском оригинале в (64а) маршрут кодируется при помощи префикса *при-*. Присоединение префикса *при-* к глаголу, выражающему способ движения (*плясать*), дает возможность выразить достижение конечной точки движения, перфективируя при этом исходный глагол деятельности *плясать*. Приставочный глагол *приплясать* получает здесь локативные валентности, кодирующие серединную и конечную порции маршрута (*по ступеням к тому месту*).

Как отмечено в работе (Добрушина, Меллина, Пайар 2001) «ПРИ-глаголы перемещения всегда подчеркивают тот факт, что перемещающийся находится в конечном пункте перемещения» (2001: 46). Кроме того, в работе (Dickey 2010: 96-97) семантика префикса *при-* определяется как ориентированная на достижение конечной точки движения, в том числе и на пересечение ее границы, в отличие, например, от префикса *до-*, пространственная семантика которого обозначает, как правило, только приближение к конечной точке.

2.2 Система бесприставочных глаголов движения в русском языке

Прежде чем обратиться к описанию системы бесприставочных глаголов движения русского языка, учитывая важное место, занимаемое данной темой в литературе и объем самой литературы, нам кажется целесообразным начать с терминологического уточнения.

В первую очередь, следует упомянуть подход А.В. Исаченко, который применяет термин глаголы перемещения в отношении тех глаголов движения, которые, как мы увидим далее, образуют соотносительные пары, с тем, чтобы «терминологически отграничить данную группу глаголов от всех остальных глаголов, обозначающих «движение», ср. *нагибаться*, *махать*, *кивать*, *дрыгать* или *мчаться*, *шагать*, *плестись*, *скакать* и т. п.» (Исаченко 1960: 310).

С.И. Карцевский различает понятие однонаправленного перемещения, состоящего из последовательности точек в пространстве, и понятие многократного движения, которое указывает на движение, совершаемое в разных направлениях, или на саму способность передвигаться определенным образом (Карцевский 2004: 212).

В более поздней и современной нам работе В.А. Плунгян (Плунгян 2011; см. также Плунгян 2002) также различает понятия движения и перемещения, при этом последнее

указывает на последовательную смену локализации в пространстве, и считается автором частным случаем движения и его прототипическим представлением (2011: 328; 2002: 60). Автор относит также к глаголам движения «такие, которые описывают ситуацию перемещения, но при этом не имеют ни одной локативной синтаксической валентности» (2011: 330-331). Соответственно, согласно этому подходу, глагольные лексемы русского языка типа *танцевать* называются глаголами движения, в то время как английское *dance* является глаголом перемещения. Иными словами, автор считает, что глаголы движения могут описывать способ движения, без никакого указания на направленность движения (в терминологии автора локативную валентность конечной точки), в то время как глаголы перемещения могут кодировать более одной локативной валентности.

Следует учесть, однако, что предлагаемые выше терминологические различия между движением и перемещением не имеют общепринятого статуса. Более того, традиционно в русских грамматиках принято называть глаголами движения те глаголы, которые входят в соотносительные пары, элементы которых противопоставлены по однонаправленности – неоднаправленности движения (РГ–80: § 1404) или определенности – неопределенности движения (Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: 99-100; Карцевский 2000: 171; 2004: 136-137) или однонаправленности – разнонаправленности/хабитуальности перемещения (Плунгян 2011: 332). Для обозначения такого противопоставления в Грамматике–60 применяются термины некрatный – кратный подвиды, указывающие на две параллельные серии соотносительных глаголов определенного и неопределенного движения (Грамматика–60: § 723).

В других работах глаголы движения называют также глаголами передвижения (Карцевский 2004) и глаголами перемещения (Апресян 1995а). В рамках соотносительных пар глаголов движения (о которых речь будет идти ниже) С.И. Карцевский выделяет следующее семантическое противопоставление: неопределенный элемент пары (глаголы типа *летать*) выражает специфический вид (возможность) передвижения, в то время как соответствующий определенный элемент пары выражает частный случай этой возможности, конкретную ее реализацию (например, *лететь*) (2004: 61, 136-137). Более того, автор замечает, что глаголы движения, образующие соотносительные пары, являются единственными глаголами, чья семантика определяется признаком (не)определенности в отношении пространства. По словам автора «*лететь* включает понятие направления, *летать*, напротив, представляет нулевую степень направления» (2004: 61). В работах автора также подчеркивается тот факт, что глаголы движения образуют две параллельные серии, противопоставленные одна другой:

серии глаголов определенного движения противопоставляется серии глаголов неопределенного движения (Карцевский 2000: 170-171; 2004: 136-137).

Согласно подходу Ю.Д. Апресяна (Апресян 1995а), глаголы перемещения делятся на две группы по степени их детерминированности, образуя группу детерминативных и индетерминативных глаголов перемещения. Как и в работе Карцевского, в подходе Апресяна также вычленяется, на наш взгляд, внутренняя семантическая корреляция между элементами одной соотносительной пары. Кроме того, индетерминативные глаголы определяются на основе их детерминативных коррелятов, учитывая при этом, что «перемещение (обозначаемое данным моторно-кратным глаголом) совершается обычно в разное время или в разных направлениях» (Апресян 1995а: 72).

Напомним здесь, что Л. Теньер также употребляет термин перемещение (*déplacement*) в отношении французских глаголов, выражающих однонаправленность передвижения, и термин движение (*mouvement*) для глаголов, выражающих неоднонаправленность движения (Tesnière 1959: 308).

Учитывая тот факт, что терминология может варьироваться в работах различных авторов, здесь и далее в работе, мы будем использовать понятие «движение» и, соответственно, термины «глаголы движения», «события движения», как для глаголов, выражающих определенное движение, так и для глаголов, выражающих неопределенное движение.

В отношении основных характеристик глаголов движения для обозначения различных способов движения (например, пешком, на транспорте, в воде, в воздухе и т. д.), которые А.В. Исаченко называет способами действия⁸⁶ (1960: 209-211), в данной работе мы будем употреблять выражение *способ движения*, а в отношении определенного или неопределенного движения,⁸⁷ обозначаемого каждым из двух элементов соотносительной пары, мы будем

⁸⁶ Явление, которое традиционно в русской аспектологии называют «способами действия», А.В. Исаченко называет совершаемостью. В работе (Исаченко 1960) термин совершаемость указывает на определенную семантическую модификацию глагола, от которой зависит то, как действие, выражаемое исходным глаголом, совершается (209-210). Не случайно в работе (Forsyth 1970) способы действия названы *procedural forms and nuances* (1970: 19), а роль приставок определяется следующим образом: «The prefix may leave unaltered the basic meaning of the original verb [...] but indicate how that action develops or proceeds in particular circumstances, [...]» (19). Об определении понятия способов действия см. также (Татевосов 2009: 104).

⁸⁷ Нам кажется целесообразным здесь еще раз уточнить термины, употребляемые в литературе о глаголах движения. Противопоставление направленность – неоднонаправленность движения заменяется у различных авторов следующими противопоставлениями: однонаправленные (определенно-моторные) – ненаправленные (неопределенно-моторные) глаголы движения (Бондарко, Буланин 1967: 26); глаголы определенно-несовершенного вида (некратный подвид) – глаголы неопределенно-несовершенного вида (кратный подвид) (Грамматика–60: § 723); однонаправленность – неоднонаправленность движения (РГ–80, § 1404); глаголы определенного движения – глаголы неопределенного движения (Карцевский 2000: 171; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: 99-100); моторно-некратные (детерминативные) – моторно-кратные (индетерминативные) глаголы

применять термин *тип движения* (А.В. Исаченко употребляет в этом смысле термин характер действия (1960: 309-312).

Пары бесприставочных глаголов движения русского языка характеризуются признаками тип и способ движения. В рамках одной пары соотносительные элементы противопоставляются по типу движения (определенного или неопределенного) и объединяются по способу движения. В каждой соотносительной паре один из коррелятов выражает определенное движение, а другой неопределенное движение. Глаголы, входящие в пару, не отличаются ни видом (оба члена несов. вида),⁸⁸ ни способом движения: элементы соотносительной пары противопоставлены только по типу движения. По словам А.В. Исаченко, эти элементы соотносительной пары, «каждый по-своему, «стилизуют» данный процесс с точки зрения его протекания в пространстве» (Исаченко 1960: 310 – разрядка автора).

В работе (Forsyth 1970) также подчеркивается, что глаголы, входящие в соотносительные пары, обозначают один и тот же способ движения (“the same mode of locomotion”, но отличаются типом движения (“but present two alternative views of this activity” (1970: 319).

При этом в каждой паре оба члена обозначают один и тот же способ движения (*пешком, на каком-либо средстве передвижения, в воздухе, в/по воде*, и т. п.), и каждая пара соотносительных элементов противопоставляется всем остальным по способу движения.

Объединение в пары по способу движения является отличительной чертой всех глаголов движения в «узком» смысле (т. е. без учета глаголов движения, не входящих в соотносительные пары, отличающиеся по способу и типу движения, например, *шагать, прыгать, двигаться* и т. д.). Об этой важной черте писал еще А.В. Исаченко: «Наиболее характерной приметой глаголов перемещения является их своеобразная «парность», семантическая и морфологическая взаимосотнесённость обоих членов противопоставления...» (Исаченко 1960: 310). Взаимно-однозначное соответствие глаголов, входящих в соотносительные пары, выделяется также в работе (Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: 100).

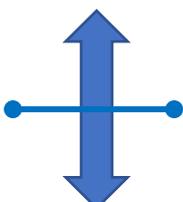
Вышеизложенное можно представить в виде таблицы (см. Таблицу 4). Тип движения, который противопоставляет элементы одной пары, представлен в виде двунаправленной стрелки по горизонтали, в то время как способ движения, который с одной стороны

перемещения (Апресян 1995а: 72); однонаправленные – разнонаправленные глаголы движения (Макеева 2003), *determinate and indeterminate verbs of motion* (Forsyth 1970: 319).

⁸⁸ В Грамматике–60 употребляется выражение «двойкие образования несовершенного вида» (§ 723).

объединяет элементы одной пары, а с другой противопоставляет друг другу различные пары, представлен в виде двунаправленной стрелки по вертикали. Взаимодействие этих двух признаков изображается двумя пересекающимися стрелками: одной, двунаправленной по вертикали, и одной, соединительной, по горизонтали.

Таблица 4 – Типы противопоставления в системе глаголов движения русского языка

основание для противопоставления	направление взаимодействия внутри каждой пары	примеры	
тип движения (определенное – неопределенное)		идти ↔ ходить	
	направление взаимодействия отдельных коррелятов пар между собой		
способ движения		идти ↕ ехать ↕ лететь ...	ходить ↕ ездить ↕ летать ...
	направление взаимодействия внутри каждой пары и всех пар между собой?		
тип движения (определенное – неопределенное) + способ движения		идти ↔ ходить ↕ ↕ ехать ↔ ездить ↕ ↕ лететь ↔ летать	

По рассмотренным типам противопоставлений в русском языке традиционно различаются, например, такие пары бесприставочных глаголов движения несовершенного вида, как *идти / ходить*, *ехать / ездить*, *лететь / летать* и т. д.⁸⁹

⁸⁹ С полным списком глаголов движения, входящих в соотносительные пары, можно ознакомиться, например, в следующих работах: Грамматика–60: § 723; РГ–80: § 1404; Исаченко 1960: 312-313, Forsyth 1970: 319; Fontaine 1973: 148; Карцевский 2000: 171; 2004: 136; Зализняк, Шмелев 2000: 87; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: 99-100).

Глаголы определенного движения выражают движение какого-либо субъекта по определенному вектору (*Path*) и направлены на достижение конечной точки движения, как в примере (65).

(65) [...] Трактор был грязный, дрянной и даже не средней руки. — Я к вам шел и вас отыскивал, — начал Раскольников, — но почему теперь я вдруг поворотил на ский проспект с Сенной! Я никогда сюда не поворачиваю и не захожу. Я поворачиваю с Сенной направо. Да и дорога к вам не сюда.

(65) Хозяева смеются, девчонки повизгивают от досады, что опять он уходит, не рассказав ничего интересного, но, после того как за ним закрывается дверь, Ольга, [...] приближается к окну, чтобы видеть, с какой решимостью и обречённостью он вышагивает через улицу, [...]. Алёша Корнев идёт в сторону набережной, навстречу тому неминуемому, что будет сегодня, и постепенно успокаивается.

Глаголы неопределенного движения могут обозначать разнонаправленное движение, как в примере в (66), а также двунаправленное движение, т. е. передвижение туда и обратно (67), в том числе и повторяющееся (68).

(66) После гола Бузникин около минуты **бегал** по полю вне себя от радости.

(67) Вечером вчера **ходили** в лес, собрали довольно много брусники.

(68) И действительно что-то было. Иногда **ходили** в гости. Но это был круг Ирины.

С той же перспективы рассматривается вопрос в работе (Бондарко, Буланин 1967): «Их [глаголов неопределенного движения] употребление весьма многообразно. Они могут обозначать движение в разных направлениях (хожу по городу), кратное, повторяющееся движение, в частности, в одном направлении (хожу в институт пешком), постоянное свойство (птицы летают)» (Бондарко, Буланин 1967: 26).

Помимо этих значений, в работе (Исаченко 1960) глаголам неопределенного движения приписываются также значение «совершения действия не в один прием», ср. *он ходит в*

В нашей работе в фокусе внимания будут глаголы, обозначающие самостоятельное движение субъекта в пространстве (в англоязычной терминологии *verbs of self-motion*). Заметим также, что мы не будем рассматривать глаголы движения в их переносных употреблениях.

*школу*⁹⁰ и значение «способности к совершению действия», ср. *больной уже ходит* (т. е. способен передвигаться самостоятельно) (Исаченко 1960: 312).⁹¹ Кроме того, они могут выражать способность субъекта передвигаться определенным образом (например, *люди ходят, бегают; рыбы плавают; птицы летают* и т. д. (см. Карцевский 2004: 61, 136-137).

Глаголы типа *идти* обозначают однонаправленное движение, однако, как пишет Дж. Форсайт, важно различать следующие понятия: направленность движения (*direction*), конечная точка движения (*destination*) и цель движения (*purpose*). В высказываниях с глаголами типа *ходить* тоже могут присутствовать конечная точка движения и цель движения (ср., например, *Она ходила на ферму за молоком*). Тем не менее, глаголы определенного движения отличаются тем, что они обозначают движение в конкретное время в одном направлении (Forsyth 1970: 320).

С другой стороны, глаголы типа *ходить* могут обозначать движение как обобщенное действие, без указания на какое-либо конкретное время, а также движение в разных направлениях. В любом случае *ходить* не может получить актуально-длительного толкования, «The view presented by *ходить* is inherently wider, covering several moments of time» (там же: 321).

На основе вышеприведенных определений автор утверждает, что семантика глаголов типа *ходить* примыкает к семантике таких глаголов, как, например, *гулять, танцевать, шататься*, которые обозначают движение субъекта, без указания на направленность и на конкретное время. С другой стороны, глаголы типа *идти* проявляют схожесть с глаголами типа *течь, струить, следовать*, в семантику которых входит компонент однонаправленности движения (там же: 325).

С той же перспективы в РГ–80 рассматриваются также глаголы несовершенного вида, обозначающие направленное движение, например: *мчать и мчаться, шагать, следовать, влечь* (устар.) и *волочь, шествовать* (высок.); прост.: *валить, жарить, дуть, чесать*. По своей лексической семантике данные глаголы примыкают к группе глаголов однонаправленного движения (РГ–80: § 1408), но не имеют соотносительных коррелятов неоднаправленного движения.

⁹⁰ В работе (Апресян 1995а) данное значение рассматривается как перемещение, совершаемое в разное время, т. е., как действие, складывающееся из последовательных отдельных квантов. «Квантом многократного перемещения является перемещение из одной точки в другую, где его направление как-то меняется» (Апресян 1995а: 72, 252).

⁹¹ В данной главе представлена общая картина системы глаголов движения в русском языке. Данное описание не следует считать исчерпывающим. Оно направлено, прежде всего, на выделение семантических признаков, играющих важную роль в пределах нашего исследования. Значения глаголов движения, не связанные с направлением движения, не будут далее рассматриваться.

С другой стороны, в РГ–80 вычлняются также глаголы, обозначающие неопределенное движение, но так же не входящие в соотносительные пары, например, *гулять, кочевать, фланировать, блуждать, колесить, шляться* (прост.), *шататься* (прост.). (РГ–80: § 1408). Семантика глаголов неопределенного движения, не образующих соотносительные пары, рассматривается также в работе (Апресян 1995а). В частности, автор замечает, что глаголы неопределенного движения (в его терминологии моторно-кратные глаголы) семантически связаны с глаголами, выражающими колебательное движение (*болтаться, дергаться, дрожать, качаться, колебаться, мотаться, шататься*). По словам автора, «и те и другие обозначают действия, складывающиеся из четко выделяемых квантов» (Апресян 1995а: 72).

В работе (Макеева 2003) помимо бинарного противопоставления по типу движения, рассматриваются также другие оппозиции среди глаголов движения русского языка. Автор описывает, например, оппозиции по темпу движения (быстро – медленно) (*мчаться, нестись, бежать – брести, плестись, волочься, тащиться, тянуться*), по направлению движения (вверх – вниз) (*подниматься, взбираться – опускаться, спускаться, снижаться, падать...*) (396). Глаголы *метаться, суетиться, тыкаться, соваться, мыкаться, мотаться* определены как глаголы «беспорядочного движения», при этом, по мнению автора, «беспорядочным является движение одного или нескольких предметов-субъектов в разных направлениях при ограничении во времени (одновременности)» (395). Кроме того, автор уточняет, что в семантике перечисленных глаголов, помимо компонента ‘движение’, имеются также дополнительные компоненты, указывающие на темп движения (быстро, торопливо), например, в глаголах *метаться, суетиться, соваться, тыкаться* и на бесцельность движения, например, в формах *соваться, суетиться, тыкаться* (там же: 399).

В работах (Talmy 1975, 2007) проводится параллелизм с одной стороны между семантикой русских глаголов определенного движения, входящих в соотносительные пары, и семантикой английского сателлита *along*, а с другой стороны между семантикой глаголов неопределенного движения и сателлита *about* (*I walked along* vs. *I walked about*, ср. Talmy 1975: 219-222; 2007:143). Л. Талми считает, что соотносительные пары бесприставочных глаголов движения в русском языке можно определить следующим образом: глаголы определенного движения кодируют понятия MOVE⁹² и GO вместе со значением сателлита ALONG, а глаголы

⁹² В работе (Talmy 2007) GO и MOVE не соответствуют английским глаголам *to move* и *to go*. MOVE обозначает само понятие движения, а GO – самостоятельное передвижение одушевленного субъекта, участвующего в ситуации движения в пространстве. GO и MOVE названы Талми «глубокими морфемами» (*deep morphemes*), т. е. фундаментальными и универсальными понятиями семантической организации языка. Таким же образом, ALONG и ABOUT названы «глубокими сателлитами» (*deep satellites*) (Talmy 2007: 81-82).

неопределенного движения кодируют понятия MOVE и GO вместе со значением сателлита ABOUT. Не случайно, замечает автор, в русском языке отсутствуют глагольные префиксы со пространственным значением, кодирующие семантику английских сателлитов *along* и *about*. Таким образом, соотносительные пары бесприставочных глаголов движения объединяют в себе понятия глубоких морфем MOVE и GO и глубоких сателлитов ALONG или ABOUT, являясь таким образом «suppletive extensions of the prefixal Path satellites» (2007: 143).

Кроме того, для некоторых исследователей противопоставление между глаголами определенного и неопределенного движения опирается не на однонаправленность движения, а на другие параметры. Например, в работе (Fontaine 1973) автор противопоставляет глаголы типа *идти* и *ходить* по (не)актуализации действия. В оппозиции *идти* / *ходить* по типу движения автор видит противопоставление актуального и виртуального движения (*actuel* VS *virtuel* или *action singulière* VS *acte générique*) (1973: 156). Глаголы типа *идти* называют актуальное движение (*action singulière*), указывая на конкретную ситуацию, в то время как глаголы типа *ходить* обозначают обобщенное движение (*acte générique*). (1973: 156).

Схожий взгляд представлен в работе (Veyrenc 1980). Автор считает, что глаголы типа *идти* обозначают само передвижение субъекта (*mouvement de déplacement*), в то время как глаголы типа *ходить* описывают какой-либо тип деятельности субъекта (*mouvement de fonction*). Первые он называет глаголами передвижения (*verbes de déplacement*), а вторые глаголами деятельности (*verbes de fonction*) (Veyrenc 1980: 188-189).

В данных подходах можно увидеть сходство с мыслью С.И. Карцевского о том, что глаголы неопределенного движения выражают «различные возможности или способы передвижения» (2004: 136), в то время как соответствующий определенный элемент пары выражает частный случай этой возможности, конкретную ее реализацию.

Важно, на наш взгляд, отметить, что разные авторы в разные времена определяли семантическую структуру глаголов типа *идти* и *ходить*, опираясь на пространственно-временные координаты, т. е. связывая понятия пространство и время, в рамках которых может разворачиваться событие движения.

Все бесприставочные глаголы движения являются глаголами несовершенного вида и обладают характеристиками имперфектива.⁹³

Глаголы несовершенного вида в русском языке могут выражать актуальную длительность ситуации, как в (69а), процесс, как в (70а). В этом случае русским формам

⁹³ Как известно, глаголы несовершенного вида могут выражать следующие частновидовые значения: актуально-длительное (или конкретно-процессное), дуративное, узуальное, итеративное (многократное), общефактическое, потенциальное (ср. Зализняк, Шмелев 2000: 21-31; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: 26-32).

несовершенного вида в настоящем и прошедшем времени соответствуют в итальянском языке различные видовременные реализации аспектуальных значений: специализированный показатель для выражения прогрессива (69б), форма настоящего времени и имперфектива для обозначения процессности (70б), (70в).

(69а) – Мы знакомы? – Нет, – отвечает мужчина, – но могли бы быть знакомы, если бы жили в одном номере... Вдруг Марина позабыла про фильм и остановилась. «Куда это я *иду?*» – растерянно подумала она и поглядела по сторонам.

(69б) "Ci conosciamo? ""No", risponde l'uomo, "ma potremmo conoscerci, se vivessimo nella stessa stanza d'albergo... "Improvvisamente Marina lasciò perdere il film e si fermò. "Dove *sto andando?*", pensò confusa, guardandosi intorno.

(70а) Бричка *бежит*, а Егорушка видит всё одно и то же — небо, равнину, холмы...

(70б) Il calesse *corre*, e Jegòruska vede sempre le stesse cose: il cielo, la pianura, le colline...

(70в) Il calesse *correva* e Egòruška vedeva sempre la stessa cosa: il cielo, la pianura, le colline...

Кроме того, в подходящих контекстных обстоятельствах глаголы типа *ходить* могут обозначать как двунаправленное, так и разнонаправленное движение⁹⁴ (ср. Плуноян 2011: 332, 408). Русским глаголам неопределенного движения, выражающим итеративную (72а) и генеричную (71а) хабитуальность в итальянском языке соответствуют итеративно-хабитуальное (72б), генерично-хабитуальное (71б) употребление презенса и имперфекта:

(71а) Рысь *ходит* как кошка, лапка за лапку, совершая [...] за ночь многоверстные переходы.

(71б) La lince *cammina* come il gatto, una zampa dietro l'altra, percorrendo [...] molte «verste» in una notte.

(72а) Вечерами они смотрели телевизор и беседовали. По субботам *ходили* в кино. Принимали гостей и навещали знакомых.

(72б) La sera guardavano la televisione e discorrevano. Di sabato *andavano* al cinema. Ricevevano ospiti ed andavano a trovare gli amici.

Глаголы типа *идти* могут также употребляться в настоящем времени для обозначения запланированного события в ближайшем будущем. Только глаголы типа *ходить* могут

⁹⁴ В работе (Плуноян 2011: 408) данное употребление моторно-кратных глаголов движения определяется как особая разновидность итеративности, выражающая хаотичное движение в разных направлениях.

обозначать двунаправленное движение (туда и обратно), но никогда в настоящем времени. Такое значение встречается, как правило, в прошедшем времени (Forsyth 1970: 326). В настоящем времени глаголы типа *ходить* могут обозначать неактуальную итеративность ситуации движения (т. е. никогда не получают актуально-длительной интерпретации), в отличие от глаголов типа *идти*, для которых такое значение (в том числе в настоящем времени) является основным.

Помимо глагольных форм, входящих в соотносительные пары, в русском языке встречается разнообразный набор глагольных лексем, обозначающих пешее передвижение,⁹⁵ таких как, например, *плестись*, *тащиться*, *шляться*, *шататься*, *слоняться*, *шествовать*, *семенить*, *топать*, *гулять*⁹⁶ и т. д. Перечисленные глаголы рассматривались в лингвистической литературе с точки зрения их фокуса на пешем способе движения, (не)направленности, (не)одушевленности субъекта и типа движения (наблюдаемого объективного движения vs субъективного движения)⁹⁷ (см. подробнее об этом Левонтина, Шмелев 1999 и Шмелев 2002, где также рассматривается семантика глагольных лексем типа *планировать*, *кочевать*, *колесить*, связанных с понятием свободного, разнонаправленного, бесцельного движения). Ю.Д. Апресян тоже подчеркивает, что как идея пешего передвижения, так и понятие полета в воздухе в русском языке лексически не сводятся к глагольным формам, входящим в соотносительные пары. Идея хождения и передвижения в воздухе проникает в семантику большого числа различных глаголов, например, *блуждать*, *бродить*, *плестись*, *слоняться*, *шляться*, *парить*, *рысить*, *скакать* и др. (Апресян 1995а: 73). В отношении глаголов движения, не входящих в соотносительные пары, в РГ (РГ–80: § 1408) отмечается также, что они стилистически окрашены. Некоторые относятся к просторечию, например, *шататься*, *шляться*, *валить*, *жарить*, *дуть*, *чесать*, в то время как глагол *влечь* отмечен как устаревший вариант, а глаголы *волочь* и *шествовать* как принадлежащие к высокому стилю.

⁹⁵ Пешее передвижение противопоставляется не только передвижению, которое осуществляется при помощи вида транспорта, но и передвижению, обозначенному лексемами типа *прыгать*, *плавать*, *бежать*, поскольку в этих случаях в отличие от пешего передвижения нет непрерывного контакта с поверхностью (см. определение *бежать* в работе (Апресян 1995а: 108).

⁹⁶ В работах (Левонтина, Шмелев 1999: 281; Шмелев 2002: 355-357) у глагола *гулять* выделяется семантический компонент свободного передвижения и отсутствия стеснений. В словарных описаниях (в Большом Академическом Словаре (далее БАС) и в Маленьском Академическом Словаре (далее МАС)) глагол *гулять* имеет значения свободного, бесцельного хождения (ради удовольствия, отдыха); передвижения в разных направлениях; времяпровождения на воздухе; блуждания.

⁹⁷ В работе (Левонтина, Шмелев 1999) глаголу *семенить*, который объективно характеризует передвижение субъекта, противопоставлен глагол *шляться*, которое описывает внутреннюю характеристику движущегося субъекта (1999: 269-270).

2.2.1 Семантика и внутренняя структура глагола *идти*

В данном параграфе будет рассмотрена семантическая структура глагола *идти*, который, согласно мнению некоторых ученых, является самым главным русским глаголом движения (ср. Майсак, Рахилина 1999: 53). Глаголу *идти* посвящено большое количество исследований как в традиционной лингвистике (Исаченко 1960; Veyrenc 1980; Fontaine 1973; Апресян 1995а), так и в более современных работах (Майсак, Рахилина 1999; Рахилина 2008; Берницкая 2019).

В диахронической перспективе у глагола *идти* принято выявлять два семантических признака – обозначение передвижения, без каких-либо указаний на способ движения и направленность движения. В работе (Dickey 2010) отмечается, что семантика старославянского (и далее древнерусского) глагола *ити*, в отличие от семантики современного *идти*, выражает только ‘обобщающее’ перемещение, т. е. это *generalized verb of motion*, не указывая на способ движения (2010: 99, 104-105). Кроме того, старославянское *ити* функционировал как глагол удаления, фокусирующийся скорее всего на исходной точке движения, а не на конечной. В работе отмечается, что «In aspectual terms, we may say that the determinate VoM [Verbs of Motion – G. Z.] profiled the *onset* of the motion as well as any amount up to the entire trajectory» (Dickey 2010: 99).

Следует здесь отметить, что в терминологии автора под понятием *generalized motion* понимается сам факт передвижения субъекта в пространстве. Данное понятие противопоставлено автором понятию способа движения (*manner of motion*). Глаголы, называющие способ движения, описывают движение, которое воспринимается как неопредельный процесс, развивающийся во времени. В этом смысле глаголы, кодирующие способ движения, не приводят к изменению местоположения субъекта в пространстве, т. е. они *basically stative* (2010: 99).⁹⁸

⁹⁸ Как нам кажется, можно увидеть сходство между подходом, представленным S. M. Dickey (Dickey 2010) и взглядом Л. Теньера, согласно которому, напомним, понятие перемещения (*déplacement*) противопоставляется понятию движения (*mouvement*). Такой взгляд на вопрос выражается также в работе (Vaillant 1939), где в глагольной системе старославянского языка выделяется противопоставление между глаголами перемещения (*verbes de mouvement*, типа *идти*) и глаголами, называющими способ движения (*verbes d'état*, типа *ходить*) (1939: 295-296).

В более поздней работе (Veyrenc 1980) противопоставление глаголов определенного движения и глаголов неопределенного движения в глагольной системе современного русского языка рассматривается в плане противопоставления между глаголами перемещения в собственном смысле слова, т. е., ‘простого’ перемещения (*verbes de déplacement*), и глаголами деятельности (*verbes de fonction*). На наш взгляд, здесь важно подчеркнуть тот факт, что все упомянутые авторы в разное время и применяя различную терминологию, пришли к общему выводу, что глаголы движения, образующие соотносительные пары, противопоставляются по следующим характеристикам: ‘простое’ перемещение (перемещение как прототипическая реализация движения в терминологии В.А. Плулуняна), т. е. направленное движение, vs движение в пространстве как деятельность, не предполагающая перехода из начальной в конечную точку передвижения.

В работе (Dickey 2010) сформулирована гипотеза, согласно которой, старославянский глагол *ходити* можно было считать глаголом, выражающим способ движения (*Manner of Motion Verbs*), а не глаголом неопределенного движения (*Indeterminate verbs of motion*), как в современном русском языке (2010: 74-82).⁹⁹ Оба глагола, *ити* и *ходити*, могли обозначать определенное движение и имели актуально-длительное значение, а глагол *ити* стал коррелятом *ходити* по определенности / неопределенности движения только в более позднее время. Согласно гипотезе, представленной автором, глагол *ходити* утратил возможность выражать однонаправленное передвижение в то время, когда глаголы типа *ходити* перестали противопоставляться *ити*, выражающему 'обобщающее' перемещение, и начали выступать в качестве коррелятов тех глаголов, которые выражают (определенное), актуализированное движение, т. е. описывают действие, разворачивающееся в момент наблюдения. Автор считает, что, оба глагола, *ити* и *ходити*, могли обозначать определенное движение и имели актуально-длительное значение.

Благодаря процессам префиксации и развивающейся соотносительности в системе глаголов движения глагол *ходити* претерпел функциональное сужение употребления. Префиксация, особенно распространение приставки *при-*, привели к функциональным сдвигам в системе глаголов движения: приставочные глаголы начали обозначать целенаправленность движения (*goal-oriented trajectories*), в то время как глагол *ити* продолжал специализироваться на выражении актуального однонаправленного движения (*ongoing directed motion*), а глагол *ходити* начал выражать тогда ненаправленное движение (*aimless motion*) и двунаправленное движение (*repeated goal-oriented trajectories*) (2010: 92-96), развиваясь при этом в сторону семантики современного глагола неопределенного движения *ходить*.

⁹⁹ В работе (Генчева 1979) рассматриваются семантика и употребление глагола *ходити* в древнеболгарских памятниках и принимаются во внимание пространственно-временные координаты ситуации движения. В частности, автор отмечает, что глагол *ходити* обозначал движение как таковое, вернее, физическую возможность субъекта перемещаться в пространстве. Все пространственно-временные значения, приписываемые глаголу *ходити*, на самом деле, по мнению автора, не входят во внутреннюю семантику глагола, а возникают только в определенных контекстных условиях (1979: 19). В подходящем контексте глагол *ходити* мог получить также актуально-длительную интерпретацию или обозначать однонаправленное движение (там же: 20).

На самом деле, на наш взгляд, роль контекста сохраняется в известной степени в конкретных реализациях глагола *ходить* и в современном русском языке. Например, в шахматной игре, где действуют определенные правила на передвижение различных фигур, для обозначения хода, помимо глагола *идти*, употребляется также глагол *ходить*. В БАС в толкование глагола *ходить* входят следующие два употребления: «делать ход какой-н. фигурой», а также «делать ход **в определенном направлении**» (и здесь речь может идти также о шахматных фигурах, например, *слон ходит по диагонали*). Иными словами, как нам кажется, во-первых, глагол *ходить* имеет более широкую семантику, вернее, более широкую сферу употребления, а, во-вторых, в определенных условиях (в одном из своих значений) глагол *ходить* также может обозначать определенное движение в определенное время. Кроме того, согласно толкованию, представленному в МАС, глагол *ходить* выступает также в качестве синонима *идти*, когда речь идет о ходе в карточной или шахматной игре. Это последнее употребление глагола *ходить* отмечается также Ю.Д. Апресяном, который при описании многозначности семантики глагола *ходить* отмечает, что глагол *ходить* употребляется также в значении «делать ход в игре» (Апресян 2009: 462).

В работе (Ruvoletto 2014) также отмечается, что первоначально, в древнерусский период (в работе автор рассматривает акциональные и аспектуальные признаки глаголов *ити* и *ходити* в *Повести временных лет*), глагол *ити* обозначал, как правило, однократное событие однонаправленного движения («*spostamento singolo in un'unica direzione*») одушевленного либо неодушевленного субъекта в пространстве, при этом внимание не фокусировалось на способе движения (ср. Ruvoletto 2014: 214-215).

Если сравнивать толкования глагола *идти* в словарях русского языка XX и XXI веков,¹⁰⁰ выделяется в первую очередь общее и главное для всех толкований значение пешего передвижения в пространстве, а также движение в определенном направлении и по определенному маршруту. Таким образом, если судить по вышеупомянутым словарным толкованиям, то у глагола *идти* можно выделить две основных семантических характеристики: способ движения (пеший) и тип движения (определенное движение).

В работах (Рахилина 1990; Майсак, Рахилина 1999), применяя на русском материале классификацию глаголов движения Филлмора (Fillmore 1975, 1983), авторы приходят к выводу о том, что глагол *идти* не следует считать ни глаголом удаления (*Source-oriented*), ни глаголом прибытия (*Goal-oriented*), поскольку его семантика не ориентирована ни на начальную, ни на конечную точку движения (Рахилина 1990: 91-99; Майсак, Рахилина 1999: 53). Иными словами, глагол *идти* в плане валентной структуры является 'простым' глаголом перемещения,¹⁰¹ поскольку обе семантические валентности (начальной и конечной точки) факультативны. Тем не менее, как свидетельствуют результаты исследования, представленные в работе (Майсак, Рахилина 1999: 55-59), эти локативные валентности не имеют одинакового статуса, поскольку валентность конечной точки выражается чаще, чем начальная. Это подтверждаются данными из НКРЯ, согласно которым конечная точка при глаголе *идти* выражается в 5 раз чаще, чем исходная.¹⁰²

¹⁰⁰ Мы сравнивали словарные толкования глагола *идти* из следующих словарей: 1. Словарь русского языка: в 4-х т. [далее МАС] / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А-Й. – С. 631-633. 2. Словарь современного русского литературного языка [далее БАС] / Академия Наук СССР / Институт Языкознания. Москва-Ленинград, 1956. Т. 5. И-К. С. 58-75. 3. Толковый словарь русского языка (Под ред. Д.Н. Ушакова) [далее СУ] в 4 т. — М.: Гос ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. Т. 1. А—Кюрины. — Стб. 1266—1269. 4. Большой академический словарь русского языка [далее Новый БАС] / Рос. Акад. Наук, Ин-т лингвист. исслед.; под ред. Л.И. Балахоновой, Т. 5 (деньга-жюри) (2006 г.), Т. 7 (И-каюр) (2007 г.).

¹⁰¹ В работе (Майсак, Рахилина 1999), как впрочем, и в более ранней работе (Рахилина 1990), глагол *идти* определяется как глагол «чистого» перемещения» (1990: 96; 1999: 54, 57), но в его отношении авторы применяют также выражения «нейтральный», или «обобщающий» глагол перемещения» (1999: 61). В нашей работе в качестве соответствия мы будем использовать словосочетание глагол 'простого' перемещения.

¹⁰² Поисковый запрос (для конечной и начальной точки, соответственно) формулировался следующим образом: 'S & nom & anim на расстоянии 1 от *идти* на расстоянии 1 от *в/на* на расстоянии 1 от S & acc & inan & S, r:concr & (t:hum:etn | t:space | t:constr)'
'S & nom & anim на расстоянии 1 от *идти* на расстоянии 1 от *из/с* на расстоянии 1 от S & gen & inan, r:concr & (t:hum | t:hum:etn | t:space | t:constr)'

Согласно когнитивному подходу к изучению языка и концептуализации действительности, это явление объясняется принципом преобладания конечной точки над начальной (*goal-over-source principle* (Ikegami 1979) или *goal-bias* (Ungerer, Schmid 2006; Verspoor et al. 2004) (в русской терминологии «уклон в сторону конечной точки» (Майсак, Рахилина 1999: 59) или «отклонение в пользу конечной точки» (Майсак 2005: 114-115), ср. также Плунгян 2011: 329). Иными словами, когда мы передвигаемся в пространстве или говорим о движении, для нас является более релевантной конечная точка, а не начальная, т. е. нам важнее куда мы движемся, а не откуда. Целью передвижения является, как правило, движение вперед, а не назад (ср. Данная мысль встречается также в работе лингвистов Miller и Johnson-Laird, по словам которых «It seems to make little difference where the traveling was from, but where it was to is critical» (Miller, Johnson-Laird 1976: 539).

Примечание 2. О понятии goal-bias

Вопросу о понятии неравноправного статуса начальной и конечной точек движения посвящено большое количество исследований, начиная с конца семидесятых годов (Ikegami 1979) до наших дней (Корецка, Vuillermet 2021). Разные авторы в разное время сосредотачивали свое внимание как на его когнитивной стороне (см., в частности, Ungerer, Schmid 2006; Verspoor, Dirven, Radden 2004; Lakusta, Landau 2012), так и на его конкретных реализациях в различных языках (см., в частности, Stefanowitsch, Rohde 2004; Stefanowitsch 2018; Корецка 2017).

Асимметричное отношение между компонентами маршрута движения описывается также в работе (Talmy 2000a: 257-309). Напомним, прежде всего, что согласно концепции автора, обязательными компонентами события движения являются *Figure* (движущийся субъект), *Motion* (само движение), *Path* (Маршрут), *Ground* (ориентир). В подходе и терминологии автора *Path* состоит из начальной части (*initial portion*), серединной части (*medial portion*) и конечной части (*final portion*). Все эти компоненты обязательно присутствуют в концептуализации события движения, однако, это не значит, что все они кодируются одновременно и имеют одинаковый вес в описываемой ситуации: они могут быть эксплицитно выражены (*windowed for attention*) или, наоборот, опущены (*gapped*). Говорящий может кодировать все порции маршрута, либо фокусироваться на одном или двух компонентах. В подходе, предложенном в работе (Талми 2000а), это явление, указывающее на неравноправное выражение различных компонентов маршрута в высказывании, названо *path windowing* (2000a: 265).

В лингвистической литературе данный процесс подчеркивания определенных порций маршрута получало разные названия, в частности, один из принятых терминов это *goal-bias*. Он встречается, например, в работах Ungerer, Schmid 2006; Lakusta, Landau 2012; Stefanowitsch, Rohde 2004; Stefanowitsch 2018. Однако, используются также термины *goal-over-source principle* (Ikegami 1979; Verspoor et al. 2004), *source-goal asymmetry* (Корецка, Vuillermet 2021), *goal/source asymmetry* (Lakusta, Landau 2012).

Более того, стратегия подчеркивания порций маршрута применяется в отношении трех типов маршрута: открытого, закрытого и фиктивного (Talmy 2000a). Для нашего исследования интерес представляют первые два типа. Движущийся субъект описывает маршрут открытого типа, когда он перемещается с начальной до конечной точки и местоположение данных точек в пространстве не совпадает. В случае маршрута закрытого типа, наоборот, начальная и конечная точки движения совпадают. В этом последнем случае может быть выражена любая порция маршрута, но при этом невозможно выразить только начальную порцию, не указывая на серединную и конечную порции.

Сказанное иллюстрируется автором при помощи следующего примера, где (1), (2) и (3) указывают на начальную, серединную и конечную порции маршрута соответственно.

[предыстория: I need the milk]

- (i) (1) Go (2) get it out of the refrigerator (3) and bring it here. (*Full windowing*)
- (ii) (2) Get it out of the refrigerator. (*Medial windowing*)
- (iii) (3) Bring it here. (*Final windowing*)
- (iv) (1) Go (2) get it out of the refrigerator. (*Final gapping*)
- (v) (1) Go (3) bring it here. (*Medial gapping*)
- (vi) * (1) Go. (*Initial windowing, medial and final gapping*)

(Talmy 2000a: 268)

В работе (Ungerer, Schmid 2006) авторы предлагают следующее объяснение невозможности выделения только начальной порции в случае маршрута закрытого типа: «the fact of a departure taking place does not include enough information about the rest of the path to ensure that the whole motion event is realized» (2006: 224). Иными словами, когда нам известна конечная точка движения, у нас есть возможность восстановить весь маршрут полностью, т. е. представить себе серединную порцию и, даже, начальную точку движения и, соответственно, восстановить событие движения в его целостности.¹⁰³ С этой же перспективы в работе (Ikegami 1979) наблюдается, что «The source and the goal are thus psychologically not equally valued as constituting elements of a completed motion. The mention of the goal is essential, but the mention of the source is only optional» (1979: 149).

В случае маршрута открытого типа приемлемы все варианты выражения или опущения одной порции маршрута (Talmy 2000a: 266), и автор это показывает на основе следующего примера: *The crate that was in the aircraft's cargo bay fell out of the plane through the air into the ocean* (2000a: 266; см. также Ungerer, Schmid 2006: 222-223). И, действительно, в данном случае возможность выразить ту или иную порцию маршрута мотивируется также лексическими свойствами глагола *fall* (падать), которые позволяют восстановить в воображении опущенные порции маршрута. По этой причине возможно также выражение только начальной точки, как в примере: *The crate fell out of the plane*, и опустить серединную и конечную порции маршрута, потому что начальная порция воспринимается как самостоятельный отрезок маршрута. С этой же точки зрения в работе (Stefanowitsch, Rohde 2004) в примере *He fell from the roof* выражение только начальной точки объясняется тем, что наше представление о действительности и физическом законе силы тяжести позволяют восстановить все порции маршрута. По словам авторов: «Our knowledge about gravity will enable us to infer at no great cognitive cost that the trajectory is *down* and the goal is *the ground*» (263). В связи с этим, А. Stefanowitsch и А. Rohde считают, что такие случаи не являются исключением из принципа *goal-bias*, потому что конечная точка, хотя и эксплицитно не выражена, «is a salient part of the conceptualization» (там же).

В работе (Verspoor, Dirven, Radden 2004) вопрос о преобладании конечной точки над начальной рассматривается с когнитивной перспективы. Авторы сосредотачиваются в основном на участии и роли одушевленного субъекта (человека) в ситуации движения. С этой точки зрения они отличают ситуации движения без участия человека (the “moving” schema) от агентивных ситуаций движения (the “doing” schema), которые предполагают активное участие человека. По словам авторов, участие человека в ситуации движения «involves human volition, and we tend to be far more interested in the goal of the action than in the source of the action [...]». Therefore, when human action is involved, goal is far more salient than such a starting-point» (2004: 84). Согласно данному подходу, участие человека в событии движения играет важную роль в толковании (объяснении) принципа асимметричного отношения конечной и начальной точек движения как на уровне высказывания, так и на уровне самой концептуализации события движения. И, действительно, когда речь идет о событиях, предполагающих

¹⁰³ В этом отношении, следуя подходу, представленному в работе (Stefanowitsch, Rohde 2004), нам кажется целесообразным подчеркнуть, что само понятие целостности события движения во многом зависит от внутренней семантики глагола и от его акциональной принадлежности: «It depends to a large degree on the semantics of the specific motion verb used to encode the event» (2004: 264). Если глагол воспринимается прежде всего как глагол деятельности (*activity* в классификации Вендлера), то начальная и конечная точки движения не являются релевантными. Как утверждают Stefanowitsch и Rohde на основе глаголов английского языка *cruise* и *stroll*: «We can conceptualize somebody strolling or cruising without conceptualizing a source or goal because both verbs refer to kinds of motion that are executed for their own sake, simply because they are enjoyable» (2004: 264). Наоборот, в случае, например, употребления глагола *escape* акцент делается на начальной точке, а не на конечной, потому что в общем представлении важно, откуда люди намерены бежать (из тюрьмы, из плена), а не куда (на волю).

активное участие человека, то конечная точка является, как правило, важнее, чем начальная (Verspoor et al. 2004: 84-85).

Таким образом, с одной стороны, как утверждается в вышеупомянутом исследовании (Майсак, Рахилина 1999), «асимметрия локативной валентности в сторону К [конечной точки] выглядит универсальной (или почти универсальной) тенденцией естественного языка выделять и эксплицировать конечный пункт перемещения. Объяснение этого кроется в самой природе перемещения, точнее – в его когнитивном представлении» (1999: 60, разрядка авторов). С другой стороны, если принять во внимание поведение конкретных глагольных лексем, рассмотренных в работе (Майсак, Рахилина 1999: 55-56)), то становится понятным, что семантические валентности глаголов отражают их собственную семантику.¹⁰⁴ В работе (Майсак, Рахилина 1999) этот подход к изучению семантических свойств глагола *идти* через его локативные валентности назван семантическим или внутренним, поскольку принимаются во внимание индивидуальные семантические свойства определенной лексики. В работе (Майсак, Рахилина 1999) авторы ссылаются в первую очередь на семантическое толкование Ю.Д. Апресяна, согласно которому «А идет из Y-а в Z = ‘А перемещается из Y-а в Z, переступая ногами и ни в какой момент не утрачивая полностью контакта с поверхностью, по которой А перемещается’» (Апресян 1995а: 108). Кроме того, в той же работе Ю.Д. Апресян определяет следующие типы валентности у глагола *идти*: $Ab \rightarrow$ (начальная точка, ср. *идти \rightarrow оттуда*); $Ad \rightarrow$ (конечная точка, ср. *идти \rightarrow туда*) (Апресян 1995а: 125-126). При этом, как замечает автор, «высоковероятные, хотя и не совершенно обязательные, валентности, по всей видимости, тоже должны учитываться при установлении валентной структуры слова, однако факт их семантической факультативности, создающий их особый статус, следует каждый раз специально оговаривать» (там же).

С другой стороны, следует учитывать, что у глагола *идти* имеются также другие употребления. В русском языке, например, вполне приемлемы выражения *корабль идет* [вместо плывет], *машина идет* [вместо едет], *снег идет* [вместо падает] (Майсак, Рахилина 1999: 61). Именно в этих переносных употреблениях глагол *идти* проявляет свой «нейтральный» характер, т. е. выступает в качестве ‘простого’ глагола перемещения, тем самым, не сосредотачивая внимания на способе движения. Иными словами, уход компонента ‘способ движения’ на задний план приводит к тому, что на первый план выходит признак направленности и, в результате, глагол *идти* выступает в качестве ‘простого’ глагола перемещения.

¹⁰⁴ В исследовании, помимо глагола *идти*, авторы рассматривают локативные валентности ряда других бесприставочных и приставочных глаголов движения.

Несмотря на то, что употребление глагола *идти* шире, чем употребление других глаголов движения,¹⁰⁵ оно все-таки ограничено, так как глагол *идти* допустим не в любых контекстах. Контексты, где 'простой' глагол *идти* возможен, выделяются на основе признака целенаправленности движения (Майсак, Рахилина 1999: 62). Эту мысль авторов можно иллюстрировать примерами из корпуса (НКРЯ). Так, например, глагол *идти* употребляется для обозначения передвижения (чаще всего, приближения с точки зрения говорящего) транспортных средств, которые движутся по расписанию (73), в определенном направлении, по определенному маршруту (74).

(73) И тотчас Фаддей появился. – Поезд *идёт* через два часа. Плед Герасиму Николаевичу! Бельё.

(74) Из России *идут* в Барнаул два прямых поезда.

Таким же образом, в примерах в (75) и в (76) целенаправленность движения, в том числе, передвижение по определенному маршруту, выдвигается на первый план, в то время как сам способ движения может подразумеваться из контекста или может быть нерелевантным. Согласно подходу авторов, в примере (76) употребление глагола *идти* объясняется тем, что «некоторые небесные объекты, издавна известные человеку своей приверженностью к строгому распорядку движения, никогда не *летят* по небу, хотя часто *идут* [...]» (Майсак, Рахилина 1999: 62, выделено авторами). Иными словами, авторы предполагают, что употребление глагола *идти* в данных контекстах прямо пропорционально степени известности и определенности маршрута и, в частности, зависит от «функциональной предназначенности объекта» (там же).

(75) По наблюдениям туземцев, лососёвые рыбы *идут* по Кусуну неодинаково: кета *идёт* до реки Сололи, горбуша — до Бягаму и, как всегда, дальше всех забирается мальма.

(76) И чем дальше он читает, тем чаще приходится снимать очки и дольше держать их над папиросой, потому что солнце *идет* к закату, а книга волнует все больше и больше.

Подводя итоги, можно сказать, что в тех употреблениях глагола *идти*, где он выступает в качестве глагола 'простого' перемещения, ввиду роли определенности маршрута и

¹⁰⁵ «[...] язык как бы сам выбрал именно этот глагол для обозначения различных типов перемещения, тогда как область применения прочих глаголов движения (типа *двигаться*, *перемещаться* или *бежать*, *лететь*) гораздо уже и специфичнее» (Майсак, Рахилина 1999: 61-62).

целенаправленности движения, а также нейтрализации характерного для него выражения способа движения, акцент делается в основном на конечной точке движения и, в этом смысле, глагол *идти* можно включить в группу глаголов прибытия, для которых релевантным является принцип *goal-bias*.

2.2.2 Семантика и внутренняя структура глагола *ехать*

Данный параграф посвящен семантической структуре глагола *ехать*. Прежде чем перейти к некоторым исследованиям, посвященным семантике глагола *ехать*, мы рассмотрим его толкования в словарях современного русского языка.

Если сравнить толкования глагола *ехать* в разных словарях, можно отметить, что основным является значение перемещения при помощи каких-либо средств передвижения. В МАС и БАС уточняется также, что перемещение может осуществляться по суше или по воде. Кроме того, в МАС и в СУ в качестве второго значения глагола *ехать* выделяется также целенаправленность движения. Наиболее полное толкование глагола *ехать* представлено в БАС: «двигаться, перемещаться в определенном направлении по суше или по воде при помощи каких-л. средств передвижения». В Новом БАС фокус оказывается на направленности и на способе движения: «отправляться куда-л. (пользуясь какими-л. средствами передвижения); уезжать». Помимо этого, толкование при помощи глагола «уезжать», содержащего префикс удаления *у-* свидетельствует о том, что возможен фокус на начальной точке движения. Отметим также, что во всех словарных толкованиях указывается также на разговорное употребление глагола *ехать* в значении 'сдвигаться с места, соскальзывать'.

Кроме того, рассматривая глагол *ехать* в диахронической перспективе А.В. Исаченко замечает, что первоначально он «обозначал преимущественно верховую езду и передвижение по воде», а в современном русском языке глагол обозначает «всякое передвижение при помощи средств сообщения» (1960: 316).

В работе (Апресян 1995а) семантика глагола *ехать* определяется следующим образом: «А едет из Y-а в Z на W = 'А перемещается из Y-а в Z, потому что А находится на W, которое перемещается из Y-а в Z, и перемещение из Y-а в Z входит в число целей А'» (Апресян 1995а: 108). В определении, предложенном Ю.Д. Апресяном, как и в вышерассмотренных словарных толкованиях, выделяется составляющая целенаправленности движения одушевленного субъекта в пространстве. Отметим здесь, что Е.В. Рахилина уточняет, что, употребление глагола *ехать* допустимо при одушевленном субъекте движения, потому что целенаправленность движения здесь оказывается отличительной чертой самого

одушевленного движущегося субъекта, а не семантическим свойством глагола *ехать* (в отличие от глагола *идти*, для которого свойственна целенаправленность движения) (Рахилина 2002: 401).

Что касается движения самих средств передвижения, то в других источниках (Майсак, Рахилина 1999; Рахилина 2002, 2008: 312-321) отмечается, что в русском языке для обозначения целенаправленного движения средства транспорта, употребляется, как правило, обобщающий ('нейтральный') глагол *идти* вместо *ехать*. А.В. Исаченко замечает, что «русские глаголы *ехать – ездить* обычно употребляются для обозначения перемещения лиц при помощи разных средств транспорта: *Я еду на санях (на машине, в поезде)* [...]. Реже эти глаголы употребляются для обозначения движения самих средств транспорта, ср. *Поезд едет медленно, Вдали ехала телега*; [...]. Чаще в этом втором значении употребляется пара *идти – ходить* [...]» (1960: 316, разрядка и курсив автора).

Итак, можно сказать, что целенаправленность движения характеризует прежде всего передвижение одушевленного субъекта на каком-либо средстве транспорта, а не само движение транспорта. Употребление глагола *ехать* в контекстах передвижения средств транспорта допускается только в тех случаях, когда он «описывает движение, не полностью контролируемое субъектом, а значит, не целенаправленное, ср. *за нами идет автобус* и *за нами едет автобус*: если автобус послан навстречу [...], предпочтительнее *идет*, в случае немаркированного с точки зрения цели движения [...], возможно только *едет*» (Рахилина 2002: 395).

Рассмотрение предложенных ниже примеров (77)-(84) подтверждает мысль о том, что в контексте передвижения средств транспорта употребление глагола *ехать* описывает как само движение колесного средства транспорта (77), (78), (79), характеризуя его (*медленно, тихо* и т. д.), так и серединную порцию маршрута (80), (81). Однако, заметим, что наличие и выражение начальной и конечной точек не исключается (82), (83), при этом в высказывании они могут быть также выражены одновременно (84).

Рассмотрение предложенных ниже примеров (77)-(79) подтверждает мысль о том, что в контексте передвижения средств транспорта употребление глагола *ехать* может описывать само движение колесного средства транспорта, указывая, каким образом оно осуществляется (*медленно, тихо* и т. д.), но никак не отсылая к какой-либо порции маршрута:

(77) Автобус *едет* медленно — ну что ж, поедем медленно.

(78) По такой жаре автобус *едет* с открытыми люками в крыше и с раздвинутыми стеклами в окнах, вот в окно-то я и устался.

(79) Заперли вагон. Поезд *едет тихо-тихо*... Потянулось строение вокзала.

Тем не менее, может указываться срединная порция маршрута (80), (81):

(80) Поначалу, когда поезд *ехал по чужим полям и лесам*, воспоминания как будто отступили.

(81) Автобус *ехал через центр*, мутно светились в сыром воздухе вывески магазинов.

Заметим также, что наличие и выражение начальной и конечной точек не исключается, как в примерах (82), (83), при этом в высказывании они могут быть также выражены одновременно, как в (84).

(82) Наконец втащили. Автобус *едет в Союз писателей*. Там панихида, народу немного.

(83) Приёмник хрипел: «Поезд *едет до станции Строгино*».

(84) Оказалось, что императорский поезд *ехал из Ялты в Москву*, причем дали такую большую скорость, которую требовали и на Юго-Западных железных дорогах.

В описании когнитивных структур, составляющих семантику глагола *ехать*, А.Д. Кошелев выделяет также такие составляющие, как движение по твердой поверхности; фиксированный и устойчивый характер опорной области и непрерывность контакта с твердой поверхностью при движении (Кошелев 1999: 46-48). На основе этих характеристик автор формулирует следующее описание семантики глагола *ехать*: «*X едет* = 'X движется, непрерывно опираясь на твердую поверхность фиксированной опорной областью'» (Кошелев 1999: 47).

Согласно этому определению, можно, например, сказать, что человек, сидящий в автобусе, *едет*, поскольку у него есть фиксированная опорная область (пол и колеса автобуса), посредством которой он опирается на дорогу. Кроме того, данная опорная область при движении не утрачивает ни в какой момент контакт с твердой поверхностью (дорогой). Таким же образом, можно сказать, что сам автобус *едет*, зато нельзя сказать, что его колеса *едут*, поскольку колесное движение не предполагает фиксированной опорной области, т. е. колесо движется, непрерывно опираясь на твердую поверхность, но опорная область колеса постоянно меняется (ср. Кошелев 1999: 48).

Если вернуться к словарным толкованиям глагола *ехать* и сравнить их с приведенным определением (Кошелев 1999), то становится понятным, что в контексте движения по водной поверхности в отношении одушевленного лица глагол *ехать* допустим только тогда, когда

движение осуществляется по твердой поверхности¹⁰⁶ (ср. Кошелев, 1999: 46). Поэтому, можно сказать, например, что *X едет на парходе, на корабле*, но вряд ли *на лодке* или *на паруснике*, поскольку в этих последних случаях движение не осуществляется по поверхности, обеспечивающей относительную устойчивость движущемуся средству и, соответственно, одушевленному участнику движения.

В работе (Рахилина 2002) выражение *Я еду* определяется следующим образом: «‘перемещаюсь, воспринимая свое перемещение как самопроизвольное (без своего участия), когда с помощью транспортного средства *X* я плавно (можно было бы сказать: квазискольльзящим движением) перемещаюсь относительно поверхности земли – как если бы за счет ее наклона’» (Рахилина 2002: 401). Стоит здесь отметить, что по мнению автора, ключевым в определении семантики *ехать* в отношении одушевленного субъекта является понятие наклона.

Если в словарных описаниях семантика глагола *ехать* определяется как передвижение субъекта в пространстве при помощи каких-либо средств передвижения, то в работе (Рахилина 2002) замечается, что глагол *ехать* не столько указывает на способ движения, сколько характеризует одновременное движение субъекта и средства передвижения (2002: 395). Если в описании внутренней структуры семантики глагола *ехать*, предложенной в работе (Кошелев 1999), акцент делается на типе контакта между движущимся субъектом и поверхностью, то в толковании глагола *ехать*, предложенном Е.В. Рахилиной, подчеркивается в первую очередь самопроизвольность движения (2002: 398). Автор уточняет, что, в воображаемом движении по наклонной поверхности, субъект как будто сам движется за счет силы тяжести.

Тем не менее, сопоставляя движение по наклону с движением по ровной поверхности, автор подчеркивает, что в зависимости от этих двух переменных меняется и валентная структура глагола *ехать*, как показано в примерах (85)-(88).

В примере в (85) субъект движется по наклону: глагол *ехать* принимает локативную валентность начальной точки (*с горы*), и он воспринимается, скорее всего, как глагол удаления, поскольку акцент делается на точке отправления и на том, что субъект перестал находиться на определенном месте (*на горе*).

(85) Наташа и сейчас помнит, как она *ехала* с горы.

¹⁰⁶ Здесь, следует обратить на внимание на то, что в терминологии, применяемой в работе (Кошелев 1999), под определением «твердая поверхность» понимается «поверхность, при опоре на которую *X* движется устойчиво, не проваливается благодаря ее противодействию» (1999: 46).

С другой стороны, когда движение осуществляется по ровной поверхности, как в примерах в (86)-(88), глагол *ехать* может принимать обе локативных валентности: т. е. могут быть выражены как исходный пункт (86), так и конечный пункт движения (87), в том числе и оба одновременно, как в примере в (88).

(86) Летом, в сильнейший июльский дождь, *ехала с работы*.

(87) Я послезавтра в Сухуми еду! — радостно кричала она, а Павел Алексеевич, окончив разговор, шёл в кабинет пропустить успокоительный стаканчик.

(88) Звонок раздался очень вовремя: Глеб только прогревал «лексус», чтобы *ехать с работы домой*.

Возвращаясь к движению по наклонной поверхности, отметим также, что несмотря на то, что, согласно Е.В. Рахилиной, глагол *ехать* можно считать глаголом удаления (Рахилина 2002), конечная точка движения также может быть выражена, как в примере в (89):

(89) И вот ехал домой. Сердце петухом поет — славно! Я знал: ругать меня не за что [...], а скоро будет — из-за горы откроется — моя деревня. Из Онгудая к Сросткам — это *ехать с гор, вниз, в предгорье*, километров триста.

Как нам кажется, при перемещении по наклону, главное условие для кодирования конечной точки движения является выражение в высказывании начальной точки, поскольку она как будто входит в семантическую структуру глагола *ехать*. Мы можем предположить, что именно это условие имеется в виду в работе Е.В. Рахилиной, когда автор утверждает, что «*ехать с горы* не подразумевает конечного пункта движения и, [...] конечный пункт в такого рода контекстах выражен быть не может (**едет с горы на поляну*), возможно лишь указание на направление движения (*ехать вниз/ влево*)» (2002: 400). Иными словами, как мы уже отметили, возможность выразить локативные валентности начальной и конечной точек движения связана с внутренней семантикой глагола. Можно предположить, что в примере в (89) именно само присутствие выражения, указывающего на направление движения (*вниз*), делает возможным дальнейшее уточнение маршрута субъекта, включая при этом конечную точку движения (*в предгорье*).

В этом отношении, нетрудно увидеть сходство с мыслью, выраженной в работе (Stefanowitsch, Rohde 2004), где рассматривается семантика глагола *escape* ('убежать') и наблюдается, что фокус делается на исходном пункте движения, а не на конечном, потому что

в общем представлении о движении, обозначенном глаголом *escape*, важно откуда, а не куда. В этом смысле локативные валентности серединной и конечной порций являются фоновыми, и, как утверждают авторы, их отсутствие не препятствует общему представлению о событии в его целостности. «it depends to a large degree on the semantics of the specific motion verb used to encode the event. It is simply not the case that every motion event is conceptualized as having a source, a trajectory, and a goal” (2004: 264).

Подводя итоги, можно сказать, что, если судить по вышеприведенным определениям, есть два условия для употребления глагола *ехать*: 1) одушевленный субъект, вернее, его принадлежность к человеческому миру, само наличие средства передвижения, его устойчивость и непрерывность контакта с твердой поверхностью при движении; 2) субъектом передвижения является само средство передвижения, а в фокус попадает описание самого движения, способ его осуществления.

2.3 Система приставочных глаголов движения в русском языке

В данном параграфе будет рассмотрена система приставочных глаголов движения в русском языке и, в частности, наше внимание будет фокусироваться в основном на тех глагольных приставках, которым приписывается пространственное значение в одном из их употреблений.

Согласно правилам русского языка, оба элемента соотносительных пар глаголов движения, т. е. глаголы как определенного, так и неопределенного движения, могут содержать глагольную приставку.¹⁰⁷ При этом, следует обратить внимание на то, что различные префиксы оказывают различное воздействие на базовый глагол движения.

При присоединении непространственной приставки к глаголу неопределенного движения типа *ходить*, образуется приставочный глагол совершенного вида, обозначающий способ действия, как, например, в (90) и (91), где префиксы *за-* и *про-* передают начинательное и пердуративное значения соответственно.

(90) Он встал, подошёл к чайнику, пощупал его ладонью и снова *заходил* по комнате.

¹⁰⁷ Как правило, механизм префиксации приводит к образованию глаголов совершенного вида (*идти – войти*), а соответствующий приставочный глагол несовершенного вида является результатом процесса вторичной имперфективации (*войти – входить*) (Зализняк, Шмелев 2000: 78, 81, 88-89; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: 89, 92-93, 100-101; Исаченко 1960: 154, 325, 330; Бондарко, Буланин 1967: 34-35; Кронгауз 1998: 64, 79-80, 83). Другой взгляд на данный вопрос представлен в Грамматике–60, где такие приставочные глаголы как *входить* рассматриваются не как вторичные имперфективы, а как полученные за счет присоединения префикса непосредственно к глаголу неопределенного движения, сохраняя при этом «значение несовершенного вида» (§ 725).

(91) Я *проходил* часа два и усталый вернулся домой.

Приставочные глаголы в примерах в (90) и (91) не имеют парного коррелята несовершенного вида и, по словам А.В. Исаченко, они сохраняют тип движения (неопределенный тип) исходного глагола (Исаченко 1960: 339).

С другой стороны, если присоединить пространственную приставку к глаголу определенного движения типа *идти*, то образуется приставочный глагол совершенного вида, от которого можно образовать коррелят несовершенного вида при помощи вторичной имперфективации, например, *за* → *идти* → *зайти* (св) → *заходить* (нсв), как видно в примерах (92а) и (92б).¹⁰⁸

(92а) Он, по своему обыкновению, *зашёл* в первый попавшийся магазин и закупил всё, включая чемодан.

(92б) Случалось, он *заходил* в игрушечный магазин и скупал весь его скудный прилавок.

В этом последнем случае, А.В. Исаченко считает, что оппозиция по типу движения (определенному – неопределенному) между элементами глагольной пары утрачивается, и члены таких пар противопоставляются только по виду (Исаченко 1960: 338). С этой же перспективы вопрос рассматривается также в работе (Зализняк, Шмелев 2000; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015), где подчеркивается, что некоторые приставки употребляются в сочетании с глаголами, как и определенного (92а) так и неопределенного движения (90), но в разных значениях (2000: 88-89; 2015: 100).

В данной работе нас будут интересовать контексты употребления, в которых активизируется пространственное значение приставок. В связи с этим, мы не будем рассматривать приставочные глаголы, выражающие различные способы действия (например, глагол *проходить* (св), образованный путем присоединения префикса *про-* в его временном значении), которые по своей форме являются омонимами глаголов несовершенного вида, входящих в видовые пары типа *пройти* – *проходить* (в этом случае приставки *про-* реализует пространственное значение) (ср. Исаченко 1960: 343-344).

¹⁰⁸ В работе (Зализняк, Шмелев 2000; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: 100) уточняется, что префиксы *под-* и *при-* сочетаются лишь с глаголами определенного движения (2000: 88).

2.4 Глагольные префиксы в русском языке: о главных подходах в их изучении и классификации.

Как было отмечено выше, в данной работе мы обратимся прежде всего к семантике тех глагольных приставок,¹⁰⁹ которые обладают пространственным значением. Как известно, глагольные приставки могут влиять как на лексическое значение исходного глагола, так и на его аспектуальные характеристики, перфективируя его.

В работе (Исаченко 1960) глагольными приставками считаются «те морфемы, которые обладают самостоятельной семантикой, свободно выделяются на основании семантического анализа глагола и так или иначе детерминируют индивидуальное значение простых глаголов» (148).¹¹⁰ Кроме того, автор приписывает глагольным приставкам детерминирующую функцию («приставочная детерминация» (там же: 154)), которая сужает семантику исходного глагола. Детерминирующая функция глагольных приставок выделяется также С.И. Карцевским. Автор считает, что приставка «определяет направление процесса, во-первых, в пространстве и, во-вторых, во времени» (Карцевский 2004: 103).

Со схожей перспективы вопрос рассматривается В.А. Плунгяном, который отмечает, что пространственные приставки можно считать ‘ограничителями’, т. е. показателями вторичного аспекта, которые преобразуют неопределенную ситуацию в предельную (2011: 411-412).¹¹¹ В работе (Плунгян 2011) у аспектуальных граммем выделяются две функции. Они могут быть показателями первичного аспекта, кодирующими определенный фрагмент ситуации, попавший в окно наблюдения, или показателями вторичного аспекта, выражающими акциональную характеристику глагольной лексемы. При префиксации меняется как аспектуальная характеристика, так и акциональная характеристика глагола. В

¹⁰⁹ Исследования в области глагольной префиксации занимают важное место как в советской и российской русистике, так и в зарубежной. Учитывая обширный и разнообразный по подходам объем литературы по данной теме как на русском языке, так и на других европейских языках, в том числе и в диахронической перспективе, мы не ставим перед собой цели представить здесь полный обзор исследований по глагольным приставкам в русском языке. Для полного и хорошо составленного обзора литературы о глагольных приставках отсылаем к перечислению с комментарием в работах (Кронгауз 1997; Кронгауз 1998) и к обзору в работе (Kagan 2016). В настоящей работе рассмотрены с одной стороны те исследования, которые составляют ядро традиционной русистики, а с другой стороны те подходы, которые, на наш взгляд, оказываются наиболее релевантными для целей нашей работы.

¹¹⁰ Количество глагольных префиксов в русском языке спорно. Основной набор включает следующие приставки: *в-, вз-, вы-, до-, за-, из-, на-, над-, о- (об-), от-, пере-, по-, под-, при-, про-, раз-, с-, у-*. В работе (Кронгауз 1998) и в РГ–80 формы *о-* и *об-* считаются разными приставками (1998: 64, 99, 111; РГ–80: § 1394), в то время как другие авторы их считают алломорфами (Исаченко 1960: 149; Грамматика–60: § 690; Карцевский 2000: 172; 2004: 100; Зализняк, Шмелев 2000: 82, 83; 90-91; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: 102-103). Кроме того, в Грамматике–60 включается также приставка *недо-*, в то время как набор, представленный в РГ–80, включает также непродуктивные приставки вида *воз-, низ-, пре-, пред-, со-*, а также заимствованные приставки *де-, дис-, ре-*.

¹¹¹ Типологическая точка зрения в изучении роли превербов в качестве ограничителей (в том числе и глагольных префиксов в славянских языках) представлена в работе (Аркадьев 2015).

связи с этим, уместно напомнить, что присоединение префикса нередко влияет на аргументную структуру предиката (см. об этом также Падучева 2004: 379-384).

Семантический статус глагольных приставок и их возможность выступать в определенных контекстах в качестве чистовидовых (семантически пустых) показателей является широко обсуждаемым и спорным вопросом как в советской лингвистике, так и в более современных нам работах различных авторов на русском языке и не только. Согласно взгляду некоторых ученых (ср., например, Виноградов 2001; Тихонов 1964; Forsyth 1970; РГ–80: § 1389, 1395) некоторые глагольные префиксы имеют только видовую [грамматическую] функцию, являясь семантически пустыми. Представителем этой (более традиционной) точки зрения является В.В. Виноградов, который предлагает подробную классификацию продуктивных способов образования глаголов совершенного вида, указывая на ряд префиксов, способных утрачивать собственную семантику и становиться формальными показателями аспекта (2001: 435-438). В список 'чистовидовых' приставок (*les préverbes vides*) автор не включает пространственные и временные префиксы, поскольку они «почти никогда не теряют своего реального, лексического значения» (там же: 438).

В работах других исследователей, наоборот, выдвигается идея о том, что глагольным приставкам всегда присуща определенная семантическая нагрузка (ср., например, Исаченко 1960; Маслов 2004 (1958), Карцевский 2004; Плунгян 2011; Janda, Lyashevskaya 2013).¹¹² С.И. Карцевский сравнивает сложную семантическую структуру приставочного глагола с идеограммой, поскольку обоим элементам присуща сложная семантика, которую часто невозможно определить вне определенной ситуации (Карцевский 2004: 67).

Идея о том, что приставки никогда не утрачивают собственную семантику, проявляется также в работах французского лингвиста М. Vey (Vey 1952) и нидерландского исследователя С. Н. van Schooneveld (van Schooneveld 1958), которые, независимо друг от друга, в середине прошлого века и на материале двух разных славянских языков, пришли к одному и тому же выводу о том, что при присоединении к глагольным основам семантика глагольных приставок может либо активироваться, либо временно дезактивироваться, в зависимости от взаимодействия семантики приставки с лексическим значением глагола. Такой подход к вопросу о семантике префиксов принято назвать «эффектом Вей-Схоневельда» («классифицирующим эффектом» в работе (Плунгян 2011), «нулевым эффектом» в работе (Кронгауз 1998: 81)). Суть эффекта в том, что значение приставки может совпадать, полностью или частично, с лексическим значением исходного глагола: в этом случае при перфективации

¹¹² С.Г. Татевосов включает все так называемые чистовидовые приставки в группу лексических префиксов (Татевосов 2009).

семантика приставки как будто перекрывается («гасится» в терминологии В.А. Плуныяна (2011:413)) значением глагольной основы, а на первый план выдвигается только грамматический компонент, связанный с предельностью или перфективностью. Согласно этому принципу, можно, например, противопоставить значения префиксов *с-* и *про-* в следующих глагольных лексемах: *сшить* vs *скупить*, *просверлить* vs *проспать*. В глаголах *сшить* и *просверлить* приставки *с-* и *про-* можно считать ‘чистовидовыми’, поскольку присущие им значения, соответственно, «соединение частей в целое» и «движение насквозь», включены в какой-то степени в семантику исходных глаголов (*шить*, *сверлить*) и, поэтому, их семантическая нагрузка не активизируется. Наоборот, в остальных случаях (*скупить*, *проспать*) семантическая нагрузка приставок активно участвует в формировании семантики приставочного глагола.

Схожий взгляд на данный вопрос представлен также в работе (Зализняк, Шмелев 2000: 81-83; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: 92-94). С одной стороны, авторы подчеркивают грамматическую функцию глагольных приставок при перфективации, а с другой стороны, они считают, что семантическая нагрузка приставки не стирается, а может только дублировать «некоторый семантический компонент, уже присутствующий в глаголе» (Зализняк, Шмелев 2000: 81) и, в связи с этим, ее семантический вклад как будто временно нейтрализуется.

Если обратиться к глаголам движения, то нужно упомянуть, что и Л. Талми в своих работах также подчеркивает многообразие глагольных сателлитов: в разных языках сателлиты представлены различными лексемами. К классу сателлитов относятся также глагольные приставки русского языка, поскольку их функция сводится не только к выражению аспекта.¹¹³ префиксы могут также влиять на семантику приставочного глагола в плане выражения способа, кратности, и т. д. (Talmy 2007: 139-157). В этом смысле, Л. Талми считает, что русские приставки в качестве особого подвида сателлитов представляют собой полисемичные показатели различных характеристик ситуации (139).

Немного с другой перспективы вопрос рассматривается в работе (Милославский 2002), хотя в принципе его точка зрения объединяет почти все вышесказанное. И.Г. Милославский считает, что глагольные приставки отличаются двусемностью, поскольку в них могут быть совмещены аспект и собственная семантика (близкая к лексической). Например, при присоединении префикса новый глагол приобретает новое лексическое значение благодаря семантике префикса и получает новую грамматическую характеристику (СВ) за счет

¹¹³ В работе Л. Талми (2007) аспект (*Aspect*) определяется следующим образом: «‘Aspect’ can be characterized as the ‘pattern of distribution of action through time’» (2007: 107). Стоит уточнить, что в терминологии автора под понятием *Action* понимается как статический тип ситуации, так и диманический.

компонента однократности или результативности, вносимого префиксом. При вторичной имперфективации одна из двух сем зачеркивается: суффикс *-ыва/-ива-* зачеркивает аспектуальную характеристику однократности / результативности, а семантическое содержание префикса сохраняется. Получаем глагол НСВ с тем же значением. Далее автор описывает два исключения из этой закономерности, одно из которых представлено глаголами разнонаправленного (неопределенного) движения. В этом случае, когда приставка с пространственным значением присоединяется к глагольной лексеме вида *ходить*, компонент однократность, заложенный в двусемности префикса, “тратится” на погашение разнонаправленности движения, и соответственно остается лишь пространственный компонент приставки. Соответственно, в приставочном глаголе сохраняется пространственный компонент значения приставки и также «связанная с НСВ глагола неопределенность относительно количества самих действий» (2002: 108-112).

Из всего вышесказанного образуется довольно сложная картина семантики глагольных приставок. В стремлении к более точному описанию комплексной семантики глагольных префиксов, в своих работах М.А. Кронгауз предлагает для их описания так называемый «системный подход» (1995: 37-40; 1998: 107-114). Согласно этому подходу, семантическая системность «развивается» в четырех направлениях, то есть значения приставки взаимодействуют на четырех разных уровнях: на уровне самой приставки, на уровне приставочного словообразования, на уровне мотивирующего глагола и на уровне контекста с актантами приставочного глагола (1998: 109-114). В связи с этим автор предполагает, что значения приставки приобретают структуру семантической сети, развивающейся на четырех уровнях. Автор не сравнивает семантику бесприставочных и соответствующих приставочных глаголов, а рассматривает в первую очередь ряды употреблений приставочных глаголов, образующихся при помощи одной и той же приставки. Иными словами, фокус делается на рядах употреблений приставочных глаголов с общими синтаксическими и семантическими характеристиками (1998: 107, 108, 155).¹¹⁴ Толкование приставочных глаголов, попадающих в один ряд, состоит из общей части (у) + переменной (х). Более того, структуру толкования одного ряда составляют общая часть (т. е. контекстное значение приставки) + переменная (х), которая, как нам кажется, зависит от лексического значения каждой глагольной основы. В связи с этим, можно предположить, что структура толкования представляет собой контекстно-обусловленное (т. е. конкретное) значение приставки в определенном ряду употреблений.

¹¹⁴ Здесь, стоит, на наш взгляд, отметить, что идея системности при изучении семантики глагольных приставок присуща также более ранней работе С.И. Карцевского, в которой подчеркивается, что «только по отношению к серии глаголов можно показать регулярный характер семиологических перемещений (синонимических и «омонимических») префиксов, и только потом подойти к распределению их по классам» (Карцевский 2004: 67).

Этот ряд приставочных глаголов с общими характеристиками является, по словам автора, словообразовательной моделью (1998: 155). Следовательно, значением приставки можно считать общее значение приставочных глаголов одного ряда (1998: 107).

В качестве примера рассмотрим конструкции, образованные при помощи приставки *про-* и попадающие в следующий ряд: **пробежать марафон**, **пройти 3 км**, **проехать долгий путь**. Данные глагольные лексемы обладают общими семантическими и синтаксическими свойствами (глагол + вин. п. без предлога). Как было уже отмечено, структура толкования составлена из общей части (у) + переменной (х). В данном случае общая часть (у) указывает на преодоление какого-либо расстояния, пространства одним из возможных (существующих в природе) способов (пешком, бегом, на транспорте и т. д.). Иными словами, (у) выражает тот оттенок значения приставки, который может актуализироваться в определенном ряду употреблений.

С другой стороны, переменная, варьирующаяся часть (х) обозначает каким именно образом субъект передвигается по пространству, преодолевая какое-л. расстояние. Как нам кажется, переменная (х) как будто включает в себя представление о способе движения (*Manner of motion*), в то время как общая часть структуры толкования содержит информацию о маршруте движения и о его структуре (*Conformation* в терминологии Л. Талми).

Соответственно, согласно этому подходу, в один ряд могут попадать такие глагольные конструкции как, например, *пробурить скважину в земле* и *прорубить окно в стене*, поскольку в обоих случаях высвечивается общее толкование «‘действием V [переменная] сделать отверстие Y в поверхности Z [общая часть толкования]’ (1998: 155).

Помимо этого, автор подчеркивает, что у глаголов, выражающих ‘нестандартное’ движение, например, глагола *скакать*, в зависимости от приписанного базовому глаголу значения, высвечивается подходящая структура толкования (глагол *скакать* может восприниматься как глагол направленного движения (**проскакать** три км – пространственное значение) или как глагол деятельности или бесцельного движения (**проскакать** три часа – временное значение). Иначе говоря, приставка как будто сама подбирает релевантный в определенном контексте семантический признак глагольной основы (см. 1998: 157).

На основе подхода, представленного в работе М. Кронгауза (1998), мы предлагаем следующую интерпретацию структуры толкования словообразовательной модели (см. Таблицу 5).

Таблица 5

одна общая приставка (<i>про-</i>) в разных значениях и контекстно обусловленная глагольная часть	первый ряд приставочных глаголов: <i>общая часть структуры толкования</i> (‘ <i>движение сквозь что-л.</i> ’) + переменная (варьирующаяся часть, обусловленная контекстом)
	<i>пробурить</i> скважину [в земле]
	<i>прорубить</i> окно [в стене]
	<i>просверлить</i> отверстие [в плитке]
	второй ряд приставочных глаголов: <i>общая часть структуры толкования</i> (‘ <i>передвигаясь, преодолеть какое-л. расстояние</i> ’) + переменная (варьирующаяся часть, обусловленная контекстом)
	<i>пробежать</i> марафон
	<i>пройти</i> три километра
	<i>проехать</i> долгий путь
	третий ряд приставочных глаголов: <i>общая часть структуры толкования</i> (‘временной интервал, заполняемый действием или состоянием’) + переменная (варьирующаяся часть, обусловленная контекстом)
	<i>проспать</i> всю ночь
	<i>просидеть</i> целый отпуск в городе
	<i>проработать</i> весь день

Из вышесказанного вытекают, на наш взгляд, следующие важные моменты. Во-первых, имеет смысл сравнивать элементы не разного порядка (бесприставочные и приставочные глаголы), а только одного и того же порядка (приставочные глаголы). Кроме того, при толковании приставочных глагольных лексем и при определении значения приставки следует учитывать определяющую роль контекстного окружения. Иными словами, как нам кажется, значение префиксов не следует определять априори и приписывать им какое-л. обобщенное толкование, вне зависимости от контекста, который может играть решающую роль в интерпретации значения конкретного префикса.

Поиск общих семантических свойств, объединяющих различные употребления приставки, характеризует также подход, представленный в работе О. Каган (Kagan 2016). В своем исследовании автор применяет принципы скалярной семантики (*degree semantics*) в изучении семантики глагольных приставок (Kagan 2016: 21). Как и в работе (Кронгауз 1998) цель исследования заключается не в поиске различий между приставками, а в поиске общих признаков при их семантическом разнообразии. Автор подчеркивает прежде всего роль

контекста в определении значения префикса. При этом, следует отметить, что в работе (Kagan 2016) под понятием 'контекст' имеется в виду как языковой контекст (*linguistic environment*) (глагольная основа приставочного глагола и лексическое окружение, актанты и аргументы приставочного глагола), так и прагматический контекст (*context*), в котором употребляется приставочный глагол (2016: 21).

Иначе говоря, конкретное значение одной и той же приставки зависит во многом от языкового окружения и от прагматической нагрузки, которую она несет. С этой точки зрения семантическая роль приставки заключается в том, что она связывает две различных степени на одной и той же шкале: одна степень определена событием, обозначаемым глаголом, а другая, стандарт измерения (*standard of comparison*), как правило, присутствует в языковом контексте [т. е. эксплицитно выражена].¹¹⁵

Здесь, прежде чем подробнее рассмотреть скалярный подход в изучении семантики глагольных приставок, представленный в работе (Kagan 2016), необходимо вкратце описать те шкалы, которые предлагает О. Каган. Одна и та же приставка может относиться к различным типам шкалы, в зависимости от языкового окружения (*linguistic environment* в терминологии О. Каган), в котором она находится. Покажем здесь различные виды активируемой шкалы при употреблении глаголов с префиксом *до-*.

Рассмотрим пример (93), в котором мотивирующий глагол *бежать*, обозначающий определенное (направленное) движение, активирует шкалу маршрута (*path scale*).

(93) За пять минут Таня *добежала до дома*.

В связи с этим, в примере (93) приставка *до-* выражает пространственное отношение между движущимся субъектом и ориентиром (или фоном передвижения, т. е., дом). В этом примере стандарт измерения (*standard of comparison*) задан предложно-падежной конструкции *до + р. п. (до дома)*.

Далее, в примере (94) прямое дополнение *письмо* вводит шкалу объема / количества (*volume/extent scale*) и заодно определяет стандарт измерения, который, однако, может передаваться и предложно-падежной конструкцией, как показано в примере (95).

¹¹⁵ Иногда стандарт измерения (*standard of comparison*) можно восстановить из контекста. В примере (i) стандарт измерения (*functional standard of comparison* в терминологии О. Каган) можно определить как температуру, которая соответствует требованиям ситуации, названной мотивирующим глаголом *греть*.
(i) Лена *недогрела* раствор (Kagan 2016: 215).

(94) Он *дочитал письмо* и бессильно опустил руку, лиловый листок выпорхнул из его пальцев и плавно лёг на землю.

(95) *Дочитал до конца* все три листа, снял очки, спрятал в футляр, щелкнул им, положил в карман и сказал: [...].

В примере (96) активируется временная шкала (*time scale*), и стандарт измерения передается наречием (*дотемна*):

(96) Гарик *досидел дотемна*, излагая историю моего падения — в красках, в лицах и с вытекающей изо всех щелей моралью.

Наконец, в примере (97) исходный глагол *таять* вводит шкалу свойств (*property scale*). Этот тип шкалы активируется, как правило, при глаголах, обозначающих достижение нового состояния (*degree achievement verbs* (2016: 198)).

(97) Даже в самый жаркий день вода в Байкале была прозрачнее стекла и такой холодной, будто в ней еще не *дотаял* лед.

В примере (97) стандарт измерения кодируется самим базовым глаголом, поскольку глагольная лексема *таять* вводит шкалу закрытого типа, для которой верхний предел (вершина) совпадает с достижением итогового состояния (в этом случае жидкого состояния, т. е., стандарт измерения равен тому состоянию льда, когда он полностью превратился в воду) (2016: 214).

При этом, важно подчеркнуть, что вне зависимости от типа шкалы, во всех вышеприведенных примерах ((93)-(97)), одна и та же приставка (*до-*) активирует во всех употреблениях один и тот же тип отношения. Таким образом кодируется отношение, названное автором *identity*, между двумя степенями на шкале (т. е. тип отношения назван *identity*, потому что, например, при шкале маршрута ориентир (фон передвижения) совпадает с конечной точкой движения (*standard of comparison*), вернее, пройденный субъектом маршрут совпадает с местонахождением ориентира, но не предполагается пересечение его границы).

Итак, как правило, шкала маршрута и шкала свойств вводятся исходным глаголом, в то время как шкала объема/количества — языковым контекстом, т. е., актантами приставочного

глагола.¹¹⁶ С другой стороны, стандарт измерения может кодироваться базовым глаголом либо лексическим окружением приставочного глагола (2016: 213-215). Важно также подчеркнуть, что, когда приставка может относиться к более чем одному типу шкалы, действует определенный порядок в актуализации типов шкалы. О. Каган уточняет, что, как правило, шкала, активируемая базовым глаголом, доминирует в иерархии возможностей. На втором месте находится шкала, вводимая прямым дополнением, и наконец выступает временная шкала, активируемая в тех контекстах, когда ни исходный глагол, ни прямое дополнение не вводят определенную шкалу. При этом, автор уточняет, что следует также учесть роль самой приставки в актуализации определенной шкалы: «It is essential to emphasize that although prefixes are sensitive to the hierarchy [...], a priority is given to the restrictions imposed by each individual prefix» (2016: 203).

Покажем вышесказанное на основе выражения *почитать книгу*. В этом случае несмотря на присутствие прямого дополнения (*книгу*), семантика приставки *по-* несовместима с актуализацией шкалы объема/количества. В связи с этим здесь может активироваться только временная шкала (т. е. читать книгу какое-то время, а не читать какую-то часть книги) (2016: 204).

Кроме шкалы маршрута О. Каган предлагает, как мы уже говорили, учитывать также временную шкалу, шкалу свойств и шкалу объема/количества. Такой подход позволяет анализировать различные значения префиксов на основе специфических скалярных отношений, так как при различных употреблениях меняется шкала, к которой относится приставка. Шкала, как правило, определяется языковым контекстом, т. е. семантикой мотивирующего глагола и синтагматическими связями предиката (приставочного глагола). Например, глаголы определенного движения в сочетании с пространственными приставками могут активировать шкалу маршрута (*path scale*). Это означает, что пространственные приставки, когда присоединяются к глаголам определенного движения типа *идти*, устанавливают пространственное отношение между двумя степенями по шкале, представленными движущимся субъектом и ориентиром (фоном движения) (*Figure + Ground*). В зависимости от (контекста) употребления, т. е. от (семантики) базового глагола и ее свойств, приставка может относиться к различным семантическим 'сферам' и понятиям, например пространству, времени, и т. д. В связи с этим, автор рассматривает противопоставление между глаголами определенного и неопределенного движения с точки зрения активируемых

¹¹⁶ При этом О. Каган уточняет, что в редких случаях шкала может быть введена самой приставкой (например, приставки *под-* и *над-* могут активировать шкалы маршрута по вертикали) или ее можно определить из прагматического контекста (Каган 2016: 207).

семантикой глаголов типов шкалы. По своей внутренней семантике глаголы определенного движения могут связываться со шкалой маршрута, в то время как, для глаголов неопределенного движения типа *ходить* шкала маршрута не релевантна, поскольку глагольная основа, которая не обозначает однонаправленного движения, не может предполагать движения субъекта по определенной траектории с целью достижения какой-либо конечной точки. В выражениях *проплыть два километра* и *проплавать два часа* приставка *про-* активизирует один и тот же тип отношения, но один проявляется в пространстве (*проплыть*), а другой – во времени (*проплавать*) (2016: 210).

Идея о том, что префикс устанавливает определенное отношение между двумя элементами контекста представлена также в более ранней работе (Добрушина, Меллина, Пайар 2001). Авторы считают приставку релятором, задающим отношения между двумя элементами и имеющим собственную формальную семантическую схему. Формальная семантическая схема определяется как «та часть смысла языковой единицы, которая существует вне контекста, то есть существует только в рамках лингвистического анализа, моделирующего формирование смысла, но не в реальной речи. Попадая в высказывание, языковая единица приобретает смысл за счет контекстуализации формальной схемы» (2001: 19). Иными словами, приставкам приписывается некое базовое, абстрактное значение, которое, попадая в определенный контекст, актуализируется и участвует в строении конкретных значений (Добрушина, Меллина, Пайар 2001: 14-20). Элементы, соединяемые приставкой-релятором, вступают в ассиметричные отношения в том смысле, что один элемент определяется посредством другого. Например, в выражении *проходить всю ночь* именно приставка *про-*, связывающая мотивирующий глагол *ходить* и показатель длительности *всю ночь*, указывает на развитие процесса в течение интервала, названного обстоятельством времени. С этой перспективы основную роль в толковании значения приставочного глагола играет приставка (2001: 28).

Авторы различают два класса приставок: приставки-события и приставки-определители. Тем не менее, следует уточнить, что авторы не занимаются исключительно префиксами с пространственным значением. К первому классу авторы относят следующие приставки: *в-*, *вы-*, *на-*, *над-*, *от-*, *пере-*, *под-*. Данные префиксы отличаются тем, что они, устанавливая отношение между двумя элементами, могут при этом самостоятельно обозначать событие, названное приставочным глаголом, а основа выражает только способ совершения данного события (например, способ движения в случае события движения). Во второй класс приставок-определителей входят следующие префиксы: *до-*, *за-*, *из-*, *по-*, *при-*, *про-*, *у-*. Они, по мнению авторов, могут повлиять на семантику базового глагола, т. е. могут

выражать «переосмысление» действия, названного исходным глаголом, и «никогда не обозначают событие самостоятельно» (2001: 31). В этом смысле, на наш взгляд, нетрудно увидеть сходство со свойствами, приписываемыми лексическим (внутренним) префиксам (о которых, речь пойдет ниже), поскольку оба класса (как приставки-определители, так и лексические префиксы) воздействуют на семантику исходного глагола.¹¹⁷

Лексические (внутренние) и супралексические (внешние) префиксы рассматриваются в некоторых современных исследованиях по семантике русских (и вообще, славянских) глагольных префиксов, таких, например, как Babko-Malaya 1999; Татевосов 2008, 2009; Svenonius 2004, Romanova 2004. Лексические префиксы противопоставлены супралексическим по признаку композициональности, по способности воздействовать на аргументную структуру глагольной основы¹¹⁸ и по позиции в составе основы (Татевосов, 2009: 100). Супралексические префиксы, в отличие от лексических, присоединяются к глагольным основам композиционально, т. е. значение приставки прибавляется совершенно прозрачным образом к значению мотивирующего глагола, не меняя ее лексического значения. Иными словами, присоединяясь к глагольной основе, супралексический префикс привносит один и тот же определенный семантический вклад. В этом отношении семантика нового глагольного приставочного образования строится композиционально, а супралексическим префиксам приписывается адвербиальный статус. Как отмечается в различных исследованиях, посвященных семантике славянских приставок, приставочные глаголы, образованные при помощи супралексических префиксов, выражают определенные способы действия: “Superlexical prefixes (the term is adopted from Smith 1991) are known in Slavic literature as Aktionsart [*способы действия*] or sublexical prefixes (Townsend 1975). [...] These prefixes have a *regular meaning*, and correspond to aspectual words or adverbial phrases in English and other languages” (Babko-Malaya 1999: 76).¹¹⁹

Например, является супралексическим префикс *по-* в приставочных образованиях типа *посидеть, погулять, походить, почитать, поработать*. Во всех перечисленных глаголах префикс *по-* привносит одно и то же делимитативное значение «в течение некоторого времени совершать действие, названное мотивирующим словом» (Толковый словарь

¹¹⁷ В работе (Кустова 2004) со ссылкой на исследования по когнитивной лингвистике подчеркивается определяющая роль семантики глагольных приставок в строении значения приставочной глагольной леммы (95).

¹¹⁸ В (Татевосов 2009) под термином «глагольная основа» понимается «та составляющая, на уровне которой задаются дескриптивные свойства описываемой ситуации, состав и роли ее участников» (2009: 113).

¹¹⁹ Ср. также: «Нетрудно заметить, что список внешних префиксов [...] во многом совпадает со списком «способов действия» («совершаемостей»), выделяемых в классической книге А.В. Исаченко (1960) и последующей литературе» (Татевосов 2009: 104).

словообразовательных единиц русского языка (под ред. Т.Ф. Ефремовой). М. Русский Язык. 1996. 638 с.), вне зависимости от лексического значения глагольной основы.

Наоборот, лексические префиксы воздействуют на лексическое значение глагола, к которому они присоединяются. Например, приставки *под-* и *за-* в глагольных лексемах *подписать* (*подписать договор*) и *записать* (*записать лекцию/интервью*) меняют значение исходного бесприставочного глагола *писать*. Кроме того, глаголы, образованные с помощью лексических префиксов, могут развивать переносные значения, как например глагол *переносить* в значении *терпеть*. Это свидетельствует о том, что лексические префиксы действуют некомпозиционально, они могут глубоко влиять на лексическое значение глагольной основы. Присоединяясь к мотивирующему глаголу, лексические префиксы могут расширять его аргументную структуру (*ходить* → *переходить через мост*; *бежать* → *обежать дом*) или, сохраняя количество аргументов, менять их синтаксический статус, как в примерах в (98) и (99).

(98) Лена шила платье/*пуговицу.

(99) Лена пришила пуговицу/*платье. (Kagan 2016: 30)

В работе (Татевосов 2009: 96) пространственные приставки включены в ряд лексических префиксов. Тем не менее, в работе (Kagan 2016) наблюдается, что в случае пространственных значений у лексических префиксов появляется некий композиционный характер, поскольку, несмотря на то, что пространственные приставки меняют лексическое значение исходного глагола, их семантический вклад в изменение лексического значения бесприставочного глагола достаточно предсказуем и систематичен (2016: 36-37).

Кроме того, следует учесть, что одна и та же приставка в зависимости от акциональных и аспектуальных свойств глагола, к которому она присоединяется, может попадать, как в ряд лексических, так и в ряд супралексических префиксов. Этим двум типам префиксов, супралексическим и лексическим, в работах А.В. Исаченко соответствуют термины 'приставки-модификаторы' и 'приставки-классификаторы' (Исаченко 1960). Например, в выражении *проходить всю ночь* приставка *про-* является модификатором, а в выражении *проходить мимо дома* приставка *про-* является приставкой-классификатором (1960: 343).

Третье различие между двумя группами приставок связано с их позицией в глагольной основе: лексические префиксы располагаются внутри глагольной группы (от этого и само название внутренние приставки), ближе к глагольной основе, чем супралексические префиксы, которые названы также внешними. В тех случаях, когда имеет место феномен

множественной префиксации и используются лексические и супралексические (внутренние и внешние) префиксы при одном базовом глаголе, внутренний префикс располагается ближе к основе, а внешний на ее левой периферии (Татевосов 2009: 109-113; Svenonius 2004: 207). В примере (100) внешний префикс *пере-* располагается левее, чем внутренний префикс *о-*.

(100) Агитпроповская гласность была, в сущности, первой волной приватизации. Возникла ситуация, где реальность можно было *переописывать* таким образом, чтобы твое положение было прочно вмонтировано в новое описание реальности. [...].

Термины супралексические и лексические префиксы появились относительно недавно в языковой литературе по семантике глагольных приставок. Тем не менее, само различие между этими двумя классами приставок восходит к более ранним исследованиям в области префиксов. В работе (Forsyth 1970) автор делит глагольные приставки на три группы, в зависимости от того, каким образом приставка воздействует на семантику базового глагола, к которому присоединяется. В первую группу попадают те приставки, которые меняют лексическое значение исходного глагола, выражая в основном пространственные отношения. Приставочный глагол, образованный при помощи таких приставок, автор называет *lexical derivate* (1970: 18). Вторую группу составляют приставки, которые указывают на то, каким образом совершается действие, обозначаемое базовым глаголом, не меняя при этом ее исходного лексического значения. В этом случае приставки выражают различные способы действия, называемые автором «*procedural forms and nuances*» (1970: 19, курсив автора). В обеих группах меняется также вид глагола.

Помимо этих двух групп, связанных прежде всего с изменением семантики приставочного образования, есть еще третья группа приставок, в которую входят префиксы, воздействующие только на грамматический вид базового глагола и никак не меняющие его лексическое значение. В этом случае речь идет о чистовидовых (пустых) приставках. По словам автора, с течением времени собственная семантика приставки (способа действия, пространственная и пр.) как бы уходит на задний план, и в восприятии говорящих остается только ее перфективирующая функция, как, например, в случае глаголов *делать/сделать* (1970: 19-20).

В работах Л. Янды (Янда 2012; Janda, Lyashevskaya 2013) русские приставки рассматриваются как глагольные классификаторы. Данный подход опирается прежде всего на сопоставление глагольных категорий с именными: элементы обеих категорий могут сочетаться с определенными словами, которые определяют семантику исходного элемента. О

классифицирующем характере глагольной префиксации упоминается также в работе (Майсак 2005: 339-345), а вообще мысль о том, что глагольные приставки определяют и сужают семантику исходного бесприставочного глагола выражалась также в более ранних работах В.А. Исаченко (1960: 154) и С.И. Карцевского (2004: 103).

В работе (Падучева 2004) глагольным приставкам с пространственным значением приписывается «направительная» функция, в том смысле, что префикс переносит фокус на один из ориентиров (локативную валентность) (2004: 379). В связи с этим, предлагается классификация приставок на основе их направительной роли. Приставки *в-*, *вз-*, *до-*, *за-*, *на-*, *под-*, *при-* названы лативными, поскольку они направляют внимание на конечную точку движения, а приставки *вы-*, *от-*, *с-*, *у-* определены как элативные, так как при их употреблении фокус падает, как правило, на исходную точку движения (2004: 379). Кроме того, есть приставки, например, *про-*, *пере-*, которые не фокусируются ни на исходной, ни на конечной точке движения, но все-таки требуют выражения локативной валентности серединной порции маршрута.

Подход Л. Янды к изучению семантики глагольных приставок позволяет представить их в виде связанных семантических сетей. Иными словами, вопрос об изучении приставок можно рассматривать с противоположной перспективы: от значения к форме, т. е. от внутреннего содержания к плану выражения, что позволяет устанавливать определенные отношения между различными значениями приставок и избежать механического запоминания приставочных форм в процессе их изучения. Как утверждает Л. Янда: «[...] для каждого значения можно представить соответствующие специализированные перфективы (а также комплексные и однократные перфективы, где они существуют) наряду с соответствующими группами естественных перфективов» (2012: 43).

В работах (Janda 1986, 1988; Янда 2012, Endresen et al. 2012, Janda, Lyashevskaya 2013) роль и вклад приставок в различных контекстах перфективации (об этом см. ниже) изучается с когнитивной точки зрения с опорой на понятие радиальной категории.

Кроме того, Л. Янда в своих работах выделяет четыре типа глаголов совершенного вида в русском языке: естественные перфективы, специализированные перфективы, комплексные перфективы и однократные перфективы.

Естественные перфективы образованы при помощи так называемых «чистовидовых» приставок, которые не меняют лексическое значение бесприставочного глагола. Специализированные перфективы образованы при помощи лексических (внутренних) прификсов, которые воздействуют на лексическое значение исходного глагола. Комплексные перфективы выражают различные способы действия и образуются посредством

супралексических (внешних) префиксов, которые характеризуют действие, обозначенное исходным глаголом, не влияя при этом на его лексическое значение. Однократные перфективы, как и комплексные, выражают способ действия (единичное действие из ряда повторяющихся), но, как правило, от них не образуется вторичных имперфективов (Янда 2012: 4-5; Endresen et al. 2012: 237-238). В своих работах Л. Янда сопоставляет роль приставок в естественных перфективах с их функциями во всех остальных перфективах. Напомним здесь, что при образовании первых вклад приставки считается чисто видовым, т. е. сугубо грамматическим (поскольку семантика приставки во многом совпадает с лексическим значением исходного глагола и поэтому она не высвечивается, а как будто накладывается на семантику глагольной основы), в то время как в образовании всех остальных перфективов, как правило, значения префиксов более прозрачны, т. е. их семантика выделяется на фоне лексического значения базового глагола.

Возвращаясь к параллелизму между существительными и глаголами, отметим, что подобно именным классификаторам в языковых системах с именными классификаторами, глагольные приставки русского языка уточняют информацию о событии, обозначаемом исходным бесприставочным глаголом и тем самым определяют «пространственно-временные контуры» события (см. об этом Янда 2012: 8). Не случайно, отмечает автор, большинство приставок восходит к предлогам, имеющим пространственное значение.¹²⁰

Как мы уже отметили, в работах Л. Янды семантическая модель префикса представлена в виде радиальной категории, что позволяет определить взаимоотношения между различными значениями одной приставки. Понятие радиальной категории восходит к исследованиям по когнитивной психологии американской исследовательницы Э. Рош (Rosch 1978). Согласно ее теории, человеческое мышление воспринимает и организует различные понятия и предметы, опираясь на прототипическое представление данного предмета (прототип). В результате, общее представление о каком-л. предмете или понятии развивается из одного центрального прототипа, с которым так или иначе связаны периферийные экземпляры прототипа. Модель радиальной категории используется в когнитивной лингвистике для описания сложных семантических сетей (как, например, семантика приставок) и для выявления отношений между различными экземплярами и прототипом. По словам автора: «The use of a network of configurations [конфигурации, полученные от прототипического значения] captures both the diversity of instantiations of a prefix and their semantic unity» (Janda 1988: 328). В связи с этим, семантику приставки можно представить в

¹²⁰ См. также работу Ruvoletto 2016, в которой на материале древнерусских текстов рассматривается происхождение глагольных приставок от предлогов с пространственным значением (34, 125-142).

виде различных конфигураций, которые все в какой-то степени связаны с прототипическим значением (т. е., с семантическим ядром приставки). Оно, как правило, является самым конкретным среди значений приставки и поэтому, скорее всего, связано с понятием пространства (Endresen et al. 2012: 239). Иными словами, внимание фокусируется прежде всего на пространственном значении префикса, из которого развиваются остальные (переносные, метафорические) значения и употребления.

Когнитивный подход к изучению семантики приставок характеризует также более ранние работы Л. Янды (1986, 1988). Именно в этих более ранних исследованиях развивается понятие конфигураций¹²¹ (*configurations*), т. е. использование различных схем для представления семантического вклада приставки внутри предложения. В этом смысле прототипическое значение префикса (чаще всего пространственное) представляет собой базовую конфигурацию (или когнитивную модель) (*Idealized Cognitive Model (ICM)*) Janda 1986: 67-68; 1988: 327-328), включающую в себя ориентир (*landmark*) и движущийся в отношении его объект (*trajector*) по определенному маршруту (*trajectory*).¹²² В зависимости от типа конфигурации ориентир и объект могут приобретать различные формы и статусы (одномерный, двухмерный, трехмерный) и относиться как к физическому пространству, так и к более абстрактным понятиям (1986: 67). В результате, как правило, приставка имеет несколько конфигураций, развивающихся от прототипа. Кроме того, конфигурации одной приставки могут ассоциироваться с несколькими подзначениями: из них одно, как правило, является пространственным, а остальные вытекают из него при помощи метафорического расширения (1986: 66-68) (мы это проиллюстрируем дальше на основе семантики приставки *пере-*). В целом, согласно подходу, представленному в работах Л. Янды, семантика префикса образует сеть конфигураций, связанных с ее прототипическим значением.

Подход Л. Янды к изучению семантики глагольных приставок весьма интересен как в плане лингвистического исследования, так и в плане его дидактического применения при обучении русскому языку как иностранному. В этом смысле, на наш взгляд, данный подход является весьма эффективным при описании системы приставочных глаголов движения

¹²¹ Для полноценного восприятия картины следует подчеркнуть, что конфигурации активируются в когнитивном пространстве, которое определяется следующим образом: «This is not necessarily three-dimensional space as it is understood by post-Einsteinian physicists, but rather our mental perception of it» (Janda 1986: 64). В зависимости от типа конфигурации когнитивное пространство может быть одномерным, двухмерным или трехмерным. В этом, на наш взгляд, оно близко к понятию *scene* в понятийном аппарате Л. Талми. Напомним также, что Л. Талми считает маршрут комплексным компонентом движения, состоящим из вектора, структуры и дейксиса. Эти составляющие маршрута также зависят от того, как воспринимается когнитивное пространство (*scene*), в котором развивается событие движения (например, структура маршрута релеванта тогда, когда пространство воспринимается как трехмерное).

¹²² Напомним здесь, что понятия *landmark*, *trajector* и *trajectory* соответствуют понятиям *Ground*, *Figure* и *Path* в терминологии, применяемой Л. Талми.

русского языка в сопоставлении с другими языками, принадлежащими к глагольному типу в терминологии Л. Талми, в частности, с итальянским.

Когнитивный подход к изучению глагольных приставок русского языка применяется также в работах (Nesset 2008, 2020), в которых семантика префиксов рассматривается в зеркале понятия 'топологическая схема' (*image schema*), введенного в работах (Johnson 1987) и Д (Lakoff 1987) (об. этом см. также первую главу в этой работе). Согласно концепции американских лингвистов, человеческое мышление опирается на определенный набор структур или схем, которые играют важную роль в восприятии внешнего мира во всех его представлениях и, соответственно, в структурировании информации о нем. В число самых частотных топологических схем входят, например, CONTAINER, CENTER-PERIPHERY, CYCLES, PATH (ср. Johnson 1987: 30-37; 113-117).

Т. Нессет сосредотачивает свое внимание на топологических схемах PATH и MANNER, включающих в себя ту информацию, которая позволяет характеризовать и осмыслять маршрут и способ движения (Nesset 2008: 136). Автор рассматривает противопоставление между бесприставочными глаголами определенного и неопределенного движения как привативную оппозицию. Бесприставочные глаголы определенного движения включают в себя общую топологическую схему PATH, в то время как бесприставочные глаголы неопределенного движения характеризуются ее отсутствием. Кроме того, оба типа глаголов, как определенного, так и неопределенного движения, отличаются топологической схемой MANNER. Автор определяет глаголы определенного движения как лексемы, кодирующие весьма схематичный маршрут (2008: 140). Более детализированный маршрут можно получить при перфективации, тогда к общему маршруту прибавляется дополнительное уточнение маршрута благодаря наличию префикса. В этом смысле пространственные приставки выражают более детализированную топологическую схему PATH и, соответственно, их вклад состоит также в том (помимо перфективации), что они уточняют маршрут движения (там же: 144-146). В этом смысле, приставки с пространственным значением можно рассматривать как специализированные показатели маршрута.¹²³ Кроме того, рассмотрение семантического вклада префиксов с когнитивной перспективы позволяет определить, какой тип топологической схемы представляет каждая приставка. Что касается пространственных приставок, то их общая функция в плане выражения семантических компонентов ситуации движения – это уточнение и описание маршрута. Иначе говоря, префиксы с пространственным

¹²³ В этом, как нам кажется, можно увидеть сходство с подходом, представленным в работах Л. Талми, который считает, что в языках сателлитного типа, как, например, в русском языке, маршрут кодируется сателлитом (префиксом), а не глаголом.

значением могут уточнять и развивать то общее указание о маршруте, уже содержащееся в топологической схеме бесприставочных глаголов определенного движения.

Данный подход позволяет также объяснить причину, по которой приставочные глаголы движения утрачивают противопоставление по признаку определенности – неопределенности движения, характерное для исходных бесприставочных глаголов (ср. также об этом Исаченко 1960: 338). Т. Нессет предполагает, что нейтрализация противопоставления по признаку определенности / неопределенности движения осуществляется за счет префиксации, потому что каждая приставка с пространственным значением привносит в новую приставочную глагольную лексему схему маршрута, отсутствующую в семантике бесприставочных глаголов неопределенного движения. Проиллюстрируем динамику этой нейтрализации в Таблице 6, опираясь на подход, представленный в работе автора (2008: 145).

Таблица 6

тип мотивирующего глагола	топологическая схема, заложенная в исходном глаголе	вклад приставки только на уровне (в плане) кодирования компонентов события движения	результат
глагол определенного движения (например, <i>лететь</i>)	обобщенное представление о маршруте (schematic PATH) (+) способ движения (+)	более точное выражение маршрута (specific PATH) (передвижение внутрь) (например, в-)	приставочный глагол движения, включающий в себя информацию о маршруте движения (<i>влететь</i>)
глагол неопределенного движения (например, <i>летать</i>)	обобщенное представление о маршруте (schematic PATH) (-) способ движения (+)	более точное выражение маршрута (specific PATH) (передвижение внутрь) (например, в-)	приставочный глагол движения, включающий в себя информацию о маршруте движения (<i>влетать</i>) ¹²⁴

В процессе перфективации приставки с пространственным значением привносят в любую бесприставочную глагольную лексему дополнительную информацию о маршруте движения, согласно собственной топологической схеме. Важно здесь подчеркнуть, что для целей нашей работы нам нужно прежде всего учитывать определяющую роль пространственных префиксов в выражении и уточнении маршрута. Именно с этой точки зрения нам кажется полезным подход, представленный в работе Т. Нессета. Второстепенным оказывается здесь вопрос о виде глагола при префиксации. Т. Нессет объясняет воздействие префикса на вид нового приставочного глагола в соответствии с теорией, представленной в работах Л. Янды (Janda 2007, 2008) (см. выше также Милославский 2002).

¹²⁴ Различие между глаголами *влететь* и *влетать* только видовое.

Согласно этому подходу, способы действия, в образовании которых участвуют приставки, присоединяющиеся к глаголам неопределенного движения, можно рассматривать как метафорическое переосмысление исходной топологической схемы PATH, так как пространственная приставка *про-* при присоединении к глаголу неопределенного движения типа *ходить* приводит к конфликту между PATH и способом действия. В связи с этим топологическая схема PATH переосмыляется как указатель временного, а не пространственного измерения (Nesset 2008: 150-153). К такому же выводу приходит и О. Каган, которая считает, что *path scales* (шкала маршрута) у глаголов неопределенного движения (при присоединении к ним пространственных префиксов) не актуализируются (Kagan 2016: 198).

Заключение ко Второй главе

Вторая глава работы посвящена стратегии лексикализации события движения в русском языке в сопоставлении с итальянским.

В параграфе 2.1 в тексте *Примечание 1* мы описали составляющие маршрута движения, сравнивая подходы различных авторов (Talmy 2000a; Iacobini, Corona 2018) на материале итальянского и русского языков. Далее, мы проиллюстрировали различные стратегии лексикализации события движения в языках сателлитного и глагольного типов, сравнивая и комментируя примеры из художественной литературы: мы приняли во внимание фрагмент из повести *The Hobbit, or There and Back Again* вместе с переводами на итальянский и русский языки.

Далее мы рассмотрели подход В.А. Плуменя (2002, 2011) к определению понятия глаголов движения в типологической перспективе. Автор подчеркивает, что в разных языках глагольные лексемы, выражающие движение в пространстве, могут отличаться по составу и поверхностному выражению локативных валентностей. Более того, в концепции автора среди глаголов движения вычленяется группа «сильных» глаголов способа перемещения, включающая в себя те глаголы движения, которые не могут одновременно выражать способ движения и принимать локативные валентности конечной или начальной точки движения. Мы проиллюстрировали теорию автора на материале английского, итальянского и русского языков, подчеркивая при этом, что русский глагол *танцевать*, относящийся к группе сильных глаголов способа перемещения, может принимать локативную валентность, выражающую конечную точку движения только при перфективации.

Вопрос о валентных свойствах глаголов, выражающих способ движения, рассматривается также в англоязычной литературе. В связи с этим мы вкратце представили понятие *boundary-crossing constraint* (ограничение на пересечение границы ориентира), которое указывает на невозможность в языках глагольного типа присоединять локативные валентности, ориентированные на конечную точку движения, к глаголам, обозначающим только способ движения. Далее, на основе русских примеров и их итальянских переводов мы показали, что в итальянском языке некоторые глаголы, которые, как правило, описывают способ движения, в определенных условиях могут принимать также локативные валентности, имеющие направительную интерпретацию. Об этой характеристике некоторых глагольных лексем итальянского языка, выражающих способ движения, речь будет идти в Третьей главе (см. сноску 130).

В параграфе 2.2 описана система бесприставочных глаголов движения в русском языке. Мы прежде всего внесли терминологическое уточнение и сравнили понятие 'глаголы движения' в концепциях различных ученых (Исаченко, Карцевский, Плунгян, Апресян). Далее мы описали характеристики (признаки) тех глаголов движения, которые традиционно включаются в соотносительные пары типа *идти / ходить*. Наконец, мы рассмотрели подход различных авторов, как российских, так и зарубежных, к изучению противопоставления определенного и неопределенного движения, и привели примеры на материале русского языка в сопоставлении с итальянскими переводами. В параграфе обращается также внимание на русские глаголы пешего передвижения русского языка, не входящие в соотносительные пары. Мы перечислили некоторые из них (примеры) и вкратце изложили подходы различных авторов и источников к изучению их семантики.

Параграф 2.2.1 посвящается анализу семантики и внутренней структуры русского глагола *идти*. Мы обратили прежде всего внимание на его семантику с диахронической точки зрения, опираясь на различные источники (Dickey 2010; Ruvolletto 2014) и описывая те структурные сдвиги, которые претерпела его семантика в течение времени.

В параграфе уделяется также внимание валентностным свойствам глагола *идти*, в частности, его локативным валентностям, ориентированным как на исходную, так и на конечную точку движения (Майсак, Рахилина 1999). Обе валентности являются факультативными, хотя и не имеют одинакового статуса, поскольку конечная точка выражается чаще, чем начальная (эти выводы авторов подтверждаются и данными из НКРЯ).

Как мы отметили в параграфе 2.2.1 это может быть связано с так называемым принципом преобладания конечной точки над начальной (*goal-over-source principle* (Ikegami 1979) или *goal-bias* (Ungerer, Schmid 2006; Verspoor et al. 2004)), который возник и развивался

в русле когнитивного подхода к изучению языка. В тексте *Примечание 2* мы подробнее охарактеризовали это понятие, ссылаясь на различные источники.

В параграфе 2.2.2 рассматриваются семантика и внутренняя структура русского глагола *ехать*. Как при описании семантики глагола *идти*, мы рассмотрели прежде всего толкования глагола *ехать* в некоторых словарях современного русского языка, а также мы сопоставили различные подходы, представленные в работах Апресян 1995а, Майсак, Рахилина 1999, Рахилина 2002, 2008 и Кошелев 1999. Кроме того, приводятся примеры из НКРЯ, в которых рассматриваются также другие параметры: передвижение по наклону и по ровной поверхности, а также валентностные свойства глагола *ехать*.

В параграфе 2.3 мы сфокусировали свое внимание на системе приставочных глаголов движения в русском языке и проанализировали те правила, по которым префиксы присоединяются к глаголам как определенного, так и неопределенного движения, учитывая при этом взгляды различных авторов (Исаченко 1960; Зализняк, Шмелев 2000; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015).

Отдельный параграф (2.4) мы посвятили пространственным глагольным префиксам в русском языке. Мы обратили внимание прежде всего на их семантические характеристики, представленные в работах разных авторов (Исаченко 1960; Карцевский 2004; Плунгян 2011). Мы изложили главные пункты некоторых подходов к изучению семантики глагольных префиксов, обращая особое внимание на то, каким образом когнитивный подход к изучению языка может применяться при описании семантики глагольных префиксов русского языка.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

РУССКИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕФИКСЫ С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ И ИХ ИТАЛЬЯНСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Для нашего анализа мы выбрали те приставки, которые согласно терминологии, представленной в работе (Татевосов 2009: 96) можно считать лексическими. Иначе говоря, мы сосредоточим свое внимание на тех приставках, которые могут относиться к *path scales* в терминологии, принятой в работе (Kagan 2016: 198). Рассматриваемые приставки в сочетании с глаголами движения реализуют пространственное значение, оно является одним из первичных также в словарных толкованиях этих префиксов.

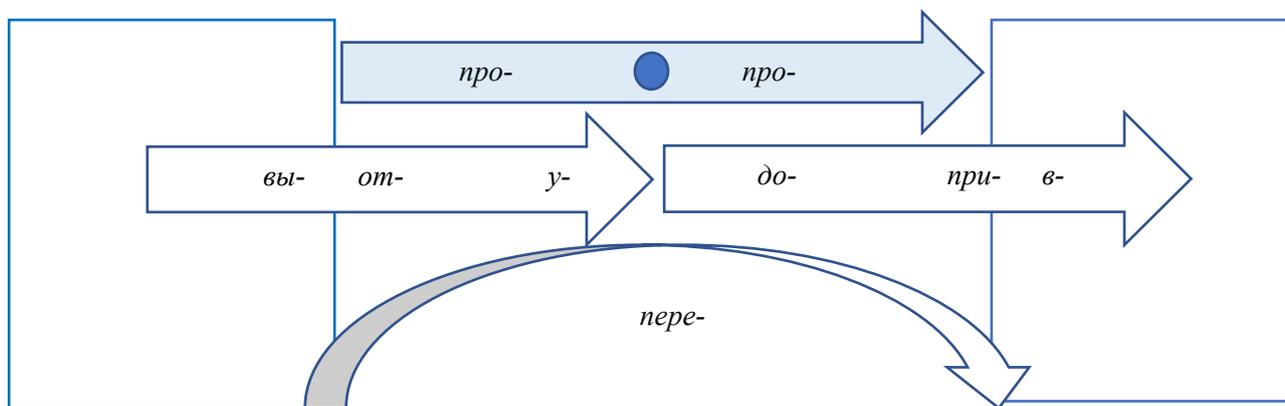
Прежде всего, надо сказать, что в целях описания семантики выбранных в нашем исследовании приставок мы принимаем во внимание их словарное толкование в некоторых толковых словарях русского языка,¹²⁵ сосредотачиваясь на пространственных значениях, описываемых в данных источниках. Далее мы вкратце перечисляем отдельно некоторые авторские толкования для каждой приставки, приводим формальные схемы приставок по работе Добрушина, Меллина, Пайар 2001,¹²⁶ после чего обращаемся к функционированию префиксов в составе глаголов движения. Внимание уделяется также описанию семантики приставочных глаголов движения, представленному в Русской Грамматике 1980 г. Выбранные нами префиксы рассматриваются в определенном порядке. Сначала проводится анализ так называемых (в терминологии Е.В. Падучевой) элативных префиксов *вы-*, *от-*, *у-*, фокусирующихся на передвижении изнутри наружу, в новую область пространства (*вы-*), на отдалении от исходной точки (*от-*), и на исчезновении из поля зрения наблюдателя (*у-*). Далее принимаются во внимание так называемые «покрывающие» префиксы (Флайер 1997) *пере-* и *про-*, фокусирующиеся на серединной порции маршрута, для семантики которых релевантно именно передвижение из одной точки к другой по определенному маршруту, а не само удаление из исходной точки или приближение к конечной. Наконец, рассматриваются префиксы *до-*, *при-* и *в-*, ориентированные на достижение конечной точки, на пересечение ее

¹²⁵ Для целей нашей задачи мы проконсультировали следующие словари: 1. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [МАС] 2. Словарь современного русского литературного языка / Академия Наук СССР / Институт Языкознания. Москва-Ленинград, 1956. [БАС] 3. Толковый словарь русского языка (Под ред. Д. Н. Ушакова) в 4 т. — М.: Гос ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. [СУ] 4. Большой академический словарь русского языка / Рос. Акад. Наук, Ин-т лингвист. исслед.; под ред. Л.И. Балахоновой, 2004-2019. [Новый БАС] 5. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка (под ред. Т.Ф. Ефремовой). — М.: Русский язык, 1996, 638 с. [ТССЕРЯ].

¹²⁶ Следует уточнить, что подбор префиксов, рассмотренных в работе (Добрушина, Меллина, Пайар 2001), не совпадает с нашим подбором и, соответственно, мы приведем формальную схему только тех приставок, описанных авторами работы. В остальных случаях (для префикса *в-*) мы предложим наш вариант формальной схемы, разработанной по их образцу.

границы и на переход в новую область пространства, соответственно. Изложенный порядок анализа графически представлен в Схеме 1.

Схема 1

Выбор префиксов оправдан соотношением и противопоставлением компонентов их пространственной семантики. С одной стороны, префиксы *до-*, *при-*, *в-* объединяются тем, что все они в разной степени выражают продвижение к конечной точке, в то время как приставки *от-*, *у-*, *вы-* кодируют отдаление от исходной точки, а префиксы *про-* и *пере-* фокусируются на серединной порции маршрута. Кроме того, выбранные префиксы могут противопоставляться по следующим признакам: появление субъекта в пространственной сцене в результате движения (*при-*), исчезновение субъекта из пространственной сцены (*у-*); переход в более замкнутую или открытую область пространства (*в-* vs. *вы-*), уменьшающееся или увеличивающееся расстояние между субъектом и ориентиром в ходе движения (*до-* vs *от-*). Мы считаем, что выявление различий при выражении одного и того же этапа события движения (удаления из исходной точки, достижения конечной точки) посредством префиксов может оказываться полезным также для дидактических целей. Таким образом, учащимся предоставляется набор средств для кодирования различных этапов маршрута движения с фокусом на различиях в пространственной семантике тех префиксов, которые выражают один и тот же участок маршрута (удаление, серединную порцию, приближение).

Далее в этой главе мы рассматриваем вклад префиксов в лексикализацию события движения, когда они присоединяются к глаголам определенного движения *идти*, *ехать*, *бежать*, *лететь* и *плыть* и образуют глаголы совершенного вида.¹²⁷ Анализ ведется на материале русско-итальянского параллельного корпуса НКРЯ с целью определить какие

¹²⁷ Следует уточнить, что только в некоторых случаях в ходе сопоставительного анализа мы рассмотрим глаголы несовершенного вида.

соответствия для приставочных глаголов движения русского языка возможны в итальянском языке. Сопоставительное исследование, представленное в этой работе, проводится в русле качественного подхода к изучению данных, и не опирается на количественные методы анализа языкового материала по двум причинам. Во-первых, отметим, что объем материала не является статистически значимым (релевантным). Во-вторых, цель нашего исследования – описать вклад русских префиксов в кодирование (компонентов) маршрута, сопоставить их с итальянскими коррелятами и предоставить ясную и, как можно больше (по возможности), полную картину стратегий лексикализации события движения в сопоставительном плане. Более того, надо учесть, что состав русско-итальянского параллельного корпуса НКРЯ относится в основном к художественной литературе, где при переводе многое определяется (индивидуальным) подходом переводчика. В некоторых случаях решающую роль играет расширенный контекст: именно его анализ позволяет проследить за выбором переводчика в каждом отдельном случае и определить; какие компоненты выражаются в итальянском языке и каким образом. Наш анализ сосредотачивается именно на том, как меняются фокус и когнитивное представление события движения в зависимости от доступных для говорящих языковых средств.

3.1 Префикс *вы-*

Во всех выбранных нами словарях для русского префикса *вы-* среди основных указано значение направленности движения изнутри наружу; а также удаления откуда-либо посредством действия, названного мотивирующим словом [ТССЕРЯ].

В Русской Грамматике 1980 г. уточняется, что приставка *вы-* может участвовать в образовании глаголов со значением «удалить(ся), выделить(ся) из чего-н., направить(ся) наружу посредством действия, названного мотивирующим глаголом». Кроме того, отмечается, что, в отличие от мотивирующих глаголов, все глагольные лексемы с префиксом *вы-* (в этом значении) сильно управляют род. п. с предлогом *из* (РГ–80: § 857).

Понятие передвижения изнутри-наружу является ключевым также в определении приставки *вы-*, представленном в работе (Апресян 1995b). Автор определяет действие, обозначенное глаголом *выйти* следующим образом: «А вышел из В в С значит, помимо прочего, что А переместился из замкнутого пространства В в более открытое пространство С» (491). В этом смысле, в образовании приставочных глаголов движения значение приставки *вы-* противопоставляется значению приставки *в-*. Однако, автор подчеркивает, что у некоторых глаголов движения, образованных при помощи приставки *вы-* и обозначающих удаление или

отправку, приставка *вы-* привносит значение удаления из исходной точки и, соответственно, противопоставление замкнутых и открытых пространств нерелевантно (там же: 491). Как нам кажется, во многом (не)релевантность этого противопоставления зависит от языкового контекста – см. примеры (101) и (102).

(101) Он категорически предлагал пассажирам, *вылетающим* в город Прибайкальск, занять места в самолёте.

(102) Завтра мы *выезжаем* (*вылетаем*) за границу (пример из Апресян 1995b: 491)

Вышесказанное подтверждается также мыслью, представленной в работе (Добрушина, Меллина, Пайар 2001), о том, что «значение сходное с «изнутри-наружу» это лишь одно из подзначений **ВЫ-**глаголов перемещения, во многом навязываемое контекстом, а не определяемое значением приставки» (2001: 68).

Покажем это на основе примера (103), в котором как раз речь идет о перемещении из замкнутого пространства: СССР был страной, из которой нельзя было просто так выехать.

(103) Советские артисты только-только начали *выезжать* за границу, были зажаты, не знали, как вести себя за таким столом.

В работе (Endresen et al 2012) прототипическое значение приставки *вы-* также связывается с понятием ‘out of a container’ (2012: 267): «[...] the trajector [движущийся субъект] moves from a more closed, **restricted**, less visible space to one that is more open, **less restricted** and more visible» (2012: 268, выделено нами – G.Z.).

Толкование приставки *вы-*, представленное в работе (Добрушина, Меллина, Пайар 2001) отличается от других, авторских толкований, тем, что в нем авторы подчеркивают центральную роль представления о разделении пространства перемещения на две существенно различные области и о наличии четкой границы между ними. Поэтому глаголы движения, образованные при помощи приставки *вы-*, означают, что «за счет определенного типа движения, обозначенного основой, **движущийся субъект переместился в область, принципиально отличную от области его первоначального местонахождения**» (2001: 69,

выделено авторами). Иными словами, префикс *вы-* маркирует изменение структуры маршрута.¹²⁸

Данное толкование соответствует формальной схеме приставки *вы-*, разработанной авторами. Приведем ниже формальную схему и проиллюстрируем ее на основе примера (104).

«1. Терм Т рассматривается в связи с ситуацией R, включающей Т и являющейся результатом действия Р;

2. результат R является преодолением на основе действия Р исходного состояния дел I;

3. исходное состояние дел I характеризуется как не гарантирующее достижение результата R при применении действия Р» (Добрушина и др. 2001: 65).

Применим схему при анализе примера (104):

(104) Легким шагом, с поднятой головой, преобразенный таким образом **путник** (Т) *выбежал* (Р) из леса (I) на пыльную дорогу (R).

Кроме того, согласно концепции авторов, приставка *вы-* отличается тем, что она отсылает к предложным конструкциям, уточняющим области начального и конечного передвижения. Иными словами, локативные валентности, выражающие начальную и/или конечную точки движения, как правило, релевантны при глаголах движения с префиксом *вы-*, хотя для этих глагольных лексем «иногда трудно определить, из какой из двух областей осуществляется наблюдение» (Добрушина, Меллина, Пайар 2001: 68).

Итак, при описании префикса *вы-* различные авторы уделяли внимание различным компонентам его семантики. В частности, в фокус попадает обозначение передвижения из замкнутого пространства в более открытое, разделение пространственной сцены на две различные области, т. е. субъект передвигается в область (в пространственную сцену), принципиально отличную от области его первоначальной локализации; релевантно также удаление из исходной точки (в этом контексте компонент передвижение изнутри наружу нерелевантен и уходит на задний план). Более того, следует также уточнить, что релевантность перечисленных компонентов значения во многом зависит от контекста употребления префикса *вы-*, а также от лексического значения того глагола движения, к которому он присоединяется. Кроме того, важно также определить с какой точки, исходной или конечной, ведется наблюдение на событие движения.

¹²⁸ Напомним здесь, что в терминологии, применяемой Л. Талми, компонент «структура» (*Conformation*) маршрута является геометрическим комплексом, связывающим общее представление о фоне (*Ground*) с его конкретными реализациями (Talmy 2000b: 54).

Рассмотрим в первую очередь итальянские соответствия тех русских глаголов с префиксом *вы-*, для которых релевантно разделение пространственной сцены на две различные области и субъект передвигается в более открытую область. Стоит учесть, что при употреблении глаголов движения с префиксом *вы-* может выражаться лексически только локативная валентность исходной точки, как в примере (105а), в котором новую локализацию субъекта, т. е. конечную точку движения, можно восстановить из контекста. При переводе на итальянский язык (105б) в качестве соответствия префикса *вы-* применяется глагол *uscire*, кодирующий структуру маршрута, т. е. смену локализации и, в частности, переход в более открытую область пространства.

(105а) Виктор *вышел* из кафе, нашел глазами уличный телефон.¹²⁹

(105б) Viktor *uscì dal caffè*, trovò con gli occhi un telefono pubblico.

В примере (106а) описывается удаление субъекта из пространственной сцены, и семантический вклад префикса *вы-* сводится к обозначению удаления из исходной точки, которая лексически не выражается, но информация о ней восстанавливается из расширенного контекста. В русском оригинале фокус падает именно на исчезновение субъекта из пространственной сцены, а не на переход в новую область пространства, но несмотря на это и на отсутствие выраженной локативной валентности конечной точки, в итальянском переводе (106б) семантика префикса *вы-* передается посредством глагола *uscire*, кодирующего структуру маршрута (смену локализации), в то время как способ движения лексически не выражается, а исходная точка может восстанавливаться из контекста как и для русского примера.

(106а) Койка санчасти была для него коротковата. [...]. Крупное лицо было бледным, так что слово «больной» приобрело у Виктора в голове сразу более серьезное значение. Стас-экстремолог *вышел*, оставив их вдвоем.

(106б) La branda dell'infermeria gli stava un po' corta. [...]. Dopo aver visto il suo faccione pallido, la parola «malato» per Viktor assunse subito un significato grave. L'estremologo *uscì* e li lasciò soli.

¹²⁹ Во всех рассмотренных нами в ходе сопоставительного анализа примерах курсивом выделяются те элементы, которые участвуют в выражении маршрута, а полужирным шрифтом отмечаются те выражения, которые кодируют способ движения. Кроме того, могут иногда подчеркиваться иные важные для целей нашего анализа элементы высказывания.

В концепции когнитивного подхода к изучению семантики префиксов прототипическая конфигурация приставки *вы-* предполагает передвижение изнутри наружу, в частности, из замкнутого, менее видимого пространства в более открытое и видимое (Endresen et al. 2012: 268). Сказанное видно из примера (107а), в котором субъект передвигается в более открытое и видимое пространство. В итальянском переводе (107б) семантика префикса *вы-* передается глаголом *uscire*, кодирующего структуру маршрута. Направление движения, т. е. векторная составляющая маршрута, уточняется конструкцией с предлогом *su*, а способ движения лексически не выражается.

(107а) Нахмуренное небо нависало над киевским вокзалом, но ни грозы, ни дождя не обещало. Виктор *вышел* на площадь и остановился.

(107б) *Sopra la stazione di Kiev incombeva un cielo cupo che però non prometteva né temporale né pioggia. Viktor uscì sulla piazza e si fermò.*

Передвижение в более открытую область пространства представляется также в примере (108а), в котором описывается весь маршрут субъекта вплоть до пересечения границы самого ориентира. В итальянском тексте (108б) семантический вклад префикса *вы-* выражается глаголом *sbucare*, семантика которого подчеркивает передвижение из замкнутого, невидимого пространства в более открытое и видимое.

(108а) Если сейчас повернуть налево и пройти метров триста – он *выйдет* на набережную Днепра, и тогда речной прохладный воздух приободрит его.

(108б) *Se ora avesse girato a sinistra, dopo trecento metri sarebbe sbucato sul Lungodnèpr e l'aria fresca del fiume lo avrebbe rinfancato.*

Пример (109б) интересен тем, что в нем для передачи семантики префикса *вы-* применяется глагол *sbucare* в корреляции с частицей, выполняющей функцию сателлита и уточняющей ту информацию о маршруте (передвижение изнутри наружу), которая содержится в семантике префикса *вы-*. Эта синтагматическая конструкция характеризует прежде всего языки сателлитного типа, поскольку в ней главная информация о маршруте кодируется сателлитом, в то время как глаголом может передаваться способ движения (*correre fuori*) либо само понятие движения как таковое (*andare fuori*) либо вектор маршрута (*sbucare fuori*). Употребление этой синтагматической конструкции, образованной глаголом движения и сателлитом, наблюдается также в итальянском языке, в котором принято ее называть *verbo*

sintagmatico (ср. Schwarze 1985; Simone 1996; Jansen 2004; Iacobini, Masini 2006; Cini 2008). Как мы увидим далее в этой главе, эта синтагматическая конструкция представляется особенно интересной для целей нашего сопоставительного анализа, поскольку она может свидетельствовать о том, что в итальянском языке, относящемся к группе языков глагольного типа, возможно применить ту модель лексикализации события движения, которая характеризует языки сателлитного типа, к которым, напомним, относится и русский язык.

Следует также отметить, что в примере (109б) посредством глагола *sbucare* может также частично передаваться тот способ движения, который в русском тексте выражается исходным глаголом *лететь*, поскольку глагол *sbucare* помимо передвижения из замкнутого, невидимого пространства в более открытое и видимое, может обозначать также внезапное, неожиданное появление субъекта в новую область пространства.

(109а) Щас бы *вылетел* какой *с поворота*, что делать?

(109б) E se ti *sbucava fuori* uno *da dietro l'incrocio*, una macchina che fa?

В примере (110б) глаголом *sbucare* передается прежде всего семантика префикса *вы-* и обозначается структура маршрута, указывающая на смену пространственной сцены, в то время как вектор передается конструкцией с предлогом *in*, а способ движения кодируется отдельно деепричастием.

(110а) — Прощай, Наташа! — прокричала Маргарита и вздернула щетку, — невидима, невидима, — еще громче крикнула она и между ветвями клена, хлестнувшими ее по лицу, перелетев ворота, *вылетела в переулок*.

(110б) — Ciao, Natasha! — gridò Margherita, e tirò su la spazzola. — Sono invisibile. Sono invisibile! — gridò ancora più forte e di tra i rami dell'acero che le sferzavano il viso, dopo aver superato il portone *sbucò volando nella strada*.

В примере (111а) посредством префикса *вы-* кодируется передвижение в более открытое и видимое пространство. Кроме того, событие описывается извне, как будто наблюдение ведется из конечной точки движения. Этим может быть оправдан выбор глагола *spuntare* при переводе на итальянский язык (111б). Применение глагола *spuntare* выражает внезапное появление движущегося субъекта в новую область пространства. В связи с этим, можно предположить, что глаголом *spuntare* передается отчасти и информация о способе движения.

(111a) Арнольд увидел крупный предмет, издалека похожий на большой навозный шар. Предмет вывалился из кустов, покачиваясь, докатился до скамейки и плюхнулся на нее, вытянув вперед странно тонкие ноги. – Садимся, – сказал Арнольд. Через минуту они *вышли из-за пустого газетного ларька*, оглядели три или четыре метра видимого пространства и сели на лавку по бокам от толстяка.

(111б) Arnold vide un grosso oggetto, che da lontano assomigliava a una grande palla di letame. L'oggetto venne fuori dai cespugli, rotolò barcollando fino alla panchina, poi vi si lasciò cadere sopra, allungando in avanti strane gambette esili. "Atterriamo", disse Arnold. Un istante dopo *spuntarono da dietro l'edicola deserta*, esaminarono attentamente i tre, quattro metri di spazio visibile e poi atterrarono sulla panchina ai lati del grassottello.

Далее рассмотрим некоторые примеры, в которых в русском оригинале выражается как переход в новую, более открытую область пространства, так и передвижение вниз, т. е. вектор маршрута. При переводе на итальянский язык лексически выражается только этот последний компонент движения, в то время как переход в новую область пространства можно восстановить из контекста. В примере (112б) глаголом *scendere* передается направление движения, т. е. векторный компонент маршрута, передаваемый в русском тексте наречием *сверху*. Способ движения кодируется отдельно наречным выражением.

(112a) Третий, без бородки, с круглым бритым лицом, в толстовке, *выбежал сверху* через короткое время и точно так же упорхнул в окно.

(112б) Il terzo senza barbetta, con una faccia rotonda e glabra, in camiciotto alla Tolstoj, *scese poco dopo di corsa* e esattamente allo stesso modo frullò via dalla finestra.

Схожим образом, в примере (113б) глаголом *scendere* выражается направление движения, в то время как в русском оригинале (113a) семантика префикса *вы-* указывает также на передвижение изнутри наружу. В связи с вышесказанным можно предположить, что в итальянских переводах в (112б) и (113б) наблюдается частичный сдвиг фокуса: глаголом *scendere* выражается только направление движения (вниз), в то время как в русских текстах ((112a) и (113a)) семантика префикса *вы-* кодирует также смену локализации, т. е. передвижение изнутри наружу. В итальянских переводах эту информацию можно восстановить из контекста.

(113a) Сам только что переселившись, он в первый раз теперь, в еще непривычном чине здешнего обитателя, *выбежал* налегке, кое-чего купить.

(113б) Lui stesso si era appena trasferito in quella casa, e per la prima volta, nell'ancora inconsueto status di residente locale, *era sceso* per comperare alcune cose.

В рассмотренных выше примерах при переводе на итальянский язык лексически семантика префикса *вы-* не выражается. Наблюдаются еще иные контексты, в которых при переводе семантика префикса *вы-* лексически не кодируется. Проиллюстрируем это при анализе примера (114a) и соответствующий итальянский перевод. В русском тексте (114a) префиксом *вы-* и предложной конструкцией (*к + дат. п.*) кодируются удаление из исходной точки и передвижение в более открытое пространство, хотя лексически пересечение границы новой области пространства не выражается. В итальянском переводе (114б) семантика префикса *вы-* фактически не выражается: посредством глагола *dirigersi* передается только та векторная составляющая маршрута, передаваемая в русском тексте предложно-падежной конструкцией. Выбор итальянского переводчика можно понять при рассмотрении расширенного контекста: семантика префикса *вы-* передается в итальянском тексте сателлитной частицей (*fuori*), относящейся к глаголу *sgusciare*, применяемому в качестве соответствия глагольной формы *выскользнула*. В связи с этим, далее в тексте уточняется только вектор, т. е. направление движения, потому что читателю уже известно, что субъект передвигается из замкнутого пространства в более открытую. В обоих текстах, как в русском оригинале, так и в итальянском переводе, в фокус попадает продвижение в сторону конечной точки движения.

(114a) Вода была не холодная, трубы сильно прогревались в такую жару. Все полотенца мокрые. Она обтерлась кое-как, нацепила на влажное тело одежду и выскользнула из квартиры: ей не хотелось с ними фотографироваться, вот что она поняла. Она *вышла к Гудзону*, потом свернула в сторону парама [...].

(114б) L'acqua non era fredda, le tubature si scaldavano molto con quella calura. Tutti gli asciugamani erano bagnati. Si asciugò alla bell'e meglio, si infilò i vestiti sul corpo umido e sguscio fuori dall'appartamento: non aveva voglia di farsi fotografare con loro, ecco cosa aveva capito. *Si diresse verso l'Hudson*, poi svoltò dalla parte del traghettò [...].

Понятие замкнутого пространства имеет относительный характер и его можно понимать по-разному в зависимости от контекста. В примерах (115a) и (115б) оно относится к

передвижению из страны, за пределы которой попасть было вовсе не легко для ее граждан. В итальянском тексте этот оттенок, на наш взгляд, теряется, поскольку глагол *lasciare* указывает только на удаление из исходной точки (на, возможно, долгий срок).

(115а) Затем они *выехали из СССР* по израильской визе, но не поехали в Израиль (drop-outs, по израильской терминологии), а в странах Запада объявили себя тотчас истолкователями России, её исторического духа и нынешней жизни русского народа [...].

(115б) Poi hanno lasciato l'URSS con visti di emigrazione per Israele, ma non per stabilirsi in questo paese; e negli altri paesi occidentali si sono immediatamente presentati come interpreti della Russia, del suo spirito storico e della vita del popolo russo oggi [...].

В нижеприведенных примерах (116а)-(117б)) в фокус внимания попадает не передвижение в более открытую область пространства, а исчезновение субъекта из пространственной сцены. Именно по этой причине можно предположить, что в итальянских переводах не имеется специализированного элемента поверхностной структуры для выражения семантики префикса *вы-*. В русском тексте (116а) фокус падает на удаление из той области пространства, определяющей первоначальную локализацию движущегося субъекта: он пропадает из известной читателю пространственной сцены. К этому сводится здесь главный семантический вклад префикса *вы-*, который передается в итальянском тексте глаголом *andarsene*, фокусирующимся на удалении из исходной точки и на первом этапе передвижения. Как мы увидим далее в параграфе 3.3, это значение удаления из исходной точки характеризует также пространственную семантику префикса *у-*: об этом может свидетельствовать применение глагола *andarsene* в качестве соответствия приставочного глагола с префиксом *у-* (см. пример (202б)).

(116а) – На паром... – слабенько улыбнулся Алик. «Дело к концу, – подумал Фима. – Сознание начинает мешаться». И он *вышел в кухню*, загромыхал в холодильнике примерзшими кассетами со льдом.

(116б) «Del traghetto...» sorrise debolmente Alik. Siamo alla fine, pensò Fima. La coscienza comincia ad annerirsi. *Se ne andò in cucina* e si mise a sbatacchiare le vaschette portaghiaccio incollate nel frigorifero.

В русском тексте (117а) тоже описывается удаление субъекта из той области пространства, где изначально находятся все участники ситуации движения. В итальянском переводе (117б) это передвижение передается глаголом *sparire*, выражающего быстрое, незаметное исчезновение из пространственной сцены, а также исчезновение из поля зрения наблюдателя. В силу семантики глагола *sparire*, можно предположить, что он участвует также в выражении способа движения.

(117а) — Сестра Настя с ним в одном классе училась, — объяснила теща. — Дружили, играли вместе. Я его последний раз в Ростове перед войной видела. Саня как раз университет кончал. Разыскала вот. А на улице бы не узнала... Гарик, вы голодный? Теща *вышла на кухню*.

(117б) «Mia sorella era una sua compagna di scuola» spiegò sua suocera. «Erano amici, giocavano insieme. L'ultima volta che l'ho visto è stato poco prima della guerra. Stava per laurearsi. Sono riuscita a trovarlo. Ma non l'avrei mai riconosciuto se l'avessi incontrato per strada. Igor', ha fame?» e *sparì in cucina*.

В вышерассмотренных примерах (116а)-(117б) мы отметили, что не имеется специализированного элемента поверхностной структуры в качестве соответствия префикса *вы-*. Схожее явление наблюдается при переводе примера (118а), в котором описывается обратное передвижение вплоть до ориентира. В этом случае русский и итальянский тексты кардинально отличаются друг от друга в плане выраженных компонентов события движения. В русском тексте (118а) при помощи префикса *вы-* лексически выражается структура маршрута, указывающая на передвижение в новую область пространства (переход из водной области пространства в сухопутную), в то время как в итальянском тексте (118б) это передвижение подразумевается, а лексически при помощи глагола *tornare* выражается только вектор маршрута, указывающий на обратное передвижение.

(118а) Я заплыл далеко. Неожиданно ощутил под собой бесконечную толщу воды. Перевернулся на спину, выбрав ориентиром легкую розоватую тучку. *На берег я вышел* с приятным чувством усталости и равнодушия.

(118б) Ero arrivato lontano. Improvvisamente avevo percepito sotto di me un'infinita massa d'acqua. Mi ero girato di schiena, scegliendo come riferimento una leggera nube rosata. *Ero tornato a riva* con una piacevole sensazione di stanchezza e indifferenza.

Как видно из примера (118б) когда передвижение предполагает возвращение в ту область пространства, в которой субъект уже находился до начала передвижения, при переводе на итальянский язык может применяться глагол *tornare* ('возвращаться'), указывающего на повторное или обратное передвижение в прежнюю область пространства. В русском оригинале (119а) повторное передвижение выражается наречием, а в итальянском переводе (119б) – глаголом *tornare*, кодирующим направление движения, т. е., вектор маршрута. В этом итальянском примере, в отличие от предыдущего (118б), имеется также сателлитная частица, передающая семантику префикса *вы-* и указывающая на передвижение изнутри наружу.

(119а) Прежде всего вылезла обида на тещу. Макарец, походив по спальне, *вышел снова*.

(119б) Provava un forte risentimento nei confronti di sua suocera. Dopo aver camminato su e giù in camera da letto *tornò fuori*.

Можно предположить, что те компоненты пространственной семантики префикса *вы-*, которые позволяют концептуализировать передвижение изнутри наружу, а также разделение пространственной сцены на две принципиально различные области, не являются всегда релевантными или первостепенными в восприятии итальянского говорящего. Нашу гипотезу могут подтвердить несколько разных примеров, для которых при переводе на итальянский язык не имеется элемента поверхностной структуры для передачи семантики префикса *вы-*. В примерах (120а) и (121а) посредством префикса *вы-* кодируется передвижение из замкнутого пространства (города) в более открытое, т. е. в русском языке город может концептуализироваться как область пространства, ассоциируемая с понятием контейнера. В итальянском языке это разграничение тоже является возможным, как показано в примере (121б), в котором семантика префикса *вы-* передается глаголом *uscire*. Однако, это разграничение может быть также второстепенным и лексически не выражаться в итальянском тексте, как видно из примера (120б), в котором применяется глагол *lasciare*, для семантики которого понятие контейнера и, соответственно, передвижение изнутри наружу является нерелевантным.

(120а) Они *выехали из города* утром серого зимнего дня. День был будничным. Люди шли по улицам по своим делам.

(120б) *Lasciarono la città* il mattino di una grigia giornata invernale. Era giorno di lavoro. La gente, nelle strade, se n'andava per le proprie faccende.

(121a) Наконец, *выехали из города*. Хотя Юрий Андреевич, бывало, ездил по этой дороге зимою, он преимущественно помнил её в летнем виде и теперь не узнавал.

(121б) Finalmente *uscirono dalla città*. Benché avesse già percorso d'inverno a cavallo quella strada, Jurij Andrèevich la ricordava soprattutto d'estate e ora non la riconosceva.

Подтверждение того, что в русском и итальянском языках пространство концептуализируется по-разному и не всегда все компоненты семантики префикса *вы-* являются релевантными при переводе на итальянский язык, встречается в примере (122б). В русском оригинале (122а) префикс *вы-* обозначает передвижение из более замкнутого пространства в более открытое, а также удаление из исходной точки движения. В итальянском тексте (122б) первый компонент фактически теряется: при переводе глаголом *partire* лексически выражается только удаление из начальной области пространства. Более того, несмотря на то, что в обоих текстах имеется только выраженная локативная валентность конечной точки, фокус падает на начальный этап движения как в русском оригинале (122а), так и в итальянском переводе (122б).

(122а) В апреле того же года Живаго всей семьей *выехали на далекий Урал*, в бывшее имение Варыкино, близ города Юрятина.

(122б) Nell'aprile di quell'anno tutta la famiglia Zivago *partì per i lontani Urali*, alla volta dell'antica tenuta di Varykino, nei pressi di Jurjatin.

В фокусе может оказываться также результат передвижения, в этом случае в итальянском тексте может описываться то состояние, возникшее в результате смены локализации в пространстве. Сказанное видно из примера (123б), в котором в качестве соответствия приставочного глагола с префиксом *вы-* вместо глагола движения используется глагол *essere* ('быть'). Такой выбор может быть обусловлен присутствием наречия уже в русском тексте.

(123а) Замкнув дверь своей комнаты, она, когда мы уже вышли в переднюю, вернулась и дополнительно заперла кухню.

(123б) Dopo aver chiuso la porta della sua stanza, quando *eravamo già nell'ingresso*, è tornata indietro e ha dato un giro di chiave anche alla porta della cucina.

Как мы отметили выше, например, при анализе итальянского глагола *scendere* в качестве соответствия приставочного глагола с префиксом *вы-*, при переводе на итальянский язык лексически могут выражаться не все компоненты события движения, актуализируемые в русском тексте. В частности, при переводе (на итальянский язык) может передаваться только один из компонентов семантики префикса *вы-*. Например, в (124а) префикс *вы-* обозначает передвижение изнутри наружу, а также удаление из исходной точки движения (подобное *у-*). В итальянском переводе (124б) в фокус попадает скорее этот последний компонент: глаголом *andare via* кодируется прежде всего удаление из исходной точки движения, а не передвижение изнутри наружу. Семантика префикса *вы-* передается сателлитом *via*, кодирующим структурную составляющую маршрута, в то время как глагол *andare* передает только направление движения, т. е. вектор маршрута. В этом случае, в отличие от других рассмотренных нами переводов (см. (118б), (120б), (122б)), имеется соответствие на уровне поверхностной структуры для передачи семантики префикса *вы-*. Однако, важно подчеркнуть, что в силу собственной семантики (и, возможно, в силу другой концептуализации передвижения в пространстве, присущей итальянским говорящим) сателлитная частица *via* может применяться и для обозначения семантики других русских префиксов, как будет видно в следующих параграфах. Иначе говоря, не следует устанавливать, на наш взгляд, однозначное соответствие между семантикой префикса *вы-* и сателлитной частицы *via*.

(124а) Оказывается, Вера Николаевна пришла за какой-то картиной Бориса Григорьева, которую Анна Андреевна решила продать. Я *вышла* с ней вместе, чтобы помочь нести.

(124б) Vera Nikolaevna, a quanto pare, è venuta per un quadro di Boris Grigor'ev che Anna Andreevna ha deciso di vendere. *Sono andata via* insieme a lei, per aiutarla.

Кроме того, в отличие от русских текстов, в итальянских переводах внимание может фокусироваться прежде всего на достижении конечной точки. В этих случаях, при переводе на итальянский язык значение префикса *вы-* может уходить на задний план, т. е. его семантический вклад скорее подразумевается, как видно из примера (125б). При этом, важно также отметить, что как в русском оригинале (125а), так и в итальянском переводе (125б) наблюдение ведется с конечной точки движения. Этим может быть оправдан выбор переводчика при применении итальянского глагола *venire*,¹³⁰ семантика которого фокусируется на дейктической составляющей маршрута.

¹³⁰ О семантике итальянского глагола *venire* см. также в параграфах 3.3 и 3.7.

(125a) На мой стук в ее дверь она не ответила, как обычно, «войдите!», а сама *вышла в коридорчик*, ко мне, и тут энергичным шепотом сделала то сообщение, ради которого меня вызвала: насчет Корнея Ивановича и Жабы.

(125б) Al mio colpo alla porta non ha risposto, come di solito, «entrate», ma mi è *venuta incontro* lei stessa *sul corridoio* e lì, con un energico sussurro, mi ha dato l'informazione per cui mi aveva chiamato: a proposito di Kornej Ivanovič e del Rospo.

Дейктическая составляющая маршрута высвечивается в итальянском тексте также при переводе русского примера (126a). В этом случае точка наблюдения не совпадает в русском и в итальянском текстах: в русском примере (126a) наблюдение ведется с исходной точки движения, т. е. с начальной локализации движущегося субъекта, в то время как в итальянском переводе (126б) наблюдатель находится скорее в конечной точке движения. Этим может быть обусловлено применение глагола *venire*: в итальянском переводе (126б) фокус делается в основном на достижении конечной точки, которая выражается также лексически в итальянском тексте, в отличие от русского оригинала, в котором локативная валентность конечной точки подразумевается.

(126a) К этому Пилат добавил, что он тотчас *выйдем* и сам, и удалился внутрь дворца.

(126б) A ciò Pilato aggiunse che *sarebbe subito venuto in giardino* anche lui, ed entrò nel palazzo.

При анализе итальянских переводов (127б) и (128б) наблюдается, во-первых, сдвиг фокуса по сравнению с русскими текстами, а во-вторых, отсутствие элемента поверхностной структуры для передачи семантики префикса *вы-*. В итальянских текстах глагольные лексемы с префиксом *вы-* передаются глаголом *giungere* и его синонимом *arrivare*. Обе эти глагольные лексемы выражают достижение конечной точки, но при определенных контекстных условиях может подразумеваться также пересечение ее границы (из контекста, представленного здесь в русских оригиналах, понимается, что субъект находится в новой области пространства в результате передвижения). Важно при этом подчеркнуть, что как понятие передвижения изнутри наружу, так и компонент удаления из исходной точки являются нерелевантными для определения лексического значения глаголов *giungere* и *arrivare*. В связи с этим, при переводе фокус внимания переносится на достижение цели передвижения, а те компоненты семантики префикса *вы-*, которые указывают на передвижение из одной (возможно, более замкнутой) области пространства в новую, а также на удаление из исходной точки, остаются в итальянских переводах (127б) и (128б) на заднем плане, невыраженным (за исключением

локативной валентности исходной точки в примере (127б), находящейся однако в начальной (тематической) позиции и не привлекающей на себя внимания).

(127а) *Из коридора выехала* на резиновых колесиках кушетка, на нее переложили затихшего Ивана, и он уехал в коридор, и двери за ним замкнулись.

(127б) *Dal corridoio giunse una lettiga su ruote di gomma, vi deposero Ivan che, addormentato, partì verso il corridoio, e la porta si chiuse dietro di lui.*

(128а) На высокой металлической мачте с седлом наверху и с одним колесом *выехала* полная блондинка в трико и юбочке, усеянной серебряными звездами, и стала ездить по кругу.

(128б) *Su un lungo palo metallico, munito di un sellino in alto e di un'unica ruota, arrivò una bionda grassoccia in calzamaglia e gonnellino cosparso di stelle d'argento, e cominciò a girare in tondo.*

В примерах (129а) и (129б), наоборот, наблюдается полное совпадение фокуса в русском и в итальянском языках: в обоих текстах выражается передвижение из одной области пространства в другую, принципиально отличную от первой. Семантика префикса *вы-* передается в итальянском тексте (129б) глаголом *emergere*, кодирующим структуру и вектор маршрута (вертикальное передвижение 'снизу – вверх'). Интересно также отметить, что как в русском тексте (129а), так и в итальянском переводе (129б), релевантен тот факт, что в результате передвижения субъект становится более видимым в пространственной сцене.

(129а) Я стоял на коленях и уже готовился овладеть моей душенькой, как внезапно двое бородатых купальщиков — морской дед и его братец — *вышли из воды* с возгласами непристойного ободрения, [...].

(129б) *Io ero in ginocchio, e sul punto di possedere il mio tesoro, quando due bagnanti barbuti, il vecchio del mare e suo fratello, emersero dai flutti lanciando una salva di scurrili incoraggiamenti.*

Как мы уже отметили, в итальянских переводах может иногда не выражаться семантика префикса *вы-*, которая, однако, в некоторых случаях может восстанавливаться из расширенного контекста. Сказанное видно из примера (130б), в котором глаголом *avvicinarsi* кодируется векторная составляющая маршрута, уточняющая направление движения, а передвижение субъекта изнутри наружу подразумевается. Фокус делается на продвижении в сторону конечной точки в итальянском тексте, в отличие от русского текста, в котором, наоборот, в фокус внимания попадает переход из одной области пространства в другую, новую.

(130a) В это время гость прокуратора находился в больших хлопотах. Покинув верхнюю площадку сада перед балконом, он по лестнице спустился на следующую террасу сада, повернул направо и *вышел к казармам*, расположенным на территории дворца.

(130б) Nel frattempo, l'ospite del procuratore si dava da fare. Dopo aver lasciato la terrazza superiore del giardino di fronte alla loggia, scese per la scala verso la terrazza successiva, voltò a destra e *si avvicinò alle caserme* situate nel recinto del palazzo.

Далее приведем еще примеры, в которых в силу выбранных итальянских соответствий фокус может переноситься на другую порцию маршрута по сравнению с русским оригиналом. Рассмотрим пример (131a), в котором приставочным глаголом с префиксом *вы-* маркируется передвижение в более открытую область пространства, в том числе и пересечение ее границы. При переводе на итальянский язык применяется глагол *avviarsi*, семантика которого ориентирована на начальный этап передвижения, т. е. на удаление из исходной точки, являющееся единственным компонентом семантики префикса *вы-*, выраженным в итальянском тексте. Способ движения выражается отдельно наречным выражением. Только при ознакомлении с расширенным контекстом в итальянском переводе может восстанавливаться информация о том, что в результате передвижения субъект находится в новой области пространства.

(131a) Слезы уже текли по ее лицу, и, чтобы скрыть их, она порывисто встала и почти *выбежала на террасу*. [...]. При ярком солнце, сквозившем сквозь отмытые листья, в воздухе было холодно. Она вздрогнула и от холода, и от внутреннего ужаса, с новой силой охвативших ее на чистом воздухе.

(131б) Già le lacrime le scorrevano pel viso, e per nasconderle, si alzò di scatto e *si avviò quasi di corsa in terrazza*. [...]. Malgrado il sole vivido che passava attraverso le foglie lavate, l'aria era fredda. Al contatto dell'aria libera, rabbrivì, e per il freddo e per l'interno sgomento che con forza rinnovata l'assaliva.

Применение итальянского глагола *avviarsi* характеризует также перевод в примере (132б): в нем лексически описывается только начальный этап передвижения, т. е. передается только та часть семантики префикса *вы-*, которая выражает удаление из исходной точки. Все остальные компоненты его семантики опускаются, но только лексически: из расширенного контекста восстанавливается информация о том, что субъект добрался до конечной точки.

(132a) [...], после чего я смял в комочек бумажную салфеточку, которой вытирал кончики пальцев — они у меня весьма чувствительные — и, ловко метнув его в приготовленный для этого ресептакль, *выплыл в холл*. Удобно опершись обоими локтями на край конторки, я спросил у мистера Ваткинса, совершенно ли он уверен, что моя жена не телефонировала; и как насчет койки?

(132б) Dopodiché gettai con precisione nell'apposito ricettacolo la carta con la quale mi ero asciugato la sensibile punta delle dita e *mi avviai verso il bureau*. Appoggiando con tutto agio i gomiti sul bancone chiesi al signor Potts se era sicurissimo che non avesse telefonato mia moglie — e che ne era stato di quel lettino?

Частичный сдвиг фокуса по сравнению с русским текстом наблюдается также в итальянском переводе (133б): передвижение субъекта обозначается глаголом *andare*, семантика которого особенно не маркирует достижение конечной точки, наоборот, в фокус попадают скорее начальный и срединный этапы движения. Информация о достижении субъектом конечной точки восстанавливается из расширенного контекста. В (133б) семантический вклад префикса *вы-* лексически опускается: можно предположить, что эксплицитно передается только его перфективирующая функция, отражающаяся в выборе времени глагольной леммы *andare*, в частности, простого прошедшего времени (ср. Bertinetto 1986).

(133a) На другой день, в 11 часов утра, Вронский *выехал на станцию* Петербургской железной дороги встречать мать, и первое лицо, попавшееся ему на ступеньках большой лестницы, был Облонский, ожидавший с этим же поездом сестру.

(133б) Il giorno dopo, alle undici del mattino, Vronskij *andò alla stazione* della ferrovia di Pietroburgo a rilevare la madre; e il primo viso in cui si imbatté sui gradini della scalinata principale fu Oblonskij che aspettava la sorella con quello stesso treno.

Обратим теперь внимание на некоторые примеры, в которых при переводе на итальянский язык способ движения кодируется глаголом, т. е. применяется та стратегия лексикализации события движения, которая, как правило, характеризует языки сателлитного типа, в том числе и русский язык. Проиллюстрируем это на основе примеров (134a) и (134б). Итальянским соответствием выражения *вылетела вон* является синтагматическая конструкция (*verbo sintagmatico*), в которой глаголом передается способ движения, а

сателлитной частицей – маршрут, т. е. удаление из исходной точки движения, обозначенное в (134а) префиксом *вы-* и наречием *вон*, передающим также вектор маршрута, т. е. направление движения. На первый взгляд может показаться, что выбор сателлита обусловлен присутствием наречия (*вон*) в русском тексте, но на самом деле роль сателлита кардинально отличается от роли наречия. В русском тексте наречием скорее уточняется информация о векторе маршрута, которая уже кодируется префиксом, в то время как сателлит заполняет необходимую для целей коммуникации локативную валентность итальянского глагола движения (*volare*). Далее, в этом же примере (134б) сателлитом *fuori*, относящимся к глаголу, выражающему способ движения, кодируется структура маршрута, т. е. переход в новую область пространства и пересечение границы ориентира. Отметим также, что как в русском тексте, так и в итальянском переводе выражается срединная порция маршрута. В русском оригинале этот участок маршрута выражается более компактным образом, чем в итальянском переводе, в котором употребляется деепричастная конструкция.

(134а) С третьим криком петуха она повернулась и **вылетела вон**. И вслед за нею, подпрыгнув и вытянувшись горизонтально в воздухе, напоминая летящего купидона, **выплыл** медленно *в окно через письменный стол* Варенуха.

(134б) Al terzo canto del gallo si voltò e **volò via**. Imitandola, Varenucha fece un salto e si stese orizzontalmente a mezz'aria, come un cupido in volo, e **scivolò** lentamente *fuori della finestra passando sopra la scrivania*.

Приведем еще несколько примеров итальянских соответствий, в которых применяется эта конструкция, относящаяся прежде всего к языкам сателлитного типа. Сателлитные частицы итальянского языка типа *via* или *fuori*, описывающие маршрут движения, могут также актуализировать понятия предела для семантики глагола движения. В частности, в работе (Iacobini, Masini 2006) подчеркивается, что «In some cases particles may have a double function (direction markers and telic markers together)» (2006: 176). В примерах (135б) и (136б) частицами кодируется структура маршрута, т. е. семантический вклад префикса *вы-*, в то время как предложной конструкцией выражается вектор маршрута, а глаголом – способ движения.

(135а) Но Маргарита уже соскучилась в кухне и **вылетела в переулок**.

(135б) Ma Margherita che s'era già annoiata di stare in cucina, **volò fuori nel vicolo**.

(136a) — А Катерина Ивановна, уж, конечно, вас не минует, зайдет к вам сама, коли уж *выбежала из дому*, — брюзгливо прибавил он. — Коли вас не застанет, ведь вы же останетесь виноваты...

(136б) «Katerina Ivànovna passerà senz'altro di qui, visto che è **corsa via da casa**,» continuò lui con irritazione «E se non vi trova, la colpa sarà vostra...»

Значение префикса *вы-* может передаваться частицей также в тех случаях, когда в русском тексте лексически не выражаются локативные валентности исходной или конечной точек, как в примере (137б).

(137a) И не успел Степан Аркадьич подойти, как уж *вылетел дупель*.

(137б) E Stepan Arkad'ic non fece in tempo ad avvicinarsi che **era già volata fuori** una beccaccia bottaia.

Интересно обратить внимание на то, как контекст может влиять на статус итальянских сателлитных частиц. Мы имеем в виду роль выраженных локативных валентностей и семантический вклад того глагола, к которому частицы относятся. Когда в тексте эксплицитно выражается конечная точка движения, как в примере (135a), частица может также опускаться, ср. приемлемость примера (135в):

(135в) Ma Margherita che s'era già annoiata di stare in cucina, **volò nel vicolo**.

С другой стороны, при выраженной локативной валентности исходной точки, как в примере (136a), без участия частицы высказывание может восприниматься в какой-то степени как незавершенное, как видно из примера (136в):

(136в) «Katerina Ivànovna passerà senz'altro di qui, visto che è **corsa da casa**,» continuò lui con irritazione «E se non vi trova, la colpa sarà vostra...»

Иная картина наблюдается при применении итальянского глагола, включающего в себя информация как о способе, так и о маршруте движения, как в примере (138б). Когда сателлитные частицы типа *via* или *fuori* относятся к глаголам, кодирующим одновременно маршрут и способ движения, их присутствие может не являться обязательным. Сказанное покажем на основе примеров (138a)-(139б). В примере (138б) глаголом *fuggire* кодируются

способ движения и те компоненты маршрута, которые выражаются префиксом *вы-*, а предложной конструкцией уточняется информация об исходной точке движения.

(138a) Левин схватился за голову и *выбежал* из комнаты.

(138б) Levin si afferrò la testa tra le mani e *fuggì* dalla camera.

В примере (139б) частицей дублируется та информация о маршруте, т. е. об удалении из исходной точки, которая заложена в семантике глагола *fuggire*, поэтому присутствие сателлитной частицы в тексте (139б) можно считать факультативным, она имеет скорее всего усилительную функцию, в отличие от тех случаев, в которых при переводе на итальянский язык применяется глагол, выражающий способ движения (*correre, volare*).

(139a) — Я сейчас приду! — крикнул он, обращаясь к помертвевшей Пульхерии Александровне, и *выбежал* из комнаты.

(139б) «Torno subito!» gridò, rivolgendosi alla tramortita Pulchèrija Aleksàndrovna, e *fuggì* via dalla stanza.

При переводе на итальянский язык способ движения может кодироваться глаголом также в тех случаях, в которых семантика префикса *вы-* лексически не выражается, как видно из примера (140б). Как в русском тексте (140а), так и в итальянском переводе (140б) фокус падает на достижение новой области пространства. Кроме того, для того пространства, куда передвигается субъект, понятие контейнера не столь же релевантно (и, соответственно, нерелевантно понятие передвижения изнутри наружу). По этой причине, на наш взгляд, при переводе на итальянский язык семантический вклад префикса *вы-* подразумевается, в то время как его перфективирующая функция отражается в выборе прошедшего времени глагольной лексемы. В примере (140б) выбирается относительное прошедшее время плюсквамперфект, указывающий на предшествование ситуации движения по отношению к другой ситуации, и обуславливающий результативное прочтение описанного передвижения, а также направительную интерпретацию конструкции с предлогом *su*.¹³¹ Можно поэтому

¹³¹ В работе (Folli, Ramchand 2005) рассматривается свойство некоторых глаголов итальянского языка, кодирующих способ движения (*correre, volare, scivolare* и т. д.), которые могут сочетаться с предложными конструкциями локативного типа, приобретающими в этом контексте также направительную интерпретацию. Авторы предполагают, что это свойство обусловлено лексическим значением глаголов движения. Иными словами, предполагается, что некоторые глаголы итальянского языка, кодирующие способ движения, имеют сложную семантическую структуру, в которой заложена некая направленность движения, допускающая направительную интерпретацию предложной конструкции, указывающей на достижение, а иногда также на пересечение границы конечной точки движения (94-98; см. также Folli 2008: 204-207). Более того, авторы

предположить, что когда понятие передвижения изнутри наружу нерелевантно для целей сообщения, в итальянском тексте префиксу *vy-* может не уделяться отдельное место. Иначе говоря, способ передачи семантики префикса *vy-* может зависеть на уровне поверхностной структуры от релевантных компонентов его семантики в определенном контексте.

(140a) Серафим вспомнил, как *выбежал на лед* человек, какой-то заключенный и, смешно растопырив руки, пытался поймать утку.

(140б) A Serafim era tornato in mente l'uomo, un detenuto, che **era corso sul ghiaccio** e, tendendo comicamente le braccia, aveva tentato di afferrare l'anatra.

Примечание 3. О некоторых особенностях глаголов, кодирующих способ движения в итальянском языке

Способность некоторых глаголов итальянского языка (например, *correre* и *volare*), кодирующих способ движения, выражать различные аспектуальные характеристики (деятельность или предельное событие) в зависимости от контекста, а также от глагольной формы, в которой выступает глагол, ассоциируется также с выбором вспомогательного глагола при образовании аналитических прошедших времен.

Это чередование (*essere/avere*) при образовании аналитической формы прошедшего времени в итальянском языке, а также в других романских языках и в германских языках, изучено в основном в русле так называемой гипотезы неаккузативности (*Unaccusative hypothesis* (Perlmutter 1978)). Согласно этому подходу, непереходные глаголы делятся на две группы, в зависимости от семантико-синтаксического статуса актанта: глагол принято считать неэргативным, если он сближается с

обращают внимание на то, что в тех случаях, когда активизируется эта составляющая лексического значения глагола, предложная конструкция приобретает иной статус, становясь обязательной валентностью глагола, и как будто дополняя его (98). Можно предположить, что это касается также частиц-сателлитов типа *via, fuori, dentro*, образующих синтагматические конструкции (*verbi sintagmatici*), характеризующие прежде всего языки сателлитного типа, но применение которых наблюдается и в итальянском языке.

На наш взгляд, это созвучно толкованию семантики бесприставочных глаголов движения русского языка, предложенному Л. Талми (1975: 219-221; 2007: 143). Как мы уже отметили во второй главе (см. параграф 2.2), в концепции автора, бесприставочные глаголы типа *летать* кодируют понятия GO и MOVE, и включают в себя семантику сателлита ABOUT, в то время как бесприставочные глаголы типа *лететь* помимо понятий GO и MOVE выражают семантику сателлита ALONG. Схожим образом, можно предположить, что глаголы движения итальянского языка типа *correre, volare* объединяют в себя как семантику сателлита ALONG, так и семантические признаки сателлита ABOUT, и в зависимости от контекста активизируется один из двух сателлитов. В примере (140б) направлятельная интерпретация предложной конструкции обусловлена семантикой глагола *correre*, включающего в себя как лексическое значение русского глагола движения *бежать*, так и лексическое значение глагола *бежать*. Иными словами, некоторые глаголы итальянского языка, кодирующие способ движения, как например *correre, volare* могут выражать как определенное, так и неопределенное движение. В сочетании с некоторыми предложными конструкциями или сателлитами (*via, fuori, dentro*) активизируется заложенная в их семантике определенность движения, хотя на эту возможность может повлиять также видовременная характеристика глагольной формы (ср. примеры (140б), (423б)).

подлежащим переходного глагола, неаккузативным в том случае, когда его единственный актант по своей характеристике ближе к прямому дополнению переходного глагола.

Однако, для целей нашей работы актуальнее и важнее отметить, что в некоторых исследованиях (например, Levin, Rappaport Hovav 1992; Sorace 2000; Jezek 2003; Плунгян 2011) вопрос рассматривается прежде всего с точки зрения лексического значения каждого отдельного глагола. Например, в работе (Jezek 2003) чередование в выборе вспомогательного глагола анализируется с точки зрения композиционального подхода, согласно которому, один и тот же глагол может относиться как к группе неэргативных глаголов, так и к группе неаккузативных, в зависимости от контекста, в котором он употребляется. В частности, его принадлежность к так называемым неаккузативным глаголам связана с присутствием в высказывании предложной конструкции, которая может получить также направительную интерпретацию, как в примере (i).

(i) Paolo è corso *al parco*.

Наоборот, предложная конструкция, уточняющая информацию о продолжительности движения (ii), способствует неэргативной интерпретации.

(ii) Paolo ha corso *per un'ora (al parco)*.¹³²

В связи с этим в работе (Jezek 2003) предлагаются термины неаккузативные (неэргативные) конструкции вместо неаккузативных (неэргативных) глаголов (154-156; 184-185).

В работе (Levin, Rappaport Hovav 1992) вопрос также рассматривается в первую очередь с точки зрения семантики глаголов. В частности, авторы считают, что глаголам, кодирующим направленность движения, можно приписывать неаккузативная конфигурация, в то время как глаголы, выражающие способ движения, относятся к неэргативной конфигурации (253-254). Кроме того, некоторые глаголы движения, как например итальянские *correre* и *volare*, могут относиться к обеим конфигурациям, в зависимости от того, присутствует ли в высказывании предложная конструкция, уточняющая конечную точку движения и имеющая соответственно направительное значение (258).

Более обобщенно, немного, на наш взгляд, отходя от гипотезы неаккузативности, авторы подчеркивают корреляцию в итальянском языке между выбором вспомогательного глагола *essere* и присутствием предложной конструкции, кодирующей конечную точку движения, при употреблении некоторых глаголов, выражающих способ движения (258).

В работе (Sorace 2000) утверждается, что «Verbs of manner of motion imply a nondirected displacement of their single argument. [...] A well-known characteristic of these verbs is their sensitivity to features that telicize the predicate» (875). Но далее, автор уточняет, что в итальянском языке далеко не все глаголы,

¹³² Если смотреть на примеры (i) и (ii), принимая скалярный подход, представленный в работе (Kagan 2016), можно предположить, что образуется некий порядок (некая иерархия) в типах шкалы, к которому глагол может относиться (т. е. глаголы могут себя вести так же, как и префиксы, т. е. относиться к определенной активизируемой шкале). Когда в контексте присутствуют элементы, активизирующие пространственную и временную шкалы, временная шкала все-таки доминирует над пространственной.

кодирующие способ движения, меняют вспомогательный глагол в зависимости от предельного характера высказывания: «*correre* ‘run’ participates in the shift but *nuotare* ‘swim’ does not [...]».¹³³

Корреляция между вспомогательным глаголом *essere* и способностью непереходного глагола типа итальянских *correre* и *volare* обозначать изменение локализации в пространстве отмечена также в работе (Плунгян 2011), однако, автор обращает внимание на то, что «такая семантика совсем не обязательно требует пациентной роли субъекта [...]» (174).

Как мы уже отметили выше в этом параграфе (см. сноску 131), в работе (Folli, Ramchand 2005) изучается свойство некоторых глаголов итальянского языка, кодирующих способ движения (*correre*, *volare*, *scivolare* и т. д.), которые могут сочетаться с предложными конструкциями локативного типа, приобретающими также направительную интерпретацию. Авторы предполагают, что это свойство обусловлено тем, что некоторые глаголы итальянского языка, кодирующие способ движения, имеют сложную семантическую структуру, в которой заложена некая направленность, благодаря которой, глагол может участвовать в образовании конструкций, выражающих достижение цели (конечной точки) движения. Согласно этому подходу, именно в силу внутренней семантической структуры этих глаголов движения они могут принимать различные вспомогательные глаголы при образовании прошедших времен аналитического типа (*ha corso* vs *è corso*) в зависимости от актуализированных семантических компонентов в определенном контексте (+ направленность → *è corso*; - направленность → *ha corso*) (2005: 94-98; см. также Folli 2008: 206-207).

Способность одного и того же глагола типа итальянского *correre* обозначать деятельность или изменение локализации субъекта в пространстве можно связать с возможностью принимать локативные валентности, выражающие также конечную точку движения. Напомним здесь (см. об этом в 2.1), что, как правило, в романских языках действует ограничение на выражение пересечения границы ориентира (так называемой в англоязычной литературе *boundary-crossing constraint*). Согласно этому понятию, в романских языках глагол, кодирующий способ движения, не может принимать локативных валентностей, выражающих (также) конечную точку движения и предполагающих изменение локализации в пространстве. Это не совсем верно, если применить это понятие к глаголам типа *correre* и *volare*, поскольку в выражениях типа *corse al negozio* или *è volata nella stanza* предполагается достижение конечной точки, в том числе и пересечение границы ориентира. В связи с этим, можно предположить, что семантика глаголов *correre* и *volare*, обозначающих (относительно) быстрое передвижение, способствует направительной (а не локативной) интерпретации предложной конструкции. Более того, оба элемента высказывания, предложная конструкция и глагол, кодирующий способ движения, участвуют в выражении пересечения границы ориентира. Эту возможность можно связать прежде всего с лексическим значением глагола, кодирующего способ движения. В этом, на наш взгляд, можно увидеть также корреляцию с

¹³³ Можно предположить, что это явление связано также с тем, как движущийся субъект взаимодействует с силой в зависимости от области пространства, в которой совершается передвижение, например, по воде, по суше или в воздухе (ср. понятие *force dynamics* (Talmy 2000a: 409)).

распространением в итальянском языке конструкций типа *volare giù, correre via*, характеризующих, как правило, языки сателлитного типа. Иными словами, способность глаголов типа *correre* принимать локативную валентность, выражающую конечную точку движения, можно считать шагом в сторону развития конструкций сателлитного типа, в которых глагол, кодирующий способ движения, ассоциируется с предложной конструкцией, имеющей (также) направляющее значение.

Пример (141б) интересен тем, что в нем в качестве соответствия приставочного глагола *выбежать* выбираются две отдельные глагольные лексемы: одной для передачи маршрута, а другой для выражения способа движения. Посредством глагола *uscire* передается семантический вклад префикса *вы-*, т. е. структура маршрута, указывающая на передвижение из одной области пространства в другую, в то время как глаголом *correre* кодируется способ движения. Кроме того, в итальянском тексте (141б) лексически выражаются оба локативных аргумента глагола: валентность исходной точки кодируется конструкцией с предлогом *da*, а валентность конечной точки – посредством конструкции с *su*, в отличие от русского текста (141а), где выражается только конечная точка, а информация об исходной подразумевается.

(141а) Рядом с Маргаритой никого не было, но немного подалее за кустами слышались всплески и фырканье, там тоже кто-то купался. Маргарита *выбежала на берег*. Тело ее ныло после купанья.

(141б) Vicino a lei non c'era nessuno, ma un po' più in là, oltre i cespugli, si sentiva sciaguattare e sbuffare: anche lì qualcuno faceva il bagno. Margherita *uscì dall'acqua e corse sulla riva*. Il suo corpo ardeva dopo il bagno.

Как мы уже отметили для примеров (138б) и (139б) при переводе на итальянский язык глаголом могут выражаться маршрут и способ движения. Это видно также из применения глагола *accorrere* в примере (142б), в котором, однако, наблюдается сдвиг фокуса по сравнению с русским текстом (142а). В примере (142а) фокус делается на удалении из исходной точки, на передвижении из области первоначальной локализации субъекта в новую область, а в итальянском переводе (142б) фокус падает на достижение конечной точки (информация о пересечении границы ориентира восстанавливается из контекста). По своей семантике и по своей этимологии,¹³⁴ глагол *accorrere* ближе наверно к лексическому значению глагольной лексемы *прибежать*, а не *выбежать*. Более того, в примере (142а) трудно

¹³⁴ Согласно словарному толкованию глагола *accorrere*, представленному в толковом словаре итальянского языка Treccani, глагольная лексема *accorrere* восходит к латинскому глаголу *accurrere*, образованному префиксом *ad-*, указывающим на передвижение в сторону конечной точки, и глаголом *currere*.

определить, с какой точки ведется наблюдение, т. е. оно может вестись как с исходной точки, так и с конечной точки движения, в то время как в итальянском переводе наблюдение на событие ведется скорее с конечной точки движения.

(142a) Дарья Александровна, услышав крик в детской, *выбежала* и застала их в ужасном виде. Таня держала Гришу за волосы, а он, с изуродованным злобой лицом, бил ее кулаками куда попало.

(142б) Dar'ja Aleksandrovna, sentendo gridare nella camera dei bambini, *era accorsa* e li aveva trovati avvinti in modo orribile: Tanja aveva afferrato Griša per i capelli e questi, col volto mostruoso di cattiveria, tirava pugni dove capitava.

Кроме того, в итальянском тексте, семантический вклад префикса *вы-* может лексически совсем не выражаться, когда в русском тексте информация о маршруте уточняется лексическими средствами (т. е. лексика сильнее морфологии?). Сказанное покажем на основе примеров (143a) и (143б). В русском оригинале (143a) уточняется информация о векторе маршрута, но локативная валентность конечной точки лексически не выражается. Можно предположить, что это тоже влияет на возможность передать информацию о маршруте. В итальянском тексте (143б) передается скорее семантика вертикального передвижения снизу вверх, т. е. в сторону конечной точки, а значение префикса *вы-* 'передвижение из одной области пространства в другую, отличную от первоначальной' в итальянском переводе (143б) уходит на задний план.

(143a) Едут! — стремительно сухо зашептал он побелевшими губами, когда сани стрелой *вылетели* *снизу*, минуя березы одну за другою, и стали сдерживать ход и, о радость, остановились у последней.

(143б) Eccoli,» mormorò con un'ansia febbrile, le labbra esangui e aride, quando la slitta **volò** *su* come una freccia superando una dopo l'altra le betulle e cominciò a rallentare e, oh! felicità, accanto all'ultima si fermò.

С другой стороны, когда в русском тексте выражается конечная точка движения, как в примере (144a), в итальянском тексте могут лексически передаваться семантический вклад префикса *вы-* и локативная валентность, кодирующая конечную точку, как видно из примера (144б). В нем семантика префикса *вы-* передается сателлитом, кодирующим структуру маршрута, в то время как информация о способе кодируется глаголом *balzare*, указывающим

на внезапное, быстрое продвижение вперед. Кроме того, важно подчеркнуть, что для концептуализации события движения, описанного в примере (144а), релевантны все компоненты движения, заложенные в семантике префикса *вы-*: передвижение изнутри наружу, разделение пространственной сцены на две различные области, и удаление из исходной точки. В итальянском переводе лексически выражаются все компоненты движения, выраженные в русском оригинале. Роль сателлита при специфическом глаголе способа движения очевидна и в итальянском языке.

(144а) Он начал рвать за ручку выходную дверь, в страхе не соображая, куда она открывается — наружу или вовнутрь, — наконец совладал с нею и *вылетел* на солнце *во двор*.

(144б) Cominciò a scuotere la maniglia del portone: per la paura non capiva se si aprisse verso l'interno o l'esterno; finalmente l'ebbe vinta e *balzò fuori nel cortile* al sole.

Противоположный подход принят в примере (145б): в нем тоже лексически выражается семантический вклад префикса *вы-*, но он передается глаголом *irrompere*,¹³⁵ а не сателлитной частицей, как в примере (144б). В примере (145б) в глагольную форму включены структура маршрута и способ движения, в то время как информация о векторе (маршрута) уточняется при помощи предложной конструкции.

(145а) Кавалерийская ала, забирая все шире рыси, *вылетела на площадь*, чтобы пересечь ее в сторонке, минуя скопище народа, и по переулку под каменной стеной, по которому стлался виноград, кратчайшей дорогой проскакать к Лысой горе.

(145б) Con un trotto sempre più marcato una coorte alaria di cavalleria *irruppe nella piazza*, l'attraversò di sghembo evitando la calca, passò lungo il vicolo sotto il muro di pietra coperto di vite, e prese la strada più breve per il Calvario.

В примере (146б) представляется снова применение конструкции сателлитного типа. В частности, глаголом *schizzare*, кодирующим способ движения, обозначается здесь быстрое, внезапное передвижение. В этом употреблении этот итальянский глагол нуждается в дополнении, т. е. в локативной валентности, уточняющей направление движения. К этому сводится роль частицы *via*, передающей одновременно семантический компонент префикса *вы-* 'удаление из исходной точки' и той направленности движения, которая содержится в семантике наречия *вон* (см. итальянский перевод в примере (134б)). В связи с этим, на наш

¹³⁵ О семантике глагола *irrompere* см. сноску 84.

взгляд, частицу *via* в примере (146б) можно полноценно считать сателлитом глагола, потому что она тесно связана с ним, и более того, без ее вклада маршрут не выражается (не только лексически, его вообще невозможно восстановить).

(146а) Тут в дверь кабинета кто-то сунулся, охнул и *вылетел вон*. Бухгалтер почувствовал, что ноги его задрожали, и сел на краешек стула, но не забыл поднять портфель.

(146б) Qualcuno infilò la testa nella porta dell'ufficio, lanciò un'esclamazione e **schizzò via**. Il ragioniere sentì che le gambe cominciarono a tremargli e si sedette sul bordo di una sedia, ma non dimenticò di raccattare la cartella.

Итак, в итальянских текстах маршрут может передаваться фоновым элементом некоторыми способами: глаголом, кодирующим помимо структуры маршрута также способ движения, как например при употреблении глаголов *irrompere, fuggire, accorrere*, а также глаголом, кодирующим только структурный компонент маршрута, как например глаголы *uscire, emergere*. Далее рассмотрим еще примеры, в которых в итальянском переводе глаголом выражаются векторный компонент маршрута и способ движения, а структура маршрута, т. е. семантический вклад префикса *вы-*, кодируется сателлитом.

В примере (147б) глаголом *precipitarsi* передается в первую очередь информация о способе движения, указывающем на быстрое передвижение в какое-либо место, а также о векторе маршрута, поскольку определенность движения (направленность) заложена в семантике глагола. Структура маршрута кодируется сателлитом, передающимся семантический вклад префикса *вы-* и наречия (*наружу*).

(147а) Но никакой Шарлотты в гостиной не было. Я *выбежал наружу*. Другая сторона крутой нашей улочки являла собой необыкновенное зрелище.

(147б) Ma in salotto non c'era nessuna Charlotte. **Mi precipitai fuori**. La nostra ripida stradina presentava, sul lato opposto, uno spettacolo insolito.

Та же стратегия лексикализации компонентов движения встречается в переводе (148б), в котором глаголом *slanciarsi* выражаются способ движения и векторная составляющая маршрута, в то время как структура маршрута, т. е. передвижение в другую область

пространства, выражается конструкцией с предлогом *in*.¹³⁶ В примере (149б) тоже посредством предложной конструкции выражается семантика префикса *вы-*, т. е. передвижение в новую область пространства, в том числе и пересечение ее границы, в то время как глаголом кодируются вектор маршрута и способ движения.

(148а) Саша, как была, без калош *выбежала на двор*, потом на улицу.

(148б) Sàša, così com'era, senza soprascarpe, *si slanciò nel cortile*, poi nella strada.

(149а) Саша в ужасе суетилась и умоляла, сама не зная кого, сходить за папой, потом надела пальто и платок и *выбежала на улицу*.

(149б) Sàša, atterrita, si affannava supplicando non sapeva chi d'andare in cerca di suo padre; poi prese un cappotto e un fazzoletto e *si precipitò sulla via*.

Пример (150б) интересен тем, что в нем информация о способе движения лексически дублируется: она выражается глаголом, а также отдельно наречной конструкцией. Более того, итальянским глаголом *lanciarsi* в сочетании с предложной конструкции передается семантика префикса *вы-*, в частности компонент удаления из исходной точки и передвижение в новую область пространства.

(150а) Левин стал на ноги, снял пальто и, разбежавшись по шершавому у домика льду, *выбежал на гладкий лёд* и покатился без усилия, как будто одною своею волей убыстряя, укорачивая и направляя бег.

(150б) Levin si alzò, si tolse il soprabito e, correndo sul ghiaccio non levigato intorno al casotto, *si lanciò di corsa sulla superficie liscia* e pattinò senza sforzo, rallentando e dirigendo la corsa, come spinto solo dalla propria volontà.

Наконец, обратим внимание на итальянское соответствие, представленное в примере (151б), в котором, на наш взгляд, представляется особенно интересным применение глагола *entrare*. Этим глаголом выражается изменение локализации, т. е. выражается структура маршрута, кодируемая префиксом. Глагол *entrare* мы увидим также при анализе итальянских соответствий приставочных глаголов с префиксом *в-* (см. 3.8). Его применение в итальянском переводе в (151б) может свидетельствовать о том, что в русском и итальянском языках

¹³⁶ Следуя подходу, представленному в работе (Folli, Ramchand 2005), мы предполагаем, что эта особенность касается семантики некоторых глаголов, кодирующих способ движения, например *balzare*, *schizzare*, *precipitarsi*, *lanciarsi*.

событие движения, обозначенное приставочным глаголом с префиксом *вы-* в примере (151a), концептуализируется и выражается по-разному. Можно предположить, что выбор глагола *entrare* обусловлен тем, что в восприятии итальянского говорящего/читателя релевантно в этом контексте именно передвижение внутрь, в ту область пространства, с которой читатель уже знаком из предыдущего контекста. На наш взгляд, здесь важно также учесть тот факт, что в результате передвижения субъект становится (более) видимым для остальных участников события движения. Этим и обусловлен выбор итальянского глагола *entrare*. В итальянском переводе приемлемы и иные глагольные лексемы для передачи семантики префикса *вы-*, например, из тех, которые мы уже рассмотрели, в этом контексте подходят *sbucare*, *spuntare*, *lanciarsi*, т. е. те глаголы, для семантики которых релевантно понятие передвижения в более видимую область пространства, а не удаление из исходной точки. Этим может объясниться неприемлемость глаголов типа *uscire*, *sparire*, указывающих на исчезновение субъекта из поля зрения наблюдателя.

Кроме того, в итальянском переводе способ движения кодируется отдельно деепричастием. Интересно также отметить, что несмотря на то, что в обоих примерах выражается только локативная валентность исходной точки, фокус падает на достижение конечной точки (которая подразумевается из контекста), в том числе на пересечение ее границы. В связи с вышесказанным, можем предположить, что в тех случаях, в которых удаление из исходной точки нерелевантно, компонент 'передвижение изнутри наружу (в более открытую область пространства)', присущей семантике префикса *вы-*, при переводе на итальянский язык может переосмыслиться и фокусироваться на (больше) видимости субъекта в результате передвижения.

(151a) *Из соседней комнаты вылетела* большая темная птица и тихонько задела крылом лысину буфетчика. Сев на каминную полку рядом с часами, птица оказалась совой.

(151б) *Dalla stanza vicina entrò volando* un grosso uccello scuro e con l'ala sfiorò piano piano la pelata del barista. Quando l'uccello si appollaiò sulla mensola del camino vicino all'orologio, si vide che era un gufo.

В заключении к этому параграфу, перед тем, как представить в более обобщенном виде результаты сопоставительного анализа, мы считаем важным подчеркнуть определяющую роль расширенного контекста при рассмотрении возможных итальянских соответствий. Как мы неоднократно наблюдали в ходе нашего анализа иногда только при ознакомлении с расширенным контекстом (см., например, итальянские переводы в (131б)-(133б)) возможно

понять выбор и перспективу итальянского переводчика и восстановить полную информацию о пространственной сцене передвижения.

Результаты нашего сопоставительного анализа показывают довольно сложную картину как на уровне семантической структуры префикса *vy-*, так и в плане возможных итальянских соответствий. Из рассмотренных нами примеров видно, что пространственная семантика префикса *vy-* состоит из несколько составляющих, которые могут актуализироваться при подходящих контекстных условиях. В частности, нам кажется интересным обратить внимание на то, каким образом противопоставляются следующие семантические компоненты: удаление субъекта из исходной точки и его передвижение в более открытую и видимую область пространства. Это противопоставление становится более очевидным при сопоставительном анализе: в тех случаях, когда в результате передвижения субъект оказывается в более открытой и видимой области пространства, при переводе на итальянский язык применяются глагольные лексемы (*entrare, emergere, spuntare, sbucare*), семантика которых не фокусируется на удалении из исходной точки, а, наоборот, она подчеркивает появление субъекта в пространственной сцене. Более того, при изучении итальянских переводов приставочных глаголов с префиксом *vy-* высвечивается тенденция в итальянском языке к возможному применению конструкции сателлитного типа (*verbi sintagmatici*) при лексикализации события движения. Как мы наблюдали в ходе анализа, итальянские сателлитные частицы могут относиться как к глаголам, содержащим только информацию о маршруте (*andare via, tornare fuori*), так и к глаголам, выражающим способ движения (*correre via, volare fuori, scivolare fuori*). Сателлитные частицы могут относиться также к итальянским глаголам, кодирующим одновременно информацию как о маршруте, так и о способе движения (*fuggire (via)*): в этом случае сателлит выполняет скорее усилительную функцию, дублируя информацию о маршруте движения. Кроме того, частицей *via* выражается, как правило, семантический компонент префикса *vy-* «удаление из исходной точки», в то время как частица *furi* может естественнее применяться в тех случаях, когда подчеркивается изменение локализации (структуру маршрута), передвижение изнутри наружу, а также передвижение в новую и, возможно, более открытую область пространства. Наконец, следует подчеркнуть, что при актуализации семантического компонента префикса *vy-* «передвижение изнутри наружу» важную роль играет понятие пересечения границы ориентира: оно является релевантным и при переводе на итальянский язык вне зависимости от выбираемой переводчиком модели лексикализации события движения. В частности, оно лексически выражается как в конструкции типа *uscì sulla piazza* (1076), характеризующей языки глагольного типа, так и при

применении конструкции типа *balzò fuori* (1446), являющейся более характерной для языков сателлитного типа.

3.2 Префикс *от-*

Во всех выбранных нами словарях для русского префикса *от-* среди основных указано значение удаления:

- удаление, отдаление, отстранение от кого-, чего-л. [МАС, СУ, ТССЕРЯ]
- движения в сторону от кого-, чего-либо [БАС, Новый БАС].

Глаголам с приставкой *от-* в Русской Грамматике 1980 г., среди прочих, приписываются следующие значения: 1. «удалить(ся) на некоторое расстояние, отделить(ся) от чего-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом». Отмечается также, что тип продуктивный и глаголы с префиксом *от-* (в этом значении), в отличие от мотивирующих, сильно управляют род. п. с предлогами *от* или *у* (РГ–80: § 869).

Формальная схема приставки *от-* в работе (Добрушина, Меллина, Пайар 2001) представлена следующим образом:

- «1. существовала связь между элементами X и T;
2. на основе процесса P эта связь потеряна» (2001: 71).

Применяем схему при анализе примера (152).

(152) Потом какой-то человек отозвал Влада в море, они *отплыли от берега*, и человек передал новость.

В примере (152) приставка *от-* означает, что:

1. Существовала связь между элементами X [берег] и T (они, движущиеся субъекты);
2. на основе процесса P [плыть] эта связь потеряна.

Когда приставка *от-* присоединяется к глаголам движения, она кодирует потерю связи движущегося субъекта с местом его исходной локализации: в примере (153) приставка *от-* кодирует маршрут, т. е., потерю связи субъекта (Аннушки) с исходной точкой движения (окном).

(153) Аннушка *отбежала от окна*, спустилась вниз к своей двери, быстрехонько открыла её, спряталась за нею, и в оставленной ею щёлке замерцал её исступлённый от любопытства глаз.

Стоит здесь подчеркнуть также, что выражение маршрута распределяется между компонентами предложения и может кодироваться при помощи сочетания приставки *от-* и предложно-падежной конструкции (*от* + род. п.). Отметим также, что новая локализация, т. е., конечная точка движения также может выражаться, однако, в фокус, на наш взгляд, все равно попадает отдаление от исходной точки. Сказанное проиллюстрируем на основе примеров (154) и (155).

(154) Сара испуганно *отбежала* к дверям конюшни, прокричав: — Все, все! Игра кончена... идите вы к черту! Облегченно, как на легких крыльях, она вымахнула на двор.

(155) Японец вскочил и *отбежал* на дальний конец полянки.

Иначе говоря, как нам кажется, глаголы движения с префиксом *от-* подчеркивают именно тот факт, что по мере передвижения создается какое-то расстояние между движущимся субъектом и ориентиром, независимо от выраженных локативных валентностей, и в ходе движения это расстояние увеличивается. Приставочный глагол движения, образованный при помощи приставки *от-*, может принимать локативную валентность исходной точки (153), конечной точки (154), (155) или локативную валентность, выражающую именно то расстояние, которое образуется по мере передвижения между субъектом и ориентиром (156).

(156) Она вскочила с лодки и *отбежала* на несколько шагов.

О значении (незначительного) удаления, присущем приставке *от-*, упоминается также в работе (Кронгауз 1998). Автор подчеркивает также, что локативная валентность, выражающая исходную точку движения (удаления), может быть опущена «в том случае, если ее заполнение очевидно из контекста или ситуации» (1998: 179). Иными словами, векторный компонент маршрута, указывающий на исходную точку движения, является возможным, но не обязательным.

В работе (Kagan 2016) фокус делается на той составляющей семантики приставки *от-*, которая обозначает понятие *reversal*, т. е., обратное движение, отмена, аннулирование действия. По словам автора, это понятие лежит в основе разных употреблений префикса *от-*, объединяя его различные значения (2016: 154-165).

Согласно теории автора, приставка *от-* выражает понятие *reversal*, в том смысле, что она представляет событие движения с точки зрения, противопоставляющейся

прототипической. Если под прототипическим представлением события движения понимать то передвижение, в ходе которого движущийся субъект продвигается по определенному маршруту в сторону конечной точки, т. е. движущийся субъект передвигается в сторону ориентира и, соответственно, в ходе события движения расстояние между субъектом и ориентиром уменьшается,¹³⁷ то наоборот, при употреблении глаголов движения с префиксом *от-* в ходе события движения движущийся субъект отдаляется от исходной точки и расстояние между ними увеличивается. В связи с этим понятие *reversal* можно понимать именно как обратное прототипической ситуации движения, в ходе которого субъект отдаляется от ориентира (2016: 164).

Более того, как нам кажется, вне зависимости от эксплицитного выражения локативной валентности исходной точки при помощи предложно-падежной конструкции (*от* + род п.), приставка *от-* с глаголами перемещения выражает понятие *reversal* в том смысле, что в фокусе внимания находится (всегда) то расстояние между субъектом и ориентиром, которое создается и увеличивается в ходе передвижения. Иными словами, пространственный префикс *от-* всегда «source oriented» (Kagan 2016: 164). Сказанное видно из примера (157), в котором предложно-падежной конструкцией (*от* + род. п.) кодируется исходная точка передвижения, которая является в терминологии автора *standard of comparison* (стандарт измерения) по шкале маршрута.

(157) Мы быстро *отошли от* дома, где из окон нас могли увидеть, и я стала рассказывать.

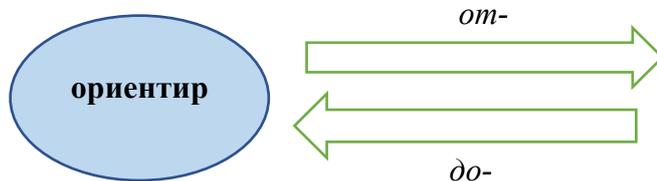
Кроме того, так как сема отдаления от исходной точки заложена в семантике приставки, она всегда присутствует в высказывании, вне зависимости от его выражения. Поэтому, когда локативная валентность исходной точки не выражается, ее все-таки можно восстановить из контекста. По словам М.А. Кронгауза, ее можно опускать только в тех случаях, когда она восстанавливаема из контекста (1998:179).

Кроме того, отметим также, что приставочные глаголы движения с префиксом *от-* всегда требуют хоть одну выраженную локативную валентность. Применяя подход О. Каган к изучению семантики префикса *от-*, можно считать, что эта приставка по своей семантике напрямую противопоставляется префиксу *до-*, которым кодируется продвижение по определенному маршруту в сторону ориентира (2016: 72). Более того, на наш взгляд, приставки *от-* и *до-* зеркально противопоставляются друг другу (о префиксе *до-* см. параграф

¹³⁷ В англоязычной терминологии принято назвать это понятие *goal-bias* (см. об этом примечание в параграфе 2.2.1).

3.6). Они выражают противоположные типы маршрута, т. е. отдаление от ориентира и приближение к ориентиру, соответственно. Сказанное графически представим на Рисунке 3.

Рисунок 3

Вышеизложенное находит подтверждение также в когнитивной концепции семантики приставок, представленной, например, в работе (Endresen et al. 2012). Авторы связывают прототипическое значение префикса *от-* с понятием DEPART, и подчеркивают, что фокус падает на начальную стадию процесса отдаления от исходной точки движения («*ot-* instead focuses on the first stage of moving away [...]» (2012: 259).

Итак, пространственная семантика префикса *от-* выражает движение от ориентира, удаление от него. Более того, фокус падает на увеличивающееся по мере передвижения расстояние между движущимся субъектом и ориентиром. Это свойство можно считать, на наш взгляд, главным отличием в пространственной семантике префиксов *от-* и *у-*: первый префикс фокусируется на увеличении расстояния между фигурой и ориентиром, а второй – на том, что субъект покинул исходную точку движения и исчез из поля зрения наблюдателя. Не случайно Л. Талми (Talmy 1975) предлагает в качестве английского соответствия префикса *от-* в сочетании с предложно-падежной конструкцией *от* + род. п. следующее выражение:

< *от-* *от* + - *gen* > → < *off* (away, back) a ways from > (Он **отбежал от меня** → He ran **off a ways from me** (1975: 217)).

Ниже, в ходе нашего сопоставительного анализа мы рассмотрим, выражается ли эта, обратная прототипической, ситуация отдаления субъекта от ориентира, т.е. сохраняется ли принцип *reversal* при переводе на итальянский язык.

Рассмотрим сначала некоторые примеры, в которых при переводе на итальянский язык понятие отдаления кодируется глаголом. В итальянском тексте (158б) семантический вклад префикса *от-* передается глаголом *assentarsi*, обозначающим, как правило, временное отдаление от исходной точки движения. Однако, при употреблении глагола *assentarsi* фокус падает не на отдаление от исходной точки, а на (временное) отсутствие субъекта из

пространственной сцены. Исходная точка лексически не выражается ни в русском тексте (158а), ни при переводе на итальянский язык (158б), но информация о ней может восстанавливаться из контекста.

(158а) — Так это целый день стоять! — Да что вы. Тут быстро отпускают. — Чего-то не верится. Мы вон с места не сдвинулись... — Это там подошли, которые *отходили*. Там много. — *Отойдут*, а потом подваливают...

(158б) — Ma così c'è da stare in coda tutta la giornata! — No, che dite, qui si spicciano presto. — Non c'è troppo da crederci: non s'è fatto un passo avanti... — Perché sono tornati quelli che *s'erano assentati*. Sono tanti. — *Si assentano* e poi tornano a valanga...

В примерах (159б)-(161б) в качестве соответствия применяется глагол *allontanarsi*, указывающий на отдаление от исходной точки. В примерах (159а) и (159б) временный характер отдаления выражается лексически при помощи временного обстоятельства. Напомним, что временный характер отдаления, обозначенного при помощи префикса *om-*, подчеркивается в работе (Зализняк 2006: 341). Автор пишет, что префикс *om-* может выразить отдаление ненадолго или недалеко, в отличие от префикса *u-* (об этом см. далее в параграфе 3.3). При применении глагола *allontanarsi* в итальянском переводе, на наш взгляд, фокус делается на увеличивающемся расстоянии между субъектом и ориентиром, как в русском тексте. Как и в предыдущих примерах (158а) и (158б), здесь тоже исходная точка движения лексически не кодируется, но информация о ней подразумевается. Это возможно в тех случаях, когда исходная точка совпадает с локализацией говорящего//наблюдателя на событие движения (158а) и когда сам говорящий является движущимся субъектом (159а).

(159а) — Пойти мороженого купить, что ли... *отойду на минутку*.

(159б) — Andar magari a comprare un gelato... Si, *m'allontano per un momento*.

При переводе на итальянский язык может применяться глагол *allontanarsi* также в тех случаях, когда лексически выражается исходная точка движения, указывающая на ориентир, откуда субъект отдалается. В примере (160б) лексически выражается исходная точка, указывающая на ориентир относительно которого удаляется субъект.

(160a) Один из купальщиков *отошел от бассейна* и, наполовину скрытый павлиньей тенью листвы, замер, держась за концы полотенца, накинутого на него, и янтарным взглядом следя за Лолитой.

(160b) Uno dei bagnanti *s'era allontanato dalla piscina* e, seminascosto dall'ombra ocellata degli alberi, se ne stava immobile, stringendo le estremità dell'asciugamano che aveva intorno al collo e seguendo Lolita con occhi d'ambra.

С другой стороны, в примерах (161a) и (161b) лексически выражаются обе локативные валентности, указывающие на исходную и на конечную точки движения. В обоих языках фокус падает на первый этап передвижения, т. е. на отдаление, несмотря на то, что как в русском тексте, так и в итальянском переводе передается также информация о направлении движения в сторону конечной точки (т. е. весь маршрут как бы разлагается на две части). Кроме того, информация о направлении движения в сторону конечной точки выражается в итальянском тексте посредством деепричастного оборота, состоящего из глагола *dirigersi* и конструкции с предлогом *verso*. Та информация, которая передается в русском тексте благодаря предложно-падежной конструкции, образованной предлогом *к* + дат. п., в итальянском тексте нуждается в более развернутом выражении: направление движения кодируется глаголом, и уточняется предложной конструкцией.

(161a) Тут наши знакомые *отошли от иностранца* с его лососиной *к краю кондитерского прилавка*.

(161b) A questo punto, i nostri conoscenti *si allontanarono dallo straniero* e dal suo salmone, *dirigendosi verso il banco* della pasticceria.

В примере (162b) семантический вклад префикса *от-* передается глаголом *scostarsi*, обозначающим, как правило, небольшое передвижение в сторону от ориентира, который лексически выражается только в русском тексте, а в итальянском переводе лексически опускается.

(162a) Воланд поднялся со своего табурета, подошел к балюстраде и долго молча, один, повернувшись спиной к своей свите, глядел вдаль. Потом он *отошел от края*, опять опустился на свой табурет и сказал: — Распоряжений никаких не будет — вы исполнили все, что могли, и более в ваших услугах я пока не нуждаюсь.

(1626) Woland si alzò dallo sgabello, si avvicinò alla balaustra e a lungo, in silenzio, voltando la schiena alla sua scorta guardò in lontananza. Poi *si scostò*, si sedette di nuovo sullo sgabello e disse: — Non ci saranno ordini, avete fatto tutto quello che potevate, e per ora i vostri servizi non mi occorrono più.

Итак, можно предположить, что в примерах (159a)-(1626) ситуация движения наблюдается с одной и той же точки зрения: в фокусе находится отдаление от исходной точки как в русских текстах, так и в итальянских переводах.

При переводе на итальянский язык может передаваться тот компонент семантики префикса *от-*, выражающий отдаление от исходной точки и, в частности, разрыв контакта. Сказанное проиллюстрируем на основе примеров (163a)-(1646). Понятие 'разрыв контакта' кодируется глаголом *lasciare* в примере (1636): фокус падает именно на отдаление субъекта от ориентира, на их расставание как в русском тексте, так и в итальянском переводе.

(163a) Но прокурор, и Чичиков, и сам губернатор пришли в такое замешательство, что не нашлись совершенно, что отвечать, а между тем Ноздрев, нимало не обращая внимания, нес полутрезвую речь: — Уж ты, брат, ты, ты... я не *отойду от тебя*, пока не узнаю, зачем ты покупал мертвые души.

(1636) Ma il procuratore, e Cicikov, e lo stesso governatore erano a tal punto sconcertati, che non trovavano proprio parole, e intanto Nozdrev, senza farci minimamente caso, snocciolava il suo discorso semisobrio: «Ma tu, fratello, tu, tu... non ti *lascierò* finché non avrò saputo perché compravi anime morte.

Схожим образом, в примере (1646) глаголом *staccarsi* указывается на отдаление субъекта от ориентира, в частности, на разрыве контакта с исходной точки. Семантика глагола *staccarsi* актуализирует также тот компонент, который выражает увеличивающееся расстояние между субъектом и ориентиром.

(164a) И так же разгоняясь все скорее и скорее, часовой с сильно взятого разбега, стоя *отъехал в сторону* на длинных свистящих лыжах, и стал уходить по цельному снегу все дальше и дальше за тощие, как пордевшие волосы, голые зимние кусты.

(1646) E preso lo slancio, la sentinella, ritta sui lunghi sci sibilanti, *si staccò* da Zivago scivolando vieppiù rapidamente sulla neve intatta, lontano, sempre più lontano, oltre i nudi cespugli invernali, esili come capelli radi.

Пример (165б) интересен тем, что в нем фокус делается именно на увеличении расстояния между субъектом и ориентиром, несмотря на то, что лексически выражается также конечная точка движения. В примере (165б) семантический вклад префикса *от-* передается глаголом *indietreggiare*, обозначающим отступление относительно ориентира. Интересно также подчеркнуть, что в русском тексте лексически уточняются обе локативные валентности, в то время как в итальянском тексте лексически выражается только информация о конечной точке.

(165а) Он ярко запомнил выражение лица Лизаветы, когда он приближался к ней тогда с топором, а она *отходила от него к стене*, выставив вперед руку, с совершенно детским испугом в лице, точь-в-точь как маленькие дети, [...].

(165б) Rammentò chiaramente la sua espressione, mentre le si avvicinava con la scure in mano, e lei *indietreggiava verso la parete*, col braccio teso in avanti e sul volto un timore infantile, quello dei bambini [...].

В примерах (166а) и (166б) лексически выражается именно то расстояние, которое образуется между субъектом и ориентиром по мере передвижения. При переводе на итальянский язык применяется глагол *indietreggiare*, указывающий, как мы уже отметили, на движение от ориентира.

(166а) Казачок *отошел шага на два*, остановился и глядел с улыбкой на Захара.

(166б) Il ragazzino *indietreggiò un paio di passi*, si fermò e guardò Zachar con un sorriso.

В примерах (167б)-(171б) лексически кодируется обратное передвижение в сторону прежней локализации субъекта. Эта информация может лексически выражаться также в русском тексте, как в примере (167а).

(167а) Постепенно кучка любопытных вокруг Званцева поредела. Все *отошли на свои места* и занялись обычными делами или обычным бездельем.

(167б) A poco a poco la folla di ascoltatori andò diradandosi. Tutti *tornarono ai loro posti* e ripresero a fare le loro cose. O il solito far niente.

Однако, на наш взгляд, как в примере (167б), так и в примере (168б) наблюдается частичный сдвиг фокуса: при переводе на итальянский язык применяется глагол *tornare*, фокусирующийся на обратном передвижении в сторону прежней локализации, а не на отдалении от ориентира.

(168а) Полногрудая рядом без чувств. Над ней нагнулся Соломин и толстой пулей сорвал крышку черепа с пышной прической. Браунинг в карман. *Отошел назад*.

(168б) La donna dai seni grandi giace lì accanto senza conoscenza. Su di lei si china Solomin, e con una grossa pallottola fa esplodere la scatola cranica fasciata dalla sontuosa acconciatura. La browning in tasca. *Tornò indietro*.

С другой стороны, в примерах (169б) и (170б) фокус падает на отступление движущегося субъекта, и, соответственно, на увеличивающееся расстояние между ним и ориентиром.

(169а) – Побыстрее вливайте! – сказал Петр Иванович. – И живей *отходите в сторону*.

(169б) – Iniettate più in fretta! – disse Pëtr Ivanovic. – Poi *tiratevi indietro* alla svelta.

Фокус падает на отдаление от исходной точки также в примерах (170а) и (170б), несмотря на то, что в них лексически выражается конечная точка движения.

(170а) Дезертиров выбили из Зыбушина, и они *отошли к Бирючам*.

(170б) I disertori, scacciati, *si ritirarono a Birjuci*.

Семантический вклад префикса *от-* при переводе (171б) может лексически не выражаться, но он может компенсироваться: понятие обратного передвижения, отступления от ориентира передается наречием *indietro*, уточняющим направление маршрута (векторную составляющую), в то время как глаголом *correre* кодируется способ движения.

(171а) Огонек в трубке вздрогнул. Больно стукнуло в уши. Белые сырые туши мяса рухнули на пол. Чекисты с дымящимися револьверами быстро *отбежали назад* и сейчас же щелкнули курками.

(1716) Il fuocherello della pipa sussultò. Un doloroso colpo nelle orecchie. Bianche carcasse di umida carne si afflosciarono sul pavimento. I cekisti **corsero** rapidamente *indietro* con i revolver fumanti in mano, e subito fecero schioccare di nuovo i grilletti.

Компонент 'отдаление от ориентира', присущий пространственной семантике префикса *om-*, лексически кодируется глаголом *appartarsi* в примере (1726). Семантика глагола *appartarsi* включает в себя маршрут, т. е. указывает на отдаление от ориентира, а также информацию о способе движения: глаголом *appartarsi* обозначается, как правило, передвижение в сторону от кого- или чего-либо. Конечная точка движения лексически выражается в обоих языках. Однако, на наш взгляд, в отличие от русского оригинала (172а), в итальянском переводе (172б) внимание сосредотачивается на достижении конечной точки, а не на отступлении от ориентира.

(172а) Мы *отошли* за бараки и сели на борт старого забоя.

(172б) Ci **appartammo** dietro alle baracche e ci sedemmo sull'orlo di un vecchio scavo.

В примере (173б) при переводе на итальянский язык применяется выражение *farsi da parte*, обозначающее передвижение в сторону от кого или чего-л. Фокус падает на отдаление от ориентира как в примере (173а), так и в итальянском переводе, представленном в примере (173б).

(173а) Только при чрезвычайных обстоятельствах слабый ругает сильного, и это – смелость отчаяния. Поташников замолчал и *отошел*. Надо было на что-то решаться, что-то выдумывать своим ослабевшим мозгом.

(173б) Solo in circostanze eccezionali accade che un debole ingiuri un forte, ed è il coraggio della disperazione. Potašnikov non aveva replicato e *si era fatto da parte*. Doveva risolversi a fare qualcosa, spremere una cosa qualsiasi da quel suo cervello indebolito.

Как мы уже отметили, иногда семантический вклад префикса *om-* может лексически не передаваться на итальянский язык. В примере (174б) глаголом *spostarsi* кодируется изменение локализации субъекта относительно ориентира, т. е. отдаление от него, а наречием (*più in là*) уточняется информация о векторе маршрута.

(174a) Маленькие камешки падали у наших ног, шелестя, серые и незаметные, как птицы. – *Отойдем подальше*, – сказал Шестаков. – Не убьет, не бойся.

(174б) Minute pietruzze ricadevano accanto alle nostre gambe fruscando, grigie e quasi invisibili, come uccelli. ‘*Spostiamoci un po’ più in là*’ disse Shestakov. ‘Non ti uccidono, non aver paura.’

В примерах (175a)-(176б) как в русских текстах, так и в итальянских переводах актуально отдаление субъекта от исходной точки, в то время как понятие *reversal* в этом контексте, на наш взгляд, не актуализируется. В обоих языках в фокус попадает отдаление поездов от вокзала, и, соответственно, первый этап их передвижения.

(175a) Пахло началом городской зимы, топтанным листом клена, талым снегом, паровозной гарью и теплым ржаным хлебом, который выпекали в подвале вокзального буфета и только что вынули из печи. Приходили и *отходили* поезда.

(175б) C’era odore di incipiente inverno cittadino, di foglie d’acero calpestate, di neve fradicia, di fumo di locomotiva e di caldo pane di segale appena sfornato nella cantina del buffet della stazione. Arrivavano e *partivano* treni.

Другой случай, когда принцип *reversal* не проявляется представлен в примерах (176a) и (176б). В обоих текстах здесь лексически выражается также момент начала ситуации движения, указывающий на время отдаления субъекта (*поезда*) от исходной точки. Понятие *reversal*, присущее семантике префикса *от-*, уходит на задний план, вернее, не актуализируется, поскольку из расширенного контекста становится понятно, что субъект еще не передвинулся от исходной точки.

(176a) Поезд, на котором должен был ехать Володя с маман, *отходил в восемь часов сорок минут*. Оставалось до поезда около трех часов, но он с наслаждением ушел бы на станцию сейчас же, не дожидаясь маман.

(176б) Il treno che dovevano prendere Volòdja e maman *partiva alle otto e quaranta*. Restavano circa tre ore da aspettare; lui, invece, si sarebbe incamminato verso la stazione con gioia anche subito, senza nemmeno attendere sua madre.

Примеры (177a)-(178б) интересны тем, что в них при переводе на итальянский язык выражается семантический компонент ‘отдаление от исходной точки’, но лексически не кодируется понятие *reversal*, т. е. внимание фокусируется на исчезновении субъекта из

пространственной сцены, а не на увеличивающемся расстоянии между субъектом и ориентиром. В примере (1776) применяется глагол *andarsene*, указывающий на отдаление субъекта.

(177a) Аня покраснела, ожидая, что он скажет что-нибудь неподобающее (ей уже было стыдно, что у нее такой бедный, такой обыкновенный отец), но он выпил, выбросил из своей пачечки десять рублей и важно *отошел*, не сказав ни слова.

(1776) Anna arrossì, per timore che dicesse qualche cosa a sproposito (aveva vergogna di avere un padre così povero, così da poco). Ma egli bevette e tirò fuori da un mazzo un biglietto da dieci rubli, e *se ne andò* poi con aria d'importanza, senza una parola.

В примере (1786) при переводе применяется конструкция, образованная посредством глагола *andare*, кодирующего 'центробежное'¹³⁸ движение, и сателлитной частицы *via*, указывающей на отдаление от исходной точки. Фокус падает именно на отдаление субъекта. Если, допустим, приставочный глагол *отъехать* заменить приставочным глаголом *уехать*, то фокус был бы на исчезновении субъекта из поля зрения (см. об этом в параграфе 3.3), т. е. его уже не видно, в то время как в примере (178a), возможно, субъект еще виден, т. е. это не исключается. В определении этих деталей пространственной сцены решающую роль играет расширенный контекст, в котором употребляется приставочный глагол с префиксом *от-*.

(178a) Не правда ли, славный малый? Мое почтение, графиня. И он с сестрой остановились, отыскивая ее девушку. Когда они вышли, карета Вронских уже *отъехала*. Выходившие люди все еще переговаривались о том, что случилось.

(1786) Non è vero che è un gran bravo ragazzo? I miei rispetti contessa. E lui e la sorella si fermarono alla ricerca della cameriera. Quando uscirono, la carrozza dei Vronskij *era già andata via*. Le persone che entravano parlavano ancora fra di loro di quello che era accaduto.

В примере (179a) описывается отдаление субъекта от пространственной сцены, в том числе его быстрое, внезапное исчезновение из поля зрения. Этим при переводе на итальянский язык (1796) может оправдываться применение конструкции сателлитного типа (*verbo sintagmatico*, см. 3.1), в которой глаголом выражается способ движения, а сателлитом – маршрут, указывающий на отдаление от исходной точки. Кроме того, в обоих языках лексически выражается исходная точка движения, откуда отдалается (и пропадает) субъект.

¹³⁸ Термин взят из работы (Ricca 1993).

(179a) — Извините! На минутку! Лично пригляжу за филейчиками. Он *отлетел от столика* и скрылся во внутреннем ходе ресторана.

(179б) — Vogliano scusarmi! Un attimo solo! Vado soltanto a dare un'occhiata ai filettini! **Volò via dal tavolo** e scomparve nel corridoio interno del ristorante.

Та же стратегия применяется в примере (180б), хотя в нем глаголом кодируются способ движения и маршрут, т. е. отдаление от исходной точки, а сателлитом дублируется и усиливается информация о векторе маршрута, т. е. о том, что субъект быстро отделился от исходной точки и пропал из виду.

(180a) Дверь наверху вновь открыли, и теперь сверху начала спускаться целая компания, но не бегом, а обыкновенно, как все люди ходят. Аннушка *отбежала от окна*, спустилась вниз к своей двери, быстрехонько открыла ее, спряталась за нею, и в оставленной ею щелке замерцал ее испуганный от любопытства глаз.

(180б) In alto, la porta si aperse di nuovo e tutta una comitiva cominciò a scendere, non di corsa, ma a passo abituale, come camminano tutti. Annushka **scappò via dalla finestra**, scese verso la sua porta, l'aprì in fretta, si nascose dietro di essa, e dallo spiraglio lasciato aperto baluginò il suo occhio pieno di frenetica curiosità.

Рассмотрим далее ряд примеров (181a)-(185б), в которых приставочные глаголы с префиксом *от-* выступают в сочетании с предложно-падежными конструкциями (*к + дат. п.*). Можно предположить, что в русских текстах (181a)-(185a) выдвигаются на первый план два концептуальных компонента ситуации движения: отдаление от исходной точки (оно лексически не выражается, но его можно восстановить из контекста, оно совпадает с исходной локализацией субъекта) и продвижение в сторону конечной точки, которое лексически всегда выражается в рассмотренных русских текстах. Возможность фокусироваться как на отдалении субъекта, так и на направлении движения в сторону новой области пространства обусловлена пространственной семантикой префикса *от-* и предложно-падежной конструкцией (*к + дат. п.*). В итальянских соответствиях, с другой стороны, может наблюдаться частичный сдвиг фокуса. Рассмотрим отдельно различные итальянские переводы. В примере (181б) внимание сосредотачивается на приближении к конечной точке: понятие приближения кодируется глаголом *avvicinarsi*, в то время как информация о цели движения передается предложной

конструкцией. Компонент отдаления от исходной точки не выражается и невозможно его восстановить, не ознакомившись с русским текстом.

(181а) Закусив до крови согнутый в суставе палец, он *отошел* к окну, за которым лил тот же косой дождь, как вчера и позавчера.

(181б) Mordendosi a sangue la nocca di un dito *si avvicinò alla finestra*: oltre i vetri continuava a cadere la stessa pioggia obliqua della vigilia e di due giorni prima.

С другой стороны, перевод, представленный в примере (182б), противопоставляется переводу, предложенному в примере (182в), в том, что в нем выражается отдаление от исходной точки движения посредством глагола *ritirarsi*. Таким образом, в одном из представленных итальянских переводов внимание фокусируется как на отдалении субъекта, так и на направлении движения в сторону конечной точки, как в русском тексте (182а). В примере (182б) продвижение субъекта в сторону конечной точки кодируется предложной конструкцией, образованной посредством предлога *verso*. В переводе, представленном в примере (182в) фокус падает только на приближение к конечной точке, кодирующееся глаголом *accostarsi*, которого можно считать синонимом глагола *avvicinarsi*, применяемого в примере (181б).

(182а) Он *отошел* к другому окну и занялся своими склянками и препаратами.

(182б) *Si ritirò verso l'altra finestra* e si concentrò sulle sue fiale e sui preparati.

(182в) *Si accostò all'altra finestra* e si immerse nelle sue boccette e nei suoi preparati.¹³⁹

В примере (183б) в качестве соответствия применяется глагол *andare* в сочетании с предложной конструкцией, указывающей на приближение к конечной точке. Внимание фокусируется на передвижении в сторону конечной точки, однако в отличие от картин, представленных в примерах (181б) и (182в), в примере (183б) компонент 'отдаление от исходной точки' можно восстановить из языкового контекста. Глагол *andare* предполагает отдаление от дейктического центра, т. е. от точки наблюдения на ситуацию движения.

(183а) Гармонист задумчиво покручивал ус, а человек в пиджаке *отошёл* к окну и стал там, прислонясь к стене и смешно вытянув голову по направлению к певцам, точно он ртом ловил звуки песни.

¹³⁹ Pasternak, B. *Il Dottor Živago*. Milano. Feltrinelli. 2020: 204.

(1836) Il musicante s'arricciava i baffi in aria pensosa, e l'uomo dal camiciotto *andò verso la finestra* e vi si addossò con le spalle, col viso stranamente proteso verso i cantanti, come se volesse acchiappare i suoni con la bocca.

В примере (1846) картина не отличается от той, которая представлена в примере (1836), за исключением того, что информация о векторе маршрута, которая передается предложной конструкцией с предлогом *a*, более ориентирована на достижение конечной точки, чем предложная конструкция, применяемая в примере (1836), фокусирующаяся на процессе приближения к конечной точке. Однако, в обоих итальянских переводах (1836) и (1846) имеет место потеря любой информации, касающейся первого этапа того составного события движения, которое описано в русских текстах (183а) и (1836), и включающего в себя информацию как об отдалении от исходной точки, так и о приближении к конечной. В обоих итальянских переводах выражается только последний этап события, т. е. приближение к цели движения, в то время как информация об отдалении опускается и не только на уровне поверхностной структуры.

(184а) Андрей Ефимыч *отошел* к окну и посмотрел в поле.

(1846) Andrej Efimyc *andò alla finestra* e guardò i campi.

Наконец, в примере (1856) лексически кодируется способ движения глаголом, а фокус падает на приближение к конечной точке. Как мы уже отметили для предыдущих примеров, компонент 'отдаление', передаваемый в русском тексте семантикой префикса *от-*, в итальянском соответствии (1856) лексически не выражается, т. е. полностью опускается.

(185а) — А вот это тебе, стручок, понравится? — И он толкнул студента ладонью в лоб, вроде бы несильно, но плюгавый Ахтырцев *отлетел* к креслу, плюхнулся в него и остался сидеть, растерянно хлопая глазами.

(1856) «E questo ti piace, baccellone?» chiese picchiando col palmo la fronte dello studente, con poca forza, eppure quel mingherlino di Achtyrzev *volò verso la poltrona*, ci cascò dentro e restò seduto sbattendo gli occhi smarrito.

Наконец, отметим, что в примере (1866) способ движения лексически не выражается при переводе приставочного глагола *отлететь*, поскольку этот семантический компонент ситуации движения можно восстановить из расширенного контекста. Лексически передается

только маршрут: уточняется информация о внезапном, быстром передвижении в сторону от ориентира посредством глагола *scartare*. Фокус делается таким образом именно на отдалении субъекта от ориентира.

(186a) Маргарита летела беззвучно, очень медленно и невысоко, примерно на уровне второго этажа. [...] Это рассердило Маргариту. Она осадилла послушную щетку, *отлетела в сторону*, а потом, бросившись на диск внезапно, концом щетки разбила его вдребезги.

(186b) Margherita volava senza far nessun rumore, molto lentamente e a bassa quota, più o meno all'altezza d'un secondo piano. [...] Margherita si arrabbiò. Fece retrocedere la docile spazzola, *scartò*, poi, slanciandosi verso il disco, improvvisamente, col manico della spazzola, lo fece a pezzi.

В заключение мы считаем важным подчеркнуть два важных момента. Во-первых, отметим, что при сопоставительном анализе приставочных глаголов движения с префиксом *om-* и их возможных соответствий в итальянском языке высвечивается сложная семантическая структура префикса *om-*, состоящая из несколько ключевых компонентов: отдаления от исходной точки и увеличивающегося по мере передвижения расстояния между субъектом и ориентиром (*reversal*), а также потери связи (контакта) с ориентиром. Во-вторых, интересно обратить внимание на то, что эти семантические компоненты префикса *om-* могут передаваться в итальянском языке различными способами, более или менее характерными для языков глагольного типа, а иногда некоторые составляющие могут опускаться. В частности, отдаление от исходной точки может выражаться в итальянском языке глаголом (*allontanarsi, assentarsi, scostarsi*), а также конструкцией сателлитного типа (*verbo sintagmatico*), например, выражениями *volare via* (1796) и *scappare via* (1806). В иных случаях глаголом может подчеркиваться именно потеря связи с ориентиром (*lascero* (1636), *si staccò* (1646)), или отдаление от исходной точки (*se ne andò* (1776), *partivano* (1756)), а понятие *reversal* может оказаться второстепенным. Наконец, наблюдаются случаи, в которых при переводе на итальянский язык полностью теряется информация об отдалении субъекта от ориентира и выражается только последний этап того события движения, который описывается в русском тексте, т. е. продвижение в сторону конечной точки (ср. *si avvicinò alla finestra* (1816), *volò verso la finestra* (1856)).

3.3 Префикс у-

Во всех выбранных нами словарях для русского префикса *у-* среди основных указано значение направленность движения в сторону:

- направленность движения от чего-л., удаление, устранение, исчезновение чего-л. [МАС];
- направленность движения прочь, в сторону от кого-, чего-либо, откуда-либо, напр. [БАС];¹⁴⁰
- направление движения с места, в сторону, вон [СУ];
- удаления откуда-либо [ТССЕРЯ].

Согласно определению, представленному в Русской грамматике 1980 г., глаголы с префиксом *у-* могут обозначать удаление откуда-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом (РГ–80: § 881).

Формальная схема приставки *у-* в работе (Добрушина, Меллина, Пайар 2001) представлена следующим образом:

- «1. действие осмысляется по отношению к некоторому результату R; этот результат R не является стандартным итогом развития процесса P;
2. Результат R, по отношению к которому осмыляется действие, задается как развитие некоторого состояния определенного термина T; это состояние термина T является актуальным еще до начала действия;
3. Развитие состояния T определяет то количество действия, которое должно быть потрачено в связи с достижением R» (2001: 50).

Применяем схему при анализе примера (187).

(187) *Убежала* Сима со своими санками, на санках сидела Катя Звездочётова и весело погоняла: «Быстрее, моя лошадка!»

В примере (187) префикс *у-* означает, что 1. действие [бежать] осмыляется по отношению к результату R [Сима больше не находится в исходном месте, т. е. в месте, где начался бег] и R не является стандартным итогом развития процесса P [бежать], так как стандартный итог процесса [бежать] связан только с действующим субъектом, т. е. с бегущим, а не с его локализацией по отношению к исходной точке.

¹⁴⁰ На данный момент том этого словаря, включающий толкование приставки *у-*, находится в процессе составления.

2. Результат R задается как развитие состояния терма Т (Симы); это состояние Т является актуальным еще до начала действия (т. е., важно, что до начала бега Сима находится в области исходной точки).

3. Развитие состояния Т определяет то количество действия [бежать], необходимое для достижения R (Сима убежала).

В приставочных глаголах движения префикс у- обозначает, что начальный пункт покинут субъектом движения. Иначе говоря, фокус внимания падает на тот факт, что субъект движения больше не находится в начальном пункте (2001: 53). В работе (Добрушина, Меллина, Пайар 2001) подчеркивается, что может выражаться также конечная точка движения, но все равно акцент на том, что субъект покинул начальную точку.

Сказанное покажем на примере (188), в котором, в фокусе внимания тот факт, что в какой-то момент движущийся субъект перестает находиться в области исходной точки и как будто выпадает из повествовательного пространства («исчезновение из поля зрения», ср. ниже).

(188) Пока дети тянули руки и отвечали на вопросы Марины Михайловны, Соня решила разобраться с джинсами и замочить грязную одежду, Ира пошла вздремнуть, а Антонина *убежала в магазин*.

По мнению авторов работы (Добрушина, Меллина, Пайар 2001) в отличие от близкого по смыслу префикса с-, приставка у- характеризуется неким отсутствием целенаправленности движения: «Этим глагол УБЕЖАТЬ отличается от близкого по смыслу СБЕЖАТЬ, для которого также важно, что бегущий перестал находиться в определенном месте, но это обязательно должно быть связано с его целями[...]» (2001: 54).¹⁴¹

Наверно, как мы увидим также в параграфе 3.7, посвященном пространственной семантике префикса при-, понятие цель и целенаправленность следует понимать в работе (Добрушина, Меллина, Пайар 2001) в широком смысле, оно как бы связано с уровнем осознанности действия. Как нам кажется, целенаправленность тесно связана также с выраженными локативными валентностями приставочного глагола, как в примерах (188) и (189).

(189) В тот день я не задержалась на работе, быстренько оделась и *убежала* домой.

¹⁴¹ В переносном смысле глаголы движения с префиксом с- могут предполагать цель, например, *сбежать* от мужа, *сбежать* из дома.

Можно предположить, что отсутствие выраженных локативных валентностей позволяет увидеть в действии, обозначенном приставочным глаголом с префиксом *у-*, некую незапланированность со стороны субъекта, хотя, безусловно, главную роль здесь играет контекст. Проиллюстрируем нашу гипотезу на основе примеров (190) и (191).

(190) Я *убежал*, а Виня остался невозмутимо лежать на траве и следить за движением облаков.

(191) Он получил затрещину и *убежал* ошеломлённый, давясь слезами.

Главное, на наш взгляд, вне зависимости от выраженных локативных валентностей, сводится к тому, что при употреблении глаголов движения с префиксом *у-* субъект исчезает из поля зрения наблюдателя. Это понятие, по нашему мнению, лучше всего объясняется теорией, разработанной в трудах Л. Талми (2000а, 2000б, 2007), согласно которой маршрут состоит из трех составляющих: вектор, структура и дейксис. При употреблении глаголов движения с префиксом *у-* релевантно именно изменение структурной составляющей маршрута, которое предполагает изменение фона, переход на другой фон, в другую область пространства, как будто на другой кадр одной и той же картины.

В различных работах (Endresen et al. 2012; Nessel 2010; Зализняк 2006), посвященных семантике глагольных префиксов, приставка *у-* рассматривается в сопоставлении с приставками *с-*, *вы-*, *от-*. Все эти префиксы включают в себя понятие отдаления от исходной точки движения (ориентира), однако, для семантики префикса *у-* релевантно также понятие 'исчезновение из поля зрения' (Nessel 2010: 673; ср. также Зализняк 2006: 339-341).¹⁴² В этом, считает Т. Нессет, состоит разница между выражениями *он ушел* и *он вышел*. Иными словами, именно точка отсчета наблюдателя позволяет отличить семантику префикса *у-* от семантики префикса *вы-* при присоединении к глаголам движения. Приставка *у-* предполагает только отдаление от ориентира и, соответственно, от наблюдателя, как показано в примере в (192), в то время как префикс *вы-* может выражать в различных контекстах отдаление от наблюдателя (193) или приближение к нему (194).¹⁴³

¹⁴² Данное понятие играет главную роль также в представлении радиальной категории семантики префикса *у-*, согласно когнитивному подходу (ср. Endresen et al. 2012: 249).

¹⁴³ В этом отношении в работе (Князев 1999: 188) отмечается, что приставочный глагол движения *vyjti* отличается как от итальянского соответствия *uscire*, так от французского варианта *sortir*: оба романских соответствия могут обозначать отдаление от ориентира, но не кодируют приближение к наблюдателю. В контексте, представленном в примере (194), по-итальянски можно себе представить выражение *andare verso* (дословно идти в сторону кого-л.), а во французском выражение *aller vers*.

(192) — Глупость вам сказали, — рассердилась Лехно. — Это совершенно бессмысленно. Делайте всё заново — разложите карточки по алфавиту. Она *ушла*, сердито хлопнув дверью, а мы понуро вернулись к нашим стопкам и принялись раскладывать их содержимое теперь уже по алфавиту.

(193) Саша ел, широко кусая хлеб, как в детстве, и его было жалко. Ирина поднялась и *вышла* из кухни. Через несколько минут вернулась и положила перед Сашей тридцать стодолларовых купюр.

(194) Но по окончании пленума лидер КПРФ *вышел* к журналистам и говорил в основном о "письме трех".

При сопоставлении семантики префикса *у-* с семантикой префикса *от-* Т. Нессет подчеркивает, что обе приставки обозначают отдаление от наблюдателя, но при их употреблении по-разному концептуализируется то пространство, откуда движущийся субъект отдалается. В случае употребления приставок *вы-* и *у-* ориентир концептуализируется скорее всего как трехмерное пространство и поэтому как раз релевантна (согласно теории Л. Талми) структурная составляющая маршрута, предполагающая трехмерное представление ориентира, в то время как при употреблении *от-* ориентир может восприниматься как точечная порция, как двухмерное пространство («the landmark of *от-* in sentences like the following is conceptualized as a point in space, from which the trajector is separated: Владимир Константинович *отошел* от окна и присел на краешек стола» (Nesset 2010: 674). В этом случае как раз релевантна векторная составляющая маршрута, определяющая изменение направления (отдаления от исходной точки), но не предполагающая изменение фона. Нессет обращает также внимание на то, что при употреблении префикса *у-* ориентир совпадает с полем зрения наблюдателя: I suggest characterizing the landmark as a “domain of accessibility” [...]» (там же: 673).

Считается также, что глаголы *уйти* и *отойти* различаются тем, что первый (*уйти*) выражает отдаление от ориентира надолго или навсегда, в то время как второй (*отойти*) может обозначать отдаление ненадолго и недалеко (Зализняк 2006: 341). Как нам кажется, это может быть связано с тем, что при употреблении глаголов с префиксом *у-* фокус падает именно на исчезновение из поля зрения наблюдателя, в то время как для приставки *от-* релевантен именно тот факт, что в ходе передвижения создается (и увеличивается) расстояние между движущимся субъектом и ориентиром.

В работе (Gebert 1982) тоже подчеркивается тот факт, что глаголы движения с префиксом *у-* выражают удаление из исходной точки. В этом смысле, по их пространственной

семантике они противопоставляются глаголам с префиксом *при-*, семантика которых ориентирована на конечную точку. Кроме того, автор обращает внимание на то, что компоненту удаления из исходной точки, присущему семантике префикса *у-*, может соответствовать значение итальянской частицы *via*, выполняющей функцию сателлита в синтагматических конструкциях типа *andare via, correre via* и т. д. (*verbi sintagmatici*). Это, как мы увидим далее в этом параграфе, оказывается весьма интересным и актуальным для целей нашего сопоставительного исследования (1982: 397-398).

Кроме того, у префикса *у-* обнаруживается второе пространственное значение, связанное с понятием движение вниз (*упасть, уронить*). Согласно когнитивному подходу, представленному в работах (Endresen et al. 2012; Nessel 2010) существует определенная связь между движением прочь и движением вниз. Т. Нессет пишет: «The conceptual link between horizontal and downward movement may be that when somebody moves away, s/he ends up below the horizon» (2010: 676). По этому поводу в работе (Зализняк 2006) отмечается, что семантический переход прочь ↔ вниз присутствует также в семантике приставки *с-*. Однако, на наш взгляд, в выражениях вида *сойти с места // со ступеньки; сбежать из дома // с горы*, активирующийся компонент префикса 'прочь' или 'вниз' зависит также от типа ориентира (ровная ↔ наклонная поверхность). То же самое касается, как нам кажется, тех выражений, где префикс *у-* обозначает движение прочь или движение вниз, например, *убежать, упасть, уронить*, в которых важную роль играет лексическое значение мотивирующего глагола, в семантике которого уже заложено значение *вниз*. Соответственно, при употреблении префикса *с-* значение 'вниз' обусловлено обязательной локативной валентностью (*с* + род. п.) и типом ориентира, в то время как при префиксации *с* помощью префикса *у-*, значение 'вниз' обусловлено лексическим значением мотивирующего глагола. Соответственно, в этих случаях добавление префиксов *у-* или *с-* влияет только на вид глагола.

Вопрос о типах ориентиров и о том, как концептуализируется то пространство, в котором разворачивается событие движения, рассматривается также в работе (Князев 1999). Автор считает, что некоторые глагольные приставки (в их пространственном значении) можно разделить на три группы в зависимости от того, как они характеризуют то пространство, в котором совершается движение (1999: 186). Префиксы *в-*, *вы-*, *от-*, *под-* описывают ту область пространства, в котором передвигается субъект, объективно, в том смысле, что «перемещение, описываемое с участием этих префиксов, допускает произвольную степень детализации и может быть наблюдаемым от начала до конца» (1999: 187). Другая их особенность состоит в том, что с глаголами, образованными от префиксов *в-*, *вы-*, *от-* и *под-*, в качестве ориентиров выступают, как правило, физические объекты (190).

Вторая группа представлена префиксами *при-* и *у-*, которые допускают также более абстрактное описание того пространства, в котором совершается передвижение. В качестве ориентиров выступают также нефизические объекты, например, в выражениях вида *прийти на работу / в гости*.

Наконец, в третью группу включены префиксы *за-* и *с-*,¹⁴⁴ для которых, помимо физических ориентиров, приемлемы также более абстрактные определения. Эта особенность отличает приставочные глаголы типа *войти, выйти* от таких, как *зайти, прийти, сходить* (ср. неприемлемость выражения *войти в гости*) (Князев 1999: 190).

Как мы отметили выше в этом параграфе, пространственная семантика префикса *у-* указывает на направленность передвижения прочь, на удаление из исходной точки движения. Ср. также определение пространственного значения префикса *у-* как передвижения прочь, отдаления ('removal (away)', 'motion away') ((Townsend 1978: 330). Кроме того, в словарных толкованиях и в определениях, предложенных некоторыми авторами (МАС, Nessel 2010; Зализняк 2006) подчеркивается также компонент исчезновения из поля зрения наблюдателя, что отличает пространственную семантику префикса *у-* от семантики префиксов *вы-* и *от-*.

В этом параграфе рассмотрим, передаются ли эти семантические компоненты пространственного значения префикса *у-* на итальянский язык и какими средствами. В итальянских текстах в качестве соответствия может употребляться глагол *andare*,¹⁴⁵ обозначающий, как правило, центробежное передвижение (отдаление от дейктического центра), и семантика которого может фокусироваться как на исходном этапе движения, так и на серединной порции маршрута. Сказанное видно из перевода (1956), в котором семантический вклад префикса выражается только частично, поскольку глагол *andare* передает центробежное передвижение в сторону конечной точки, и не акцентируется удаление из исходной точки движения, в частности передвижение прочь. На наш взгляд, при переводе на итальянский язык в примере (1956) опускается компонент направленности движения

¹⁴⁴ Уточним, однако, что в работе (Князев 1999) рассматривается только то значение префикса *с-*, обозначающее однократное перемещение туда и обратно (189).

¹⁴⁵ Полное описание дейктических свойств глагола *andare* представлено в грамматике итальянского языка (GGC 1995, т. 3), где указывается, что в формах прошедшего и будущего времени глагол *andare* употребляется в тех случаях, когда локализации говорящего и собеседника не совпадают с конечной точкой движения ни в момент речи, ни в момент передвижения (279-280).

Кроме того, согласно словарному толкованию глагола *andare*, представленному в толковом словаре итальянского языка (Il Nuovo De Mauro, ed. online), пространственная семантика этого глагола может указывать на передвижение, изменение локализации пешком или при помощи средства транспорта. Более того, в сочетании с предложной направительной конструкцией глагол *andare* обозначает передвижение в сторону какого-либо направления. В сочетании с конструкцией, образованной посредством предлога *a* и глагола в инфинитиве (или существительного) глагол *andare* указывает, как правило, на цель передвижения. Наконец, глагол *andare* может фокусироваться также на отдалении субъекта от исходной точки, в этих случаях, как правило, он выступает без локативных валентностей, например: *è ora di andare, noi andiamo* (о дейктическом значении итальянского глагола *andare* см. также в параграфе 3.7).

‘прочь’. В русском тексте (195а) фокусируется исчезновение из поля зрения наблюдателя, в то время как в итальянском тексте (195б) фокус делается на передвижении в сторону конечной точки и на ее достижении. При этом, стоит отметить, что конечная точка движения лексически выражается как в русском тексте, так и в итальянском переводе. В примерах (195а) и (195б) передвижение осуществляется относительно ориентира закрытого типа. Более того, в примерах (195а) и (195б) описывается изменение локализации, т. е. передвижение субъекта в более замкнутую область пространства. Это представляет важное отличие от пространственной семантики префикса *вы-*, описывающей, как правило, обратное передвижение, т. е. из более замкнутой области пространства в более открытую. Кроме того, пространственная семантика префикса *вы-* не фокусируется на исчезновении из виду, из поля зрения наблюдателя.

(195а) Однако, получив свободу на целых три дня, из всей этой роскошной квартиры Маргарита выбрала далеко не самое лучшее место. Напившись чаю, она *ушла в темную*, без окон, *комнату*, где хранились чемоданы и разное старье в двух больших шкафах.

(195б) Eppure, rimasta libera per tre giorni interi, di tutto questo lussuoso appartamento Margherita scelse il posto di gran lunga peggiore. Dopo aver preso il tè, *andò nella stanza buia*, senza finestre, dove si custodivano le valige e ciarpame d’ogni genere in due grandi armadi.

В примерах (196а) и (196б) представляется схожая картина, за исключением типа ориентира, описывающего в этот раз открытую область пространства.

(196а) Стали звонить в ненавистное Перельгино, попали не в ту дачу, к Лавровичу, узнали, что Лаврович *ушел на реку*, и совершенно от этого расстроились.

(196б) Si misero a telefonare all’odiata Perelygino, ebbero la comunicazione con un altro villino, con quello di Lavrovich, appresero che Lavrovich *era andato al fiume*, e questo guastò in modo definitivo l’umore generale.

Применение глагола *andare* наблюдается также при переводе примера (197а). На наш взгляд, его семантику можно считать шире, чем пространственная семантика префикса *у-*, т. е. глагол *andare* может обозначать отдаление от исходной точки, но в отличие от русского префикса *у-* не является специализированным средством для лексического выражения этого пространственного значения. Можно предположить, что в русском языке то пространство, в котором совершается движение (пространственная сцена в терминологии Талми),

концептуализируется и, соответственно, выражается более развернуто и детально, чем в итальянском языке, и это возможно благодаря семантическому вкладу глагольных префиксов. Иначе говоря, на русском языке наблюдается более подробное деление и описание той пространственной сцены, в которой совершается движение, и, соответственно, более точное описание передвижения в пространстве.

(197а) Человек уже *ушел* *дальше*, а облачко все еще висит там, где он отдыхал, – воздух почти неподвижен.

(197б) L'uomo è già *andato oltre*, ma la nuvoletta resta sospesa là dove si era fermato a riposare: l'aria è quasi immobile.

В итальянских переводах, представленных в примерах (198б) и (198в), применяются две противоположные стратегии для лексикализации того события движения, который описывается в русском оригинале (198а) при помощи приставочного глагола с префиксом у- и предложно-падежной конструкции (*за* + вин. п.).

(198а) По этому поводу перешептывались, что часть подозреваемых *ушла* *за реку*. Высказывались такие соображения: «А что это им поможет? Река реке рознь. Бывают, надо сказать, реки. В Благовещенске на Амуре, например, на одном берегу советская власть, на другом — Китай.

(198б) La gente mormorava che alcuni dei sospetti *avevano passato il fiume* e si sentivano considerazioni come queste: «A che serve? Il fiume non basta, ci sono fiumi e fiumi. A Blagoveščensk sull'Amur, per esempio, su una riva c'è lo Stato sovietico e dall'altra parte la Cina.

(198в) A questo proposito si sussurrava che una parte dei sospettati *fosse andata oltre il fiume*. Si esprimevano considerazioni del tipo: “E a cosa gli servirà? C'è fiume e fiume. Ce ne sono di fiumi veri, questo va detto. A Blagoveščensk, sull'Amur, per esempio, su di una riva c'è il potere sovietico, sull'altro la Cina.¹⁴⁶

Интересно отметить, что как в примере (198б), так и в примере (198в) при переводе выражения *ушла за реку* на итальянский язык лексически передается только семантический вклад предложной конструкции (*за* + вин. п.), в то время как пространственная семантика префикса у-, т. е. удаление из исходной точки, исчезновение из поля зрения, из пространственной сцены лексически не выражается. В примере (198б) в качестве соответствия

¹⁴⁶ Pasternak, B.L. *Il dottor Živago*. Milano. Feltrinelli. 2020: 448.

применяется глагол *passare*, а в примере (198в) – предложная конструкция, образованная посредством предлога *oltre*. В обоих переводах подчеркивается и выражается лексически только преодоление ориентира, в то время как информация об удалении субъекта из исходной точки уходит на задний план и ее можно только подразумевать из контекста.

В приведенных ниже примерах (199а) и (199б) внимание концентрируется на цели передвижения. При этом, стоит отметить, что в русском тексте (199а) префиксом выражается исчезновение субъекта из поля зрения наблюдателя, а в итальянском переводе (199б) этот компонент лексически опускается, поскольку конструкция, образованная посредством глагола *andare*, управляющего предлогом *a* и глаголом в инфинитиве, фокусируется только на цели передвижения.

(199а) Подруга взглянула на меня и ушла заваривать кофе.

(199б) L'amica mi aveva gettato un'occhiata ed era andata a preparare il caffè.

Та же конструкция, образованная посредством приставочного глагола *уйти* в прошедшем времени + инфинитив, может передаваться в итальянском переводе при помощи глагола *uscire*, управляющего предлогом *a* и глаголом в инфинитиве, как в примере (200б). Семантика глагола *uscire* фокусируется на изменении локализации субъекта, т. е. на передвижении из замкнутой области пространства в более открытую, а не на исчезновении из поля зрения наблюдателя. Можно предположить, что выбор глагола *uscire* вместо глагола *andare* может быть оправдан лексическим значением глагола *прогуляться*, предполагающего тип деятельности, который разворачивается на улице, в открытой области пространства.

(200а) К счастью, Михаилу Аверьянычу наскучило сидеть в номере, и он после обеда ушел прогуляться.

(200б) Per fortuna Michail Aver'jànyč si annoiò a restare in camera e dopo pranzo uscì a passeggiare.

В итальянском переводе русского примера (201а) семантический вклад префикса *у-* может также выражаться отдельно, посредством частицы *via*, обозначающей в сочетании с глаголами движения (*andare*) отдаление, передвижение прочь. В примере (201б) глаголом *andare* кодируется компонент 'движение', а та информация о маршруте, заложенная в семантике префикса *у-*, передается частицей *via*, указывающей на удаление из той области пространства, откуда ведется наблюдение. Напомним здесь, что частицу *via*, относящуюся к глаголу *andare*, можно считать сателлитом, выражающим маршрут, т. е. в итальянском языке

может применяться стратегия лексикализации семантических компонентов движения, характеризующая прежде всего языки сателлитного типа.

(201a) Наши друзья почему-то беседовали вполголоса. Затем мы расплатились и *ушли*.

(201б) I nostri amici per qualche ragione discorrevano a bassa voce. Poi avevamo pagato ed *eravamo andati via*.

Семантический вклад префикса *у-* может передаваться также сателлитом *ne*, обозначающей передвижение (отдаление) из того места, откуда наблюдается ситуация движения, т. е. удаление из дейктического центра. Наречие *ne* присоединяется к глаголу *andare*, и входит в состав глагола *andarsene*, обозначающего удаление из исходной точки движения. Сказанное видно из примера (202б), в котором лексически выражается также конечная точка движения, как в русском оригинале (202а). Кроме того, в итальянском переводе наблюдается более точное описание ориентира по сравнению с русским текстом, в котором выражение «к себе» может подразумевать «к себе в комнату», «к себе в кабинет» и т. д. В итальянском тексте эксплицируется ориентир посредством конструкции с предлогом *in*. Как отмечается в работе (Slobin 2004) в языках глагольного типа может наблюдаться более подробное описание ориентира, в том числе, его окрестностей, в то время как в языках сателлитного типа может подробнее выражаться информация о маршруте.

(202а) Зайдешь? – Почему нет? – пожал плечами Виктор. Вернулись в главное здание. Виктор *ушел к себе*, а Стас пообещал зайти за ним через часик.

(202б) Passi a trovarlo?» «Perché no?», Viktor si strinse nelle spalle. Tornarono dentro. Viktor *se ne andò in camera sua*, Stas promise di passarlo a prendere dopo un'oretta.

Та же стратегия передачи информации о ситуации движения применяется в примере (203б), в котором глагол *andarsene* сочетается с локативной валентностью, указывающей на конечную точку движения. В примерах (203а) и (203б), однако, из контекста понятно, что не предполагается пересечение границы ориентира, а только продвижение субъекта в направлении цели движения.

(203а) После щелчка студент спрыгнул на мостовую и быстро *ушел в сторону Яузской улицы*.

(203б) Dopo lo scatto lo studente è saltato via sul selciato e *se ne è andato velocemente in direzione di via Jauzskaja*.

Кроме того, при употреблении глагола *andarsene* может лексически выражаться также исходная точка движения, откуда удаляется субъект, как показано в примере (204б).

(204а) Местная проблема, которая вставала в таких случаях, – когда отключить аппарат, – была решена Аликом заблаговременно: он *ушел* из больницы под самый конец и отказался, таким образом, от жалкого доведка искусственной жизни.

(204б) Il problema che si poneva in casi simili — quando spegnere l'apparecchio — era stato risolto per tempo da Alik: *se n'era andato dall'ospedale* poco prima della fine e in tal modo aveva rinunciato al miserevole sovrappiù di una vita artificiale.

Во всех вышеприведенных примерах в итальянском переводе фокус падает на отдаление от исходной точки движения, которая совпадает с дейктическим центром, откуда ведется наблюдение на ситуацию движения. Вклад префикса *u-* выражается лексически посредством сателлитов: частицей *via* и наречием *ne*, в то время как способ лексически не выражается. Сателлиты *via* и *ne* могут также выступать вместе (одновременно) в высказывании, как показано в примере (205б), в котором оба сателлита относятся к глаголу *andare*, и оба указывают на удаление из той области пространства, откуда ведется наблюдение на ситуацию движения. Иначе говоря, в примере (205б) сателлит *via* имеет усилительную функцию, дублируя ту информацию об удалении из исходной точки, которая заложена в семантике наречия *ne*. В толковом словаре итальянского языка (Sabatini Coletti, ed. online) конструкция сателлитного типа (*verbo sintagmatico*) *andare via* определяется как синоним глагола *andarsene*.

(205а) Я это увидела потом, когда тот господин уже зебя убил. Штудент повернулся и быстро-быстро *ушел*. И я увидела, какой он зутулый.

(205б) Questo l'ho visto dopo, dopo che l'altro signore si era già ucciso. Lo studente si è voltato e *se ne è andato via* velocissimo. In quel momento ho visto quanto era gobbo.

В итальянских соответствиях когда способ движения актуален и важен для целей коммуникации, он может кодироваться лексически посредством деепричастия, как видно из примера (206б), в то время как маршрут выражается сателлитом *ne*.

(206a) Он не в состоянии был шевельнуться. Он хотел пить. Если бы она могла напоить его! Когда она *убежала*, он смотрел ей вслед, пока тень ее не растворилась в сумеречной тьме за рекой.

(206b) Non poteva muoversi. Voleva bere. Ah, se la cavallina avesse almeno potuto dargli da bere! E quando lei *se ne andò correndo*, Gul'sary la seguì con lo sguardo, finché la sua ombra non si stemperò nell'oscurità del crepuscolo, al di là del fiume.

Семантике префикса *у-* может соответствовать отдельный (самостоятельный) итальянский глагол, как в примерах (207b) и (208b), в которых расставание с собеседником, отдаление от него выражается глаголом *congedarsi*. При этом, исходная точка движения, указывающая на тот ориентир, относительно которого субъект удаляется, лексически выражается как в русском тексте (207a), так и в итальянском переводе (207b). Помимо этого, пример (207b) интересен тем, что в нем глагольная лексема *andarsene* применяется также при переводе глагольной формы *пошел*. Это, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что в русском языке передвижение в пространстве концептуализируется и выражается более подробно и детально, чем в итальянском языке. Итальянский глагол *andarsene* может выражать как первый этап передвижения, т. е. удаление из той области пространства, в котором локализуется дейктический центр, так и исчезновение движущегося субъекта из поля зрения наблюдателя. В русском языке для обозначения первого этапа передвижения и для указания на исчезновение субъекта из пространственной сцены имеются различные префиксы, соответственно *по-* и *у-*. Иначе говоря, морфосинтаксические и лексические свойства, которые имеются в распоряжении у говорящих на русском языке, могут повлиять на то, как в нем концептуализируются и выражаются пространственно-временные отношения и различные участки маршрута.

(207a) Иван вдруг повернулся и пошел своею дорогой, уже не оборачиваясь. Похоже было на то, как вчера *ушел от Алеши* брат Дмитрий, хотя вчера было совсем в другом роде.

(207b) Ivan si voltò subitaneamente e se ne andò per la sua strada senza più voltarsi indietro. La scena era simile a quella della sera prima, quando Dimitri *si era congedato da Alioscia*, benché le circostanze fossero del tutto diverse.

При переводе на итальянский глагол *congedarsi* может применяться также в тех случаях, когда исходная точка движения, т. е. ориентир, откуда субъект отдалается, лексически не выражается, как показано в примере (208b).

(208a) [...] Вот мой комплимент! — сказал он, целуя каждый палец у нее. Штольц *уехал*. Обломов тоже собрался, но Штольц и Ольга удержали его.

(208б) [...] Ecco il mio complimento!», disse, baciandole le dita una a una. Stolz *si congedò*. Anche Oblomov fece per accomiarsi, ma Stolz e Ol'ga lo esortarono a trattenersi.

В итальянских текстах может встречаться в качестве соответствия также глагол *uscire*, кодирующий структуру маршрута, и обозначающий передвижение из одной области пространства (как правило, более замкнутой) в другую, новую, более открытую. Фокус при применении глагола *uscire* падает на изменение локализации субъекта в пространстве, а не на его удаление из исходной точки. Сказанное покажем на основе примера (209б), в котором применяются различные стратегии для передачи информации о передвижении. Семантический вклад префикса *у-* (т. е. структура маршрута) выражается в одном случае сателлитом (*via*), а в другом – глаголом (*allontanarsi*), указывающим как раз на отдаление от ориентира, и, наконец, в третьем – глаголом *uscire*, фокусирующимся на изменении локализации субъекта. Способ движения лексически не выражается в итальянском тексте (209б).

(209а) Когда мы *уедем*? – Скоро, скоро. Ты не поверишь, как и мне тяжела наша жизнь здесь, – сказал он и потянул свою руку. – Ну, иди, иди! – с оскорблением сказала она и быстро *ушла от него*. Когда Вронский вернулся домой, Анны не было еще дома. Вскоре после него, как ему сказали, к ней приехала какая-то дама, и она *с нею* вместе *уехала*.

(209б) Quando *andiamo via*? — Presto, presto. Non puoi credere come sia penosa anche per me la nostra vita qui — egli disse, e ritrasse la mano. — Sì, va', va' — ella disse offesa, e *s'allontanò rapida da lui*. Quando Vronskij tornò a casa, Anna non c'era ancora. Gli dissero che, subito dopo di lui, era venuta una signora ed ella *era uscita con lei*.

Интересно при этом отметить, что в итальянских соответствиях глагол *uscire* может выступать также в сочетании с наречием *ne*, уточняющим информацию о маршруте движения. Глаголом *uscire* эксплицитно не кодируется удаление из исходной точки: этот компонент лексического значения префикса *у-* уходит на задний план при употреблении глагола *uscire*, так как его семантика фокусируется на изменении локализации, на переходе в новую область пространства. Картина, представленная в итальянском переводе, компенсируется

присоединением к глаголу *uscire* наречия *ne*, передающего компонент 'удаление из исходной точки движения'. Сказанное проиллюстрируем на основе примеров (210а) и (210б).

(210а) — Я знаю, тебе хочется, чтобы я провалился хоть в тартарары. Ну, ещё посмотрим, чья возьмёт... да! Я тоже могу сделать такой ход — ах ты мне! Он вскочил из-за стола, схватил с окна картуз и *ушёл*, оставив жену не удовлетворённой её политикой, смущённой угрозами, с возрастающим чувством страха пред будущим.

(210б) — Lo so, tu avresti voluto che io fossi inghiottito dall'inferno. Ma, aspetta, vedremo chi la vincerà... Ah, sì! Anch'io posso fare un simile passo, — vedrai! E alzatosi bruscamente dalla tavola, afferrò il suo berretto dalla finestra, e *se ne uscì*, lasciando la moglie sconcertata nella sua politica, sgomentata dalle minacce, con la sensazione di una paura maggiore per l'avvenire.

Похожая ситуация может наблюдаться также при употреблении итальянского глагола *partire*, как видно из примера (211б). В русском тексте (211а) приставочным глаголом с префиксом *у-* выражается удаление из исходной точки, а локативной валентностью указывается на цель передвижения. В итальянском тексте (211б) глаголом *partire* выражается удаление из исходной точки движения, а присоединяющемуся к нему наречию *ne* можно приписывать двойную функцию: оно уточняет информацию об исходной точке движения, и придает более выразительный оттенок действия, обозначенного глаголом *partire*.

(211а) – Смотри же, ты ведь, я тебя знаю, забудешь или вдруг *уедешь в деревню!* – смеясь, прокричал Степан Аркадьич.

(211б) — Guarda, io ti conosco; tu sei capace di scordartene o di *partirtene subito per la campagna!* — rise Stepan Arkad'ic.

Семантический вклад префикса *у-* может передаваться также посредством глагола *fuggire*, объединяющего в себя выражения маршрута и способа движения, как показано в примере (212б). Глагол *fuggire* обозначает быстрое удаление из какого-л. места из-за угрозы или из-за возможной неприятной ситуации. В итальянском тексте (212б) оба семантических компонента движения, маршрут и способ, выражаются фоновым элементом (глаголом), как в языках сателлитного типа (ср. (212а)). Кроме того, как в русском тексте (212а), так и в итальянском тексте (212б) лексически выражается исходная точка движения, откуда удаляется субъект.

(212a) Он думал, что она моя дочь. Он думал, что она родилась в знатной семье и *убежала из дому* ради того, чтобы мыть посуду в трактире. Он всему верил.

(212б) Pensava che io fossi suo padre. Pensava che *fosse fuggita da una famiglia altolocata* per andare a lavare i piatti in un ristorante. Credeva a tutto quello che gli diceva.

В итальянских соответствиях к глаголу *fuggire* может также присоединяться наречие *ne*, определяющее исходную точку движения, откуда отдалается субъект. Сказанное покажем на основе примера (213б), в котором по сравнению с русским текстом (213а) наблюдается выражение обеих локативных валентностей (исходной и конечной точек движения). Кроме того, интересно отметить, что в русском тексте (213а) способ движения выражается отдельно, наречием, в то время как в итальянском тексте (213б) он кодируется глаголом *fuggire*.

(213а) Но сказать ей он ничего не успел: поймав его сердитый взгляд, Матрёна **быстро ушла** в женское отделение.

(213б) Ma non ebbe il tempo di sgridarla. Avendo sorpreso a volo l'occhiata furibonda del marito, Matrena *se n'era fuggita* presto presto *nella sala delle donne*.

В роли, выполняемой итальянским глаголом *fuggire*, может выступать также близкий к нему по семантике глагол *scappare*. Сказанное покажем на основе примеров (214б)-(218б), в которых фоновым элементом, т. е. глаголом (*scappare*) кодируются маршрут и способ движения. В примерах (214а) и (214б) локативных валентностей лексически не выражается, а удаление субъекта совершается относительно того дейктического центра, в котором локализуются остальные участники в ситуации движения, которых можно считать ориентирами. Интересно также отметить, что в итальянских текстах можно встречать применение глагола *scappare* также в тех случаях, в которых в русском тексте не присутствует информации о быстром передвижении, о передвижении бегом, как в примерах (214а) и (216а). Это может свидетельствовать о том, что в итальянских текстах глагол *scappare* применяется прежде всего для передачи семантического вклада префикса *у-*, т. е. для информации о маршруте, а не для выражения способа движения.

(214а) — Вот что, Миша, — зашептал поэт, оттащив Берлиоза в сторону, — он никакой не интурист, а шпион. Это русский эмигрант, перебравшийся к нам. Спрашивай у него документы, а то *уйдет*...

(2146) — Senti, Miša, — sussurrò il poeta, dopo aver tratto da parte Berlioz, — non è mica un turista straniero: è una spia. Un emigrato russo, che è riuscito a intrufolarsi da noi. Chiedigli i documenti, se no ci *scappa*...

Нашу гипотезу можно подтвердить примерами (215а) и (215б), в которых способ движения выражается как в русском тексте, так и в итальянском переводе отдельно, наречием. В связи с этим можно предположить, что глагол *scappare* участвует прежде всего в выражении семантического вклада префикса у-. Кроме того, в силу того, что выражение способа движения усиливается также в русском тексте наречием, семантика приставочного глагола фокусируется именно на удалении, на исчезновении из поля зрения наблюдателя. Иначе говоря, в примере (215а) главный семантический вклад в строении пространственной семантики приставочного глагола приносит префикс у-, в то время как лексическое значение основы уходит на фон.

(215а) Марина шагнула к ней, размахнулась совком, и женщина быстро-быстро убежала в темноту.

(215б) Marina fece un passo verso di lei facendo roteare la paletta e la donna *scappò in fretta e furia nell'oscurità*.

Интересно также наблюдать, что в итальянских соответствиях, представленных в примерах (216б) и (217б), может встречаться более подробное и конкретное описание ориентира по сравнению с русским текстом. В примере (216б) к глаголу *scappare* относится частица *via*, выступающая в качестве глагольного сателлита, и дублирующая информацию об удалении из исходной точки движения, которая лексически выражается в обоих языках глаголом.

(216а) Этот мелкий огонь сжег меня, я не в силах был выдержать. За обедом... я вчера едва не *ушел от обеда*. Я не мог перенести того, как сын мой смотрел на меня.

(216б) Questo fuoco sottile mi ha bruciato, non ho avuto la forza di sopportare. A pranzo... ieri *sono quasi scappato via da tavola*. Non potevo sopportare come mio figlio mi guardava.

В примерах (217а) и (217б) тоже лексически выражается локативная валентность исходной точки, но в итальянском тексте (217б) удаление субъекта описывается не относительно ориентира одушевленного типа, а в отношении артефакта.

(217a) Я не хочу, чтобы у него навсегда осталось в памяти, что я *убежала от него* ночью.

(217б) Non voglio che gli resti per sempre il ricordo che *sono scappata da casa* di notte.

Наконец, в примере (218б) информация о маршруте, т. е. семантический вклад префикса *у-*, выражается глаголом *scappare*, и дублируется сателлитом *via*. Способ движения включается, как мы уже отметили, в семантику глагола *scappare*. В обоих языках лексически выражается локативная валентность исходной точки движения.

(218a) Лишь только Коровьев и Азazelло скрылись, мигание Бегемота приняло усиленные размеры. Белый король наконец догадался, чего от него хотят, вдруг стащил с себя мантию, бросил ее на клетку и *убежал с доски*.

(218б) Non appena Korov'ev e Azazello furono scomparsi, Behemoth intensificò il suo ammiccare. Il re bianco, alla fine, indovinò quel che si voleva da lui. Improvvisamente si tolse il manto, lo gettò sulla casa e *scappò via dalla scacchiera*.

В примере (219б) в качестве соответствия применяется глагол *sfuggire*, обозначающий удаление из какого-л. места с целью избежать кого или чего-л. Итальянским глаголом кодируется также способ движения, как в русском тексте.

(219a) И какое мне в том беспокойство, что он несвязанный ходит по городу! Да пусть, пусть его погуляет пока, пусть; я ведь и без того знаю, что он моя жертвочка и никуда не *убежит от меня!*

(219б) E perché mai dovrei preoccuparmi se questo tipo se ne va a zonzo per la città senza manette? Ma sì, vada pure a zonzo, per il momento; tanto so già che è la mia vittima, e che non può *sfuggirmi!*

Как мы отметили выше, при переводе на итальянский язык может наблюдаться более конкретное описание ориентира. Сказанное подтверждается также примером (220б), в котором при переводе передается только семантический вклад предложно-падежной конструкции, описывающей достижение ориентира предметного типа. Кроме того, пример (220б) интересен тем, что в нем семантический вклад префикса *у-* передается глаголом *ritirarsi*, чья семантика может фокусироваться на постепенном отступлении субъекта от ориентира.

(220a) Но я не доверял Гейзихе. Поэтому я только хмыкнул, потянулся, и, не желая долее сопутствовать ее обстоятельности (le mot juste) вскоре *ушел* к себе в комнату.

(220б) Ma diffidavo della Haze; così mi sono limitato a bofonchiare qualcosa, e poi, stiracchiandomi in modo non concomitante (le mot juste), *mi sono ritirato in camera mia*.

Тот компонент пространственной семантики префикса *у-*, который описывает исчезновение субъекта из поля зрения наблюдателя, может передаваться и попадать в фокус внимания в итальянском тексте, когда при переводе применяется глагол *scomparire*, указывающий как раз на исчезновение из поля зрения наблюдателя, как в примерах (221б) и (222б). При этом, лексически локативные валентности в них не выражаются.

(221a) Когда машина *ушла*, когда ночь снова сомкнулась вокруг и когда глаза снова привыкли к темноте, Танабай погнал иноходца:

(221б) Quando il camion *scomparve*, quando di nuovo la notte si chiuse d'intorno e quando gli occhi tornarono ad assuefarsi all'oscurità, Tanabaj incitò il cavallo:

В примерах (222a) и (222б) лексически выражается локативная валентность конечной точки. Для целей коммуникации важно именно то, что субъект перестал находиться в поле зрения наблюдателя, пропал из виду, и это передается глаголом *scomparire*, чья семантика фокусируется именно на компоненте исчезновения, а не на отдалении от ориентира.

(222a) Ника тихонько открыл окно, выскочил в него и *ушел* в парк.

(222б) Nika aprì pian piano la finestra, la scavalcò e *scomparve nel parco*.

В итальянских соответствиях может встречаться также глагол *partire*, чья семантика выражает отдаление от исходной точки движения, и фокусируется, как правило, на конечной точке, на цели передвижения. Однако, как в случае пространственной семантики префикса *у-*, так и в случае лексического значения глагола *partire*, в зависимости от контекста могут высвечиваться различные семантические компоненты. В примерах (223a) и (223б) в фокусе внимания оказывается именно исчезновение субъекта из поля зрения, его временное отсутствие.

(223a) У вас же теперь дядя Коля живет? – Живет, – сказала Соня. – Но он хороший, он мне роликовые коньки купил. А вчера он *куда-то на два дня уехал* и обещал мне ракушек привезти... [...].

(223б) Adesso zio Kolja vive con voi?» «Sì», disse Sonja. «Ma lui è bravo, mi ha comprato i pattini. Ieri è *partito per due giorni* e ha promesso di portarmi i granchi...» [...].

В примерах (224a) и (224б) фокус делается именно на отдалении неодушевленного субъекта из той пространственной сцены, откуда ведется наблюдение.

(224a) Правда, слова вдруг стали различимы. «Только сделай так, чтобы он не обиделся!» – прозвучал голос седого хозяина. «Гарантирую», – ответил незнакомый молодой голос. Потом завелся двигатель, и было слышно, как машина *уехала*.

(224б) Le parole, tuttavia, si fecero subito distinte. «Fai solo in modo che non si offenda?», risuonò la voce del padrone di casa canuto. «Te lo garantisco», rispose una giovane voce sconosciuta. Poi il motore si accese e si sentì una *macchina che partiva*.

В примере (225б) фокус на цели передвижения, т. е. на передвижение в сторону конечной точки, которая лексически выражается при переводе на итальянский язык. С другой стороны, в русском тексте (225a) внимание падает на тот факт, что субъект покинул исходную точку, несмотря на то, что лексически кодируется также локативная валентность конечной точки (ср. также об этом Добрушина, Меллина, Пайар 2001: 53).

(225a) Еще через сутки молодожены *уехали в Крым*.

(225б) Il giorno seguente *erano partiti per la Crimea*.

Фокус делается на удалении из исходной точки также в примерах (226a) и (226б). В итальянском переводе применяется глагол *lasciare*, фокусирующий на том, что субъект покинул исходную точку движения, которая лексически выражается как в русском тексте, так и в итальянском переводе.

(226a) На Садовую, конечно, съездили и в квартире № 50 побывали. Но никакого Коровьева там не нашли, и никакого Коровьева никто в доме не знал и не видел. [...] С тем и *уехали с Садовой*, причем с уехавшими отбыл растерянный и подавленный секретарь домоуправления Пролежнев.

(2266) Andarono naturalmente sulla Sadovaja e visitarono l'appartamento n. 50. Ma di Korov'ev non trovarono traccia, e nessuno in casa lo conosceva o lo aveva visto. [...] *Lasciarono quindi la Sadovaja*, e in loro compagnia, confuso e disfatto, se ne andò Proleznev, il segretario dell'amministrazione della casa.

Примеры (227а) и (227б) интересны тем, что в них лексически выражаются локативные валентности, кодирующие серединную порцию маршрута и конечную точку движения. При этом, в русском тексте главный семантический вклад префикса *y-* сводится к выражению исчезновения субъекта из пространственной сцены, а в итальянском тексте посредством глагола *passare* передается прежде всего изменение локализации субъекта, т. е. тот факт, что он переходит из одной области пространства в другую, новую, отличную (*на кухню*).

(227а) И совершенно забыв, с кем и о чем она говорит, Лара что-то вспомнила и, торопливо встав, *ушла за перегородку на кухню*.

(227б) E, dimenticando a un tratto con chi parlava e di che cosa, tutta presa da un altro pensiero, si alzò in fretta e *passò dietro il tramezzo in cucina*.

Исчезновение субъекта из поля зрения находится в фокусе внимания в обоих примерах (228а) и (228б). Семантический вклад префикса *y-* передается на итальянский язык посредством глагола *squagliarsela*, обозначающего быстрое удаление, тайком из поля зрения наблюдателя.

(228а) — Ты слышишь, как он по-русски говорит, — поэт говорил и косился, следя, чтобы неизвестный не удрал, — идем, задержим его, а то *уйдем*...

(228б) — Lo senti come parla russo, — il poeta parlava e intanto teneva d'occhio lo sconosciuto perché non filasse via, — andiamo, fermiamolo, se no *se la squaglia*...

В примере (229б) наблюдается, с другой стороны, сдвиг фокуса по сравнению с русским текстом, представленном в примере (229а). В нем префикс *y-* обозначает прежде всего удаление субъекта из пространственной сцены, в то время как в итальянском тексте (229б) применяется глагол *rientrare*, образованный при помощи префикса *re-(ri)*, выражающий итерацию, повторение того действия, обозначенного исходным глаголом (*entrare*). В итальянском тексте внимание сосредотачивается на изменении локализации субъекта, поскольку глагол *entrare* выражает переход из более открытой области пространства в более

замкнутую, в которой будет дальше разворачиваться действие, как можно понять из расширенного контекста.

(229a) — Боже, я потеряла подкову! — Садитесь в машину, — сказал Аззелло, — и подождите меня. Я сейчас вернусь, только разберусь, в чем тут дело. — И он *ушел в парадное*. Дело же было вот в чем: за некоторое время до выхода Маргариты и мастера с их провожатыми из квартиры No 48, помещавшейся под ювелиршиной, вышла на лестницу сухонькая женщина с бидоном и сумкой в руках.

(229б) — O dio, ho perso il ferro da cavallo! — Salite in auto, — disse Azazello, — e aspettatevi. Torno subito, vedo soltanto di che si tratta. — E *rientrò nell'ingresso*. Ed ecco di che si trattava: poco prima che Margherita e il Maestro uscissero con i loro accompagnatori, dall'appartamento n. 48, situato sotto quello della gioielliera, era sbucata sulle scale una donna smilza con un bidoncino e una sporta in mano.

Частичный сдвиг фокуса встречается также при других итальянских соответствиях. Например, в итальянском переводе, представленном в примере (230б), глаголом *incamminarsi* лексически кодируется начало передвижения, фокус делается прежде всего на начальном этапе передвижения, а не на удалении из исходной точки движения, которое, однако, не исключается из итальянского текста, оно просто уходит на задний план, так как высвечивается начальный этап, вступление субъекта в движение. Интересно при этом подчеркнуть, что в семантике итальянского глагола *incamminarsi* заложена также информация о способе движения: глагол указывает на начало передвижения пешком.

(230a) Оставалось до поезда около трех часов, но он с наслаждением *ушел бы на станцию* сейчас же, не дожидаясь маман.

(230б) Restavano circa tre ore da aspettare; lui, invece, *si sarebbe incamminato verso la stazione* con gioia anche subito, senza nemmeno attendere sua madre.

Схожим образом в итальянском переводе, представленном в примере (231б), фокус падает на начальный этап передвижения. В русском тексте (231а) внимание сосредотачивается на исчезновении субъекта из исходной точки, а в итальянском тексте (231б) фокус переносится на первый этап его передвижения. При этом, локативная валентность, выражающая конечную точку движения, кодируется как в русском тексте, так и в итальянском переводе.

(231a) Вернувшись к себе в комнату, она тихо умылась, оделась, потом долго укладывала свои вещи, пока не рассвело, а в полдень *уехала в Москву*.

(231б) Rientrata in camera si lavò lentamente, si vestì, e rifece le valigie piano piano, sinché fu giorno. A mezzodì *prese il treno per Mosca*.

Стратегия лексикализации компонентов движения, представленная в примере (232б), объединяет в глагольной лексеме *involarsi* выражение маршрута и способа движения. Глагол *involarsi* указывает на исчезновение, на быстрое удаление из виду полетом, как в русском тексте в примере (232a).

(232a) Маргарита обратила вопросительный взор к Воланду. Тот кивнул головой. Тогда Наташа кинулась на шею Маргарите, звонко ее расцеловала и, победно вскрикнув, *улетела в окно*.

(232б) Margherita rivolse a Woland un'occhiata interrogativa. Questi assentì col capo. Allora Natasha si buttò al collo di Margherita, la baciò e la ribaciò e, con un grido di vittoria, *s'involò dalla finestra*.

Пример (233б) интересен тем, что в нем передвижение, выражаемое в русском тексте (233a) глаголом *уйти* и предложно-падежной конструкцией (к + дат. п.), передается в итальянском языке двумя отдельными конструкциями. В русском тексте (233a) два различных участка маршрута, удаление из исходной точки и продвижение в сторону конечной точки, кодируются компактным образом: префиксом *у-* выражается удаление из исходной точки движения, а предложно-падежной конструкцией указывается на продвижение в сторону конечной точки. При переводе на итальянский язык наблюдается необходимая сегментация маршрута на два различных участка, которые лексически выражаются отдельно посредством глаголов *scostarsi* и *avvicinarsi*. Глаголом *scostarsi* передается отдаление от ориентира одушевленного типа (которое в русском тексте лексически не выражается), а в итальянском тексте кодируется конструкцией с предлогом *da*. Второй участок маршрута выражается глаголом *avvicinarsi*, описывающим продвижение субъекта в сторону ориентира неодушевленного типа.

(233a) Метранпаж *ушел к окну*, где стояла кадка с филодендромом, бросавшая на пол комнаты теневой узор, стал за кадку и смотрел оттуда на всех маленькими черными и подвижными, как у мыши, глазами.

(2336) L'impaginatore *si era scostato dagli altri uomini e si era avvicinato alla finestra* dove stava un vaso con un enorme rododendron, il quale gettava sul tavolato un disegno di ombre; egli s'era posto dietro a quel vaso e da quel sito guardava la scena con i suoi occhietti neri e mobili come quelli di un sorcio.

Семантический вклад префикса *у-* может передаваться на итальянский язык также при помощи идиоматического выражения, обозначающего быстрое удаление, передвижение прочь, как показано в примере (2346), в котором оборот *levare le tende* можно считать синонимом выражения *andarsene*, которое мы рассмотрели выше в этом параграфе.

(234a) Он тоже, вероятно, увидел ее издали и догонял, но ему помешал Раскольников. Он бросал на него злобные взгляды, стараясь, впрочем, чтобы тот их не заметил, и нетерпеливо ожидал своей очереди, когда досадный оборванец *уйдет*.

(2346) Anche lui, probabilmente, l'aveva vista da lontano e aveva pensato di raggiungerla, ma ne era stato impedito da Raskòlnikov. Gli lanciava sguardi furiosi, badando però a non farsene accorgere, e stava sulle spine in attesa del suo turno, non appena quello straccione guastafeste *avesse levato le tende*.

Идиоматическое выражение применяется также в итальянском примере (2356): оборот *tagliare la corda* указывает на быстрое удаление субъекта их исходной точки, на исчезновение движущегося субъекта из поля зрения наблюдателя. На наш взгляд, оба идиоматических выражения, применяемые в примерах (2346) и (2356), кодируют также информацию о способе движения: указывают на быстрое, часто внезапное передвижение прочь от дейктического центра.

(235a) Черты такого необыкновенного великодушия стали ему казаться невероятными, и он подумал про себя: «Ведь черт его знает, может быть, он просто хвастун, как все эти мотишки; наврет, наврет, чтобы поговорить да выпить чаю, а потом и *уедет!*»

(2356) I segni di una magnanimità così fuori del comune cominciarono a parergli inverosimili, ed egli pensò fra sé: “Sa il diavolo chi è: forse soltanto uno spaccone, come tutti questi scialacquatori; conterà frottole, conterà frottole, tanto per chiacchierare e sbafarsi il tè, e poi *taglierà la corda!*”

В контексте, представленном в примере (236a), высвечивается семантический компонент ‘удаление из исходной точки’, присущий пространственной семантике префикса *у-*

. В примере (236a) актуализируется компонент пространственной семантики префикса у-, т. е. 'отдаление от ориентира надолго или навсегда', описанный в работе (Зализняк 2006: 341). Этот семантический компонент значения префикса у- передается на итальянский язык при помощи глагола *emigrare*, обозначающего переезд в другую страну надолго или навсегда.

(236a) — Еще бы! Ведь этим человеком был я!.. *Уехал* Лемкус в результате политических гонений. А гонения, в свою очередь, явились результатом кошмарной нелепости.

(236б) — *Sfido, quell'uomo ero io!... Lemkus emigrò in conseguenza a persecuzioni politiche. E le persecuzioni a loro volta furono causate da un fatto terribilmente assurdo.*

В примерах (237б) и (238б) наблюдается сдвиг фокуса при переводе на итальянский язык. В русских текстах, как в примере (237а), так и в примере (238а), фокус делается на удалении из исходной точки, в этом сводится главный семантический вклад префикса у-. В итальянском тексте, представленном в примере (237б), применяется глагол *viaggiare* ('путешествовать, быть в пути, по дороге'), фокусирующийся скорее на серединной порции маршрута, а не на исходном этапе передвижения.

(237а) Мы *уехали* не спеша, так как у нас была целая неделя, чтобы достичь Уэйс, городок в Скалистых Горах, где ей страстно хотелось посмотреть на Обрядовые Пляски индейцев в день ежегодного открытия Магической Пещеры, [...].

(237б) *Viaggiavamo con tutto comodo, perché avevamo più di una settimana per raggiungere Wace, sul Continental Divide, dove Lolita desiderava appassionatamente vedere le Danze Cerimoniali che festeggiano l'apertura stagionale della Grotta Magica, [...].*

В итальянском переводе (238б) применяется конструкция *essere in viaggio*, которая эксплицитно указывает на процесс передвижения, на то, что субъект находится в пути, по дороге. Как в примере (237б), так и в примере (238б) в фокус попадает серединная порция маршрута, а не на удаление из исходной точки движения, несмотря на то, что как в русском оригинале (238а), так и в итальянском переводе (238б) лексически выражается конечная точка движения.

(238а) Постепенно наладился некий квартет; сопрано: такого номера нет в Бердслее; альт: мисс Пратт *уехала* в Англию; тенор: Бердслейская школа не звонила; бас: звонить она не могла, так

как все равно никто не знал, что в этот именно день я буду именно в этой колорадской гостинице.

(2386) A poco a poco divenne udibile un quartetto di affermazioni: soprano, quel numero di Beardsley non esisteva; contralto, la signorina Pratt *era in viaggio per l'Inghilterra*; tenore, la Beardsley School non aveva telefonato; basso, né avrebbe potuto farlo, giacché nessuno sapeva che quel giorno mi trovavo a Champion, Colorado.

С другой стороны, в примерах (239а) и (239б) внимание фокусируется на пройденном маршруте, на том расстоянии, которое отделяет субъекта от исходной точки движения. Это может свидетельствовать о том, что в зависимости от контекста, могут актуализироваться или не актуализироваться различные компоненты пространственной семантики префикса *у-*: удаление из исходной точки движения и исчезновение из поля зрения наблюдателя. В этом контексте, как в русском тексте, так и в итальянском переводе, компонент 'удаление из исходной точки' высвечивается только за счет подробного описания серединной порции маршрута. Кроме того, следует подчеркнуть, что в русском тексте информация о маршруте кодируется компактным образом: различные ориентиры, описывающие маршрут, по которому движется субъект, относятся к одному и тому же глаголу (*уехать*). В итальянском тексте (239б), наоборот, применяется глагол *percorrere* для выражения информации о пройденном расстоянии, а глагол *attraversare* определяет серединную порцию маршрута, и к нему относятся различные ориентиры, описывающие ландшафт.

(239а) Письмо лежало вниз лицом, адресной стороной, на Серафимовом столе; разматывая шарф и расстегивая задубевшую от мороза овчинную шубу, Серафим глядел на конверт, не отрывая глаз. Вот он *уехал за двенадцать тысяч верст, за высокие горы, за синие моря*, желая все забыть и все простить, а прошлое не хочет оставить его в покое.

(239б) La lettera era posata sul tavolo di Serafim a faccia in giù, con il lato dell'indirizzo nascosto: mentre slegava la sciarpa e sbottonava il cappotto di montone irrigidito dal gelo Serafim teneva gli occhi fissi sulla busta. *Aveva percorso dodicimila verste, aveva attraversato alte montagne e mari azzurri*, per dimenticare tutto e perdonare tutto, ma il passato non voleva lasciarlo in pace.

Пример (240б) интересен тем, что в нем меняется перспектива наблюдения по сравнению с русским текстом (240а). В русском тексте наблюдение на событие ведется с исходной точки движения: в фокусе внимания оказывается именно удаление из исходной точки, совпадающей с локализацией наблюдателя. В итальянском переводе, наоборот,

наблюдение на событие движения ведется с конечной точки, а не и исходной. Об этом свидетельствует применение глагола *venire*,¹⁴⁷ указывающего на передвижение к другому дейктическому центру и на нахождение наблюдателя в нем.

(240a) Серафим разделся и сел к печке, все еще не трогая конверта. Он был один в лаборатории. Год назад, когда случилось то, что называют «семейной размолвкой», он не хотел уступать. Он *уехал на Дальний Север* не потому, что был романтиком или человеком долга. Длинный рубль тоже его не интересовал.

(240б) Serafim si tolse la pelliccia e sedette accanto alla stufa, sempre senza toccare la lettera. Era solo nel laboratorio. Un anno prima, quando aveva avuto luogo quello che si suole definire un 'dissapore familiare', lui non aveva voluto cedere. *Era venuto nell'Estremo Nord* non per romanticismo o per dovere. Non gli interessava neanche il 'rublo lungo', fare i soldi.

Рассмотрим далее некоторые примеры, в которых в итальянских соответствиях важную роль играют сателлиты, относящиеся к главному глаголу. В примере (241б) семантический вклад префикса *у-* передается посредством частицы *via*, указывающей на передвижение прочь от исходной точки. Кроме того, интересно отметить, что глагол *filare* объединяет в себя выражения маршрута и способа движения: его семантика указывает на быстрое удаление, бегом, часто тайком, незаметно. Глаголом выражается способ движения и передается также та информация о исчезновении из поля зрения, заложенная в семантике префикса *у-*. Это возможно потому что в лексическом значении глагола *filare* (в значении *убежать*) заложена направленность, определенность движения, что позволяет глаголу сочетаться с частицей *via*, уточняющей вектор маршрута.

¹⁴⁷ Полное описание дейктических свойств глагола *venire* представлено в грамматике итальянского языка (GGC 1995, т. 3), где уточняется, что в формах прошедшего и будущего времени глагол *venire* употребляется в тех случаях, когда локализации говорящего и (или) собеседника совпадают с конечной точкой движения в момент речи либо в момент передвижения. Кроме того, отмечается также, что в отличие от глагола *andare*, требующего, как правило, выраженной локативной валентности конечной точки, при употреблении глагола *venire* цель движения может лексически не кодироваться: в этом случае имеется в виду, что субъект передвигается в то место, которое совпадает с локализацией говорящего и (или) собеседника. Наконец, следует подчеркнуть, что глагол *venire* употребляется в тех случаях, в которых имеется выраженная или подразумеваемая из контекста комитативная конструкция, в образовании которой могут участвовать личные местоимения первого и второго лица (280-282).

Во всех рассмотренных нами толковых словарях итальянского языка (Il Nuovo De Mauro, Vocabolario Treccani della lingua italiana, Il Sabatini Coletti Dizionario della lingua italiana) высвечивается дейктическое значение глагола *venire* при лексикализации передвижения в пространстве. Кроме того, указывается также на то, что его семантика ориентирована на достижение конечной точки (о дейктическом значении итальянского глагола *venire* см. также в параграфе 3.7).

(241a) Лишь только шоферы трех машин увидели пассажира, спешащего на стоянку с туго набитым портфелем, как все трое из-под носа у него *уехали* пустыми, почему-то при этом злобно оглядываясь.

(241б) Non appena gli autisti di tre macchine videro un passeggero che si affrettava verso di loro con una cartella voluminosa, tutti e tre gli *filarono via* vuoti sotto il naso, lanciandogli occhiate cariche d'odio.

Частица *via* может выступать также в сочетании с глаголами *volare* и *correre*, кодирующими способ движения, как показано в примерах (242б) и (243б). Семантический вклад сателлита *via* сводится к выражению вектора маршрута, указывающего на удаление из исходной точки, на передвижение прочь от той пространственной сцены, в которой начинается движение. Как в русских текстах (242а), (243а), так и в итальянских переводах (242б), (243б) исходная точка лексически не выражается.

(242а) Я вез участникам форума ценный подарок. Портрет Солженицына размером три на пять. Я вез его на крыше моей «тойоты». В районе Детройта портрет отвязался и *улетел*.

(242б) Portavo ai partecipanti del convegno un prezioso regalo. Un ritratto di Solženicyn tre metri per cinque. Lo trasportavo sul tetto della mia Toyota. Nella zona di Detroit i nodi si sono allentati e il ritratto è **volato via**.

(243а) Я проворно вынул стодолларовый билет. Она подняла его на свет луны. "Ваш братец", прошептала она наконец. Разразившись французским проклятием, я выхватил билет из ее лунно-холодной руки и *убежал*.

(243б) Sfoderai una banconota da cento dollari. Mary la sollevò per guardarla alla luce della luna. «E suo fratello, signor Humbert» bisbigliò infine. Strappai la banconota dalla sua mano fredda di luna, e con una stizzita imprecazione francese girai i tacchi e *corsi via*.

В примере (244б) применяется та же стратегия лексикализации компонентов движения, но в нем лексически выражается исходная точка, относительно которой локализуется тот ориентир, от которого отдаляется субъект.

(244а) Оставалось предположить, что сонная и странная личность *улетела из дому*, как птица, не оставив по себе никакого следа.

(244б) Restava da presumere che lo strano individuo insonnolito **fosse volato via dalla casa** senza lasciar traccia di sé.

С другой стороны, в примерах (245б) и (246б) семантический вклад префикса у-лексически не передается, хотя значение удаления из исходной точки можно восстановить из контекста. В примере (245б) структура маршрута, т. е. изменение локализации субъекта, передвижение из одной области пространства в другую кодируется посредством глагола *varcare*, а способ движения передается отдельно специальной наречной конструкцией. В итальянском переводе фокус делается именно на изменении локализации, на передвижении из одной области пространства в другую.

(245а) — Что вы, Наталья Прокофьевна! Нас услышит кто-нибудь! — моляще орал боров. Летя галопом рядом с Маргаритой, Наташа с хохотом рассказывала ей о том, что произошло в особняке после того, как Маргарита Николаевна *улетела* через ворота.

(245б) — Che dice mai, Natal'ja Prokof'evna? Potrebbero sentirci! — urlò il verro in tono d'implorazione. Mentre volava a fianco di Margherita, Natasha le raccontò fra le risa quanto era accaduto nella palazzina dopo che Margherita Nikolaevna *aveva varcato in volo il portone*.

В примере (246б) фокус падает на достижение конечной точки, выраженной предложной конструкцией, образованной при помощи предлога *in*, приобретающего в сочетании с глаголом *correre* направительную интерпретацию. Глаголом *correre* кодируются способ и направленность движения. Более того, интересно отметить, что в некоторых случаях, как в примерах (246б) и (247б), выбор переводчика фокусируется на достижении конечной точки, и лексически кодируется только способ движения, а не семантика префикса. Об этом свидетельствует применение одной и той же стратегии лексикализации события движения в итальянском языке, при употреблении различных префиксов в русских текстах (*у-* и *при-*, например).

(246а) У Григория был туман в глазах. Не видя, кто стоит в двери, выругался скверными словами, оттолкнул человека в сторону и *убежал* в поле.

(246б) Grigori aveva gli occhi appannati come da nebbia, e non distinse chi stava sulla porta e parlava con voce di basso; egli proferì orribili bestemmie, respinse l'uomo e *corse nei campi*.

(247а) Мальчишки первые заметили его и с ужасом *прибежали* в деревню с вестью о каком-то страшном змее или оборотне, который лежит в канаве, прибавив, что он погнался за ними и чуть не съел Кузьку.

(2476) I primi a scoprirlo furono dei ragazzini, i quali *corsero* spaventati *al villaggio* con la notizia che nel fossato c'era un terribile serpente, o un lupo mannaro, e aggiunsero che li aveva inseguiti e per poco non si era mangiato Kuz'ka.

В примере (2486) при переводе применяется частица *fuori*, передающая направление передвижения из замкнутой области пространства в более открытую область пространства. Можно предположить, что выбор этого сателлита объясняется как раз контекстом, из которого можно понять, что субъект передвигается в более открытую область пространства. При этом, на наш взгляд, при переводе на итальянский язык уходят на задний план те компоненты пространственной семантики префикса *u-*, которые выражают исчезновение из поля зрения и удаление из исходной точки. В итальянском тексте фокус делается на передвижении в более открытую область пространства.

(248a) Я, наконец, настиг ее посредине гладкой муравчатой террасы, — она *убежала*, пока я еще переодевался.

(2486) La trovai finalmente al centro di una terrazza col prato all'inglese; **era corsa fuori** prima che io fossi pronto.

Ради сравнения приведем здесь пример (2496), в котором семантический вклад префикса *vy-*, кодирующий передвижение из замкнутой области пространства в более открытую, передается посредством частицы *fuori*.

(249a) Варенуха *выбежал*, захлопнув за собою дверь и через боковой вход устремился в летний сад.

(2496) Varenucha *corse fuori*, sbatté la porta e attraverso l'uscita laterale si slanciò nel giardino estivo.

Подводя итоги, обратим внимание на то, что в итальянском языке составляющие пространственной семантики префикса *u-*, т. е. удаление из исходной точки и исчезновение из поля зрения наблюдателя, могут передаваться как глаголом, так и сателлитом, образующим те конструкции (*verbi sintagmatici*), которые характеризуют в первую очередь языки сателлитного типа. Важно также подчеркнуть, что некоторые итальянские глагольные лексемы могут передавать одновременно информацию о способе и о маршруте движения, например *fuggire, filare, scappare, involarsi*, в то время как другие фокусируются только на

одной из двух составляющих семантики префикса *у-*. В частности, глагольные лексемы типа *partire, andarsene, andare via* выражают удаление из исходной точки, в то время как глагол *scomparire* фокусируется на исчезновении из поля зрения наблюдателя. Среди сателлитов, участвующих в образовании конструкции сателлитного типа (*verbi sintagmatici*), высвечивается частица *via*, передающая ту сему передвижения вон, прочь, которая присуща семантике префикса *у-*. Следует также подчеркнуть, что в некоторых итальянских соответствиях не имеется специализированного элемента поверхностной структуры для выражения семантики префикса *у-* (ср. *era andato al fiume, corse nei campi*). В этих случаях только из контекста, как правило, может восстанавливаться информация о том, что субъект удаляется из пространственной сцены. Как мы отметили в ходе анализа, отсутствие в некоторых итальянских соответствиях специализированного средства для передачи пространственной семантики префикса *у-* может свидетельствовать о том, что в русском языке пространственная сцена и передвижение субъекта в ней относительно ориентира концептуализируются и описываются более развернуто, чем в итальянском языке. В этом механизме более точного и детального представления пространственных отношений и передвижения решающую роль играют глагольные префиксы русского языка.

3.4 Префикс *пере-*

В выбранных нами словарях для русского языка префикс *пере-* среди основных указаны следующие значения:

- направленность движения через какое-л. пространство, препятствие, через какой-либо предмет;
- направленность движения в пространстве из одного места в другое [МАС, БАС, Новый БАС, СУ, ТССЕРЯ].

В Русской Грамматике 1980 г. указывается, что приставка *пере-*, участвуя в образовании приставочных глаголов, может передавать следующее значение: 1. «действие, названное мотивирующим глаголом, направить из одного места в другое через предмет или пространство». Кроме того, подчеркивается, что у этих глаголов выделяется сильное вариативное управление (*перебежать что-н. – через что-н.*) (РГ–80: § 870).

Формальная схемы приставки *пере-* в работе (Добрушина, Меллина, Пайар 2001) представлена следующим образом:

«1.на основе процесса Р терм Т приобрел состояние Ts2;

2. приобретение термом Т состояние Ts2 описывается как качественное отличное от предшествовавшего ему состояния терма Т – Ts1» (2001: 76).

Применяем схему при анализе примера (250).

(250) Кянукук *перебежал* через улицу и заскочил в телефонную будку.

В примере (250) приставка *пере-* означает, что

1. на основе процесса Р [бежать] терм Т [Кянукук] приобрел состояние Ts2 [оказался на другой стороне улицы, там, где телефонная будка];

2. приобретение термом Т состояние Ts2 описывается как качественно отличное от предшествовавшего ему состояния терма Т – Ts1 [Кянукук находится на той стороне улицы, противоположной от будки].

В сочетании с глаголами движения приставка *пере-* обозначает изменение локализации (в широком смысле). «Два состояния, вводимые здесь ПЕРЕ-, определяются тем, что за счет процесса меняется локализация объекта и тем самым он получает повторную локализацию» (Добрушина, Меллина, Пайар 2001: 77) (например, *перебежать* дорогу).

В работе (Kagan 2016) подчеркивается, что все употребления приставки *пере-* связаны с идеей преодоления какого-л. интервала или границы, как в прямом смысле, так и в переносном. Кроме того, иногда существен сам факт, что в результате передвижения (движущийся) субъект оказывается в другом месте (например, в выражении *переплыть* через реку, важно, что субъект находится на другом берегу реки) (121). В связи с этим, можно предположить, что в некоторых контекстах употребления приставки *пере-* с пространственным значением актуально понятие пересечения границы ориентира (*boundary-crossing*). Иными словами, префикс *пере-* связывает два интервала пространства по шкале вида маршрута: первый представлен пройденным субъектом маршрутом, а второй – это ориентир, по отношению, к которому совершается передвижение (в терминологии автора *standard of comparison*).

Проиллюстрируем подход автора к толкованию семантики приставки *пере-* на основе примера (251).

(251) Таня *перебежала* через шоссе, скатилась под откос, угодила в пласт залежавшегося чёрного снега и промочила ноги.

В примере (251) первый интервал описывает маршрут, который проходит субъект во время события движения, а второй определяется шириной шоссе. В этом смысле пройденный маршрут может быть равным ориентиру или может быть длиннее его, т. е., второй интервал может быть включен в первый. Сказанное можно передать, на наш взгляд, следующей формулировкой:

path walked (пройденный маршрут) \supseteq *standard of comparison* (ориентир)

Предложенную формулировку можно интерпретировать следующим образом: если внимание акцентируется на самом процессе передвижения, то пройденный маршрут будет совпадать с ориентиром (т. е. речь будет идти о НСВ). С другой стороны, когда фокус внимания направляется на конечную точку передвижения, т. е. на событие движения в его целостности, на его результативность (здесь речь будет идти о СВ), то становится релевантным понятие пересечения границы ориентира (*boundary-crossing*). В этом случае первый интервал можно считать длиннее второго (т. е. первый интервал включает в себя второй), потому что движущийся субъект как бы преодолевает его. Иными словами, префикс *пере-* описывает «[...] an event of motion along a path, and this path is entailed to cover, and possibly extend beyond, a certain spatial interval (contained within the location being crossed)» (2016: 125).

В различных трудах, применяющих когнитивный подход к изучению семантики глагольных префиксов (Janda 1986, 1988, Янда 2012; Endresen et al. 2012), прототипическое значение приставки *пере-* определяется как TRANSFER, в том смысле, что оно предполагает передвижение движущегося субъекта по определенному маршруту от точки А до точки Б (*перейти улицу*). По словам Л. Янды, прототипическая конфигурация префикса *пере-* описывает передвижение субъекта через определенный пространственный интервал и ассоциируется с понятиями TRANSFER и DURATION. От этой прототипической и базовой конфигурации развиваются все остальные значения, описанные автором (1988: 331-339). На наш взгляд, однако, важно здесь обратить внимание на то, что возможность активировать определенную конфигурацию может зависеть также от лексического значения исходного глагола, к которому присоединяется префикс *пере-*. Например, когда префикс *пере-* присоединяется к базовым глаголам, обозначающим передвижение вверх или преодоление границы, релевантна конфигурация OVER (*перескочить канаву; перелезть через забор; переступить порог*) и ориентир приобретает трехмерный статус (Janda 1986: 166-167; 1988: 336-337). Иначе говоря, при конфигурации OVER релевантна та составляющая маршрута, которая, в терминологии Л. Талми, определяется как 'структура'.

Более того, мы считаем необходимым обратить внимание на то, что иногда семантика нового приставочного глагола образуется в основном за счет вклада префикса. Например, в случае глагола *переступить*, действие, обозначенное глаголом *ступить*, само по себе не предполагает вертикального передвижения (вверх), но и не исключает его. В таком случае возможность актуализировать конфигурацию OVER при *ступить*, может зависеть исключительно от семантики приставки *пере-*. Иными словами, префиксы либо изменяют исконное лексическое значение глагола, либо могут актуализировать некие компоненты, которые уже заложены в семантике мотивирующего глагола.

Как мы отметили выше, префикс *пере-* обозначает передвижение через какое-л. пространство из одного места в другое. В отличие от пространственной семантики префикса *про-* (ср. параграф 3.5), для которой важно именно покрытие определенного (пространственного) интервала, при употреблении префикса *пере-* фокус падает на новую локализацию субъекта в результате преодоления определенного интервала по мере передвижения, и именно поэтому при толковании пространственной семантики префикса *пере-* может актуализироваться понятие пересечения границы ориентира (*boundary-crossing*).

Перед тем, как рассмотреть итальянские соответствия приставочных глаголов с префиксом *пере-*, обратим внимание на то, что мы не включили в набор рассмотренных текстов те примеры, в которых префикс *пере-* обозначает помимо физического передвижения из одного места в другое, также другой тип изменения, касающийся субъекта. Иначе говоря, мы не рассматривали те примеры, в которых фокус падает не столько на физическое передвижение одушевленного субъекта, сколько на какое-нибудь (существенное) изменение в жизни (в статусе) субъекта, как в примерах (252a) и (253a):

(252a) Летом 1939-го года умер мой американский дядюшка, оставив мне ежегодный доход в несколько тысяч долларов с условием, что *перееду в Соединенные Штаты* и займусь делами его фирмы.

(252b) Nell'estate del 1939 mon oncle d'Amérique morì, lasciandomi una rendita annuale di qualche migliaio di dollari, a condizione che *andassi a vivere negli Stati Uniti* e dimostrassi un certo interesse per la sua attività.

(253a) Даже мокрого полотенца коснулся. А вечером Тася *переехала ко мне*. Вскоре я начал работать смотрителем фасадов.

(253b) Avevo persino toccato il suo asciugamano bagnato. Quella sera Tasja *si era trasferita da me*. Presto avevo iniziato a lavorare come «custode di facciate».

В примерах (252а) и (253а) речь идет о переезде субъекта в другую страну, т. е. о существенном изменении в жизни человека. Компонент физического, прямого передвижения не опускается, он безусловно есть в обоих примерах (так как включен в лексическое значение приставочного глагола), но он является второстепенной составляющей, поскольку внимание фокусируется на изменении в жизни или в статусе субъекта. Не случайно при переводе на итальянский язык в фокусе оказывается не само передвижение, обозначенное посредством глагола *andare*, а на глаголе *vivere*, как в примере (252б). Схожим образом, в примере (253б) при помощи глагола *trasferirsi* обозначается именно изменение места жительства субъекта.

Рассмотрим далее некоторые итальянские соответствия приставочных глаголов с префиксом *пере-* в тех случаях, когда они используются в их основном значении и обозначают передвижение из одного места в другое: в фокусе внимания находится новая локализация субъекта в результате преодоления определенного пространственного интервала.

В примере (254б) в качестве итальянского соответствия глагола *перейти* используется *attraversare*, который указывает на передвижение субъекта с одного конца ориентира в другой, противоположный.

(254а) Виктор быстрым шагом *перешел двор* и поднялся на второй этаж. – Витя? – обрадовалась баба Тоня, открыв двери. – Заходи! Заходи!

(254б) Con passo veloce Viktor *attraversò il cortile* e salì al secondo piano. «Vitja?», si rallegrò baba Tonja, dopo avere aperto la porta. «Entra! Entra!»

В примере (255б) лексически не выражается семантический вклад префикса *пере-* из русского оригинала (255а), поскольку при переводе на итальянский язык выбирается глагол движения *andare*, указывающий на удаление из дейктического центра, но не включающий в себя информацию о передвижении из одного места в другое. Тем не менее, эту информацию о смене местоположения можно восстановить из контекста, так как любое движение уже само по себе связано с изменением локализации, тем более, что здесь указана конечная точка движения как в русском оригинале, так и в итальянском переводе.

(255а) Я сделал несколько глотков. Затем, дождавшись конца музыкальной фразы, протянул бутылку гитаристу. Тот улыбнулся и отрицательно покачал головой. Я *перешел в тамбур*. Грохот колес тотчас же заглушил джазовую мелодию.

(255б) Avevo bevuto qualche sorso. Poi, dopo aver aspettato la conclusione della frase musicale, avevo allungato la bottiglia al chitarrista. Quello aveva fatto un sorriso scuotendo la testa in segno di

diniego. *Ero andato sulla piattaforma*. Subito il frastuono delle ruote aveva assordato la melodia del jazz.

В связи с вышесказанным, можно допустить, что на выбор глагола при переводе на итальянский язык может влиять также тип ориентира, относительно которого совершается передвижение. Рассмотрим примеры (256а) и (256б).

(256а) Мы вернулись внутрь и долго там стояли. Грохочущая гора досок перед дверью росла. Наконец швырянье кончилось. Мы *перешли* через гору, помогая друг другу. Вышли на Фонтанку.

(256б) Siamo tornate dentro e ci siamo rimaste a lungo. Davanti alla porta la fragorosa montagna di assi cresceva. Alla fine il lancio è finito. *Abbiamo superato la montagna* aiutandoci l'un l'altra. Siamo uscite in via Fontanka.

В примерах (256а) и (256б) ориентир может восприниматься как препятствие к передвижению субъекта, которое необходимо преодолеть: этим может оправдаться выбор итальянского глагола *superare*, который указывает на преодоление какого-нибудь препятствия, находящегося на пути к достижению конечной точки движущимся субъектом.

Примеры (257а) и (257б) интересны тем, что в них можно наблюдать разницу в фокусе при употреблении приставочного глагола с префиксом *пере-* и итальянского соответствия *attraversare*.

(257а) Мы *перешли* через площадку лестницы на правую сторону дома.

(257б) *Traversammo il pianerottolo e raggiungemmo il lato destro* della casa.

Как видно из примера (257а) глагол *перейти* может иметь две различные локативные валентности, выражающие серединную порцию и конечную точку маршрута соответственно. Иначе говоря, оба ориентира, площадка и правая сторона дома, относятся к одному и тому же приставочному глаголу (*перешли*). С другой стороны, в примере (257б) глагол *attraversare* (*traversare*) может принимать только одну локативную валентность, уточняющую информацию о той области пространства, через которое совершается движение (*il pianerottolo*). В связи с этим, достижение конечной точки выражается отдельно глаголом *raggiungere*, принимающим локативную валентность, кодирующую конечную точку движения (*il lato destro della casa*). Можно предположить, что при употреблении префикса

пере- в фокусе внимания могут находиться как само преодоление области пространства, так и достижение конечной точки, в то время как при применении итальянского соответствия *attraversare* фокус может падать только на первый компонент, т. е. на преодоление пространственного интервала.

Сказанное подтверждается анализом примеров (258а) и (258б).

(258а) И, вообразите, внезапно заговорила она: — Нравятся ли вам мои цветы? Я отчетливо помню, как прозвучал ее голос, низкий довольно-таки, но со срывами, и, как это ни глупо, показалось, что эхо ударило в переулке и отразилось от желтой грязной стены. Я быстро *перешел* на ее сторону и, подходя к ней, ответил: — Нет.

(258б) E s'immagini, a un tratto fu lei a parlare: — Le piacciono i miei fiori? Mi ricordo chiaramente il suono della sua voce, alquanto bassa, ma con brusche variazioni di tono, e — è sciocco, lo so — parve che un'eco risuonasse nel vicolo e si ripercuotesse nel muro giallo e sporco. *Passai* in fretta *sull'altro marciapiede* e, avvicinandomi a lei, risposi: — No.

В русском тексте (258а) лексически выражается конечная точка движения: при переводе на итальянский язык употребление *attraversare* неприемлемо, потому что серединная порция маршрута никак не выражена, т. е. не определен пространственный интервал, через который передвигается субъект, а уточняется только конечная точка движения. В связи с этим, семантический вклад префикса *пере-* передается при помощи глагола *passare*, пространственная семантика которого шире, чем семантика глагола *attraversare*. Посредством глагола *passare* может обозначаться передвижение через какой-либо пространственный интервал, но этот глагол может принимать также локативную валентность, выражающую конечную точку движения.

Примеры (259а) и (259б) свидетельствуют о том, что пространственная семантика глагола *passare* шире, чем пространственная семантика глагола *attraversare*. При переводе на итальянский язык (259б) глагол *passare* применяется для обозначения передвижения через пространственный интервал. В этом употреблении он соответствует лексическому значению глагола *attraversare*, как видно из итальянского перевода, представленного в примере (259в).

(259а) На юге мы обошли или прорвали немцев в нескольких местах, причем, говорят, несколько наших распыленных единиц попали при этом в мешок, а на севере немцы *перешли* *Свенту*, считавшуюся в этом месте непроходимой.

(259б) A sud abbiamo aggirato o sfondato le linee tedesche in più punti, ma pare che alcune nostre unità disperse siano cadute in una sacca, mentre a nord i tedeschi *hanno passato la Sventa* che in quel punto era considerata insuperabile.

(259в) A sud abbiamo aggirato e tagliato fuori i tedeschi in diversi punti, ma al tempo stesso girano voci che alcune nostre unità disperse siano finite nel sacco, mentre a nord i tedeschi *hanno attraversato la Sventa*, che in quel punto era ritenuta insuperabile.¹⁴⁸

Примеры (260а)-(262б) объединены тем, что в них описывается передвижение субъекта из одного места в другое, без преодоления каких-л. препятствий. В фокусе внимания находится изменение локализации, т. е. переход субъекта в новую область пространства, и этот компонент движения передается на итальянский язык различными средствами. В примере (260б) применяется глагол *sedersi*, указывающий на самом деле на действие, которое следует за последним этапом передвижения, в то время как сам переход в новую область пространства подразумевается.

(260а) — [...] Хотите, возьмем эти свечи и *перейдем* на веранду [...].

(260б) «[...] Vuole che prendiamo le candele e *ci sediamo* un po' *nella loggia*? [...].

В похожем контексте, как в примере (261б), можно использовать также глагол *trasferirsi*, который передает изменение локализации, передвижение из одного места в другое.

(261а) – Наша игра, – сказал я, – лишена самого главного своего очарования – игроки в домино должны стучать с размаху о стол, выставляя костяшки. – Я отнюдь не шутил. Именно эта сторона дела представлялась мне наиболее важной в домино. – *Перейдем* на стол, – любезно сказал Андрей Михайлович. –

(261б) - Il nostro gioco – dissi - è privato del suo fascino maggiore: i giocatori di domino devono dare un gran colpo sul tavolo ogni volta che mettono una tessera -. Non stavo affatto scherzando: mi sembrava che proprio questo fosse l'aspetto più interessante del domino. '*Trasferiamoci al tavolo* - propose cortesemente Andrej Michajlovic.

В примере (262а) описывается повторяющееся передвижение субъекта из одного места в другое и обратно в начальную точку. Здесь в фокусе внимания находится само повторяющееся движение, многократное изменение локализации. В итальянском переводе

¹⁴⁸ Pasternak, B.L. *Il dottor Živago*. Milano. Feltrinelli. 2020: 130.

(262б) применяется глагол *passare* в сочетании с предложными конструкциями, образованными с предлогами *da* и *in*, указывающими на исходную и конечную точки движения соответственно. Информация о многократности изменения локализации передается имперфектом.

(262а) А высокая брюнетка в черном с шалыми горящими глазами и неприятно по-змеиному напряженной шеей, которая поминутно *переходила* то *из гостиной в зал* на поле сыновней деятельности, то *назад в гостиную к игравшему мужу*, была мать Коки Корнакова.

(262б) E l'alta donna bruna, vestita di nero, con gli strani occhi ardenti e il collo sgradevolmente teso, simile a un serpente, che ogni momento *passava dal salotto in sala*, invadendo il campo d'azione del figlio, o, viceversa, avvicinandosi al marito che giocava, era la madre di Koka Kornakov.

В примерах (263б) и (264б) наблюдается частичный сдвиг фокуса при переводе на итальянский язык: лексически выражается только семантический вклад предлога *к*, а не префикса *пере-*. В обоих примерах при переводе применяется глагол *avvicinarsi*, выражающий приближение к конечной точке, а не передвижение из одного места в другое. Иначе говоря, в обоих примерах (263б) и (264б) при переводе на итальянский язык лексически передается только пространственная семантика предложно-падежной конструкции с предлогом *к*, в то время как семантика префикса *пере-* лексически не выражается. В связи с этим, в примере (263б) отсутствует эксплицитная информация о том, что движущийся субъект добрался до конечной точки, хотя эту информацию можно восстановить из контекста.

(263а) – Вот ваша постелька, пожалуйста сюда, – добавил он, указывая на пустую, очевидно, недавно принесенную кровать. – Ничего, бог даст, выздоровеете. Андрей Ефимыч всё понял. Он, ни слова не говоря, *перешел к кровати*, на которую указал Никита, и сел; [...].

(263б) «Ecco il vostro lettino, favorite qui,» aggiunse indicando un letto vuoto, evidentemente portato lì da non molto. «Non è niente, grazie a Dio, guarirete.» Andrèj Efimyc' comprese tutto. Senza dir nemmeno una parola, *si avvicinò al letto* che gli aveva indicato Nikita e si sedette; [...].

Схожим образом, в примере (264а) можно допустить из контекста, что субъект достиг новой локализации (конечной точки движения), хотя эта информация лексически не передается в итальянском тексте. Таким образом, на наш взгляд, при переводе на итальянский язык, теряется актуальность присущего пространственной семантике префикса *пере-* и активирующегося в этом контексте компонента пересечения границы ориентира.

(264a) – О да! – сказала Анна, сияя улыбкой счастья и не понимая ни одного слова из того, что говорила ей Бетси. Она *перешла* к большому столу и приняла участие в общем разговоре.

(264б) — Oh, sì — disse Anna, illuminandosi di un sorriso di felicità e senza capire una parola di quello che le andava dicendo Betsy. *Si avvicinò alla tavola grande* e prese parte alla conversazione generale.

Пример (265б) интересен тем, что в нем при помощи глагола *attraversare* передается семантический вклад префикса *pro-*, в то время как для передачи семантики префикса *per-* применяется глагол *oltrepassare*.

(265a) Таким образом *прошел* он весь *Васильевский остров*, вышел на Малую Неву, *перешел мост* и поворотил на Острова.

(265б) In tal modo *attraversò l'intero Vasilevskij Òstrov*, sbucò sulla Piccola Neva, *oltrepassò il ponte* e tornò sulle Isole.

Как видим, для передачи передвижения через пространственный интервал применяется глагол *attraversare*, а для выражения семантического вклада префикса *per-* используется глагол *oltrepassare*, фокусирующийся на преодолении ориентира (*моста*), в том числе на пересечении его границы. Можно предположить, что выбор пары *attraversare-oltrepassare* (а не *percorrere-attraversare*, например) оправдан в какой-то степени типом ориентиров и тем, что в фокус попадает именно преодоление ориентира, а не передвижение через него. Напомним здесь, что глаголом *attraversare* может обозначаться также передвижение по продольной оси ориентира. Иначе говоря, в этом контексте при применении глагола *attraversare* фокус делается на передвижении через пространственный интервал, а употребление глагола *oltrepassare* фокусируется на преодолении ориентира и на новой локализации субъекта, т. е. на том, что в результате передвижения он окажется на другой стороне моста.

Следует здесь подчеркнуть, что согласно словарному толкованию пространственная семантика итальянского глагола *attraversare* может обозначать передвижение, совершающееся перпендикулярно той продольной оси, которую можно выявить в структуре ориентира. Однако семантика глагола *attraversare* может указывать также на передвижение в продольном направлении, т. е. по продольной оси ориентира (ср. *attraversò l'intera isola Vasil'evskij*, наш перевод примера (265a)). В связи с этим, можно предположить, что

пространственная семантика глагола *attraversare* шире пространственного значения префикса *пере-*, поскольку в ней заложен также тот тип передвижения, который чаще всего передается русским префиксом *про-* (передвижение по продольной оси ориентира). Отметим, однако, что глаголом *attraversare* не указывается на передвижение вверх или вниз относительно ориентира.

Далее рассмотрим ряд примеров, в которых при переводе на итальянский язык лексически выражается также способ движения, как и в русских текстах. В примерах (266б) и (267б) способ движения кодируется отдельно: в примере (266б) – наречной конструкцией, а в примере (267б) – деепричастием.

(266а) Постояв немного, я вышел за калитку в переулок. В нем играла метель. Метнувшаяся мне под ноги собака испугала меня, и я *перебежал от нее на другую сторону*.

(266б) Rimasi lì un po', quindi uscii dal cancello nel vicolo. Vi soffiava la tormenta. Mi spaventò un cane che mi si buttò sotto i piedi, e per sfuggirlo *attraversai di corsa la strada*.

(267а) Он крепко потёр себе лоб, как бы желая усилить яркость этого света, и вдруг быстро вышел вон, *перебежал двор* и исчез на улице.

(267б) Si stropicciò fortemente la fronte, come pel desiderio di rendere quel barlume più chiaro; poi, ad un tratto, si precipitò fuori, *attraversò il cortile correndo* e scomparve nella strada.

Отметим, что в обоих примерах (266б) и (267б) семантический вклад префикса *пере-* выражается глаголом *attraversare*. Как мы уже подчеркнули выше, глагол *attraversare* может принимать локативную валентность, уточняющую информацию о серединной порции маршрута, т. е. локативной валентностью определяется тот пространственный интервал, через который (или по которому) движется субъект. Эта информация лексически кодируется как в примере (266б), так и в примере (267б), несмотря на то, что в русском оригинале (266а) указывается только конечная точка движения (*на другую сторону*).

В примере (268б) представляется иная стратегия выражения способа движения.

(268а) И она, как была нагая, *из спальни*, то и дело взлетая на воздух, *перебежала в кабинет* мужа и, осветив его, кинулась к письменному столу.

(268б) Ed essa, nuda com'era, saltando di continuo, *corse dalla camera da letto nello studio* del marito e, accesa la luce, si precipitò alla scrivania.

Здесь мы видим, что при переводе на итальянский язык компонент способа движения кодируется глаголом (*correre*), как в русском примере (268а), а семантический вклад префикса *пере-* выражается отдельно предложными конструкциями, состоящими из предлогов *da* и *in*, кодирующими исходную и конечную точки движения соответственно. Можно предположить, что в итальянском тексте выражение обеих локативных валентностей, определяющих исходную и конечную границу того пространства, через который передвигается субъект, свидетельствует о том, что для семантики префикса *пере-* релевантно именно то, что субъект движется от одной границы к другой, противоположной, в рамках определенного пространственного интервала.

В примере (269а) описывается передвижение субъекта через пространственный интервал до ориентира.

(269а) Сороки опустились на крышу мусорного ящика, *перелетели на забор, слетели на землю* и стали ходить по двору.

(269б) Si posarono sul coperchio del cassone delle immondizie, *passarono sullo steccato, scesero a terra* e cominciarono a camminare nel cortile.

Префикс *пере-* в приведенном примере не предполагает преодоление ориентира, но обозначает передвижение через какое-то пространство до самого ориентира. В этом контексте пересечение границы ориентира не актуализируется. При переводе на итальянский язык (269б) вклад префикса *пере-* передается при помощи глагола *passare*, в то время как лексически способ движения не выражается. Глагол *passare* может передавать информацию о том, что субъект передвигается через пространственный интервал с целью достичь ориентира. Применение конструкции с предлогом *su*, относящейся к глаголу *passare*, передает информацию о том, что субъект временно остановился на ориентире перед тем, как спуститься на землю, которая определяет второй ориентир пространственной сцены.

Семантический вклад префикса *пере-* может также передаваться предложной конструкцией, относящейся к глаголу, выражающему способ движения, как в примере (270б).

(270а) Гладиатор и Диана подходили вместе и почти в один и тот же момент: – раз-раз, поднялись над рекой и *перелетели на другую сторону*; [...].

(270б) Gladiatore e Diana si avvicinarono insieme e, quasi nello stesso momento, si sollevarono pari pari sul fiume e *volarono dall'altra parte*; [...].

В этом случае предложная конструкция, образованная при помощи предлога *da*, получает направительную интерпретацию и выражает преодоление пространственного интервала. Предложная конструкция относится к глаголу *volare*, кодирующему способ движения, как в русском тексте (270а).

Два разных подхода мы наблюдаем при переводе глагола *перелететь* в примере (271а).

(271а) *Канавку она перелетела*, как бы не замечая. Она *перелетела* ее, как птица; но в это самое время Вронский, к ужасу своему, почувствовал, что, не поспев за движением лошади, он, сам не понимая как, сделал скверное, непросительное движение, опустившись на седло.

(271б) *Essa volò sul fossato quasi senza avvedersene. Lo sorvolò* come un uccello. Ma in quell'attimo stesso Vronskij sentì con orrore che, senza saper come, non era riuscito a secondare il movimento della cavalla, e, ricadendo pesantemente sulla sella, aveva fatto una mossa sbagliata, imperdonabile.

Предложная конструкция (*sul fossato*) в итальянском переводе (271б) выражает преодоление ориентира, поскольку она здесь относится к глаголу движения (*volò*), и поэтому может получать направительную, а не локативную интерпретацию. С другой стороны, интересно обратить внимание на то, что второй приставочный глагол с префиксом *пере-* переводится при помощи глагола *sorvolare*, указывающего на передвижение полетом над какой-л. областью пространства. Иначе говоря, в этом последнем случае при переводе на итальянский язык применяется та же стратегия, что и в русском тексте: глаголом выражается как способ движения, так и маршрут. В связи с этим, следует подчеркнуть, что итальянский глагол *sorvolare* восходит к латинскому *supervolare*, образованному при помощи префикса *super-* (*sor-* < *sopra-* < *super-* (на, над)) и глагола *volare*, и описывающему полет субъекта над какой-л. областью пространства.

В итальянских переводах, представленных в примерах (272б) и (272в), применяются две противоположные стратегии.

(272а) В Благовещенске на Амуре, например, на одном берегу советская власть, на другом — Китай. Прыгнул в воду, *переплыл*, и адью, поминай как звали. Вот это, можно сказать, река. Совсем другой разговор».

(272б) A Blagoveščensk sull'Amur, per esempio, su una riva c'è lo Stato sovietico e dall'altra parte la Cina. Ti tuffi in acqua, *nuoti*, e addio! Chi si ricorda più di te? Quello sì che si può dire un fiume. È tutt'un altro discorso.»

(272в) A Blagoveščensk, sull'Amur, per esempio, su di una riva c'è il potere sovietico, sull'altro la Cina. Li uno si tuffa nell'acqua, *attraversa a nuoto*, e tanti saluti, chi s'è visto s'è visto. Quello lì sì, che lo si può chiamare un fiume. È tutto un altro discorso.”¹⁴⁹

В примере (272б) семантический вклад префикса *пере-* лексически не выражается, поскольку глаголом *nuotare* выражается только способ движения. Информацию о маршруте можно восстановить из контекста: как в русском оригинале, так и в итальянском переводе определяются два ориентира (*su una riva... e dall'altra parte*), которые могут указывать на исходную и конечную точку, и поэтому из итальянского перевода в (272б) можно предположить, что речь идет о передвижении через реку. С другой стороны, в примере (272в) семантика префикса *пере-* выражается лексически глаголом *attraversare*, указывающим на передвижение через определенный пространственный интервал (перпендикулярно продольной оси ориентира), а способ кодируется отдельно, наречной конструкцией.

Из рассмотренных русских примеров и их итальянских соответствий можно сделать вывод, что семантический вклад префикса *пере-* может передаваться как глаголом *passare*, так и глаголом *attraversare*. Глагол *passare* может принимать как локативную валентность, выражающую серединную порцию маршрута, так и локативную валентность, уточняющую информацию о конечной точке. С другой стороны, глагол *attraversare* может принимать только локативную валентность, кодирующую серединную порцию маршрута и определяющую тот пространственный интервал, через который передвигается субъект. В связи с этим, можно предположить, что пространственная семантика глагола *passare* шире, чем семантика глагола *attraversare*. Не случайно, глаголом *passare* может передаваться как семантический вклад префикса *про-*, как мы увидим далее в параграфе 3.5, так и пространственное значение предложно-падежной конструкцией, образованной предлогом *за* и существительным в винительном падеже (272б).

3.5 Префикс *про-*

В выбранных нами словарях для русского языка префикс *про-* среди основных указаны следующие значения:

- направленность действия или движения сквозь или через что-л., между чем-л., внутрь, в глубину чего-л. [МАС, Новый БАС, СУ];

¹⁴⁹ Pasternak, B.L. *Il dottor Živago*. Milano. Feltrinelli. 2020: 448.

- направленность движения мимо кого-, чего-л., куда-л. или по какому-л. месту; [МАС, БАС, Новый БАС, СУ, ТССЕРЯ];

- преодоление какого-л. пространства, перемещение на какое-л. расстояние в результате движения или действия. [МАС, БАС, Новый БАС].

Согласно определению, данному в Русской грамматике 1980 г., глаголы с префиксом *про-* могут обозначать 1. «действие, названное мотивирующим глаголом, направить сквозь что-н., через что-н., вглубь» [...] 2. «действие, названное мотивирующим глаголом, направить мимо чего-н.»: *проехать* 'действие по глаголу ехать направить мимо чего-н.', [...] 3. «с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, переместить(ся), продвинуть(ся) вперед, преодолеть какое-н. расстояние»: [...] (РГ–80: § 876).

Формальная схема приставки *про-* в работе (Добрушина, Меллина, Пайар 2001) представлена следующим образом:

«1. действие Р осмысляется в связи с некоторым термом Т;
2. Т интерпретируется как интервал» (2001: 40).

Под понятием «интервал» понимается непрерывная последовательность точек с фиксированными границами в пространстве или во времени. При этом, «сами точки, являющиеся границами, могут быть не включены в эту последовательность или не существенны» (2001: 40-41). В случае пространственного интервала, например, *пройти мост*, авторы считают, что мост является пространственным интервалом для действия *идти* (Добрушина, Меллина, Пайар 2001: 41).

Применяем формальную схему при анализе примера (273).

(273) В молчании они *пробежали* переулок, вышли на набережную Канавы.

В примере (273) приставка *про-* означает, что 1. Действие Р (*бежать*) осмысляется в связи с некоторым термом Т (*переулок*);

2. Т интерпретируется как интервал (в пространстве).

В работе (Кронгауз 1998) проводится параллель между пространственными и временными значениями, выражаемыми префиксом *про-*. В частности, автор подчеркивает их сосуществование в рамках одной формы (*про-*). Для начала стоит отметить, что пространственное значение активируется при присоединении приставки *про-* к глаголу, выражающему однонаправленное движение. Тогда в зависимости от выраженных локативных валентностей приставочного глагола, пространство может концептуализироваться либо как интервал (274), который покрывается определенным, направленным передвижением (пешком,

бегом и т. д.), либо как точка,¹⁵⁰ мимо которой направлено передвижение субъекта, как видно из примеров (275) и (276) (там же: 160-170). Точка может быть частью интервала, но она не является целью передвижения.

(274) Выполз на море, *проплыл метров сто* и вдруг слышу шум, как будто ветер поднимается.

(275) Он *проехал мимо табачного киоска*, свернул под арку, втиснулся в тесный их двор, подкатил по ее указанию к нужному подъезду.

(276) Что только не растет на Святой Земле! *Проехали аэропорт Бен-Гуриона*. Мелькнула синева Средиземного моря. Вот Хадера, оживленный современный город; поворот на Афулу.

Кроме того, М. Кронгауз подчеркивает, что префикс *про-* может выражать пространственное значение также в сочетании с несколькими глаголами, называющими «звук, который с необходимостью сопровождает движение» (1998: 169). Речь идет о таких глагольных лексемах как, например, *прогрохотать*, *прожужжать*, *просвистеть*, в семантике которых заложена идея передвижения, сопровождающегося определенным звуком. Можно предположить, что в контекстах, представленных примерами (277)-(280), звук составляет некий компонент события движения, который во многом напоминает способ передвижения (или *Manner of Motion* в англоязычной терминологии). При этом, субъект передвижения может являться одушевленным (278) или неодушевленным (277), (279), (280).

(277) — Центральный вокзал! Приехали! Поезд *прогрохотал* под чугунными мощными сводами.

(278) Две старушки в углу двора сидели на лавочке под орешинной, пацан *прогрохотал* на самокате...

(279) Из тумана грохнуло несколько выстрелов, пуля *прожужжала* возле уха.

(280) Толмач смотрел, как она то и дело нервно заправляла волосы за ухо. Мимо *прогромыхал трамвай*. Фрау П. сказала: — Meine Mutter war auch Lehrerin und ist jetzt pensioniert.

¹⁵⁰ С другой стороны, когда пространство концептуализируется как точка, и сама точка, мимо которой совершается передвижение, является также конечной точкой передвижения, т. е. его целью, то может возникать «импликатура пропуска» (Кронгауз 1998: 164-165). Данное значение может подразумеваться из контекста, как в примере в (i).

(i) Выяснилось, что Софи жила не рядом с модной легендарной Брик-Лэйн, а в каком-то районе [...], куда можно было добраться лишь с пересадкой на двух автобусах. И Саша, естественно, *проехал* остановку.

Ровно как способ передвижения, компонент, обозначающий звук, который сопровождает движение, может выражаться отдельно, при помощи деепричастия, как в примерах (281) и (282).

(281) Незнакомец сопровождал его, задевая плечом водосточные трубы. Мимо, **громыхая**, *проехал трамвай*. Видны были залитые светом деревянные кресла. Наконец они приблизились к шестиэтажному дому с балконами.

(282) *Проехали громыхая возы с капустой и, громко разговаривая, прошли две бабы в пестрых платках и кофтах горошком, кутаясь от утренней свежести в шали и боязливо поглядывая на Алексея.*

В работах, выполненных в рамках когнитивного подхода к изучению семантики глагольных приставок, принимается положение, что компонент 'передвижение сквозь что-л. (through)', заложенный в семантике приставки *про-*, притягивает ее к глаголам, обозначающим 'SOUND' и 'SPEECH', таким, как, например, *прозвучать, прогудеть, прогреметь, пролаять, пробормотать, прокричать* и т. д. В работе (Janda, Lyashevskaya 2013) произведение звука определяется как «a penetration of sound waves through space» (2013: 231). Кроме того, авторы отмечают, что «making sounds entails sending them 'through' time, which motivates the attraction of *pro-* to this semantic class ['SOUND' и 'SPEECH']» (2013: 231). В любом случае, следует здесь подчеркнуть, что префикс *про-* может относиться как к передвижению в пространстве, так к течению самого времени (ср. Кронгауз 1998: 160; Kagan 2016 ниже).

В работе (Kagan 2016) префикс *про-* определяется относительно интервала пространства, через который осуществляется передвижение в прямом или переносном смысле. В сочетании с глаголами определенного движения префикс *про-* относится к шкале маршрута, а *standard of comparison* может выражаться формой винительного падежа (ср. *Иван пробежал два километра*) (2016: 57).¹⁵¹

Ссылаясь на вышеприведенное описание префикса *про-*, его пространственную семантику можно определить как сложную, поскольку в зависимости от локативных валентностей, применяемых приставочным глаголом с префиксом *про-*, могут актуализироваться различные пространственные значения. Более того, ориентир может концептуализироваться как интервал, в отношении которого осуществляется передвижение субъекта. Этот интервал, как мы отметили выше, может восприниматься как область

¹⁵¹ В работе (Kagan 2016) не рассматриваются те случаи, когда приставочный глагол движения с префиксом *про-* сопровождается предложно-падежной конструкцией, образованной при помощи предлога *мимо* + род. п.

пространства, через/сквозь которую передвигается субъект, или как точка, мимо которой движется субъект. По этой причине наш сопоставительный анализ будет фокусироваться также на локативных валентностях, относящихся к приставочным глаголам с префиксом *про-*, и на их соответствия на итальянском языке. В целях (более точного и ясного) описания стратегий передачи компонентов семантики префикса *про-* на итальянский язык, мы разделим примеры на несколько групп, в зависимости от того, как воспринимается пространственный интервал и совпадает ли он с ориентиром.

Рассмотрим сначала те примеры, в которых интервал концептуализируется как область пространства. В примерах (283а) и (283б) пространственный интервал описывается той частью коридора, по которой движется субъект.

(283а) Виктор вошел за ней следом. [...] Они поднялись на второй этаж, *прошли по широкому коридору*, слушая, как поскрипывает под ногами паркет. Потом Света открыла дверь и они зашли в какое-то помещение.

(283б) Viktor le andò dietro. [...] Salirono al primo piano, *camminarono lungo l'ampio corridoio* ascoltando il parquet che scricchiolava sotto i piedi. Poi Sveta aprì una porta ed entrarono in una stanza.

Как видно из приведенных примеров, локативная валентность в русском примере выражается предложно-падежной конструкцией, образованной предлогом *по* + *дат. п.*, а в итальянском переводе (283б) информация о векторе маршрута передается предложной конструкцией с предлогом *lungo*. Компоненты 'движение' и 'способ' сконцентрированы в глаголе *camminare*, в значении 'передвижение пешком'. Указание на преодоление пространственного интервала маршрута (т. е. пространственная семантика префикса *про-*) лексически не выражается в итальянском переводе, так как при употреблении глагола *camminare* в фокусе внимания глагола оказывается именно способ движения, а компонент 'преодоление пространственного интервала' подразумевается (ср. *avanzare lungo l'ampio corridoio*, *procedere lungo l'ampio corridoio*, в которых глаголом точно передается семантический вклад префикса *про-*).

В примере (284б) преодоление пространственного интервала (т. е. семантика префикса *про-*) кодируется глаголом *attraversare*, обозначающим передвижение с одного конца ориентира (*весь Васильевский остров*) на другой, в то время как способ движения лексически не выражается.

(284a) Таким образом *прошел* он *весь Васильевский остров*, вышел на Малую Неву, перешел мост и поворотил на Острова.

(284b) In tal modo *attraversò l'intero Vasilevskij Òstrov*, sbucò sulla Piccola Neva, oltrepassò il ponte e tornò sulle Isole.

В примере (285b) пространственная семантика префикса *про-* лексически (также) не выражается: глаголом *dirigersi* в сочетании с предложной конструкцией (*verso* + существительное) кодируется информация о векторе маршрута, т. е. уточняется только направление передвижения.

(285a) Две девочки, Марион и Мабель, за чьими прохожденьями туда-сюда я, бывало, следил машинальным взглядом (но кто мог заменить мою Лолиту?), *прошли по направлению проспекта* (откуда спускалась наша Лоун Стрит): одна шла, толкая велосипед, другая на ходу питалась из бумажного мешочка, и обе говорили во весь голос, с солнечной звонкостью.

(285b) Due ragazzine, Marion e Mabel, i cui andirivieni avevo meccanicamente seguito di recente (ma chi poteva rimpiazzare la mia Lolita?), *si diressero verso la strada principale* (dalla quale dirupava la nostra Lawn Street), l'una portando a mano la bicicletta, l'altra cibandosi da un sacchetto di carta, entrambe parlando al culmine delle loro voci assolate.

Совсем иная картина представляется в примере (286b): в нем лексически выражаются как способ движения посредством глагола *camminare*, так и информация о пространственном интервале, т. е. о пройденном субъектом расстоянии (*per un trecento passi* [‘шагов триста’]).

(286a) Вообще у меня мало знакомых, и я нигде не бываю. *Шагов триста* молодые люди *прошли* молча.

(286b) In generale ho poche conoscenze, e non vado da nessuna parte.» I giovani *camminarono in silenzio per un trecento passi*.

Похожая стратегия применяется в примере (287b), в котором семантический вклад префикса *про-*, т. е. идея преодоления пространственного интервала, также кодируется количественным выражением *alcuni passi* [‘несколько шагов’].

(287a) Он *прошел еще несколько шагов*, и пред ним открылся коток, и тотчас же среди всех катавшихся он узнал ее.

(2876) *Fece ancora alcuni passi, e davanti a lui si aprì il campo di pattinaggio e, subito, in mezzo a tutti quelli che pattinavano riconobbe lei.*

Преодоление пространственного интервала передается и в примере (2886) локативной валентностью глагола *seguire*, уточняющей пройденное субъектом расстояние.

(288a) Орлов молча *прошел* за доктором *по коридору* барака, молча выпил какое-то лекарство из одной рюмки, выпил ещё из другой, сморщился и плюнул.

(2886) Orlof *segui* in silenzio il dottore *per tutta la lunghezza del corridoio* della barracca, bevve in silenzio una medicina in un bicchierino, poi gliene dette un altro che fu pure costretto a trangugiare, — dopo di che fece una brutta smorfia e sputò.

Пример (2896) интересен тем, что в нем посредством глагола *scivolare* передается более подробная информация о способе движения (быстрое, ловкое передвижение субъекта по какой-л. области пространства.), чем в русском тексте (289a), а семантический вклад префикса *про-* лексически не выражается.

(289a) В комнате дежурного врача зажглись три лампы разных цветов — и вслед за тем почти бесшумно были совершены несколько действий: *по пробковому ковру* коридора *проехали* низкая тележка на резиновых колесах и отвезла больного в операционную залу; [...].

(2896) Nella stanza del medico di turno si accesero tre lampade di colori diversi, e subito dopo, in un quasi totale silenzio, vennero compiute alcune operazioni: *sulla passatoia di sughero* del corridoio *scivolò* la bassa lettiga su rotelle di gomma che portava il malato in sala operatoria; [...].

В примерах (2906) и (2916) применяются две противоположные стратегии передачи тех компонентов движения, которые выражаются в русских текстах, представленных в примерах (290a) и (291a).

В примере (2906) семантический вклад префикса *про-*, т. е. передвижение субъекта относительно пространственного интервала, кодируется глаголом *passare*, указывающим на движение через пространство с одной стороны в другую, противоположную. Более того, как в русском тексте (290a), так и в итальянском переводе (2906) выражается локативная валентность, определяющая серединную порцию маршрута, т. е. тот пространственный интервал, совпадающий с ориентиром, через который движется субъект (*через ручей; per il ruscello*). При переводе на итальянский язык лексически способ движения не выражается.

(290a) – *Через ручей не проедете*, Константин Дмитрич, – крикнул кучер.

(290б) — *Per il ruscello non passerete* Konstantin Dmitric — gridò il garzone.

В примере (291б) наблюдается совершенно иная картина: лексически выражается способ движения посредством глагола *precipitarsi*, обозначающего быстрое передвижение в сторону конечной точки. Интересно отметить, что в русском тексте (291а) лексически выражаются обе границы того пространственного интервала, по которому движется субъект, в то время как в итальянском переводе лексически передается только конечная граница интервала (*ворота церкви; le porte della chiesa*), которая способствует уточнению информации о векторе маршрута при помощи предложной конструкции, определяющей направление (быстрого) передвижения субъекта. Кроме того в итальянском переводе семантический вклад префикс *pro-* лексически не выражается, но компонент 'продвижение вперед' может восстанавливаться из контекста.

(291а) Несколько дам – все в темных очках от Армани или Версаче. Длинные черные платья. Элегантная печаль одежды. И вдруг *от дам к воротам церкви* смешно **пробежало** невысокое черно-белое существо. Виктор не успел разглядеть его, он только уловил взглядом цвет и размер.

(291б) Alcune signore, tutte con occhiali neri di Armani o di Versace. Vestiti lunghi, neri. L'elegante tristezza dell'abito. All'improvviso un essere non molto alto in bianco e nero **si precipitò verso le porte** della chiesa. Viktor non fece in tempo a vederlo, ne colse solo con lo sguardo il colore e la misura.

В примере (292б), наоборот, лексически выражаются все те компоненты ситуации движения, которые описываются в русском примере (292а).

(292а) Светила луна, и сначала Марине было страшно выйти из тени, но потом она решилась, **быстро пробежала** по залитому голубым светом *пустырю за гаражами* и ссыпала землю на обочине дороги.

(292б) La luna splendeva e, in un primo momento, Marina fu terrorizzata dall'idea di uscire dall'oscurità. Poi, però, si decise: **corse rapida alle spalle dei garage, percorse il terreno abbandonato** inondato di luce azzurra e scaricò la terra sul ciglio della strada.

Способ движения кодируется глаголом *correre*, к которому относится локативная валентность, указывающая на конечную точку движения. Семантический вклад префикса *pro-*, т. е. преодоление пространственного интервала, передается на итальянский язык посредством глагола *percorrere*,¹⁵² обозначающего движение через какое-л. пространство. К глаголу *percorrere* относится локативная валентность, уточняющая информация о серединной порции маршрута, и выражающая тот пространственный интервал, который покрывается по мере передвижения в сторону конечной точки.

В примере (293б) лексически выражаются способ и маршрут движения, как и в (293а), но семантический вклад префикса *pro-* можно только подразумевать. Способ кодируется наречной конструкцией (*di corsa*), а маршрут – синтагматической конструкцией, образованной посредством глагола *tornare* и сателлитной частицы *giù*, уточняющей направление движения. Преодоление пространственного интервала лексически не выражается, но этот компонент можно подразумевать из контекста: по мере обратного передвижения субъект преодолевает определенный пространственный интервал.

(293а) Та из двух девочек, что была покрасивее (Мабель, кажется), в коротких штанишках, в бюстодержателе с бридочками, которому нечего было держать, и такая ярковолосая (нимфетка, клянусь Паном!), *пробежала обратно*, уминая в руках пустой бумажный мешочек, и пропала из поля зрения зеленого сего козла, зайдя за фронтон виллы г-на и г-жи Гумберт.

(293б) *La più carina delle due ragazze (Mabel, credo), calzoncini corti, copriseno con poco da coprire, capelli luminosi — una ninfetta, per Pan!-, tornò giù di corsa accartocciando il sacchetto, e la facciata della residenza del signor Humbert e signora la nascose alla vista del Verde Capro.*

Примеры (294б) и (294в) весьма интересны для целей нашего сопоставительного анализа: в них представляются различные стратегии передачи компонентов ситуации движения, описанной в примере (294а), а также семантического вклада префикса *pro-*.

(294а) Впереди промелькнул, видимо машинист. Добежав до конца мостков, он подпрыгнул вверх и, перелетев через буферный брус, скрылся из виду. Те же движения проделали гнавшиеся за ним матросы. Они тоже *пробежали до конца решетки*, прыгнули, мелькнули в

¹⁵² В силу их лексического значения и этимологии, итальянские глаголы *percorrere* и *attraversare* можно считать самыми близкими соответствиями пространственной семантики префикса *pro-*. Глагол *percorrere* восходит к латинскому глаголу *percūrrere*, состоящему из префикса *per-* и глагола *cūrrere*, и обозначающему передвижение бегом через какое-л. пространство. Глагол *attraversare* (*traversare*) мотивирован предлогом *attraverso* (сквозь, через), и может указывать на передвижение через какое-л. пространство с одной стороны в другую, противоположную (Il Nuovo De Mauro, ed. online).

воздухе и провалились как сквозь землю. Привлеченный виденным, Юрий Андреевич вместе с несколькими любопытными *прошел вперед к паровозу*. В свободный, открывшейся перед поездом части пути им представилось следующее зрелище.

(294б) Quella davanti a tutte, evidentemente il macchinista, arrivò correndo fino all'estremità della locomotiva e saltò al di là dei respingenti, scomparendo alla vista. Lo stesso fecero i marinai che lo inseguivano anch'essi *corsero sino alla fine della graticola*, saltarono, balenarono nell'aria e parvero sparire sotto terra. Interessato alla scena, Jurij Andrèevich *si diresse* con alcuni altri *verso la testa del treno*.

(294в) Davanti si intravedeva con ogni evidenza il macchinista. Dopo essere corso fino al termine della passerella, fece un balzo verso l'alto e, dopo aver superato in volo il respingente, scomparve dalla vista. Gli stessi movimenti vennero eseguiti dai marinai che lo stavano inseguendo. Anch'essi *corsero fino alla fine della grata*, saltarono, balenarono un attimo nell'aria e scomparvero, come inghiottiti dalla terra. Attratto da quel che aveva visto, Jurij Andreevič insieme ad alcuni altri curiosi *si diresse in avanti verso la locomotiva*.¹⁵³

Рассмотрим сначала итальянские соответствия приставочного глагола *probежать* и его локативной валентности, указывающей на конечную точку движения. В обоих представленных итальянских переводах (294б) и (294в) способ движения лексически кодируется глаголом *correre*, в то время как информация о маршруте передается посредством конструкции с предлогом *fino (sino)*, определяющей конечную точку движения. В русском тексте (294а) благодаря роли префикса *про-* и предложно-падежной конструкцией (*до + род. п.*), в фокус попадает как пройденный маршрут, так и достижение конечной точки, в то время как в итальянских переводах (294б) и (294в) внимание фокусируется только на этом последнем компоненте, т. е. на достижении конечной точки, а информация о пройденном пространственном интервале подразумевается. Такой же подход к выражению компонентов ситуации движения применяется в отношении префикса *до-* в глаголе *добежать* в тех же примерах, которым подчеркивается достижение предела в пространстве, но не пересечение границы. Как нам кажется, этот общий подход при передаче семантического вклада префиксов *про-* и *до-* в итальянском языке может свидетельствовать о том, что пространственная семантика этих двух префиксов имеет общую основу, а меняется то, на чем фокусируется внимание. Семантика префикса *до-* фокусируется на достижении конечной точки, а семантика префикса *про-* – на том, что субъект преодолевает пространственный интервал по мере передвижения до определенной конечной точки. В связи с этим, можно предположить, что в

¹⁵³ Pasternak, B.L. *Il dottor Živago*. Milano. Feltrinelli. 2020: 248-249.

некоторых контекстах, в частности, когда локативная валентность приставочных глаголов с префиксом *pro-* указывает на цель передвижения, пространственная семантика этих двух префиксов может совпадать в той части, которая касается достижения (но не пересечения) некой пространственной границы.

Схожим образом в том же примере при переводе на итальянский язык выражения *прошел вперед к паровозу* фокус делается на передвижении в сторону конечной точки, и лексически семантический вклад префикса *pro-* не выражается. Как в примере (294б), так и в примере (294в) при переводе применяются глагол *dirigersi*, которым передается информация о движении субъекта по определенному маршруту, и предложная конструкция, указывающая на цель передвижения, т. е. на вектор маршрута.

Рассмотрим примеры (295а) и (295б).

(295а) Вороной жеребец, которого не пускали в табун, так как он лягал и ранил лошадей, пущенный на волю, топоча, со ржаньем, *пробежал по деревне раз и другой* и вдруг остановился около телеги и стал бить ее задними ногами.

(295б) Uno stallone nero, tenuto in disparte perché addentava e feriva gli altri cavalli, adesso in libertà, sbuffava, nitriva, ***galoppava*** *da un capo all'altro* del villaggio. Si arrestò improvvisamente accanto a un carretto, e lo prese a calci con tutte le sue forze.

В итальянском переводе примера (295а) пространственный интервал, который преодолевается субъектом по мере передвижения, выражается отдельно предложной конструкцией, определяющей границы этого интервала (*da un capo all'altro*). Таким образом, лексически кодируются все компоненты ситуации движения: глаголом *galoppare* передается способ движения, а предложными конструкциями (*da ... a*) описывается маршрут.

В примерах (296а)-(298б) представляются различные стратегии передачи семантической характеристики приставочного глагола *пролететь*. В примерах (296б) и (296в) в качестве итальянского соответствия применяется глагол *sorvolare*, включающий в себя информацию как о способе, так и о маршруте движения. В обоих примерах глагол *sorvolare* принимает прямое дополнение, описывающее тот пространственный интервал, который преодолевается субъектом во время полета.

(296а) Маргарите показалось, что она *пролетела* где-то, где видела в громадных каменных прудах горы устриц. Потом она летала над стеклянным полом с горящими под ним адскими топками и мечущимися между ними дьявольскими белыми поварами.

(2966) Sembrò a Margherita *d'aver sorvolato* un sito dove aveva visto montagne di ostriche in enormi stagni pietrosi. Poi era volata sopra un pavimento di vetro sotto al quale ardevano fornelli infernali, e in mezzo ad essi si agitavano diabolici cuochi bianchi.

(296в) A Margherita sembrò di *sorvolare* un luogo dove sorgevano montagne di ostriche in giganteschi stagni di pietra. Poi passò in volo sopra un pavimento di vetro sotto il quale ardevano fornaci infernali e si vedevano diavoleschi cuochi bianchi che vi sfrecciavano intorno.¹⁵⁴

С другой стороны, в примерах (2976) и (297в) применяются две различные стратегии передачи ситуации движения, обозначенной глаголом *пролететь*.

(297а) Они летели над бульваром, видели, как фигурки людей разбегаются, прячась от дождя. Падали первые капли. Они *пролетели над дымом* — всем, что осталось от Грибоедова. Они летели над городом, который уже заливала темнота.

(2976) Volavano sopra un viale e vedevano minuscole figure di uomini che si disperdevano per ripararsi dalla pioggia. Cadevano le prime gocce. *Volarono sopra un nugolo di fumo*, tutto quel che rimaneva della casa di Griboedov. Volarono sopra la città, che l'oscurità stava già sommergendo.

(297в) Volavano sopra un viale, vedevano le figurette delle persone che fuggivano in tutte le direzioni per cercare un riparo. Cadevano le prime gocce. *Passarono sopra un nugolo di fumo*, tutto quello che restava del Griboedov. Volarono sopra la città, già sommersa dal buio.¹⁵⁵

В примере (2976) лексически выражается только способ движения глаголом *volare*, в то время как семантический вклад префикса *про-* не передается на уровне поверхностной структуры. Информацию о направленности движения можно подразумевать, поскольку, как правило, когда описывается ненаправленность или разнонаправленность движения, глагол, кодирующий способ (*correre, volare*), сопровождается обстоятельством длительности (например, *per tre ore*). В примере (297в), наоборот, семантический вклад префикса *про-* передается глаголом *passare*, указывающим на передвижение через какое-л. пространство, и конструкцией, образованной сателлитом *sopra* и существительным, уточняющей информацию о пространственном интервале, покрытом по мере передвижения. В этом последнем случае способ движения лексически не выражается, но информацию о нем можно восстановить из контекста, так как глагол *volare* используется в отношении того же субъекта в описании той же ситуации в соседних предложениях. В примере (2976) применяется одна и та же стратегия

¹⁵⁴ Bulgakov, M.A. *Il maestro e Margherita*. Milano. Feltrinelli. 2011: 379.

¹⁵⁵ Bulgakov, M.A. *Il maestro e Margherita*. Milano. Feltrinelli. 2011: 504.

для передачи как приставочного глагола *пролететь*, так и бесприставочного глагола *лететь*, а именно глагол *volare*, к которому присоединяется сателлит *sopra*, уточняющий вектор маршрута. Это, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что внимание переводчика фокусируется скорее всего на семантике предлога *над*, а не на семантическом вкладе префикса *про-*, т. е. в фокус попадает тот элемент, который имеет непосредственное соответствие на языке перевода. Это не значит, однако, что семантический вклад префикса *про-* опускается при переводе на итальянский язык, он может передаваться, как показано в примере (297в), в котором выбирается в качестве соответствия глагол *passare*, указывающий на передвижение через какое-л. пространство.

В примере (298б), наконец, при переводе на итальянский язык применяется синтагматическая конструкция *volare su*, благодаря которой при помощи сателлита *su* уточняется информация о маршруте (*su*), а сам глагол *volare* кодирует направленность и способ движения. Более того, поскольку предложная конструкция с предлогом-сателлитом *su* относится к глаголу движения *volare*, она может получать направительную (а не локативную) интерпретацию, указывая на пространственный интервал, который преодолевается во время полета.

(298а) Ястреб, неспешно махая крыльями, *пролетел высоко над дальним лесом*; другой точно так же пролетел в том же направлении и скрылся.

(298б) Un falco, battendo le ali lentamente, *volò alto sul bosco lontano*; un secondo, con moto eguale, volò nella stessa direzione e scomparve.

Следующие примеры (299а)-(301б) интересны тем, что в них лексически выражается пространственный интервал, занимающий серединную порцию маршрута.

В примере (299б) преодоление пространственного интервала кодируется глаголом *traversare*, обозначающим передвижение через какое-л. пространство.

(299а) Дверь была не заперта. Саша *пробежала через сени*, потом *коридор* и наконец очутилась в светлой, теплой комнате, где за самоваром сидел отец и с ним дама и две девочки.

(299б) La porta era aperta; Sàša *traversò il vestibolo, il corridoio*, e si trovò in un andito illuminato e caldo, dove prendevano il tè, intorno a un samovàr, suo padre, una signora e due bambine; [...].

Пространственный интервал, т. е. срединная порция маршрута, лексически обозначается различными ориентирами (*il vestibolo, il corridoio*), описывающими те области пространства (*сени, коридор*), через которые передвигается субъект.

Выражение срединной порции маршрута не исключает валентности конечной точки движения, как в примерах (300а) и (300б).

(300а) Прокуратор тихо сказал человеку несколько слов, после чего он удалился, а Пилат *через колоннаду прошел в сад*.

(300б) Il procuratore disse all'uomo poche parole a bassa voce, dopo di che questi se ne andò, mentre Pilato *passò nel giardino attraverso il porticato*.

При переводе на итальянский язык глаголом *passare* кодируется само передвижение через какое-л. пространство, а информация о срединной порции движения передается при помощи предложной конструкции (*attraverso* + ориентир). Конечная точка движения кодируется конструкцией с предлогом *in*, в то время как способ движения лексически не выражается.

В примере (301а) префикс *про-* указывает на преодоление пространственного интервала, описываемого предложно-падежной конструкцией *по* + дат. п.

(301а) Жаль мамы, и мне жаль, сердце разрывается, но что же делать? Ведь не пойдешь против бога! Когда они перестали плакать, она укутала их и повезла кататься. Сначала *проехали по Малой Дмитровке*, потом *мимо Страстного на Тверскую*; около Иверской остановились, поставили по свече и помолились, стоя на коленях.

(301б) Vi rattristate pensando alla vostra mamma: anch'io la rimpiango. Il cuore mi duole, ma che fare? Non si può andare contro la volontà di Dio.» Quando ebbero cessato di piangere, Jùlija Sergèevna le imbaccucò e le condusse a spasso in slitta. Prima *percorsero la Málaja Dmítrovka*, poi, *passando davanti al convento della Passione, la Tvèrskaja*. Si fermarono vicino alla cappella di Nostra Signora di Iberia: portarono ciascuna un cero e pregarono in ginocchio.

Как видим, в русском оригинале (301а) описываются все этапы маршрута, для описания которого используются два ориентира пространственной сцены, относительно которых передвигается субъект (*по Малой Дмитровке, мимо Страстного*). В русском тексте различные пространственные интервалы, описывающие участки маршрута, относятся все к одному и тому же приставочному глаголу с префиксом *про-* (*проехать*). При переводе на

итальянский язык (301б) преодоление того интервала, который концептуализируется как область пространства, выражается глаголом *percorrere*, а преодоление ориентира, воспринимающего как точка в пространстве, кодируется отдельно деепричастием *passando* и предлога *davanti a*. Кроме того, в обоих текстах лексически выражается конечная точка движения.

Далее рассмотрим итальянские соответствия приставочных глаголов с префиксом *про-* в тех случаях, когда пространственный интервал воспринимается как точка, а не как область пространства, через которую движется субъект.

В целях более точного описания итальянских соответствий приставочных глаголов с префиксом *про-*, следует нам сделать небольшое отступление и сосредоточиться на семантике слова *мимо*, часто встречающегося в сочетании с приставочными глаголами с префиксом *про-*. В русском языке слово *мимо* употребляется как в качестве наречия, так и в функции предлога в сочетании с существительным в родительном падеже. Вне зависимости от статуса (функции) этого слова, словарные толкования, представленные в выбранных нами словарях русского языка, фокусируются в основном на следующих значениях: *передвигаться, не останавливаясь, не задерживаясь около кого-, чего-л.; передвигаясь, находится в какой-то момент в непосредственной близости от кого-, чего-л.* Семантика слова *мимо*, как в качестве наречия, так и в функции предлога, рассматривается также в работе (Зализняк 2006). Автор определяет контекстное условие употребления слова *мимо*: оно применимо в тех случаях, когда описывается передвижение субъекта относительно какого-л. ориентира, и до некоторого момента маршрут субъекта приближается к ориентиру, а после некоторого момента удаляется от него. Далее, автор выделяет два компонента, входящих в семантику слова *мимо*: приближение субъекта к ориентиру и отсутствие контакта с ориентиром. Более того, автор уточняет, что в зависимости от прагматического контекста один или другой компонент может актуализироваться. Как правило, первый компонент является первостепенным, а второй выдвигается на первый план только в тех случаях, когда ориентир, относительно которого совершается движение, известен, и фокус падает именно на отсутствие контакта между субъектом и ориентиром (134-144).

В примере (302а) приближение к области локализации ориентиров и последующее отдаление кодируются приставочным глаголом с префиксом *про-* в сочетании с предложно-падежной конструкцией, состоящей из предлога *мимо* и существительных в родительном падеже.

(302a) Иван Иванович и Николай Николаевич обходили эту заросль снаружи, и по мере того как они шли, перед ними равными стайками на равных промежутках вылетали воробьи, которыми кишела калина. Это наполняло её ровным шумом, точно перед Иваном Ивановичем и Николаем Николаевичем вдоль изгороди текла вода по трубе. Они *прошли мимо оранжереи, квартиры садовника и каменных развалин* неизвестного назначения.

(302б) Ivàn Ivànovich e Nikolàj Nikolàevich ne fecero il giro dall'esterno e, man mano che procedevano, davanti ai due si alzavano a volo, in stormi eguali e a eguali intervalli, i passeri di cui i cespugli pullulavano, riempiendoli d'uno strepito uniforme come acqua che scorresse entro una tubatura lungo la siepe. *Oltrepassarono la serra, l'alloggio del giardiniere e le pietre di un'ignota costruzione in rovina.*

При переводе на итальянский язык (302б) применяется глагол *oltrepassare*, указывающий на приближение к области локализации ориентира и на последующее его преодоление. Следует обратить внимание на то, что глагол *oltrepassare* состоит из глагола *passare*, к которому присоединяется префикс *oltre-*, указывающий на преодоление (пространственного) предела, в том числе и того типа предела, который можно воспринимать как объект или точку. Интересно отметить, что в примере (302б) информация о маршруте выражается весьма компактным образом глаголом *oltrepassare*, в то время как в русском тексте (302a) она распределяется по предложению: часть информации передается префиксом *про-*, а остальная информация кодируется предложно-падежной конструкцией.

Примеры (303б)-(303е) интересны тем, что в них представляются различные способы передачи компонентов ситуации движения, описанной в примере (303a), на итальянский язык.

(303a) Акакий Акакиевич шел в веселом расположении духа, даже подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какою-то дамою, которая, **как молния**, *прошла мимо* и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения.

Отметим, что в русском тексте (303a) информация о способе движения кодируется приставочным глаголом (*пройти*) и наречной конструкцией (*как молния*): глаголом выражается информация о передвижении пешком, а наречной конструкцией – о темпе движения. Маршрут кодируется сочетанием префикса *про-* и наречия *мимо*, указывающим на передвижение субъекта в пространстве по области локализации ориентира, не

останавливаясь.¹⁵⁶ Рассмотрим каким образом эти компоненты передаются на итальянский язык. Следует обратить внимание на то, что во всех итальянских переводах лексически выражается только темп движения. В переводе (303б) темп движения кодируется глаголом *balenare*, обозначающим внезапное, быстрое появление и исчезновение какого-л. субъекта в пространственной сцене, при этом, информация дублируется наречной конструкцией. Маршрут кодируется сателлитом *davanti*, относящимся к глаголу *balenare*:

(303б) Akàkii Akàkievic camminava in uno stato sorprendente di allegrezza; ad un tratto spiccò persino una corsettimana, senza nessuna intenzione però, dietro una certa madama che gli **era balenata davanti al pari di una saetta**, dimenando anormalmente ogni minima parte del corpo.

В примерах (303в) и (303г) темп движения кодируется только наречной конструкцией, как в русском тексте (303а), а информация о маршруте передается глаголом *passare* и сателлитами *accanto* и *vicino*, указывающими на приближение субъекта к ориентиру.

(303в) Akaki Akakievic camminava in un'allegra disposizione di spirito, anzi quasi si mise a correre dietro a una certa signora che gli *era passata accanto* **come un lampo** e che si moveva tutta in modo eccezionale.

(303г) Akàkij Akakièvich camminava in lieta disposizione di spirito, a un tratto si mise persino a correre, chissà perché, dietro a una certa dama che, **come un lampo**, *gli passò vicino*, muovendosi in tutto il corpo in modo singolare.

Схожая картина наблюдается в примере (303д), в котором, однако, лексически передается только семантика префикса *pro-* при помощи глагола *passare*, а семантический вклад наречия *мимо* можно восстановить из контекста. Наконец, в примере (303е) темп движения кодируется только глаголом *sfrecciare*, обозначающим быстрое передвижение по области локализации ориентира, не останавливаясь. Информация о маршруте распределяется по высказыванию: она передается глаголом *sfrecciare*, а также относящимся к ним сателлитом *accanto*, передающим семантический вклад наречия *мимо*.

¹⁵⁶ Когда информация об ориентире вводится словом *мимо*, то ориентир не является целью передвижения субъекта.

(303д) Akakij Akakievic camminava in una lieta disposizione di spirito, e persino si mise, chi sa perché, a inseguire una certa dama che *passò in un lampo* e il cui corpo era dotato di straordinario movimento in ogni sua parte.

(303е) Akakij Akakievic camminava contento; a un certo punto stava quasi per rincorrere una signora che gli *era sfrecciata accanto* e muoveva in modo insolito ogni parte del corpo.

В примере (304а), на наш взгляд, выдвигается на первый план именно тот компонент семантики предлога *мимо*, который обозначает отсутствие контакта с ориентиром. Подчеркивается, что ориентир не является целью передвижения субъекта, остановка в нем не предусмотрена. В итальянском переводе (304б) этот компонент значения слова *мимо* уточняется предложными конструкциями (*su una linea lontana da...*).

(304а) По письмам из Сибири Лара знала все о муже. Скоро у него наступило просветление. Он очень тосковал по жене и дочери. Через несколько месяцев Павла Павловича выпустили досрочно прапорщиком и так же неожиданно отправили с назначением в действующую армию. Он *проехал* в крайней экстренности далеко стороной *мимо Юрятина* и в Москве не имел времени с кем-либо повидаться.

(304б) Dalle lettere provenienti dalla Siberia sapeva tutto del marito. Presto l'umore di lui andò rasserenandosi: provava un'immensa nostalgia della moglie e della figlia. Alcuni mesi dopo, fu nominato anzitempo sottotenente e inviato all'improvviso con una missione in zona d'operazioni. *Viaggiò* in gran fretta *su una linea lontana da Jurjatin*, e a Mosca non ebbe il tempo di vedere nessuno.

В примере (305а) описывается передвижение субъекта, который до какого-л. момента приближается к ориентиру, не останавливаясь. Этот компонент попадает в фокус внимания. При переводе на итальянский язык семантический вклад префикса *про-* передается глаголом *passare*, который в сочетании с предложной конструкцией (*innanzi + a + существительное*), кодирующей семантику слова *мимо*, выражает информацию о маршруте. Способ движения передается на итальянский язык отдельно деепричастным оборотом.

(305а) Уперев руки в боки и поводя плечами, Аннушка, соблазнительно красивая и горящая от возбуждения, павой *проплыла мимо разгорячённого вином мельника* и вызывающе подмигнула ему глазом. – Эх ты! Пошёл и я! – ухарски крикнул он и, громко топая ногами,

пустился вслед за ней. Безрукий смотрел на него, страшно оскалив зубы и вращая белками. Снова собралась толпа и грохотала, глядя на пляшущих.

(305б) Coi pugni sui fianchi, e movendo le spalle, Annuscka, suggestivamente bella e provocante, ardente di eccitamento, *passò*, **scivolando** come cigno sull'acqua, innanzi al mugnaio riscaldato dal vino, e gli ammiccò con l'occhio in modo significativo. Hop, hop! Sei al punto, eh? Anch'io ci sono! Gridò egli spavalamente, e, pestando forte i piedi, si slanciò dietro lei. Il monco li guardava, coi denti terribilmente scoperti e il bianco degli occhi voltato in su. La folla si raccolse di nuovo e muggiva guardando i danzatori.

В примерах (306а) и (307а) также в фокусе находится факт временного приближения субъекта к области локализации ориентира и удаления от него без остановки. Субъект приближается, не останавливаясь, и после некоторого момента уже отдаляется от ориентира. При переводе на итальянский язык этот маршрут передается посредством глагола *passare* и конструкцией с предлогом *accanto*. Способ движения лексически кодируется отдельно наречной конструкцией (*di corsa*).

(306а) Какая-то суматоха царила в канцелярии зрелищной комиссии. *Мимо бухгалтера пробежала* курьерша со сбившимся на затылок платочком и вытаращенными глазами. — Нету, нету, нету, милые мои! — кричала она, обращаясь неизвестно к кому, — пиджак и штаны тут, а в пиджаке ничего нету!

(306б) Nella cancelleria della Commissione per gli spettacoli regnava la baraonda. *Accanto al ragioniere passò di corsa* un'inserviente con il fazzoletto ormai sulla nuca e gli occhi sbarrati. — Non c'è, non c'è, non c'è! Non c'è, carissimi! — gridava rivolgendosi a chi sa chi, — la giacca e i pantaloni ci sono, ma nella giacca non c'è nessuno!

Схожая стратегия применяется при переводе (307а): в примере (307б) употребляется глагол *passare*, к которому относится сателлит *vicino*, уточняющий информацию о векторе маршрута. Способ движения выражается лексически отдельно, в этот раз посредством деепричастия.

(307а) Вронский взял под руку мать; но когда они уже выходили из вагона, вдруг несколько человек с испуганными лицами *пробежали мимо*.

(307б) Vronskij offrì il braccio alla madre; ma mentre uscivano dalla vettura, a un tratto alcune persone dal viso spaventato *passarono vicino correndo*.

В примерах (308б) и (309б) наблюдается стратегия лексикализации компонентов движения, противоположная той, которая описана в примерах (306б) и (307б). Как в примере (308б), так и в примере (309б) способ движения кодируется фоновым элементом, т. е. глаголом. Маршрут в примере (308б) выражается конструкцией с предлогом *oltre*, который описывает преодоление субъектом ориентира, т. е. в итальянском тексте фокусируется именно преодоление, а не приближение к области локализации ориентира (хотя этот этап подразумевается). Важно при этом учесть тот факт, что идея преодоления какого-л. (пространственного) предела заложена в семантике предлога *oltre*.

(308а) Иуда *пробежал* мимо меняльных лавок, попал наконец к Гефсиманским воротам. В них, горя от нетерпения, он все-таки вынужден был задержаться.

(308б) *Corse oltre le botteghe dei cambiavalute e giunse infine alla porta di Getsemani. Lì, pur ardendo d'impazienza, fu costretto a fermarsi.*

В примере (309б) представляется отчасти иная картина. Способ движения все же кодируется глаголом, как в примере (308б), а предложная конструкция (*accanto a* + существительное), относящаяся к глаголу движения (*volare*),¹⁵⁷ может получить в этом контексте направительную интерпретацию, уточняя информацию о маршруте субъекта, который до некоторого момента приближается к ориентиру, а дальше отдаляется от него. Кроме того, как в русском тексте (309а), так и в итальянском переводе (309б) фокус делается на приближении субъекта к ориентиру, а не на отдалении от него или на его преодолении.

(309а) Пчелка со свистом пули *пролетела* мимо уха Левина.

(309б) *Un'ape piccola, col sibilo di una palla, volò accanto all'orecchio di Levin.*

Далее представляются некоторые примеры, в которых семантический вклад слова *мимо* может подразумеваться. В примерах (310а) и (310б) описывается передвижение субъекта, маршрут которого в какой-то момент приближается к ориентиру (совпадающему с локализацией наблюдателя / повествователя), а через некоторое время удаляется от него.

¹⁵⁷ Как мы отметили в параграфе 3.1, некоторые локативные предложные конструкции могут получать направительную интерпретацию в тех случаях, когда они относятся к глаголу, включающему в собственную семантику как понятие определенного движения, так и понятие неопределенного движения. Предполагается, что в зависимости от языкового контекста некоторые глаголы итальянского языка, кодирующие способ движения, такие как например *volare*, *correre* могут выражать как определенное движение (*лететь*, *бежать*), так и неопределенное движение (*летать*, *бегать*).

Можно предположить, что в примере (310а) глагол *пройти* соответствует выражению *пройти мимо*, поскольку предполагается передвижение по области локализации ориентира (через него или близко к нему) (ср. Зализняк 2006: 139). При переводе на итальянский язык применяется глагол *passare*, обозначающий передвижение через какое-л. пространство. Более того, из контекста можно предположить, что глагол *passare* в данном случае соответствует сочетаниям *passare accanto, passare oltre, passare vicino*, посредством которых можно передавать значение выражения *пройти мимо*.

(310а) Сел в глубокое кресло напротив двери. Подумал – не заказать ли джина с тоником? Повсюду мелькали знакомые лица. *Прошел* Беляков, сопровождаемый Дарьей. Рувим Ковригин о чем-то дружески беседовал с Гурфинкелем.

(310б) Mi sedetti su una poltrona azzurra davanti all'entrata. Pensai: e se mi ordinassi un gin tonic? Da ogni parte baluginavano volti noti. *Passò* Beljakov accompagnato dalla moglie Dar'ja. Ruvim Kovrigin discuteva amichevolmente con Gurfinkel'.

Схожая картина встречается в примере (311а), в котором предполагается, что субъект до некоторого момента приближается к ориентиру (*переулку*), а после некоторого момента уже удаляется от него, и в фокусе оказался тот факт, что субъект и ориентир не вступали в контакт. При переводе на итальянский язык (311б) применяется глагол *passare*, указывающий на то, что субъект передвигается по маршруту и в какой-то момент отдалится от области локализации ориентира, преодолев его. Иначе говоря, семантика итальянского глагола *passare* может обозначать как передвижение через окрестность ориентира, так и приближение к нему и отдаление от него, предполагая его преодоление.

(311а) У меня на все случаи жизни припасено. — Что? — То самое. — Остряк, а чего это, мы ж *прошли* *переулок*... — Так теперь по одному будем стоять, значит очередь больше растянется. — И то правда. — Пошли перейдем, а то тут не протолкнешься...

(311б) Ne ho una riserva per tutti i casi della vita. — Come? — Precisamente così. — Spiritoso... ma che succede?... *Abbiamo passato il vicolo*. — Sicché adesso staremo in fila per uno e di conseguenza la coda si allungherà ancor più. — Pure questo è vero. — Su, attraversiamo, altrimenti qui non ci si fa più strada...

Похожая ситуация наблюдается в примере (312б), в котором при переводе на итальянский язык применяется глагол *oltrepassare*, несмотря на то, что в русском тексте (312а)

лексически преодоление области локализации ориентира и отдаление от него не выражаются. Можно предположить, что в русском тексте (312a) семантический вклад слова *мимо* подразумевается. Обратим также внимание на то, что в итальянском тексте способ движения лексически не выражается. Более того, как в русском тексте, так и в итальянском переводе ориентиры различного типа (здание, открытая область пространства) относятся все к одному и тому же глаголу, образуя компактную конструкцию.

(312a) *Проехали Кремль, потом Покровку и опять свернули в переулки, где в садах хрипло орала к дождю и к вечеру ворона, а все же была весна, весенний запах воздуха.*

(312b) *Oltrepassarono il Cremlino, poi la Pokrovka e di nuovo svoltarono nei vicoli, dove nei giardini gracchiava rauca alla pioggia e alla sera una cornacchia; eppure era primavera, persino nell'ululo e nei fischi che già si udivano da dietro alla stazione di Kursk.*

Наконец, в следующем примере (313a) представляется еще один контекст, в котором подразумевается слово *мимо*: фокус падает на быстрое, временное приближение субъекта к ориентиру и на последующее отдаление от него. В итальянском переводе (313b) способ движения кодируется глаголом *guizzare*, обозначающим быстрое, внезапное появление субъекта на пространственной сцене и его передвижение через нее. Отдаление от ориентира кодируется сателлитом *via*.

(313a) Отчаянный крик. Мяуканье кошки. Шажки быстрые, дробные, вниз, вниз, вниз! Поплавский дождался. Крестьясь, и что-то бормоча, *пролетел* печальный человек, без шляпы, с совершенно безумным лицом, исцарапанной лысиной и совершенно мокрых штанах.

(313b) Un urlo terribile. Miagolio di un gatto. Passetti rapidi, fitti, giù, giù, giù! Poplavskij aveva aspettato quanto bastava. Facendosi il segno della croce e borbottando qualcosa, l'uomo triste *guizzò via* senza cappello, con una faccia assolutamente folle, la calvizie graffiata e i pantaloni bagnatissimi.

В переводе (313в) применяется иная стратегия лексикализации той же ситуации движения: семантический вклад префикса *pro-* передается глаголом *passare*, к которому относится наречие-сателлит *davanti*, передающий семантику слова *мимо*, которое в русском тексте (313a) подразумевается. Выражение *passare davanti* указывает именно на приближение субъекта к ориентиру и на последующее отдаление от него, не останавливаясь. В отличие от примера (313б), в примере (313в) способ движения кодируется отдельно вне глагольной группы деепричастием *volando*.

(313в) Un grido disperato. Il miagolio di un gatto. Passetтини veloci, martellanti, giù, giù, giù! Poplavskij aveva fatto bene ad aspettare. Facendosi il segno della croce e mormorando qualcosa, l'omino triste gli *passò davanti volando*, senza cappello e con un'espressione completamente folle, la testa calva graffiata e i pantaloni bagnati.¹⁵⁸

Рассмотрим далее некоторые примеры, в которых префикс *pro-* предполагает преодоление пространственного интервала, который воспринимается как область пространства, а не как точка в пространстве. В нижеприведенных примерах, однако, лексически информация об этом пространственном интервале не выражается, но из контекста можно восстановить информацию о том, что субъект передвигается через какую-л. область пространства по мере передвижения к конечной точки, которая часто лексически выражается как в русских текстах, так и в итальянских переводах.

В примерах (314а) и (315а) посредством префикса *pro-* указывается на то, что субъект совершает передвижение по определенному маршруту перед тем, как добраться до конечной точки.

(314а) Ветер упорно, как бы настаивая на своем, останавливал Левина и, обрывая листья и цвет с лип и безобразно и странно оголяя белые сучья берез, нагибал все в одну сторону: – акации, цветы, лопухи, траву и макушки дерев. Работавшие в саду девки с визгом *пробежали под крышу* людской.

(314б) Il vento pareva insistere ostinatamente, fermava Levin e, strappando le foglie e i fiori dai tigli e rendendo spogli, informi e strani i rami bianchi delle betulle, piegava tutto da un sol lato: le acacie, i fiori, la bardana, l'erba e le cime degli alberi. Le ragazze, che lavoravano in giardino, *corsero* strillando *sotto il tetto* della camera della servitù.

При переводе на итальянский язык в примере (314б) информация о пройденном интервале лексически не выражается, но ее можно восстановить из контекста. В итальянском тексте способ движения кодируется глаголом *correre*, а маршрут описывается конструкцией с предлогом *sotto*, выражающим конечную точку движения. В итальянском переводе, в отличие от русского оригинала, фокус делается не на пройденном пространственном интервале, а только на достижении конечной точки.

¹⁵⁸ Bulgakov, M.A. *Il maestro e Margherita*. Milano. Feltrinelli. 2011: 287-288.

Схожим образом, в примере (315б) фокус падает на достижение конечной точки движения, в то время как информация о том, что субъект совершает передвижение по определенному маршруту через какую-л. область пространства подразумевается. В качестве соответствия применяется глагол *andare*, фокусирующийся на отдалении от исходной точки движения. Информация о маршруте, в том числе о конечной точке, кодируется предложной конструкцией, образованной предлогом *in*.

(315а) – Ты что, мне не веришь? А ну подъем! Умывальник в коридоре направо, горшки там же! Одевшись, они *прошли в другое крыло здания*, и там, в неосвещенной детсадовской кухне, Света «вслепую» сварила манную кашу.

(315б) «E che è? Non mi credi? Andiamo! Il lavandino del corridoio è a destra, là ci sono anche le pentole!» Si vestirono e *andarono nell'altra ala dell'edificio* dove, nella cucina non illuminata, Sveta cucinò la kaša alla cieca.

В примерах (316а) и (316б) фокус делается на достижении конечной точки, т. е. локализации ориентира, относительно которого движется субъект. В итальянском переводе кодируется именно дейктический компонент маршрута посредством глагола *venire*, обозначающего передвижение к дейктическому центру.

(316а) Уже третий час, а все ни с места... — Вы последний? — Я. — Девушка, *проходите сюда*. Тут молодой человек ушел, становитесь вместо него. — Спасибо. — Да не за что.

(316б) Son già più di due ore e non s'è fatto un passo. — Siete l'ultimo voi? — Già, io. — Ragazza, *venite qui*. Quel giovane se n'è andato, prendete il suo posto. — Grazie. — Non c'è di che.

В примерах (317а)-(319б) фокус падает на изменение локализации субъекта и на его переход в новую область пространства. В русских примерах информация о пройденном интервале маршрута восстанавливается благодаря префиксу *про-*. В примере (317б) эта информация кодируется глаголом *passare*, обозначающим передвижение через какую-л. область пространства с целью попасть в конечную точку движения и передающим компонент 'поэтапное продвижение вперед', присущий семантике префикса *про-*.

(317а) Вчера я была у Анны Андреевны по делу — Сквозь Дом Занимательной Науки (какое дурацкое название!) я *прошла в сад*. Сучья деревьев росли будто из ее стихов или пушкинских. Я поднялась по черной, трудной, не нашего века лестнице, где каждая ступенька за три.

(3176) Ieri sono stata da Anna Andreevna per una questione di lavoro. Attraverso la «Casa della scienza interessante» (che nome imbecille!) *sono passata nel giardino*. I rami degli alberi sembravano uscire dai versi achmatoviani o da quelli di Puškin. Sono salita per la scala di servizio, una scala faticosa, non del nostro secolo, dove ogni scalino vale per tre.

Как мы отметили выше, в примере (3176) семантический вклад префикса *pro-* может передаваться благодаря применению глагола *passare*, в то время как в примере (3186) семантический вклад префикса *pro-*, т. е. информация о передвижении через какой-л. пространственный интервал лексически не выражается, а кодируется только посредством глагола *entrare* переход в новую область пространства, т. е. изменение локализации субъекта. В обоих примерах (3176) и (3186) векторная составляющая маршрута определяется конструкцией с предлогом *in*. Как мы увидим далее в параграфе 3.8, конструкция *прошел в спальню* отличается от выражения *вошел в спальню* тем, что в первом случае описывается весь пройденный субъектом маршрут вплоть до достижения конечной точки (пройденный маршрут + конечный этап), в то время как при употреблении глагола с префиксом *в-* в фокусе внимания оказывается только последний этап (переход в новую локализацию) того составного события движения, которое описывается приставочным глаголом с префиксом *pro-*. В итальянском переводе (3186) кодируется только смена локализации, сам переход, а предшествующий ему этап события движения (пройденный маршрут) опускается.

(318a) Юра послушался и, не переодеваясь, *прошел в спальню*.

(318б) Jura obbedì e, prima ancora di cambiarsi, *entrò nella camera*.

При переводе на итальянский язык примера (319a) наблюдается снова применение глагола *entrare*, кодирующего изменение локализации движущегося субъекта. В отличие от ситуации движения, описанной в примере (318a), в примерах (319a) и (319б) передвижение совершается относительно ориентира открытого типа, хотя в обеих ситуациях движения, как в примерах (318a) и (318б), так и в примерах (319a) и (319б) предполагается передвижение из более открытой области пространства в более замкнутую. Можно предположить, что этим оправдывается применение глагола *entrare* при переводе на итальянский язык. Кроме того, обратим внимание на то, что в примере (319б) лексически выражается также способ движения деепричастием.

(319a) Под Маргаритой плыли крыши троллейбусов, автобусов и легковых машин, а по тротуарам, как казалось сверху Маргарите, плыли реки кепок. [...]. Она пересекла Арбат, поднялась повыше, к четвертым этажам, и мимо ослепительно сияющих трубок на угловом здании театра *проплыла в узкий переулок* с невысокими домами.

(319б) Sotto di lei scorrevano i tetti dei filobus, degli autobus e delle vetture, e sui marciapiedi, come sembrava a Margherita dall'alto, scorrevano fiumi di berretti. [...]. Attraversò l'Arbat, si portò più in alto, ai quarti piani e oltrepassati i cilindri sfolgoranti di luce sull'edificio d'angolo del teatro, *entrò planando in un vicolo stretto* dalle alte case.

Пример (320б) интересен тем, что в нем лексически вклад префикса *про-* эксплицитно не выражается, но идея передвижения через какое-л. пространство с целью добраться до цели движения восстанавливается из семантики применяемого глагола *salire*, фокусирующегося на векторной составляющей маршрута, т. е. на передвижении вверх.

(320a) Они вошли со двора и *прошли в четвертый этаж*.

(320б) Entrarono dal cortile e *salirono al quarto piano*.

С другой стороны, при передаче примера (321a) фокус падает именно на серединную порцию маршрута: при переводе на итальянский язык (321б) глаголом *avanzare* кодируется именно продвижение субъекта вперед к конечной точке, которая лексически выражается как в русском тексте (321a), так и в итальянском переводе (321б). Отметим также, что в обоих примерах (321a) и (321б) лексически выражается серединная порция маршрута: описывается тот интервал пространства, через который передвигается субъект по пути к конечной точке.

(321a) Но наконец какая-то брюнетка вышла из десятого ряда партера и, улыбаясь так, что ей, мол, решительно все равно и в общем наплевать, *прошла и по боковому трапу* поднялась на сцену.

(321б) Finalmente una brunetta uscì dalla decima fila di platea e, sorridendo, quasi a dire che a lei non importava niente e se ne fregava, *avanzò e salì sul proscenio per la scaletta laterale*.

Представим наконец некоторые примеры, в которых при переводе на итальянский язык наблюдается сдвиг фокуса. В примере (322б) семантический вклад префикса *про-* лексически не выражается, поскольку семантика глагола *avviarsi* фокусируется на исходном этапе передвижения, на отдалении субъекта из исходной точки.

(322a) – Нет, кажется, опять сначала, – подумал он, прислушиваясь к молитвам. – Нет, кончается; вот уже он кланяется в землю. Это всегда пред концом». Незаметно получив рукою в плисовом обшлаге трехрублевую бумажку, дьякон сказал, что он запишет, и, бойко звуча новыми сапогами по плитам пустой церкви, *прошел в алтарь*. Через минуту он выглянул оттуда и поманил Левина. Запертая до сих пор мысль зашевелилась в голове Левина, но он поспешил отогнать ее. «Как-нибудь устроится», – подумал он и пошел к амвону.

(322б) — No, pare che cominci daccapo — pensò, prestando orecchio alle preghiere. — No, finisce; ecco che si è inchinato fino a terra. Questo avviene sempre prima della fine". Il diacono, dopo aver preso, senza farsene accorgere, un biglietto da tre rubli nel manichino di velluto, disse che lo avrebbe iscritto e, facendo risonare sveltamente gli stivali nuovi sulle lastre di pietra della chiesa vuota, *si avviò verso l'altare*. Dopo un minuto ne uscì fuori e fece cenno a Levin. Il pensiero, fino a quel momento chiuso nella mente di Levin, si agitò, ma egli si affrettò a respingerlo. "In qualche modo si farà" pensò e si avviò verso l'ambone.

Схожим образом, как в примере (323б), так и в примере (323в) фокус делается на приближении субъекта к конечной точке: оба применяемые в итальянских переводах глагола, *avvicinarsi* и *accostarsi*, описывают передвижение субъекта к ориентиру, представляющему также конечную точку движения. Важно также отметить, на наш взгляд, что в примерах (322б)-(323в) преодоление пространственного интервала лексически не выражается, но оно в какой-то степени включается в семантику применяемых при переводе на итальянский язык глаголов: все эти глаголы, как *avviarsi*, так и *avvicinarsi* и *accostarsi* предполагают передвижение и продвижение в пространстве.

(323a) Над головою он нес лампу, вынутую из резервуара. Он *прошел к столу*, за которым спала девушка, и вставил лампу в резервуар.

(323б) Teneva la lampada alta, oltre la testa: *si avvicinò al tavolo*, dietro cui dormiva la ragazza e rimise la lampada a posto.

(323в) Portava alta sopra la testa la lampada che era stata tolta dal sostegno. *Si accostò al tavolo*, al di là del quale dormiva la ragazza, e rimise la lampada al suo posto.¹⁵⁹

Сдвиг фокуса наблюдается также в примере (324б): глаголом *partire* кодируется отдаление субъекта от исходной точки, фокус делается на отдалении, на исходном этапе

¹⁵⁹ Pasternak, B.L. *Il dottor Živago*. Milano. Feltrinelli. 2020: 73.

движения, несмотря на то, что лексически выражается также конечная точка движения, как в русском тексте (324а), так и в итальянском переводе (324б).

(324а) Он прочел и о том, что граф Бейст, как слышно, *проехал в Висбаден*, и о том, что нет более седых волос, и о продаже легкой кареты, и предложение молодой особы; но эти сведения не доставляли ему, как прежде, тихого, иронического удовольствия.

(324б) Lesse pure che il conte Beist, come correva voce, *era partito per Wiesbaden*, e che si vendeva una carrozza leggera, e che una persona giovane faceva una proposta; ma queste notizie non gli davano più il solito tranquillo, ironico compiacimento di una volta.

В заключение подчеркнем некоторые особенности той разнообразной картины, которая образуется при переводе приставочных глаголов движения с префиксом *про-* на итальянский язык. Безусловно, разнообразие итальянских соответствий обусловлено тем, что префикс *про-* имеет составную семантическую структуру. Во-первых, в ходе анализа мы неоднократно отмечали, что в итальянском переводе может не иметься специализированного элемента поверхностной структуры для передачи семантики префикса *про-*. В этих случаях, как правило, в итальянских переводах фокус оказывается либо на способе движения (*camminare, precipitarsi, scivolare, volare*), либо на векторной составляющей маршрута, ориентированной на конечную точку (*dirigersi*). Кроме того, как видно из нашего анализа, в некоторых случаях, когда в русском тексте описывается составное событие движения, включающее в себя как описание пройденного субъектом пространственного интервала, так и достижение конечной точки, в итальянском переводе фокус может переноситься только на конечный этап, описываемый посредством глагола *entrare*, который маркирует именно смену локализации.

Помимо этого, важно подчеркнуть роль некоторых итальянских глагольных лексем в выражении семантического вклада префикса *про-*. В частности, глаголы *percorrere, sorvolare, passare, attraversare* могут указывать на передвижение через какой-либо пространственный интервал и на его преодоление, в то время как глагол *oltrepassare* фокусируется именно на преодолении ориентира, который можно воспринимать как объект или точку.

Наконец, в некоторых итальянских переводах интересно отметить роль синтагматических конструкций при передаче семантики префикса *про-*. Их применение наблюдается в тех случаях, когда ориентир воспринимается как точка, а не как область или интервал пространства. Временное приближение субъекта к области локализации ориентира и удаление от него без остановки может выражаться сателлитами *accanto, vicino, oltre*, относящимися как к глаголам, выражающим способ движения (*volare, correre, sfrecciare*,

balenare), так и к глагольной лексеме *passare*, указывающей на передвижение через область локализации ориентира.

3.6 Префикс *до-*

Во всех выбранных нами словарях для русского префикса *до-* среди основных указано значение достижения цели (движения) или предела действия, названного мотивирующим глаголом [МАС, БАС, Новый БАС, СУ, ТССЕРЯ].

В Русской Грамматике 1980 г. указывается, что глаголы, образованные при помощи приставки *до-* могут обозначать «действие, названное мотивирующим глаголом, довести до конца или до какого-н. предела». Отмечается также, что тип окказионально продуктивный, и, как правило, глаголы с префиксом *до-* в вышеизложенном значении сильно управляют род. п. с предлогом *до* (РГ–80: § 860).

Формальная схема *до-* в работе (Добрушина, Меллина, Пайар 2001) представлена следующим образом:

1. действие Р осмысляется по отношению к положению вещей R, связанному с итогом Р;
2. имеет место дистанция, отделяющая актуальное положение вещей I от положения вещей R;
3. для достижения R необходимо преодоление дистанции между I и R» (2001: 48).

Применяем схему при анализе примера (325).

(325) — Я *долечу* (P) [из Парижа (I)] *до Амстердама* (R) и сам тебе позвоню.

В примере (325) приставка *до-* означает, что:

1. действие P [лететь] осмысляется по отношению к положению вещей R [субъект находится в Амстердаме], связанному с итогом процесса P;
2. имеет место дистанция, отделяющая актуальное положение вещей I (субъект находится в аэропорту) от R;
3. для достижения R необходимо преодоление дистанции между I и R.

Кроме того, когда приставка *до-* присоединяется к глаголам движения, она описывает пройденную дистанцию между актуальным (исходным) местонахождением и конечным местонахождением движущегося субъекта (Добрушина, Меллина, Пайар 2001: 49).

В работе (Kagan 2016) у префикса *до-* выделяется два значения: *terminative* и *additive* (2016: 70). В первом случае может активироваться шкала маршрута. При этом приставочные глаголы, образованные при помощи приставки *до-* и приобретающие предельное значение, обязательно выражают локативную валентность конечной точки посредством предложно-падежной

конструкции (*до* + род. п.), которая кодирует также так называемый *standard of comparison* (стандарт сравнения / стандарт измерения (2016: 72-75). В результате, фокус падает именно на цель передвижения, т. е., на достижение конечной точки. При этом, информация о маршруте распределяется между значениями приставки и предложно-падежной конструкции, которые кодируют, в терминологии Л. Талми, структурную и векторную составляющую, соответственно.

Кроме того, в толковании приставки *до-*, представленном в работе (Kagan 2016), важными понятиями являются продвижение движущегося субъекта по определенному маршруту и совпадение местоположения ориентира и движущегося субъекта по окончании самого события движения.

Проиллюстрируем только что сказанное примером (326).

(326) За пять минут Таня *добежала до дома*.

В примере (326) приставка *до-* относится к шкале маршрута, активируемой лексическим значением мотивирующего глагола (глагола определенного движения *бежать*). При этом сам маршрут кодируется благодаря сочетанию префикса (*до-*) с предложно-падежной конструкцией (*до* + род. п.), в которой заложена также информация об ориентире, относительно которого продвигается субъект (напомним, что в концепции автора предложно-падежной конструкцией здесь определяется также стандарт измерения события). Важной характеристикой конструкций этого типа является тот факт, что событие движения предполагает поступательное продвижение по определенному маршруту (и шкале, согласно теории О. Каган) в сторону конечной точки, т. е. по мере своего продвижения движущийся субъект приближается к конечной точке в конечном счёте достигая ее (Kagan 2016: 75).

Стоит подчеркнуть, что при употреблении префикса *до-* в отношении пространства, понятие пересечения границы ориентира (*boundary-crossing*) не актуально, так как в фокусе внимания только сам факт о приближении движущегося субъекта к ориентиру. Иными словами, префикс *до-* с пространственным значением, присоединяясь к глаголу движения, не выражает эксплицитно пересечение границы ориентира.¹⁶⁰ Тем не менее, при подходящем контексте, оно может подразумеваться, как в примерах (325) и (327), в которых релевантно именно присутствие движущегося субъекта на месте, обозначающем конечную точку

¹⁶⁰ Как мы уже отметили в параграфе 2.1, в работе (Dickey 2010) подчеркивается, что префикс *до-* выражает только продвижение субъекта по определенному маршруту до ориентира, не кодируя эксплицитно пересечение его границы: «Note that North Slavic languages also have *reach*-verbs prefixed with *do-*, e.g., Modern Russian *dojti do avtobusnoj ostanovki* [...] ‘go up to/reach the bus stop’ (2010: 98 – курсив автора).

движения (Вася успел войти в магазин, а в примере (325) субъект должен находиться в Амстердаме, чтобы позвонить собеседнику).

(327) Вася успел *добежать до магазина* до его закрытия (скорее всего, он туда вошёл).

В работе (Janda 1986), выполненной в русле когнитивного подхода к изучению семантики русских глагольных префиксов, префиксу *до-* приписываются две конфигурации, одна сводимая к значению лексемы REACH, а другая – к значению лексемы ADD. Для целей нашего анализа представляет интерес именно первая конфигурация, в которой обозначается продвижение субъекта до какого-л. предела в пространственной шкале (174-181).

Русский глагольный префикс *до-*, присоединяясь к глаголам движения, выражает маршрут, в частности, он кодирует достижение конечной точки передвижения. Стоит здесь отметить, что, на наш взгляд, информация о маршруте распределяется по различным элементам высказывания, т. е., в выражении маршрута участвуют префикс и предложно-падежная конструкция, образованная при помощи предлога *до* + р. п. Подобное распределение информации о маршруте встречается также в некоторых итальянских соответствиях, как будет показано в ходе анализа. Напомним здесь, что, согласно концепции Л. Талми, маршрут является сложным компонентом события движения, состоящим из вектора (*vector*), структуры (*conformation*) и дейксиса (*deictic*). Вектор указывает на направление движения, в то время как структурная составляющая определяет передвижение и локализацию субъекта относительно ориентира. В связи с этим, можно предположить, что префикс *до-* выражает достижение границы ориентира, в то время как предложно-падежная конструкция уточняет информацию о направлении движения. Как нам кажется, вне зависимости от того, является ли предложно-падежная конструкция (*до* + р. п.) частью сателлита,¹⁶¹ она тесно связана с ним, т. е. с префиксом *до-*, и активно участвует в выражении маршрута. В целом, стоит напомнить, что приставочные глаголы движения, в отличие от бесприставочных коррелятов, тесно связаны с локативными валентностями, выражающими различные участки маршрута.

Маршрут может выражаться в итальянском языке при помощи глагола *arrivare* вместе с предлогом *a*, как показано в примере (328б), в то время как способ движения, как правило, лексически не выражается. Отметим также, что глаголы движения с префиксом *до-* могут относиться к ориентирам различного типа. В примере (328а) ориентир указывает на замкнутое

¹⁶¹ Как мы отметили в первой главе (см. 1.2.1) наш анализ опирается на то определение сателлита, которое представлено в работе (Talmy 2007), в которой автор включает в набор языковых элементов, определяемых как сателлит, также предложные конструкции в тех случаях, когда, во-первых, они относятся к главному глаголу, а, во-вторых, они активно участвуют в выражении маршрута (2007: 139).

пространство, и употребление глагола движения с префиксом *до-* эксплицитно выражает только достижение ориентира, а не пересечение его границы.

(328a) Они прошлись до дизельной, где жужжал генератор, потом *дошли до какой-то закрытой лаборатории*, где делались магнитные замеры.

(328б) *Camminarono fino alla stanza del gruppo elettrogeno, da dove proveniva il rombo del motore diesel, poi arrivarono a un laboratorio coperto* dove si effettuavano le misurazioni magnetiche.

Глагольной лексемой *arrivare* вместе с предложной конструкцией может передаваться маршрут также в тех случаях, когда префикс *до-* присоединяется к глаголу *ехать*, как видно из примера (329б). Здесь, как и в предыдущем контексте, способ лексически не выражается; ориентир представляет замкнутую область пространства, но пересечение его границы не выражается (и вообще не предполагается из контекста).

(329a) Я подумал, что, если мы не *доедем до гостиницы*, — мигом, чудом, на ближайшем углу — я утрачу всякую власть над Гейзовским рыдваном с его беспомощными "дворниками" и сумасбродными тормозами.

(329б) *Avevo la sensazione che se non fossimo arrivati all'albergo subito, immediatamente, miracolosamente, al primo isolato, non sarei più riuscito a controllare il trabiccolo della Haze, con i suoi tergicristalli inefficienti e i freni imprevedibili; [...].*

Глаголы движения с префиксом *до-* могут относиться также к ориентиру, указывающему на открытую область пространства, как в примере (330a). В этом контексте релевантно достижение границы ориентира, но не пересечение его границы. Ориентир воспринимается скорее как крайний предел передвижения субъекта. В итальянском соответствии компоненты маршрута передаются глаголом *arrivare* + конструкцией с предлогом *a*.¹⁶²

(330a) – Найдешь – поцелую!.. Они *дошли до Шелковичной*. Света выскочила на дорогу, махнула рукой – и тут же какой-то частник, сделав резкий крен в сторону тротуара, остановился возле нее.

¹⁶² Напомним здесь, что итальянский предлог *a* не имеет сам по себе направительного значения, он может указывать либо на локализацию субъекта, либо на конечную точку его передвижения, в зависимости от лексического значения того глагола, к которому он относится.

(330б) «Se mi trovi ti do un bacio!...» *Erano arrivati alla Šelkovičnaja*. Sveta scese dal marciapiede, fece un segno con la mano e quasi subito un automobilista svoltò bruscamente verso il marciapiede e le si fermò accanto.

Кроме того, маршрут может выражаться в итальянском языке при помощи глагола *arrivare* + составного предлога *fino a*, как в примере (331б).

(331а) А в третьем часу *дошел до Александровского сада*, где его путешествие и закончилось известным нам образом.

(331б) *Finché alle tre è arrivato fino ai giardini di Sant'Alessandro*, dove il suo viaggio è finito alla maniera a noi nota.

Составным предлогом *fino a* выражается тот предел, которого достигается по мере продвижения субъекта, не предполагая при этом пересечения границы того ориентира, относительно которого совершается передвижение. В этом смысле, как нам кажется, предложная конструкция, образованная посредством предлога *fino a*, передает тот семантический компонент достижения предела, который заложен в пространственном значении префикса *до-*. В связи с этим, можно предположить, что в примере (331б) уточняется тот факт, что движущийся субъект *дошел до конечной точки*, т. е. до границы ориентира, но нам неизвестно собирается ли он пересечь его границу. Важно при этом учитывать также роль языкового контекста, в частности, принимать во внимание тип ориентира. В примерах (332б) и (332в) представлены два различных итальянских соответствия приставочной конструкции с префиксом *до-*, которые можно считать синонимичными именно в силу типа ориентира. В этом контексте ориентир может восприниматься как 'препятствие', определяющее конечную и непреодолимую точку передвижения субъекта.

(332а) Он *дошел до стены*, коснулся ее холодной простоты коленом, потом грудью, дороги больше не было.

(332б) *Arrivò fino alla parete* e urtò la sua fredda semplicità col ginocchio e poi col petto: non c'era altro spazio.

(332в) *Arrivò al muro* e lo sfiorò, freddo, prima col ginocchio, poi col petto: non poteva andare oltre.

С другой стороны, в примерах (333а) и (333б) несмотря на то, что учитывая тип ориентира, может предполагаться также пересечение его границы, в тексте эксплицитно

выражается только достижение конечной точки. Иными словами, из языкового контекста (*повернула назад*) исключается актуальность пересечения границы ориентира.

(333a) Марина *дошла до моста* над ручьем, полюбовалась белой полосой пены на границе моря и суши, послушала шорох перекатывающейся под волнами гальки и повернула назад.

(333б) Marina **arrivò fino al ponte** sul ruscelletto, ammirò la striscia bianca della schiuma sul confine tra mare e terra, ascoltò il suono dei ciottoli che rotolavano fra le onde e si voltò per tornare indietro.

В итальянских текстах способ движения выражается в тех случаях, когда этот компонент релевантен для целей коммуникации, как в примере (334б), в котором употребление глагола *marciare* подчеркивает, что речь идет о передвижении солдат.

(334a) Так, **строим**, солдаты *дошли до центра* города.

(334б) Così incolonnati i soldati **marciarono fino al centro** della città.

В итальянском тексте, в отличие от русского оригинала (334a), информация о способе движения дублируется: она передается наречием, и уточняется глаголом *marciare*. Обоими элементами выражается тот тип передвижения, который можно приписать военным. Более того, глаголом *marciare* выражается как способ движения, так и регулярное поступательное продвижение субъекта в сторону конечной точки. Семантический вклад префикса до- кодируется конструкцией с составным предлогом *fino a*.

В примере (335a) информация о способе движения дублируется: она заложена в семантике мотивирующего глагола, а также выражается отдельно при помощи наречия, которое имеет в итальянском языке прямое соответствие наречной конструкции. Маршрут, выражаемый в русском примере префиксом, кодируется глаголом *giungere* и конструкцией с предлогом *fino a*.

(335a) Они **дошли пешком** *до нанятого дома* и осмотрели его.

(335б) **Giunsero a piedi fino alla casa presa in affitto** e la visitarono.

В итальянских текстах глаголы *arrivare* и *giungere*, кодирующие структурный компонент маршрута, употребляются как синонимы и, как показано в итальянских соответствиях русского оригинала (336a), могут принимать предложную конструкцию, кодирующую векторную составляющую маршрута.

(336a) Иван Иванович и Егорушка *дошли до красного домика*, повернули налево в переулок и направились к третьим воротам справа.

(336б) Ivàn Ivanic' e Jegòruska *giunsero alla casetta rossa*, voltarono a sinistra nel vicolo e si diressero verso il terzo portone a destra.

(336в) Ivàn Ivànyč e Egòruška *arrivarono alla casetta rossa*, voltarono a sinistra nel vicoletto e si diressero verso il terzo portone a destra.

(336г) Ivàn Ivànyč e Egòruška *erano arrivati alla casa rossa*, avevano voltato a sinistra nel vicolo e si erano diretti al terzo portone sulla destra.

Более того, маршрут может кодироваться итальянским глаголом *giungere* как в тех случаях, когда речь идет об ориентире, обозначающем закрытую область пространства (336б), так и в контекстах с открытым ориентиром, как в (337б).

(337a) В сопровождении их повозки выехали с территории дворца через задние ворота, взяли на запад, вышли из ворот в городской стене и пошли по тропинке сперва на Вифлеемскую дорогу, а потом по ней на север, *дошли до перекрестка* у Хевронских ворот и тогда двинулись по Яффской дороге, по которой днем проходила процессия с осужденными на казнь.

(337б) Accompagnati dai soldati, i carretti uscirono dal recinto del palazzo attraverso il portone posteriore, volsero a ovest, uscirono dalla porta della città e seguirono dapprima un sentiero verso la strada di Betlemme, poi questa strada verso nord *giunsero fino all'incrocio* presso la porta di Hebron e di lì presero la strada di Giaffa che in quel giorno era stata percorsa dalla processione con i condannati diretti verso il luogo del supplizio.

В итальянском языке информация о маршруте может выражаться также более компактным образом. В примере (338б) она кодируется только глаголом *raggiungere*¹⁶³ (+ прямое дополнение), обозначающим достижение какого-либо предела по пространственной шкале.

¹⁶³ С диахронической точки зрения глагол *raggiungere* образован при помощи префиксов *re-* и *ad-*, присоединяющих к глаголу *giungere* (дословно 'соединить'). Префиксы приносят значение усиления (интенсивности) действия и приближения к конечной точке, соответственно (vocabolario Treccani della lingua italiana, edizione online, consultato il 31.03.2022 <https://www.treccani.it/vocabolario/raggiungere/>, <https://www.treccani.it/vocabolario/ra/>; vocabolario etimologico della lingua italiana (a cura di O. Pianigiani), edizione online, consultato il 31.03.2022 <https://www.etimo.it/?term=raggiungere&find=Cerca>).

(338a) Вот, значит, в какую беду я попал. Помню, как я *дошел до площадки* для парковки и как, накачав из фонтанчика пригоршню ржавой на вкус воды, хлебнул ее так жадно, как если бы она могла мне дать волшебную мудрость, юность, свободу, крохотную наложницу.

(338б) Questo era, dunque, il pasticcio in cui mi ero cacciato. Ricordo che *raggiunsi* il parcheggio, pompai dell'acqua che sapeva di ruggine, e la bevvi avidamente dalle mani a coppa come se potesse darmi magica saggezza, gioventù, libertà, una minuscola concubina.

Можно предположить, что глагол *raggiungere* включает в себя оба компонента маршрута, структуру и вектор, и поэтому является синонимичным конструкции *giungere fino a* (или *arrivare fino a*), как показано в примерах (339б) и (339в).

(339a) Мы шли по тракторным следам, как по следам какого-то доисторического зверя, но тракторная дорога кончилась, и по старой пешеходной тропинке, чуть заметной, мы *дошли до маленького сруба* с двумя прорезанными окнами и дверью, висящей на одной петле из куска автомобильной шины, укрепленного гвоздями.

(339б) Seguivamo le tracce di un trattore simili a quelle di un animale antediluviano, ma la pista si interruppe presto e fu per un vecchio sentiero calpestato, appena visibile, che *giungemmo fino a un capanno* di tronchi nel quale erano state praticate due aperture come finestre; la porta era appesa a un unico cardine, un pezzo di pneumatico fissato con qualche chiodo.

(339в) Seguivamo le tracce di un trattore come quelle di un animale preistorico, ma le tracce si interruppero improvvisamente, e fu percorrendo un vecchio sentierino appena visibile che *raggiungemmo* una capanna con due finestre intagliate nel legno e una porta appesa a un unico cardine, un pezzo di pneumatico attaccato con dei chiodi.

Рассмотрим далее некоторые примеры, в которых при переводе на итальянский язык применяется глагол *essere* ('быть'), фокусирующий на новой локализации субъекта в результате передвижения.

Достижение конечной точки может выражаться в итальянских текстах при помощи глагола, указывающего на новую (конечную) локализацию субъекта. В этом случае в итальянском тексте употребляется глагол состояния, а не глагол движения. Фокус падает на новое состояние и на местонахождение субъекта, как видно из примера (340б).

(340a) Когда *дошли до Красного пруда*, уже светало.

(340б) Quando *furono allo Stagno Rosso*, albeggiava.

В примере (341б), как нам кажется, наблюдается частичный сдвиг фокуса, поскольку внимание сосредотачивается на новом состоянии субъекта, на его новой локализации, а не на процессе достижения конечной точки. Можно предположить, что при переводе на итальянский язык выбор глагола *essere* поддерживается применением наречия *уже* в русском тексте (341а), которое ссылается на то, что событие уже завершилось.

(341а) К этому времени мы уже *доехали до полынной степи*, и я был награжден деньком-другим прекрасного умиротворения (дурак, говорил я себе, ведь все хорошо, эта тяжесть зависела просто от застрявших газов); и вскоре прямоугольные возвышенности уступили место настоящим горам, и в должный срок мы въехали в городок Уэйс.

(341б) *Eravamo ormai nella terra dell'artemisia*, e seguirono un paio di giorni di meraviglioso sollievo (che stupido ero stato, andava tutto benissimo, quel senso di disagio era solo flato intrappolato), e dopo un po' le mesas lasciarono il posto a vere montagne, ed entrammo per tempo nella città di Wace.

Как мы отметили выше, в итальянском языке может наблюдаться семантический сдвиг фокуса. В примере (342б), в отличие от (342а), идея достижения конечной точки эксплицитно не выражается, поскольку глаголом *andare* не (обязательно) кодируется достижение цели передвижения. Здесь скорее глаголом *andare* передается только та часть информации о маршруте, которая заложена в исходном глаголе (*ехать*), т. е. направленность движения, но семантический вклад префикса *до-* лексически не выражается. Его можно восстановить из контекста, поскольку дальше становится понятным, что субъект намерен добраться до конечной точки.

(342а) Когда он *доедет до Москвы*, найдет ее, передаст письмо, расскажет все на словах.

(342б) *Sarebbe andato a Mosca*, l'avrebbe trovata, le avrebbe dato la lettera, le avrebbe raccontato tutto a voce.

В примере (343б) применение глагола *essere* (быть) при переводе глагола *долететь* можно объяснить тем, что в фокус попадает состояние, возникшее в результате передвижения. Иначе говоря, для целей коммуникации в примере (343а) важна именно информация о том, успеет ли субъект долететь до конечной точки к определенному времени, т. е. будет ли он находиться в своей новой локализации в нужное время. В примере (343б) в силу того, что в

фокусе именно результат, способ движения лексически не выражается, потому что он не является релевантным для целей коммуникации.

(343а) Как это он мог уехать или улететь, ничего не сказав в театре? Да если бы и улетел вчера вечером, к полудню сегодняшнего дня не *долетел* бы. Или долетел бы?

(343б) Come era potuto partire senza dire niente in teatro? Ma anche se avesse preso l'aereo la sera prima, non poteva essere già *sul posto* a mezzogiorno del giorno successivo! Oppure poteva?

На наш взгляд, примеры (344а) и (344б) интересны тем, что в нем наблюдается некая сбалансированность в плане выражения семантических компонентов события движения.

(344а) Тогда во весь мах Маргарита понеслась вниз, отсчитывая этажи, *долетела* *донизу*, вырвалась на улицу и, глядя вверх, отсчитала и проверила этажи снаружи, соображая, какие именно окна квартиры Латунского.

(344б) Allora Margherita **volò giù a tutto gas**, contando via via i piani, *arrivò da basso*, irruppe nella via e, guardando in alto, contò e controllò i piani da fuori, chiedendosi quali fossero precisamente le finestre dell'appartamento di Latunskij.

В отличие от предыдущих стратегий, в примере (344б) кодируются отдельно способ и маршрут. Этот подход может объясниться тем, что событие движения характеризуется быстротой и скоростью, как видно в русском оригинале (344а). В русском тексте информация о способе (скорости, быстром передвижение куда-л.) передвижения субъекта кодируется при помощи глагола *понестись* и далее дублируется посредством глагола *долететь*. Векторная составляющая маршрута (направленность движения) также выражается глаголом *понестись* и мотивирующим глаголом *лететь*, а структура маршрута заключается в семантике префикса *до-*. Кроме того, информация о векторе маршрута уточняется также при помощи наречий *вниз* и *донизу*. Интересно обратить внимание на то, что все эти составляющие имеют прямое соответствие при переводе на итальянский язык. Векторные компоненты маршрута выражаются при помощи частицы *giù* и наречия *da basso*, указывающих на направление движения, в то время как глаголом *arrivare* кодируется структура маршрута (глагольная лексема указывает на то, какого предела достигается по завершении события движения). Кроме того, важно отметить, что в примере (344б) информация о способе движения лексически дублируется: она выражается посредством глагола *volare* (в конструкции *volò giù*) и при помощи наречной конструкции *a tutto gas*, передающей скорость передвижения.

Поскольку, как известно, главная героиня на самом деле летает, то способ такого, не характерного для обычных людей движения маркируется (выдвигается на первый план) и требует эксплицитного выражения также в итальянском языке.

Напомним здесь, что выражения типа *volò giù* – это конструкции, характеризующие прежде всего языки сателлитного типа, потому что в них способ движения выражается глаголом, а маршрут кодируется отдельно, вне глагольной лексемы, при помощи сателлита. Как мы уже отметили в параграфе 3.1, эти конструкции принято называть в итальянском языке синтагматическими глаголами (*verbi sintagmatici*). Благодаря применению этих конструкций способ движения может получать один и тот же статус как для итальянского читателя, так и русского читателя: способ движения может восприниматься как фоновый компонент, поскольку информация о нем выражается компактным образом глаголом, а не отдельно (деепричастием или наречием).¹⁶⁴

Подтверждение того, что при переводе на итальянский язык способ движения выражается только тогда, когда он релевантен для коммуникации, находим также в примере (345б), в котором способ кодируется при помощи глагола *trascinarsi*.

(345а) Алексей стал рассказывать, как ждал возле ЦК. [...] — Вот так по-собачьи к дверям и добежал, — не отвечая, закончил рассказ Алексей. — И мудро сделал! — похвалила Анечка.
(345б) L'autista cominciò a raccontarle com'erano andate le cose, [...] «... e **si è trascinato fino alla porta** a quattro zampe, come un cane». Con queste parole Aleksej concluse il suo racconto, senza rispondere alla domanda che Anna gli aveva rivolto. «Meno male che ha fatto così» commentò Anna.

В примере (345б) способ движения передается при помощи глагола *trascinarsi*, который обозначает, что субъект передвигается с большим трудом, еле-еле поднимая ноги с земли. На первый взгляд, этот выбор может показаться немного неоправданным, поскольку он не

¹⁶⁴ Мы уже обратили внимание на то, что в силу собственной внутренней семантической структуры некоторые глаголы итальянского языка, кодирующие способ движения, например, *correre*, *volare*, *saltare*, могут выражать различные типы 'действия', в зависимости от активируемых контекстом семантических компонентов их лексического значения. Например, в сочетании с предложными конструкциями локативного типа актуализируется заложенная в семантике этих глаголов направленность движения, допускающая направительную интерпретацию самой локативной предложной конструкции. На наш взгляд, именно это свойство является предпосылкой для возникновения также в итальянском языке конструкций сателлитного типа (*volare via*, *volare fuori*, *volare giù* и т. д.), в которых сам глагол движения, в силу актуализируемого компонента 'направленность', нуждается в локативной валентности, уточняющей конечную точку. Иначе говоря, для целей коммуникации важно определить, в том числе, и на уровне поверхностной структуры, куда передвигается субъект. По этой причине можно образовать конструкции типа *volare via*, *volare giù*, *volare fuori*, где частица получает направительную (помимо результитивной) интерпретацию.

передает тот способ, который выражается глаголом *бежать*. Только рассмотрев расширенный контекст, можно понять выбор итальянского переводчика: у субъекта передвижения случился инфаркт, и он старается добраться до двери здания, чтобы получить помощь. В этом контексте выбор глагола *trascinarsi* вполне оправдан. Отметим, что в нем содержится информация о способе движения, а также о направленности движения, так же как в глаголе *бежать*.

Об определяющей роли расширенного контекста при анализе примеров из параллельного корпуса свидетельствуют также примеры (346а) и (346б). В примере (346а) информация о способе движения кодируется дважды мотивирующими глаголами приставочных образований *выбежать* и *добежать*, и это в русском языке можно считать нормой, поскольку способ составляет фон, т. е. он является немаркированным элементом высказывания. В итальянском тексте, наоборот, способ указывается лексически только при помощи глагола *correre*, а дальше передается только маршрут при помощи глагола *raggiungere*, поскольку способ уже известен из предыдущего контекста и релевантным становится маршрут.

(346а) Шевельнулась у него мысль *выбежать к ним на поляну* и сдаться, и таким образом обрести избавление. Но шаг был рискованный, сопряженный с опасностью. Пока он *добежал бы до середины поляны*, подняв вверх руки, его могли бы уложить с обеих сторон, поражением в грудь и спину, свои — в наказание за совершенную измену, чужие — не разобрав его намерений.

(346б) Gli balenò l'idea di **correre verso di loro attraverso la radura**, di arrendersi e mettersi così in salvo. Ma era un passo rischioso, seminato di pericoli. Prima di *raggiungere* il centro della radura e presentarsi con le mani in alto, avrebbe potuto essere abbattuto da entrambe le parti, con un colpo al petto o nella schiena. Dai suoi, per il tradimento; dagli altri, che potevano non aver capito le sue intenzioni.

В итальянском языке, когда способ релевантен, он может выражаться также отдельно при помощи наречной конструкцией, как видно из примера (347б).

(347а) Он *добежал до городских ворот*, лавируя в толчее всасывавшихся город караванов, и увидел на левой руке у себя раскрытую дверь лавчонки, где продавали хлеб.

(347б) *Giunse di corsa alle porte* di Jerushalajim, sgattaiolando nella calca di carovane risucchiate nella città, e vide alla sua sinistra la porta aperta di una botteguccia dove si vendeva pane.

В примере (347б) маршрут кодируется глаголом *giungere* и предложной конструкцией, а способ выражается отдельным элементом и поэтому не является частью фона, как в примерах (344б) и (346б).

Совершенно другой подход к тексту наблюдается в примере (348б), в котором способ лексически не выражается, а в фокус попадает результат события, т. е. читая итальянский пример, мы представляем себе не процесс достижения конечной точки и не постепенное продвижение субъекта, а только наступление нового состояния. Этот эффект обусловлен аспектуальным значением простого прошедшего (см. Bertinetto 1986), которое описывает завершенное действие, и лексическим значением глагола *arrivare*, ориентированного на конечную точку движения.

(348а) Я подтянул пижамные штаны и отпахнул дверь; одновременно *добежала до меня* Lolita, топая, пыхтя, одетая в свое тончайшее платье, и вот она уже была в моих объятьях, и ее невинные уста таяли под хищным нажимом темных мужских челюстей — о, моя трепещущая прелесть!

(348б) Mi tirai su i calzoncini del pigiama e spalancai la porta: in quello stesso istante *arrivò* Lolita col suo vestitino della festa, ansimando, il passo pesante, e fu subito tra le mie braccia, la bocca innocente che si scioglieva sotto la feroce pressione di fosche mascelle maschili, mio tesoro palpitante!

В примере (349б), наоборот, несмотря на то, что фокусируется результат, новое состояние, в отличие от всех предыдущих примеров, маршрут лексически не выражается.

(349а) — Меня дорогой к вам дождь захватил. **Насилу добежала**, — подтвердила Шура Шлезингер.

(349б) «Per strada, mentre venivo, mi ha sorpreso la pioggia, *ho fatto appena in tempo*» confermò Shura Schlesinger.

Пример (350б) интересен тем, что в нем способ движения не выражается отдельно при помощи сателлита, однако различные элементы в тексте как будто 'намекают' на способ движения, и участвуют непрямым путем в его выражении. Во-первых, одна из двух героинь определяется как лучшая пловчиха, а, во-вторых, в скобках определяется, что речь идет о плавании (*una prova di nuoto*). Эти элементы дают читателю понять, что речь идет о передвижении по воде. Кроме того, как нам кажется, способ не выражается сателлитом, потому что фокус падает на конечную точку движения, т. е. на достижение ориентира.

Маршрут кодируется при помощи глагола *arrivare* и предложной конструкции *fino a Willow Island*.

(350a) У Варвары Бэрк, крепкого сложения, блондинки, на два года старше моей душеньки и, безусловно, лучшей пловчихи в лагере, была какая-то особенная байдарка, которую она делила с Лолитой "потому что я единственная из всех других девочек могла *доплыть до Ивового Острова*" (какое-нибудь, полагаю, спортивное испытание).

(350б) Barbara Burke, una bionda robusta che aveva due anni più di Lo, la miglior nuotatrice della colonia, aveva una canoa molto speciale che divideva con Lo «perché era l'unica oltre a lei che sapeva *arrivare fino a Willow Island*» (una prova di nuoto, immagino).

Из вышеприведенных примеров становится понятным, что семантический вклад префикса *до-* довольно регулярно передается на итальянский язык несмотря на то, что иногда маршрут может не иметь точного соответствия в итальянском тексте, как в случае глагола *andare* (342б), которым передается только вектор маршрута, и выражений *fare in tempo* (349б) и *essere* (ср. примеры (340б), (341б) и (343б)). В этих последних случаях фокус переносится на перфективирующую функцию префикса, а не на его пространственное значение. Иначе говоря, несмотря на то, что при переводе на итальянский язык семантика префикса доминирует над другими компонентами глагольной группы и высказывания, в итальянских соответствиях теряется выражение поэтапного продвижения в сторону конечной точки, заложенного в семантике префикса *до-*.¹⁶⁵ Не случайно, как увидим далее в этой Главе, префиксы *до-* и *при-* могут передаваться одинаково в итальянском языке, при помощи глагола *arrivare*, ориентированного на конечную точку, на цель передвижения. При переводе на итальянский язык компонент поступательного продвижения иногда как будто 'гасится' в пользу выражения достижения цели передвижения. Напомним, что согласно когнитивному подходу к изучению семантики глагольных префиксов, значения каждой приставки развиваются в виде сети, формирующейся вокруг одного прототипического пространственного значения. Для приставки *до-* это конечный этап действия (см. об этом Janda

¹⁶⁵ В работе (Talmy 1975) рассматриваются глубинные структуры, лежащие в основе сложного описания//представления маршрута, и анализируются различные формальные способы их представления на основе материала английского и русского языков. В частности, автор вводит выражение 'all the way to' в качестве соответствия для сочетания префикса *до-* и предложно-падежной конструкции *до + род. п.* (216). Это английское выражение передает как раз ту этапность продвижения, которая иногда теряется при переводе на итальянский язык. Соответственно, смысл примера (i) можно аккуратнее всего передать посредством аналитической конструкции, уточняющей этапное продвижение в сторону конечной точки.

(i) Он доплыл *до берега*.

(ii) Swimming, he made it (got) all the way (back) to shore (216).

1986: 174), ее прототипическая конфигурация выражается понятием REACH: она состоит из субъекта, движущегося по пространственной шкале (ориентир) до конечной точки. Именно эта составляющая, на наш взгляд, опускается при переводе на итальянский язык. В итальянском тексте фокус скорее падает на конечную точку движения, а не на этапы ее достижения.

Отметим здесь, что описанная нами стратегия не является преобладающей тенденцией при переводе глаголов движения с префиксом *до-*. В примере (351б) как раз, на наш взгляд, передаются все составляющие пространственной семантики префикса *до-*, т. е., описывается продвижение в сторону конечной точки (*salì le scale fino...*) и результат этого передвижения (*raggiungere il pianerottolo*). Возможно, этот подход при переводе обусловлен тем, что уже в русском тексте (351а) выражаются обе локативные валентности, кодирующие серединную порцию маршрута и конечную точку движения.

(351а) Комаровский вошел в подъезд, *дошел по лестнице до площадки* и обогнул ее.

(351б) Komarovskij varcò il portone, *salì le scale fino a raggiungere il pianerottolo e ne fece il giro*.¹⁶⁶

Как мы увидели в этом параграфе, в итальянских переводах соответствиями приставочных глаголов движения с префиксом *до-* могут служить глагольные лексемы *arrivare* и *giungere*, ориентированные на достижение конечной точки. Кроме того, более точное соответствие компонента 'продвижение вперед до определенного предела', заложенного в семантике префикса *до-*, может наблюдаться при употреблении составного предлога *fino a*, относящегося как к глаголам, кодирующим маршрут (*arrivare, giungere*), так и к глаголам, уточняющим информацию о способе движения (*marciare, trascinarsi*). Что касается способа движения, в итальянском языке он выражается, в тех случаях, когда он релевантен для целей коммуникации и может кодироваться глаголом (*marciarono fino al centro* (334б), *si è trascinato fino alla porta* (345б)) или наречной конструкции (*di corsa* (347б)). В заключение отметим решающую роль расширенного контекста как для выявления актуальности компонента 'пересечение границы ориентира', не заложенного в семантике префикса *до-*, но активирующегося при подходящих контекстных условиях, так и для присутствия в итальянском тексте элемента поверхностной структуры для выражения способа движения.

¹⁶⁶ Pasternak, B.L. *Il dottor Živago*. Milano. Feltrinelli. 2020: 57.

3.7 Префикс *при-*

В выбранных нами словарях русского языка префиксу *при-* приписываются следующие значения, связанные с передвижением в пространстве:

- доведение движения до цели, до определенного места [МАС, СУ];
- полное сближение с местом, в которое кто-, что-либо направляется [БАС, Новый БАС, СУ];
- достижения какого-либо места [ТССЕРЯ].

В Русской Грамматике 1980 г. уточняется, что глагольная приставка *при-* может участвовать в образовании приставочных глаголов, имеющих следующее значение: «с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, достигнуть какого-н. места, прибыть или доставить в какое-н. место, соединить(ся) с чем-н.». Кроме того, уточняется, что такие глаголы, в отличие от соответствующих бесприставочных глагольных лексем, сильно управляют дат. п. с предлогом *к* (РГ–80: § 875).

Формальная схема приставки *при-* в работе (Добрушина, Меллина, Пайар 2001) представлена следующим образом:

- «1. действие Р осмысляется в связи с некоторым К;
2. К имеет событийный размер» (2001: 43).

Применяем схему при анализе примера (352).

(352) — Ну что, дорогой? — спросила она, садясь рядом. — Минут через двадцать *прилетит* Семенов, и мы пойдем с ним по магазинам. Ведь Восьмое марта — не забывайте этого!

В примере (352) *при-* означает, что действие 1. Р [лететь] осмысляется в связи с некоторым К [прилет Семенова];

2. К имеет событийный размер.

Связь действия передвижения с событием К выражается в том, что в результате присоединения приставки *при-* к глаголам движения, в описываемую ситуацию вводится событие К, обозначающее то, что движущийся субъект находится в какой-то точке пространства с определенной целью (2001: 46). В частности, глаголы движения с префиксом *при-* указывают на тот факт, что движущийся субъект находится в конечной точке движения. При этом авторы подчеркивают, что событийность включена в семантику самой приставки¹⁶⁷

¹⁶⁷ В работе (Dickey 2010) префикс *при-* определяется как направительный (*allative prefix* (96)), выражающий приближение к конечной точке, в том числе достижение и пересечение ее границы. В этом смысле семантика этого префикса противопоставляется семантике приставки *до-*, кодирующей только приближение и достижение конечной точки, но не указывающей эксплицитно на ее пересечение.

и никак не связана с предложной конструкцией, которая может как дублировать информацию, содержащуюся в приставке, указывая на конечную точку движения, так и выражать только начальную точку движения (в этом случае она информацию о событии К не дублирует).

Тем не менее, в предложенное объяснение можно внести некоторые уточнения. Во-первых, если конечный пункт лексически никак не выражается, и информация о нахождении субъекта передвижения в конечной точке передается (только) при помощи префикса, уместно напомнить о том, что в любом случае его местонахождение совпадает с локализацией наблюдателя. На это обращается внимание в работах (Падучева 2002, 2004), в которых подчеркивается, что префикс *при-*, в отличие от других лативных префиксов, может легко выступать в высказывании без выраженных локативных валентностей. В этом случае, действует так называемая дейктическая интерпретация нуля, т. е. конечная точка определяется локализацией наблюдателя (2002: 126; 2004: 377). Что касается начального пункта движения, то его выражение факультативно – см. примеры (353) и (354).

(353) *Прибежал* из кухни с газетой в руках дядя Валя — в очках, строгий и деятельный.

(354) *Пришел* Вася (= 'Вася пришел сюда, т. е. в место нахождения наблюдателя').

Во-вторых, в тех случаях, когда конечный пункт движения лексически выражается и информация о нахождении в нем, уже содержащаяся в префиксе, дублируется (и уточняется) при помощи предложно-падежной конструкции, не всегда очевиден компонент «цель».¹⁶⁸ По-видимому, эту составляющую надо понимать в широком смысле (цель можно воспринимать как целенаправленное движение), в то время как информацию о нахождении в конечном пункте (т. е. о пересечении границы ориентира) можно считать обязательной и входящей в аргументную структуру предиката. Сказанное можно проиллюстрировать на примере (355).

(355) Долго бежала Ганна. *Прибежала* в незнакомое село. Села в снег у забора, напротив чайной.

Иначе говоря, при недейктическом употреблении активируется тот компонент семантики префикса *при-*, который ориентируется на цель передвижения и выражает достижение конечной точки, в том числе и пересечение ее границы (ср. Падучева 2002: 134; Cardelli 2004: 64, 65, 69; Ricca 1993: 87). В этом недейктическом употреблении префикса *при-* требуется лексическое выражение локативной валентности, описывающей конечную точку

¹⁶⁸ О понятии цель при употреблении глаголов движения с префиксом *при-* см. также (Князев 1999: 188).

движения. В работе (Падучева 2002) уточняется также, что в этом случае наблюдатель может совпадать с движущимся субъектом (2002: 134).

Достижение конечной точки передвижения является центральным признаком также в представлении радиальной категории приставки *pri-* в рамках когнитивного подхода к изучению семантики префиксов. Прототипическое значение приставки *pri-* связано как раз с понятием ARRIVE, и от него развиваются остальные, более периферийные значения (Endresen et al. 2012: 262-263).

В работе (Gebert 1982) рассматривается система глаголов движения русского языка в сопоставлении с итальянским и проводится параллель между глаголами движения с префиксом *pri-* и итальянским глаголом *arrivare*. В обоих языках, по мнению автора, фокус делается на конечной точке передвижения (Gebert 1982: 397).

Как мы уже отметили в этом параграфе, различные подходы к изучению семантики глагольных префиксов при употреблении глаголов движения с префиксом *pri-* выделяют релевантность (актуальность) понятия пересечения границы ориентира. Пространственная семантика префикса *pri-* фокусируется на достижении конечной точки движения и на новой локализации движущегося субъекта. На наш взгляд, однако, определяющую роль в восприятии русских текстов играет также контекст, в частности, те элементы, которые описывают и определяют само событие движения и могут перенаправить фокус внимания. В связи с этим, при переводе на итальянский язык наблюдаются различные соответствия в зависимости от того, куда падает акцент, и какая составляющая маршрута.

Как мы увидим далее, среди итальянских соответствий глаголов движения с префиксом *pri-* встречаются глаголы *andare* и *venire*. Поэтому прежде чем рассмотреть примеры из параллельного корпуса, следует сделать краткое отступление, посвященное роли дейксиса в толковании глаголов движения *andare* и *venire* в итальянском языке. В работе (Ricca 1993) глаголы *andare* и *venire* определяются как глагольные лексемы, выражающие направленное движение от дейктического центра и к дейктическому центру соответственно. Иначе говоря, глаголом *andare* кодируется центробежное движение, а глаголом *venire* – центростремительное. Более того, автор подчеркивает также роль акциональной характеристики этих глаголов: лексема *andare* может фокусироваться на начальном этапе движения и на срединной порции маршрута, в то время как глагол *venire* подчеркивает достижение конечной точки движения (29-30), т. е. фокусируется на последнем этапе передвижения (на результате). Тем не менее, в итальянском языке акциональные значения этих двух глаголов второстепенны по сравнению с дейктическими. По этой причине, автор

включает итальянский язык в группу полностью дейктических языков (*lingue pienamente deittiche*), для которых характерно преобладание дейктической составляющей во всех акциональных контекстах. Русский язык, с другой стороны, автор относит к тем языкам, для которых дейктическая составляющая может быть нерелевантной (*lingue non deittiche*). Помимо этого, в работе подчеркивается также, что глаголы движения с префиксом *при-* ориентированы только на конечную точку и не содержат никакой информации о локализации участников события движения (Ricca 1993: 83-87).

Описанная автором картина частично подтверждается результатами нашего анализа. В частности, на наш взгляд, помимо дейктических составляющих, в выборе глаголов *andare* и *venire* при переводе на итальянский язык участвуют также другие элементы и нюансы значения этих глагольных лексем.

В примерах (356a) и (356б) описывается передвижение к дейктическому центру, т. е. в этом контексте дейктическая составляющая маршрута играет главную роль как в русском тексте, так и в итальянском переводе. В русском оригинале глаголом с префиксом *при-* обозначается передвижение к собеседнику, т. е. в результате передвижения субъект будет находиться в локализации наблюдателя. Иначе говоря, в силу невыраженной локативной валентности конечной точки действует дейктическая интерпретация нуля в терминологии Е.В. Падучевой (2002: 126). В итальянском переводе наблюдается симметричная картина: глаголом *venire* описывается передвижение к дейктическому центру.

(356a) – Да, – подтвердил Виктор грустно, – Миша не царапался. А тетя Нина дома? – Не-а, она по магазинам пошла. А ты *придешь?* – *Приду*, – пообещал Виктор. – Только чуть позже...

(356б) «Sì», confermò triste Viktor. «Miša non graffiava. E zia Nina è in casa?» «No, è andata per negozi. Quando *viene?*» «*Vengo*», promise Viktor. «Solo un po' più tardi...»

С другой стороны, в примерах (357a) и (357б) информация о дейктической составляющей маршрута передается наречием и дублируется префиксом *при-* в русском тексте, и глаголом *venire* в итальянском переводе. Тем не менее, выбор глагола *venire* может быть оправдан не только дейксисом, но также другим элементом контекста. На наш взгляд, в примере (357б), с одной стороны, глагол *venire* указывает на то, что передвижение совершается в сторону дейктического центра, а, с другой стороны, он подчеркивает цель прибытия, выраженную при помощи конструкции *dare un'occhiata* (конструкции с опорным глаголом). В примере (357б) дейктическая составляющая глагола *venire* присутствует, но внимание падает на цель движения.

(357a) – Ты что здесь делаешь? – спокойно и грустно спросил москвич, глядя на Виктора опухшими глазами. – Так, посмотреть приехал... – Давай поговорим без тараканов, – москвич вздохнул.

(357б) «Tu che ci fai qui?», domandò tranquillo e malinconico il moscovita, guardando Viktor con gli occhi spenti. «Sono venuto a dare un'occhiata...» «Senti, parliamo senza tante storie», sospirò il moscovita.

Похожая ситуация наблюдается в примере (358б), в котором описывается ряд последовательных событий, а акцент делается именно на последнем. Можно предположить, что в этом примере дейктическая составляющая глагола *venire* уходит на задний план, а на первый план выдвигается выражение цели передвижения, т. е. движущийся субъект в результате передвижения оказывается в новой локализации с определенной целью, и в этом смысле в фокус попадает не само передвижение, а его цель. Здесь уместно напомнить, что согласно концепции, представленной в работе (Добрушина, Меллина, Пайар 2001), в толковании семантики глаголов движения с префиксом *при-* определяющую роль играют указание на новую локализацию субъекта (конечную точку движения) и на цель его передвижения (46). На наш взгляд, как мы отметили выше, понятие цели следует понимать в широком смысле, и оно актуализируется в тех контекстах, в которых само движение (*Motion*) уходит на фон.

(358a) *Приехали* на двух джипах, доплатили за лекарства и лечение, очень вежливо забирали.

(358б) *Sono venuti* con due jeep, hanno pagato il conto delle medicine e della cura, l'hanno portato via con molta cortesia.

В русском тексте (359а) глаголом с префиксом *при-* описывается достижение конечной точки и ее пересечение, т. е. в этом контексте актуализируется *направительный-целевой* компонент семантики префикса *при-*, а не ее дейктическая составляющая. В итальянском примере (359б) применение глагола *andare* указывает на то, что передвижение совершается от дейктического центра. Кроме того, применение глагола *andare* тесно связано с целью события, выраженной предложной конструкцией *per* + инфинитив. В фокус попадает цель передвижения как в русском оригинале, так и в итальянском переводе.

(359a) — Какой же мужчина, — удивлялась бабушка, — ходит в Гостиный Двор покупать себе пуговицы с дочерью? — А может быть, он был с сыном? — допытывался я, совсем как ребенок. — Подожди, — говорила она, — я тебе расскажу, как все было. *Я пришла в Гостиный Двор покупать себе белые кружевные перчатки...*

(359б) *Ma quale uomo, si stupì la nonna, va al Gostinyj Dvor a comprarsi dei bottoni con le figlie? Ma forse era con il figlio? Aspetta, mi disse, adesso ti racconto tutto. Ero andata al Gostinyj Dvor per comprarmi dei guanti bianchi di pizzo...*

Компонент цели может относиться также к тем обстоятельствам, которые возникли в результате прибытия движущегося субъекта в новую область пространства. Этим, на наш взгляд, оправдан выбор глагола *andare* в примере (360б), в котором в фокусе оказался не компонент движения (*Motion*), а цель передвижения, выраженная при помощи конструкции *a* + инфинитив. Не случайно при переводе русского текста (360а) было бы непривычно применить выражение *era arrivata a trovarlo*, поскольку глагол *arrivare* хотя и фокусируется на достижении конечной точки и на появлении субъекта в новую область пространства, не может переводить фокус на цель события.¹⁶⁹ Кроме того, интересно обратить внимание на то, что в русском тексте (360а) лексически конечная точка движения не выражается и поэтому подразумевается, что субъект в результате движения оказался в том же месте, что и ориентир, откуда и ведется наблюдение на событие (ср. *Один раз Москва Честнова пришла к нему как обычно*, в котором наблюдатель не находится в локализации ориентира). В этом плане в итальянском переводе представляется иная картина: применение глагола *andare* переносит наблюдатель со стороны, вне той пространственной сцены, в которой находится ориентир. При переводе на итальянский язык симметричную картину можно получить при употреблении глагола *venire*, указывающего на движение субъекта к ориентиру, локализация которого будет совпадать с местонахождением наблюдателя (ср. *Una volta Mosca Čestnova era venuta a trovarlo...*).

(360а) *Один раз Москва Честнова пришла как обычно и ушла не сразу. Два года знал ее Божко, но стеснялся смотреться близко в ее лицо, не надеясь ни на что.*

¹⁶⁹ По своей этимологии и внутренней семантической структуре итальянский глагол *arrivare* тесно связан с понятием движения в пространстве, в частности, с достижением конечной точки. Этот глагол восходит к латинскому **adripare*, образованному при помощи префикса *ad-*, обозначающего приближение к конечной точке, и существительного *ripa* ('берег'), и изначально он обозначал достижение берега (доплыть до берега) (Vocabolario etimologico O. Pianigiani, Vocabolario Treccani della lingua italiana).

(360б) Una volta Mosca Čestnova era andata a trovarlo come al solito e non era uscita subito dalla sua stanza. Božko la conosceva da due anni, ma si vergognava di guardarla in faccia da vicino, non nutrendo alcuna speranza.

Применение глагола *venire* встречается также в итальянском переводе (361б), в котором он обозначает не только передвижение в конечную точку и к дейктическому центру, откуда ведется наблюдение, но и тот факт, что субъект совершил это движение с определенной целью. В этом смысле при употреблении глагола *venire* фокус падает не столько на передвижение, сколько на новое возникшее состояние и на цель этого передвижения.

(361а) Я развелся с четвертой женой и *приехал в Лос-Анджелес*. И я хочу еще раз спросить – где же все-таки печататься рабочему человеку? Где, я вас спрашиваю, печататься рабочему человеку?! До этой секунды Фогельсон безмолвствовал.

(361б) Io ho divorziato dalla quarta moglie e *sono venuto a Los Angeles*. E ancora una volta voglio chiedergli: ma in definitiva, dove può pubblicare un povero operaio? Dove, le chiedo, deve pubblicare un operaio?!». Fino a quell'attimo Fogel'son era rimasto in silenzio.

Когда в фокус попадает цель движения, в итальянском языке способ становится второстепенным и лексически, как правило, не выражается (вне зависимости от типа способа), как показано в примере (362б), в котором глагол *venire* включает в себя дейктическую и векторную составляющие маршрута, а способ лексически опускается. Информация о дейктической составляющей маршрута, выражающей передвижение к дейктическому центру, дублируется наречием *qui* (сюда).

(362а) Я – анкермен, ведущий. *Прилетел в командировку*. Остановился в приличной гостинице.

(362б) Io sono un anchorman, un conduttore. *Sono venuto qui per lavoro*. Sono in un bell'albergo.

С другой стороны, когда фокус делается именно на достижении конечной точки (в том числе и на пересечении ее границы), в итальянском языке могут употребляться также глаголы *arrivare* и *giungere*. Проиллюстрируем нашу гипотезу на основе примера (363б), в котором фокус падает именно на появление движущегося субъекта в пространственной сцене. В примере (363б) глагол *arrivare* кодирует структурную составляющую маршрута, предполагающую пересечение границы ориентира.

(363а) Он сделал шаг назад. Последил минут десять за игрой ребят. *Пришла* официантка с подносом – бесплатное шампанское должно было скрасить огорчение от постоянной неспрухи.

(363б) *Fece un passo indietro. Per una decina di minuti seguì il gioco dei ragazzi. Arrivò la cameriera con il vassoio: lo champagne gratuito doveva attenuare l'amarezza per le ripetute perdite.*

В примере (364б) глагол *giungere* указывает на достижение конечной точки, в то время как отдельно, наречной конструкцией, выражается также способ движения, как в русском тексте, представленном в примере (364а). Отметим, что в примере (364б) выражаются также локативные валентности, кодирующие исходную точку движения и серединную порцию маршрута.

(364а) — *Пришел я в Ершалаим точно через Сузские ворота, но пешком, в сопровождении одного Левия Матвея, и никто мне ничего не кричал, так как никто меня тогда в Ершалаиме не знал.*

(364б) — *È vero che sono giunto a Jerushalajim dalla Porta di Susa, ma a piedi, accompagnato dal solo Levi Matteo, e nessuno mi acclamava, perché allora a Jerushalajim nessuno mi conosceva.*

Когда фокус события падает именно на компонент *Motion* (на само передвижение), могут выражаться обе локативные валентности, кодирующие начальную и конечную точки движения, как в примере (365б).

(365а) В это время в Москву с Урала *приехала* вдова инженера-бельгийца и сама обрусевшая француженка Амалия Карловна Гишар с двумя детьми, сыном Родионом и дочерью Ларисою.

(365б) *A quel tempo arrivò dagli Urali a Mosca la vedova di un ingegnere belga, una francese, diventata russa ormai, Amàlija Kàrlovna Guichard, con due figli, Rodiòn e Larisa.*

Более того, помимо локативных валентностей, когда акцент делается на передвижении, ориентированном на конечную точку, в высказывании может передаваться также информация о времени, как видно из примеров (366а) и (366б).

(366а) Сергей рассказал мне, что *приехал сюда 15 лет назад* и начал практически с нуля, а сейчас у него большой бизнес и никто его не беспокоит.

(3666) Sergej mi racconta che è arrivato qui 15 anni fa e ha cominciato praticamente dal nulla, e ora ha un grande business e nessuno lo disturba.

Фокус на достижении конечной точки и, в частности, на пересечении ее границы, может переводиться на итальянский язык также при помощи глаголов, выражающих новое возникшее состояние, а не само движение. В примере (3676) глагол *presentarsi* ('явиться, появиться') указывает на результат передвижения, на новую локализацию субъекта.

(367a) И 2 августа (когда даже с момента обнаружения тела в Ушкалое прошло уже два с половиной месяца) домой к Пашиным родителям *пришел* обычный милиционер из обычного районного отдела милиции – оперуполномоченный Абрамочкин.

(3676) Il 2 agosto (a due mesi e mezzo dal ritrovamento del corpo a Uškaloj) a casa dei genitori di Pavel si presentò un agente della polizia locale, l'agente Abramočkin.

Схожим образом в примере (3686) глагол *trovarsi* ('находиться') указывает на новую локализацию субъекта. Фокус делается именно на том, что субъект будет находиться в конечной точке к нужному времени, а не на том, что он продвигается в сторону конечной точки. Можно предположить, что глаголы *presentarsi*, *trovarsi* передают ту сему результативности, которая присуща глаголам движения с префиксом *при-*.

(368a) Катя одевалась, чтобы ехать на вокзал провожать его, ласково крикнула ему из своей комнаты, — из комнаты, где он провел столько незабвенных часов! — что она *придет* к первому звонку.

(3686) Catia che si vestiva per andare alla stazione ad accompagnarlo gli gridò affabilmente dalla sua stanza — dalla stanza in cui egli aveva trascorso tante ore indimenticabili! — che *si sarebbe trovata alla stazione* al primo campanello.

Когда для целей коммуникации релевантно пересечение границы ориентира глаголам движения с префиксом *при-* может соответствовать также глагол *entrare*. В примере (3696) семантический вклад префикса *при-* передается именно при помощи этого глагола, кодирующего структурную составляющую маршрута, в то время как дополнительная информация о маршруте выражается при помощи предложной конструкции с *in*. Выбор глагола *entrare* при передаче семантики префикса *при-* может оправдываться тем, что релевантно именно пересечение границы ориентира закрытого типа.

(369a) Наташа залилась румянцем и с большим жаром возразила, что ничего не врут и что она сегодня сама лично в гастрономе на Арбате видела одну гражданку, которая *пришла в гастроном* в туфлях, а как стала у кассы платить, туфли у нее с ног исчезли и она осталась в одних чулках.

(369б) Natasha arrossì e replicò tutta infervorata che nessuno aveva raccontato frottole e che lei stessa quel giorno aveva visto coi suoi occhi nella drogheria sull'Arbat una signora che *era entrata nel negozio* con le scarpe e mentre pagava alla cassa, le scarpe le erano scomparse dai piedi ed era rimasta con le sole calze.

Применение глагола *entrare* наблюдается и в примере (370б), в котором актуально пересечение границы ориентира закрытого типа. Далее в примере (370б) глаголом *arrivare* указывается на достижение конечной точки и на появление субъекта в новой области пространства.

(370a) — Чей это дом? — Известно чей, — туманно ответил дворник, с интересом следя за пальцами Фандорина. — Держи вот. Что за дама давеча *приехала*? Приняв монету, дворник степенно ответил: — Дом генеральши Масловой, только они тут не проживают, в наем сдают. А *приехала* квартирантка, госпожа Бежецкая, Амалия Казимировна.

(370б) «Di chi è questa casa?» «Lo sanno tutti di chi è», gli rispose oscuramente lo spazzino guardando con interesse le dita di Fandorin. «Tieni. Chi è quella signora che è *entrata* poco fa?» Presa la moneta, lo spazzino rispose gravemente: «La casa appartiene alla generalessa Maslova, solo che non ci abita, la dà in affitto. E quella che è *arrivata* è l'inquilina, la signora Bezekaja, Amalia Kazimirovna».

Сказанное подтверждается примером (371б): в нем кодируются отдельно различные составляющие маршрута. Информация о достижении конечной точки передается при помощи глагола *arrivare*, указывающего также на появление субъекта в новой области пространства, и кодирующего структуру маршрута. С другой стороны, глаголом *venire* выражается передвижение в сторону дейктического центра повествования (местонахождения наблюдателя). Кроме того, информация о векторе маршрута выражается также при помощи конструкции с предлогом *da*, выражающей достижение ориентира одушевленного типа.

(371a) Весьма примечательно, но никогда ничего не забывавшая Ирина начисто забыла, что еврейская суббота кончается в субботу вечером, и объявила Нине, что раббай *придет* в воскресенье утром. Священник, отец Виктор, обещал *прийти* в субботу после всенощной. Нинка придавала большое значение тому, что священник появится первым. Фима *пришел к Берману* очень поздно, без звонка, такая бесцеремонность была между ними принята.

(371б) Strano a dirsi, Irina, che non dimenticava mai nulla, si era bellamente dimenticata che lo shabbath ebraico finisce il sabato sera, e disse a Nina che il rabbino *sarebbe arrivato* la domenica mattina. Il sacerdote, padre Viktor, promise di *venire* il sabato dopo il vespro. Nina attribuiva grande importanza al fatto che il sacerdote si presentasse per primo. Fima *arrivò da Berman* molto tardi, senza telefonare, un'assenza di cerimonie che fra loro era usuale.

Наша гипотеза о том, что глагол *arrivare* может употребляться в тех случаях, когда фокус падает на появление движущегося субъекта в новой области пространства, подтверждается примерами (372a) и (372б), в которых глагольная форма *появился* передается при помощи глагола *arrivare*. Далее в примере (372б), поскольку субъект уже вступил в новую область пространства, при переводе глагола *прийти* употребляется глагол *venire*. Выбор оправдывается тем, что в фокус попадает не само его появление на пространственной сцене, а те условия, в которых он там оказался.

(372a) В субботу появился гость, Джи Кей Эплбаум, развязный и шумный толстяк. Он был менеджером в корпорации, где работал Фима. Вчетвером они жарили сосиски у заднего крыльца и пили "Бадвайзер". На этот раз Джи Кей *пришел один*. До этого, сказала Лора, он приводил невесту — Карен Роуч. На вопрос: "Где Карен?" — менеджер ответил: — Она меня бросила.

(372б) Sabato *arrivò* un ospite, Jei Kei (J. K.) Applebaum, un grassone invadente e chiassoso. Faceva il manager nell'impresa dove lavorava Fima. Sul retro della casa, loro quattro arrostitono dei wiirstel e bevvero della «Budweiser». Questa volta Jei Kei *era venuto da solo*. Prima, disse Lora, si portava anche la fidanzata, Karen Row. Alla domanda «Dov'è Karen?», il manager rispose: — Mi ha lasciato.

Когда из контекста можно подразумевать, что речь идет об обратном передвижении к дейктическому центру повествования, в качестве соответствия глаголов движения с префиксом *при-* в итальянских текстах могут использоваться глаголы со значением 'вернуться', как например, *tornare* в (373б).

(373a) Мастер поставил на стол чайник, кружку с повидлом, положил буханку белого хлеба. – Напои их, – сказал он кочегару. – Я *приду* минут через двадцать. Только не тяните, ешьте быстрее. Вечером хлеба дадим еще, на куски поломайте, а то у вас в лагере отберут. Мастер ушел.

(373б) Il caporeparto mise sul tavolo una teiera, un vasetto con della marmellata, una pagnotta di pane bianco. - Dai da bere a questi due - disse al fuochista. - *Tornerò* tra una ventina di minuti. Solo non tiratela troppo per le lunghe, mangiate in fretta. Stasera vi daremo dell'altro pane, ma dovrete dividerlo in pezzi, altrimenti al campo ve lo confischeranno'. Il caporeparto se ne andò.

Как мы уже отметили для примеров (369б) и (370б), в итальянских текстах может наблюдаться также более точное выражение компонентов маршрута, чем в русских текстах (369а) и (370а). В примере (374б) глаголом *scendere* передаются вектор и структуру маршрута (в том числе пересечение границы ориентира), а локативной конструкцией с предлогом *a* уточняется информация о векторной составляющей маршрута. Способ движения лексически не выражается.

(374а) Даже голос его помнил. И Сонька – это все, что он оставил миру на память о себе. Да и не миру он ее оставил, а ему, Виктору... Дойдя до моста, Виктор сел в метро и *приехал на «Левобережную»*.

(374б) Ma Viktor ricordava la sua voce. E Sonja era tutto quello che lui lasciava della memoria di sé. E non l'aveva lasciata al mondo, ma a lui, Viktor... Giunto al ponte, Viktor prese il metrò e *scese a Levoberežnaja*.

Пример (375б) интересен тем, что в нем маршрут кодируется при помощи глагола *recarsi*, ориентированного, с одной стороны, на конечную точку, но, с другой стороны, описывающего также серединную порцию маршрута. В связи с этим при переводе на итальянский язык наблюдается частичный сдвиг фокуса, или, вернее, более инклюзивная (широкая) точка зрения на событие, охватывающая серединную порцию маршрута и достижение конечной точки, но не предполагающая пересечение границы ориентира.

(375а) Минувшей осенью как-то *приехал* он *в контору* по делам, а новый бригадир, молодой агроном из приезжих, и говорит ему:

(375б) L'autunno passato *si era recato all'amministrazione* per via di certi affari e il nuovo capufficio, un giovane agronomo non del luogo, gli aveva detto:

В итальянских текстах может встречаться также глагол *essere* (быть, находиться) в качестве соответствия глаголов движения с префиксом *при-* в тех случаях, когда внимание не столько на достижении конечной точки, пересечение которой очевидно подразумевается, сколько на каких-либо характеристиках движущегося субъекта. Проиллюстрируем нашу гипотезу на основе примеров (376б) и (377б). В примере (376б) фокус на выяснении личности субъекта, приход которого составляет пресуппозицию. Следует здесь отметить, что в принципе применение глагола *быть* возможно и в русском тексте (376а): вопрос в том, на чем фокусируется внимание и на чем делается акцент. В русском тексте в фокусе оказывается именно пересечение границы ориентира, в то время как в итальянском переводе при употреблении глагола *essere* как будто додумывается событие и фокус переносится на следующий этап события, на новую ситуацию, образовавшуюся в результате передвижения, в частности, на выявление личности субъекта.

(376а) На зов этот закрипела дверь, и в вечернем полумраке на терраске появилась молодая женщина без покрывала. Она склонилась над перилами терраски, тревожно всматриваясь, желая узнать, кто *пришел*. Узнав пришельца, она приветливо заулыбалась ему, закивала головой, махнула рукой.

(376б) A questo appello, una porta scricchiolò, e nel crepuscolo serale apparve sul terrazzo una giovane donna senza velo. Si chinò sulla balaustra, guardando inquieta, desiderosa di sapere chi *fosse*. Riconosciuto l'uomo, gli sorrise affabile, lo salutò con un cenno del capo e fece un gesto con la mano.

Похожая картина наблюдается при переводе примера (377а). В итальянском тексте (377б) применение глагола *essere* может быть обусловлено тем, что внимание переносится на новую ситуацию, возникшую в результате передвижения. В частности фокус делается не на достижении конечной точки движения или на пересечении ее границы, а на тех условиях, при которых субъект оказался в новой области пространства.

(377а) Все мужчины, не исключая небрежного Самбикина и обросшего, грустного Вечкина, пришли в костюмах из тонкого материала, простых и драгоценных; одеваться плохо и грязно было бы упреком бедностью к стране, которая питала и одевала присутствующих своим отборным добром, сама возрастая на силе и давлении этой молодости, на ее труде и таланте.

(377б) Tutti gli uomini, compreso il trasandato Sambikin e l'irsuto, triste Večkin, erano in completi di stoffa leggera, semplici e preziosi; vestirsi male e con indumenti non puliti sarebbe stato come

accusare di povertà il paese che nutriva e vestiva i presenti coi propri beni più selezionati, crescendo esso stesso grazie alla forza e alla tensione di quella gioventù, al suo lavoro e al suo talento.

Кроме того, глагол *essere* может применяться также в тех случаях, когда фокус падает на результат передвижения, на достижение конечной цели движения и на прибытие субъекта в новую область пространства, как видно из примера (378б). Возможно, выбор глагола *essere* при переводе на итальянский язык связано с тем, что в русском тексте событие движения, обозначенное глаголом с префиксом *при-*, вводится подчинительным союзом *раз* и, поэтому, передвижение субъекта представляется как завершённое, уже свершившееся событие, создающее условия для последующих действий.

(378а) Давайте лучше, раз уж прилетели, брать пробу, пока материал спит.

(378б) Dal momento che *siamo* qui, è meglio prendere un campione, finché il soggetto dorme".

Интересно сравнить примеры (379б) и (380б). В примере (379б) фокусируется факт прибытия субъекта в новую область пространства, и при переводе на итальянский язык применяется глагол *arrivare*, для которого пересечение границы ориентира может быть актуально.

(379а) — Вы... Вы сколько времени в Москве? — дрогнувшим голосом спросил он. — А я только что сию минуту *приехал в Москву*, — растерянно ответил профессор, и тут только приятели догадались заглянуть ему как следует в глаза и убедились, что левый, зеленый, у него совершенно безумен, а правый — пуст, черен и мертв. "Вот тебе все и объяснилось! — подумал Берлиоз в смятении, — *приехал* сумасшедший немец или только что спятил на Патриарших. Вот так история!"

(379б) — Lei... lei è a Mosca da molto tempo? — chiese con voce tremante. — *Sono appena arrivato*, — rispose smarrito il professore; solo allora agli amici venne in mente di guardarlo ben bene negli occhi, e si convinsero che quello verde, sinistro, era completamente dissennato, e il destro era vuoto, nero e spento. "Adesso si spiega tutto! — pensò Berlioz sconcertato. *È arrivato* un tedesco pazzo, oppure è ammattito adesso, ai Patriarshie. Che storia!"

В примере (380б), с другой стороны, употребление глагола *venire* может быть оправдан тем, что внимание сосредотачивается не на самом появлении субъекта в новой области пространства, а на обстоятельствах его приезда. Более того, отметим, что в примере (380б)

глаголом *venire* кодируется также дейктическая составляющая маршрута. В итальянском переводе информация о передвижении к дейктическому центру выражается глаголом и дублируется наречием.

(380а) А вы одни приехали или с супругой? — Один, один, я всегда один, — горько ответил профессор. — А где же ваши вещи, профессор? — вкрадчиво спрашивал Берлиоз, — в "Метрополе"? Вы где остановились? — Я? Нигде, — ответил полоумный немец, тоскливо и дико блуждая зеленым глазом по Патриаршим прудам.

(380б) *Lei è venuto qui da solo o con la sua signora?* — Solo, solo, sono sempre solo, — rispose amaro il professore. — *Dov'è la sua roba, professore?* — indagava con aria insinuante Berlioz. — *Al Métropole? Dove alloggia?* — Io?... Da nessuna parte, — rispose il tedesco pazzo mentre il suo occhio verde sorvolava, malinconico e stralunato, l'acqua dello stagno.

Глаголом *arrivare* может применяться при переводе на итальянский язык также в тех случаях, в которых в русском тексте глагол движения с префиксом *при-* употребляется в корреляции с предложно-падежной конструкцией (*к + дат. п.*), указывающей на достижение конечной точки, в том числе и, возможно, на пересечение ее границы. Сказанное проиллюстрируем на основе примера (381б), в котором глаголом *arrivare* кодируется маршрут, т. е. достижение конечной точки. Учитывая тип ориентира и информацию, полученную из расширенного контекста, можно предположить, что как в русском оригинале, так и в итальянском переводе пересечение границы ориентира неактуально.

(381а) Хмурая ночь окутала всю степь тяжёлым мраком, и в небе неподвижно стояли ещё серые облака. В одном месте их было белесоватое, странное пятно – это луна хотела пробиться сквозь тучи и не могла. *Приехали к плотине.* – Стой! – сказал Тихон Павлович, вышел из телеги и посмотрел кругом. Шагах в сорока от него тёмной, угловатой кучей рисовался во мраке ночи хутор; справа, рядом с ним – запруда.

(381б) *Una tetra oscurità avviluppava tutta la steppa, mentre su, nel cielo, si vedevano immobili grosse nuvole grigie. Una strana macchia biancastra, la luna, pareva volerle squarciare; e non poteva. Erano arrivati alla diga. Ferma!* disse Tihon Pavlovitsc, il quale scese dalla carretta e si guardò intorno. A una quarantina di passi innanzi a lui, si disegnava la fattoria che, nella oscurità della notte, pareva un ammasso scuro, angoloso; a destra, vicino ad essa, c'era lo stagno.

Когда способ движения релевантен для целей коммуникации, в частности, когда этот компонент уточняет, каким образом передвигался субъект, при переводе на итальянский язык наблюдаются различные способы его выражения. В примере (382б) способ передается дополнительно, при помощи специфического наречия, в то время как передвижение в сторону дейктического центра выражается глаголом *venire*.

(382а) — Мы вот щас милицию позовем. — Ага. Зови. *Прибегут*.

(382б) — E noi si chiama la milizia! — E già! Chiamala, che verrà **di corsa**.

При этом, отметим, что в итальянском языке способ может выражаться также более компактным образом различными средствами. Первый способ проиллюстрируем на основе примера (383б), в котором глаголом *correre* кодируются способ движения и вектор маршрута, в то время как дополнительная информация о маршруте выражается при помощи локативной конструкции с предлогом *a*. В примере (383б), в отличие от примера (382б), способ является фоновым элементом высказывания, как в русском тексте (383а).

(383а) Мальчишки первые заметили его и с ужасом *прибежали в деревню* с вестью о каком-то страшном змее или оборотне, который лежит в канаве, прибавив, что он погнался за ними и чуть не съел Кузьку.

(383б) I primi a scoprirlo furono dei ragazzini, i quali *corsero* spaventati *al villaggio* con la notizia che nel fossato c'era un terribile serpente, o un lupo mannaro, e aggiunsero che li aveva inseguiti e per poco non si era mangiato Kuz'ka.

Функцию выражения способа и маршрута может выполнять также глагол *volare*, и в таком случае, как в примере (384б) информация о структуре маршрута будет передаваться локативной конструкцией с предлогом *in*, кодирующей пересечение границы ориентира закрытого типа и приобретающей в данном контексте направительную интерпретацию.

(384а) С совершенно облегченной душой Маргарита *прилетела в спальню*, и следом за нею туда же вбежала Наташа, нагруженная вещами.

(384б) Con animo perfettamente sollevato, Margherita *volò nella camera da letto* dove dietro di lei entrò correndo Natasha, carica di roba.

Способ движения выражается компактным образом фоновым элементом также в примере (385б): в нем этот компонент передается глагольной лексемой *accorrere*, кодирующей как способ движения, так и вектор маршрута. При этом, наблюдается также частичный сдвиг фокуса, поскольку глагол *accorrere* обозначает передвижение бегом куда-л., т. е., при применении этого глагола фокус падает также на само передвижение, ориентированное на конечную точку, а не только на достижение этой точки, как в случае глагола *прибежать*.¹⁷⁰ Несмотря на то, что в русском тексте (385а) лексически выражается также локативная валентность исходной точки, в фокусе оказывается именно достижение и пересечение границы ориентира (конечной точки) и следующее за прибытием действие, вне зависимости от выраженных локативных валентностей. В результате, в итальянском примере (385б) исходная точка движения лексически не выражается, и в фокус попадает достижение конечной точки.

(385а) Юлия Сергеевна *прибежала* из большого дома в одном платье и вязаном платке, прохваченная морозом, и начала утешать девочек.

(385б) Jùlija Sergèevna *accorse* senza neppure essersi messa il soprabito, con un semplice scialle di lana, intirizzata dal freddo; e cercò di consolare le piccine.

Та же асимметричность в выражении локативных валентностей при переводе на итальянский язык встречается также в примере (386б), в котором лексически не передается локативная валентность конечной точки, которая кодируется в русском оригинале (386а) благодаря предложно-падежной конструкции. В итальянском переводе (386б) информация о том, что субъект оказался в новой локализации восстанавливается из контекста.

(386а) Как-то после обеда он *прибежал* во флигель, запыхавшись, и сказал: – Ступай, там сестра твоя *приехала*.

(386б) Un giorno, dopo la colazione, *accorse* tutto trafelato e mi disse: «Vieni, è *arrivata* tua sorella.»

В примере (387б) описывается иная картина: в нем локативная валентность, кодирующая конечную точку, эксплицитно выражается посредством предложной

¹⁷⁰ О семантике итальянского глагола *accorrere* см. сноску 134. Здесь, подчеркнем только, что идея достижения конечной точки заложена в семантике латинского префикса *ad-*, ровно так же, как и достижение конечной точки и пересечение ее границы заложены в семантике префикса *при-*.

конструкции с предлогом *in*, которая передает структуру маршрута и кодирует пересечение границы ориентира закрытого типа. Информация о векторе маршрута и о способе движения, наоборот, содержится в семантике глагола *accorrere* (см. сноску 134).

(387a) Когда я *прибежала* в его комнату, он был уже не свой – страшно было смотреть на него.

(387b) Quando io *accorsi in camera sua*, egli era già fuori di sé; era tremendo a guardarlo.

Частичный сдвиг фокуса наблюдается также в примере (388b), в котором конструкцией с опорным глаголом (*fare una scappata*), с одной стороны, кодируется способ движения (быстро добраться до какого-либо места или к кому-л.), а, с другой, фокусируется не столько достижение конечной точки, сколько кратковременный характер действия.

(388a) Здесь он уж не мог видеть ее по три раза в день; здесь уж не *прибежит к нему* Катя и не пошлет он Захара с запиской за пять верст.

(388b) In città egli non poteva più vedere Ol'ga tre volte al giorno; lì Katja non poteva **fare una scappata da lui**, e lui non poteva mandare Zachar a cinque verste di distanza a portare un bigliettino.

Более заметный сдвиг фокуса представляется в примере (389b), в котором в отличие от русского текста, внимание фокусируется на начальном этапе движения, а не на конечном. Прочитав пример (389b), итальянский читатель представляет себе совершенно иную картину, отличную от той, которая описана в примере (389a). Более того, в примере (389b) предложной конструкцией с *per* кодируется вектор маршрута, выражающей только направление движения, а не достижение конечной точки, как в русском тексте (389a). Ознакомившись с русским текстом (389a), читатель понимает, что субъект находится уже в новой локализации, достигшей в результате передвижения, а из итальянского перевода, мы узнаем только, что субъект отправился в путь. Тем не менее, несмотря на то, что при переводе на итальянский язык создается совсем другой образ, из расширенного контекста становится понятно, что субъект окажется в новой локализации в результате передвижения.

(389a) Светлана бросила все и срочно *прилетела* в Ужур. И застала сына умирающим.

(389b) Svetlana mollò tutto e prese un aereo *per Uzur*. E trovò il figlio in fin di vita.

В примере (390б) фокус падает на достижение конечной точки так же, как в русском тексте в (390а). Кроме того, в примере (390б) посредством глагола *atterrare* кодируется вектор маршрута, а способ можно восстановить из контекста, поскольку, итальянский глагол *atterrare*, как правило, применяется относительно передвижения летательных аппаратов, описывая завершающий этап их полета, в том числе и достижение конечной точки, так как просматривается латинский префикс *ad-*.¹⁷¹ Дополнительная информация о маршруте выражается предложной конструкцией с префиксом *a*.

(390а) Я давно заметил: когда от человека требуют идиотизма, его всегда называют профессионалом. В Лос-Анджелес я *прилетел* рано утром. Минут десять простоял около багажного конвейера.

(390б) Ormai da tempo ho notato che quando qualcuno ti chiede qualcosa di demenziale, ti definisce sempre «professionista». A Los Angeles *atterrai* al mattino presto. Trascorsi una decina di minuti ad aspettare la valigia.

В переводах русского примера (391а) представляются различные стратегии выражения способ движения на итальянском языке. Во всех трех переводах этот компонент кодируется отдельно, вне глагольной группы, при помощи маркированной конструкции. В частности, в примере (391г) способ (*[per] la corsa*) выдвигается на первый план: во-первых, он занимает конечную позицию ремы, а, во-вторых, он несет дополнительную семантическую нагрузку, называя также причину психофизического состояния субъекта). Что касается маршрута, также отмечаются некоторые различия. В примере (391б) фокус маршрута падает именно на достижение конечной точки и, возможно, на пересечение ее границы. Эта информация кодируется при помощи глагола *arrivare*.

В примере (391в) глаголом *rientrare* выражается обратное передвижение к первоначальной локализации субъекта: эта информация заложена в семантике глагола *rientrare* и дублируется при помощи конструкции с предлогом *a*. Семантика глагола *rientrare* предполагает также возможное пересечение границы ориентира, поскольку этим глаголом кодируются вектор и структура маршрута. Наконец, в примере (391г) вектор маршрута выражается глаголом *tornare*, обозначающим обратное передвижение, и предложной конструкцией.

¹⁷¹ Итальянский глагол *atterrare* образуется от существительного *terra* ('земля') при помощи латинского префикса *ad-*, обозначающего передвижение к конечной точке (ср. Il Nuovo De Mauro, ed. online).

(391а) Акакий Акакиевич *прибежал* домой в совершенном беспорядке: волосы, которые еще водились у него в небольшом количестве на висках и затылке, совершенно растрепались; бок и грудь и все панталоны были в снегу.

(391б) Akakij Akakievič *arrivò di corsa a casa* totalmente sconvolto: i capelli, che aveva ancora in piccola quantità sulle tempie e la nuca, si erano totalmente arruffati; il fianco e il petto e tutti i pantaloni erano pieni di neve.

(391в) Akàkii Akàkievic *rientrò a casa in fretta e furia*, molto in disordine: i capelli, che conservava ancora in scarsa quantità sulle tempie e sulla nuca, erano tutti arruffati: i fianchi, il petto, i pantaloni inzaccherati di neve.

(391г) Akakij Akakievič *tornò a casa* tutto arruffato **per la corsa**: quei pochi capelli che ancora aveva sulle tempie e sulla nuca erano scarmigliati; il fianco, il petto e tutti i pantaloni sporchi di neve.

Пример (392б) интересен тем, что в нем выражаются все те компоненты движения, которые кодируются также в русском тексте (392а), т. е.: способ движения, вектор и структура маршрута, хотя и распределяется иначе. В примере (392б) способ движения не передается фоновым элементом, поскольку он выражается наречной конструкцией. Информация о маршруте передается посредством глагола *entrare*, уточняющего структуру маршрута (изменение локализации субъекта), и предложной конструкции *in*, кодирующей вектор маршрута. Кроме того, в обоих текстах фокус падает именно на пересечение границы ориентира: этот компонент выражается префиксом *pri-* в примере (392а), и передается глаголом *entrare* при переводе на итальянский язык.

(392а) Когда наступила поздняя ночь, Божко открыл окно в темное пространство, и *в комнату прилетели* бабочки и комары, но было так тихо всюду, что Божко слышал биение сердца Москвы Ивановны в ее большой груди; [...].

(392б) A notte fonda Božko aprì la finestra sullo spazio buio, e *nella stanza entrarono in volo* falene e zanzare, ma dappertutto c'era un silenzio tale che Božko sentiva battere il cuore nel grande petto di Mosca Ivanovna; [...].

Обратим, наконец, внимание еще на одну стратегию передачи ситуации движения на итальянский язык. В примере (393б) способ движения кодируется при помощи деепричастия, а маршрут выражен глаголом *traversare*. Выбор глагола *traversare* частично меняет восприятие события движения: в русском тексте в (393а) фокус делается на прилете субъекта, на достижении конечной точки, а в переводе (393б), с другой стороны внимание читателя

направляется на серединную порцию маршрута, несмотря на то, что передвижение ориентируется на конечную точку.

(393а) Толстый сизый голубь *прилетел на дорогу* и поспешно отправился пить в лужицу возле колодца.

(393б) Un piccioncello *traversò volando* la via e andò a dissetarsi frettoloso ad una pozza accanto alla cisterna.

Подводя итоги, мы считаем важным подчеркнуть составной характер внутренней семантической структуры префикса *при-*. Как мы отметили в ходе сопоставительного анализа в зависимости от контекста могут актуализироваться различные компоненты его семантики: дейктическая составляющая маршрута, целевой компонент передвижения, достижение конечной точки и пересечение ее границы, появление субъекта в новой локализации в результате движения. Актуальность этих различных семантических компонентов отражается и при переводе на итальянский язык. В частности, при дейктическом употреблении префикса *при-* в итальянских соответствиях могут встречаться глаголы *andare* и *venire*, которые могут применяться также при переводе тех русских примеров, в которых фокус оказывается на цели передвижения, а не на самом движении. С другой стороны, при недейктическом употреблении префикса *при-*, т. е. когда фокус делается именно на достижении конечной точки, могут применяться глаголы *arrivare/giungere*, *accorrere*, ориентированные на конечную точку передвижения, на его достижение, в том числе на возможное пересечение ее границы. Когда в фокус внимания попадает появление субъекта в новой локализации в итальянских соответствиях возможны те глагольные лексемы, семантика которых подчеркивает ту результативную, событийную сему, которая заложена в семантике префикса *при-* (ср. *presentarsi*, *trovarsi*, *essere*). Интересно отметить, что при переводе на итальянский язык фокус может также переноситься на иной этап события движения или на сопутствующие условия//обстоятельства: сдвиг фокуса маркируется применением глагола *essere* ('быть'). Наконец, стоит обратить внимание на те итальянские переводы, в которых способ движения выражается глаголом (*correre*, *volare*): в этих случаях семантический вклад префикса *при-* не выражается элементом поверхностной структуры, но информация о нем может восстанавливаться из контекста.

3.8 Префикс *в-*

Во всех выбранных нами словарях для русского префикса *в-* среди основных указано значение направление движения:

- направленность движения или действия внутрь, в пределы чего-л.; направленность движения или действия вверх (преимущ. с предлогом „на“) [МАС]
- направленность действия внутрь чего-либо [БАС]
- значение направленности действия внутрь, в пределы чего-л. [Новый БАС]
- направленность действия внутрь [СУ]
- проникнуть внутрь чего-либо [...] поместиться где-либо с помощью действия, названного мотивирующим словом [ТССЕРЯ]

В РГ–80 уточняется, что глаголы, образованные при помощи префикса *в-*, имеют значение «поместить(ся), проникнуть во что-н., внутрь чего-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» или «поместить в пространство, созданное с помощью этого действия». Отмечается также, что тип продуктивный, поэтому с его помощью легко образуются окказионализмы. Все эти приставочные глаголы, в отличие от мотивирующих, сильно управляют вин. п. с предлогом *в*. Кроме того, подчеркивается, что «в сочетании с другими предлогами часть глаголов с преф. *в-* может означать действие, направленное на предмет (вверх) или под предмет и одновременно внутрь пространства, смежного с данным предметом: [...]» (РГ–80: § 854).

В работе Kagan (2016), в которой русские префиксы рассматриваются с точки зрения теории градуальности, отмечается, что приставка *в-* выражает прежде всего пространственное значение, указывая при этом на передвижение внутрь ориентира¹⁷² (180). По этой причине автор включает ее в состав группы префиксов, которые могут относиться к шкале маршрута в тех случаях, когда они присоединяются как к глаголам однонаправленного движения, так и к другим глаголам, содержащим сему направленного движения (там же: 197).

В других исследованиях, выполненных в русле когнитивного подхода, например, в работах разных лет Л. Янды, Т. Нессета и других исследователей, семантика приставки *в-* описывается в виде минимальной радиальной категории (см. об этом в параграфе 2.4),¹⁷³

¹⁷² О терминах, называющих участников события движения и его компоненты у разных авторов, см. сноску 25 в Первой главе.

¹⁷³ Напомним, здесь, что согласно когнитивной концепции, семантика префиксов рассматривается посредством понятия радиальной категории. Иными словами, семантика приставки развивается радиальным образом из одного базового (более конкретного, чаще всего пространственного) прототипического значения. Приставке *в-* приписывается минимальная радиальная категория, состоящая из одной только конфигурации, описанной лексемой INTO (ср. Endresen et al. 2012: 238-239; 254).

представленной значением INTO, в приставочных глагольных лексемах как, например, *вбежать*, *влететь* (Endresen et al. 2012: 254).

С учетом (формальной) модели, разработанной авторами работы (Добрушина, Меллина, Пайар 2001), формальную схему префикса *в-* можно представить следующим образом:

1. Действие Р указывает на качественное изменение состояния Терма 1.
2. Действие Р выполняется Термом 1 определенным образом Х.
3. В результате действия Р, совершаемого определенным способом Х, меняется отношение между Термом 1 и Термом 2.

Применяем формальную схему префикса *в-* при анализе примера (394).

(394) Помедлив, он *вбежал* в болото, сразу погрузившись в него по бёдра.

В примере (394) префикс *в-* означает, что действие Р [*вбежать*] указывает на качественное изменение отношения между Термом 1 [*он*] и Термом 2 [*болото*]. В частности, в результате действия Р [*вбежать*], выполненного Термом 1 [*он*] определенным образом Х [*бегом*], Терм 1 изменил свою локализацию относительно Терма 2.

Как мы отметили выше, непереходные глаголы движения с префиксом *в-* обозначают самостоятельное передвижение внутрь ориентира. Как мы увидим далее в примерах (395а)-(406б) структура маршрута, т. е. та часть маршрута, которая кодируется префиксом *в-*, может передаваться в итальянском языке глаголом *entrare* при различных контекстных условиях, предполагающих (не)релевантность понятия контейнера, ориентира различного типа, (не)актуальность пересечения границы ориентира. Это видно из примера (395б), в котором информация о структуре маршрута передается глаголом *entrare*. Важно также отметить, что как в русском оригинале (395а), так и в итальянском переводе (395б), локативная валентность конечной точки лексически не выражается. Кроме того, в итальянском тексте также не выражается способ движения, но его можно восстановить из контекста.

(395а) Немного помедлив у порога, Эраст Петрович собрался с духом и *вошел* с некоторой развязностью, надеясь произвести впечатление человека светского и бывалого.

(395б) Erast Petrovič rallentò impercettibilmente il passo sulla soglia, poi si fece coraggio ed *entrò* con una certa disinvoltura, nella speranza di produrre l'impressione di un consumato uomo di mondo.

Согласно концепции, представленной в русле когнитивного подхода к изучению семантики префиксов, приставка *в-* имеет всего одну конфигурацию, обозначаемую значением лексемы INTO. Иначе говоря, префикс *в-* указывает на движение внутрь ориентира, который в прототипическом случае можно себе представить в виде контейнера, т. е. передвижение внутрь замкнутой области пространства. Сказанное покажем на основе примеров (396а) и (396б), в которых при переводе на итальянский язык глаголом *entrare* выражается именно структура маршрута, как и в предыдущем примере (395б). Здесь лексически выражается также информация о векторе маршрута: она кодируется предложно-падежной конструкцией в русском тексте (396а), и – предложной конструкцией в итальянском переводе (396б). Интересно также отметить, что в русском оригинале (396а) информация о достижении конечной точки движения выражается при помощи двух предложно-падежных конструкций (*к + дат. п.* и *в + вин. п.*), что дает возможность понять, что субъект вошел именно в собственную квартиру, а не просто в какой-либо дом. В итальянском переводе (396б) лексически кодируется только ориентир пространственного типа и, поэтому, часть информации о конечной точке движения может подразумеваться из контекста.

(396а) Помню, как я *вошел к себе в квартиру* и вслух подумал: что же, теперь по крайней мере мы выследим — как вдруг второе письмо заговорило со мной деловитым голоском: Дорогой Папа, как поживаешь?

(396б) Ricordo che *entrai in casa* e cominciai a dire: Be', stavolta dovremo proprio trovarli — quando l'altra lettera iniziò a parlarmi con una vocetta pratica: «Caro papà, come vanno le cose?»

Понятие контейнера (ориентира закрытого типа) можно считать градационным и относительным, т. е., коррелирующимся с тем пространством, откуда движется субъект. Точнее, как правило, префикс *в-* обозначает передвижение из более открытого пространства в замкнутое (Апресян 1995: 491), как в примере (397б).

(397а) "Кровосмешение", подсказала Лолита — и *вошла в шкаф*, вышла из него с молодым золотым гоготком, отворила смежную дверь, и, предусмотрительно заглянув туда своими странными дымчатыми глазами, чтобы не ошибиться опять, удалилась в ванную.

(397б) «Si dice incesto» disse Lo — ed *entrò nell'armadio*, ne uscì con una giovane risatina dorata, aprì la porta accanto e, temendo di sbagliare ancora, guardò prudentemente dentro con quei suoi strani occhi fumosi; dopodiché si chiuse in bagno.

Контейнер может быть представлен также огороженной областью пространства, отделенной от окружающей среды, как в примерах (398а) и (398б). В итальянском переводе (398б) предложной конструкцией выражается вектор маршрута, т. е. уточняется откуда, из какого направления совершается движение, а посредством глагола *entrare* выражается структура маршрута, как и в предыдущих примерах (395б)-(397б).

(398а) Гость *вошел* в калитку, находившуюся рядом со входом в лавку, и попал в квадратный небольшой дворик, покоем обставленный сараями.

(398б) L'uomo *entrò dal cancello* vicino all'ingresso della bottega, e si ritrovò in un cortiletto quadrato circondato da magazzini.

Кроме того, контейнер может относиться к водному пространству, как в примерах (399а) и (399б), в которых именно посредством понятия контейнера можно определить два различных типа ориентира, описывающих две качественно различные области пространства: водную область и сухопутную область.

(399а) Тогда он *вошел* в воду и пробирался некоторое время по воде, пока не увидел вдали силуэты двух лошадей и человека возле них.

(399б) *Entrò allora nell'acqua* e vi camminò per un certo tempo, finché non vide in lontananza le sagome di due cavalli e di un uomo vicino.

В итальянском языке помимо выраженной информации о структуре маршрута (при помощи глагола *entrare*) может передаваться лексически также способ движения, как в примере (400б), в котором этот компонент выражается отдельно при помощи деепричастия.

(400а) С совершенно облегченной душой Маргарита прилетела в спальню, и следом за нею туда же *вбежала* Наташа, нагруженная вещами.

(400б) Con animo perfettamente sollevato, Margherita volò nella camera da letto dove dietro di lei *entrò correndo* Natasha, carica di roba.

Схожим образом в примерах (401б)-(402б) структура маршрута передается глаголом *entrare* в корреляции с предложными конструкциями, уточняющими информацию о векторе, в то время как способ движения передается отдельно наречными конструкциями.

(401a) В это время *в колоннаду* стремительно **влетела** ласточка, сделала под золотым потолком круг, снизилась, чуть не задела острым крылом лица медной статуи в нише и скрылась за капителью колонны.

(401b) In quel momento *sotto il porticato entrò di slancio* una rondine, descrisse un cerchio sotto la volta dorata, si abbassò, sfiorò con l'ala appuntita il volto di una statua di rame dentro una nicchia e scomparve dietro il capitello di una colonna.

(402a) Лица их стали грязно-бурыми от волнения, когда *в зал влетела* Маргарита со своею свитой, в которой откуда-то взялся Азazelло.

(402b) Per l'emozione, le loro facce si fecero di un color bruno sporco quando Margherita *entrò a precipizio nella sala* col suo seguito in cui Azazello s'era inserito non si sa come.

В итальянском языке способ движения, как правило, лексически выражается, когда он релевантен для целей коммуникации. В примере (403a) подробно описывается полет различных героев, поэтому из расширенного контекста уже известно читателю, что речь идет о полете (в итальянском переводе (403b) применяется для описания полета героев глагол *volare*, выражающий способ движения). В связи с этим, приставочный глагол *влететь* переводится при помощи глагола *entrare*, кодирующего только структуру маршрута. Из предыдущего контекста информация о способе уже известна, а здесь как раз важно передать указание на пересечение границы ориентира.

(403a) К тому же Артур с Арнольдом летели каким-то бабьим брассом, а движения крыльев Сэма скорее напоминали бабочек, поэтому двигался он намного быстрее и ему даже иногда приходилось зависать в воздухе, чтобы подождать спутников. Летели молча. Сэм описывал широкие круги вокруг Артура и Арнольда, которые угрюмо посматривали на его эволюции; особенно плохо было Арнольду, которого тянула к земле поблескивавшая в его брюхе рубиновая капля. Куда летел Сэм, было непонятно – он выбирал дорогу по ему одному известным приметам, несколько раз поворачивал и менял высоту, зачем-то **влетел в окно**, промчался по длинному пустому чердаку и вылетел с другой стороны; [...]

(403b) Aggiungete poi che Artur e Arnold volavano in una sorta di stile rana femminile, mentre il movimento delle ali di Sam ricordava più la farfalla; per questo andava molto più veloce, e spesso gli toccava fermarsi a mezz'aria per aspettare i suoi compagni. Volavano in silenzio. Sam descriveva ampi cerchi intorno ad Artur e Arnold, che osservavano accigliati le sue evoluzioni. Chi stava peggio era Arnold, trascinato verso terra dalla goccia rosso rubino che gli brillava nella pancia. Non capivano dove stesse volando Sam: lo straniero sceglieva la strada basandosi su indizi noti soltanto a lui,

cambiava spesso direzione, saliva e scendeva di quota e una volta — per chissà quale motivo — *entrò* persino *in una finestra*, sfrecciando rasente al lungo soffitto deserto per poi uscire dall'altro lato.

При переводе примера (404a) на итальянский язык лексически описывается способ движения субъекта при помощи наречной конструкцией, передающей медленное, плавное появление субъекта в новую область пространства (в новую пространственную сцену). Структура маршрута, указывающая именно на эту смену локализации, выражается глаголом *entrare*.

(404a) Дня через два после "британского инцидента", я сидел в новом и очень покойном кресле с большим томом на коленях, когда, постучав в дверь колечком на пальце, *вплыла* Шарлотта.
(404b) Un paio di giorni dopo l'incidente Britannico sedevo, un ponderoso tomo in grembo, su una comodissima sdraio nuova quando Charlotte bussò con la fede ed *entrò con aria disinvolta*.

В примере (405b) применяется глагол *entrare* в качестве соответствия глаголов *въехать* и *войти*, несмотря, на то, что передвижение не направлено внутрь замкнутого пространства (контейнера). Однако, выбор *entrare* может быть оправдан тем, что понятие контейнера можно себе представить как некое разбиение пространственного континуума. Глагол *entrare* обозначает вступление в новую область пространства, в новую пространственную сцену, отличную от предыдущей. Кроме того, это описание травы тоже участвует в создании образа контейнера, т. е. нового пространства, четко отделенного от того пространства, откуда субъект передвигается. Трава описывается как высокая и образующая специфическую область пространства.

(405a) Утренняя роса еще оставалась внизу на густом подседе травы, и Сергей Иванович, чтобы не мочить ноги, попросил довести себя по лугу в кабриолете до того ракитового куста, у которого брались окуни. Как ни жалко было Константину Левину мять свою траву, он *въехал в луг*. Высокая трава мягко обвивалась около колес и ног лошади, оставляя свои семена на мокрых спицах и ступицах. Брат сел под кустом, разобрал удочки, а Левин отвел лошадь, привязал ее и *вошел в недвижимое ветром огромное серо-зеленое море луга*.

(405b) Accostandosi al prato, fermò il cavallo. C'era ancora guazza nel folto del prato e Sergej Ivanovic, per non bagnarsi i piedi, chiese d'esser portato in calesse fino al cespuglio di citiso presso cui si pescava il pesce persico. Per quanto dispiacesse a Konstantin Levin di calpestare l'erba, *entrò nel prato*. L'erba alta si avvinceva morbida intorno alle ruote del calesse e alle zampe del cavallo,

lasciando i semi sui raggi bagnati e sui mozzi. Sergej Ivanovic, approntate le lenze, sedette sotto il cespuglio e Levin allontanò il cavallo, lo legò, ed *entrò nell'immenso mare grigioverde del prato non mosso dal vento*.

Более обобщенно, понятие контейнера может отражать нашу концептуализацию пространства и его условное (стандартное) деление на значимые области, как в примере (406а), в котором описывается передвижение в город, в том числе и пересечение его границы. Можно предположить, что именно по этой причине при переводе применяется глагол *entrare*, указывающий на структуру маршрута.

(406а) К этому времени мы уже доехали до полынной степи, и я был награжден деньком-другим прекрасного умиротворения (дурак, говорил я себе, ведь все хорошо, эта тяжесть зависела просто от застрявших газов); и вскоре прямоугольные возвышенности уступили место настоящим горам, и в должный срок мы *въехали в городок Уэйс*.

(406б) Eravamo ormai nella terra dell'artemisia, e seguirono un paio di giorni di meraviglioso sollievo (che stupido ero stato, andava tutto benissimo, quel senso di disagio era solo flato intrappolato), e dopo un po' le mesas lasciarono il posto a vere montagne, ed *entrammo per tempo nella città di Wace*.

Интересно отметить, что в зависимости от того, на чем фокусируется внимание и каким образом концептуализируется та область пространства, в которой совершается передвижение (+/- релевантность понятия контейнера для восприятия ориентира), одно и то же событие движения, например, передвижение в населенный пункт, может передаваться различными средствами при переводе на итальянский язык. В примерах (407б) и (407в) фокус падает на достижение конечной точки, а не на пересечение границы ориентира. Этим, на наш взгляд, оправдывается выбор глагола *giungere*, посредством которого передается достижение цели передвижения, а не пересечение ее границы. Кроме того, в обоих итальянских переводах уточняется также информация о способе движения: в (407б) она выражается при помощи наречной конструкции, описывающей темп движения, а в (407в) – деепричастием.

(407а) И столба не заметили. *В Варыкино влетели* засветло и стали у старого Живаговского дома, так как по дороге он был первым, ближе Микулицынского. Ворвались в дом торопливо, как грабители, — скоро должно было стемнеть. Внутри было уже темно.

(4076) E così non se ne accorsero. Era ancora giorno quando *giunsero di gran carriera a Varykino*, davanti alla vecchia casa dei Zivago, che, arrivando dalla strada, era la prima, più vicina di quella di Mikulicyn. V'irruperero dentro, come ladri, in gran fretta, perché la notte era ormai imminente: all'interno infatti era già buio.

(407в) E non lo notarono. *A Varykino giunsero volando* che era ancora giorno e si fermarono alla vecchia casa di Živago, la prima che si incontrava sulla strada, più vicina di quella di Mikulicyn. Si infilarono in fretta, come rapinatori – mancava poco al calare dell'oscurità.¹⁷⁴

В вышеприведенных примерах (4076) и (407в) лексически семантика префикса *в-* опускается. Далее рассмотрим другие контексты, в которых при переводе на итальянский язык не имеется специализированного элемента поверхностной структуры, передающего семантический вклад префикса *в-*.

В переводе (4086), например, лексически опускается семантический вклад префикса *в-*, т. е. компонент, обозначающий передвижение внутрь. Глаголом *arrivare* кодируется маршрут (структура маршрута), однако, он, как и его синоним *giungere* в примерах (4076) и (407в), не обязательно указывает на передвижение внутрь, поскольку фокус действия именно на достижении конечной точки. В примере (4086) способ движения кодируется при помощи наречной конструкции, а векторная составляющая маршрута – посредством предложной конструкции.

(408а) На следующее утро, ровно в восемь, *ко мне вбежал* запыхавшийся Коля.

(4086) La mattina dopo, alle otto in punto, *arrivò da me di corsa*, ansimando, Kolja.

Пример (4096) интересен тем, что в нем, как и в предыдущем примере (4086), лексически семантика префикса *в-* не передается, а переводится только вектор маршрута, кодируемый в русском тексте (409а) предложно-падежной конструкцией. Способ движения выражается глаголом (*corsero*), как в русском оригинале (409а). Можно предположить, что невозможность использования специализированного элемента для выражения движения внутрь (например, *dentro*) обусловлена тем, что в русском языке для создания образа контейнера может быть достаточно, условно говоря, меньшее число ограничивающих сторон, чем в итальянском.

¹⁷⁴ Pasternak, B.L. *Il dottor Živago*. Milano. Feltrinelli. 2020: 470.

(409a) Дарья Александровна, с трудом борясь с своими облепившими ее ноги юбками, уже не шла, а бежала, не спуская с глаз детей. Мужчины, придерживая шляпы, шли большими шагами. Они были уже у самого крыльца, как большая капля ударилась и разбилась о край железного желоба. Дети и за ними большие с веселым говором *вбежали под защиту крыши*.

(409б) Dar'ja Aleksandrovna, lottando con fatica con le sottane che le si erano come incollate alle gambe, non camminava più, ma correva, senza togliere gli occhi di dosso ai fanciulli. Gli uomini, trattenendo il cappello, camminavano a passi lunghi. Erano già proprio alla scalinata, quando una grossa goccia batté e si infranse contro l'estremità della grondaia di ferro. I bambini, e dietro loro i grandi, *corsero* con allegro vocìo *sotto la protezione del tetto*.

Схожим образом, при переводе на итальянский язык примера (410a) семантика префикса *в-* лексически не выражается. Здесь тоже можно предположить, что выбор переводчика оправдан нерелевантностью понятия контейнера (в восприятии итальянского читателя передвижение на балкон воспринимается скорее как движение в более открытую область пространства). Кроме того, наблюдается частичный сдвиг фокуса, поскольку смысл глагола движения с префиксом *в-* передается при помощи глагола *andare*, кодирующего маршрут движения, и наречной конструкции, выражающей способ движения. Однако, в отличие от приставочного глагола русского языка, глагол *andare* обозначает только само передвижение из исходной точки: он не выражает ни достижения конечной точки, ни пересечения границы ориентира, т. е., в итальянском тексте (410б) фокус события переносится на серединную порцию маршрута.

(410a) И, распорядившись послать за Левиным и о том, чтобы провести запыленных гостей умываться, одного в кабинет, другого в большую Доллину комнату, и о завтраке гостям, она, пользуясь правом быстрых движений, которых она была лишена во время своей беременности, *вбежала на балкон*.

(410б) E, dato l'ordine di mandare a chiamare Levin e di condurre gli ospiti impolverati a lavarsi, l'uno nello studio, l'altro nella camera che era stata di Dolly, e di preparare la colazione agli ospiti, compiacendosi della facoltà di muoversi agilmente di cui era stata privata durante la gravidanza, *andò di corsa al balcone*.

Рассмотрим далее пару примеров, в которых маршрут выражается посредством корреляции префикса *в-* и предложно-падежной конструкции *на* + вин. п., обозначающей передвижение вверх и внутрь. Интересно обратить внимание на то, что при переводе на

итальянский язык не имеет специализированного элемента поверхностной структуры для передачи семантики префикса *в-*. Сказанное проиллюстрируем при анализе итальянского примера (411б), в котором нас интересует, в частности, то, каким образом передается выражение *вбежать на лестницу*. При его переводе семантика префикса *в-* лексически опускается: кодируется только передвижение по лестнице при помощи предложной конструкции, не уточняющей при этом направление движения, вверх или вниз, хотя эту информацию можно восстановить из контекста. Способ движения кодируется глаголом, и является фоновым элементом высказывания, как в русском тексте (411а).

(411а) Не позаботясь даже о том, чтобы проводить от себя Бетси, забыв все свои решения, не спрашивая, когда можно, где муж, Вронский тотчас же поехал к Карениным. Он *вбежал на лестницу*, никого и ничего не видя, и быстрым шагом, едва удерживаясь от бега, *вошел в ее комнату*.

(411б) Senza curarsi neppure di accompagnare a casa Betsy, dimentico di tutte le proprie decisioni, senza chiedere quando si poteva, e dove fosse il marito, Vronskij andò subito dai Karenin. *Corse per la scala, senza veder nulla e nessuno e, a passo veloce, entrò, trattenendosi appena dal correre, nella camera di lei.*

В примере (412а) наблюдается тот же тип ситуации движения, который описан в предыдущем примере (411а): глаголом движения с префиксом *в-* в корреляции с предложно-падежной конструкцией (*на* + вин. п.) обозначается передвижение одновременно вверх и внутрь ориентира. В итальянском переводе (412б) в качестве соответствующего выражения применяется глагол *salire* ('подниматься') в сочетании с предложной конструкцией, кодирующей передвижение вверх. Информация о передвижении, направленном в относительно более замкнутое пространство, лексически не выражается, но ее можно восстановить из контекста: в итальянском представлении также понятие крыльца, как и в русском, может предполагать пристройку, частично определяющую то пространство как полузамкнутое и отделенное от внешней окружающей среды.

(412а) Чуть покачиваясь от слабости, он шел, но не домой, а в глубь поселка, все шел и шел – к одноэтажным, двухэтажным, трехэтажным деревянным дворцам... Он *вошел на первое же крыльцо* и дернул ручку двери. Дверь скрипнула и тяжело отошла.

(412б) Vacillando lievemente per la debolezza si avviò — non a casa, però, ma all'interno del villaggio; continuò a camminare, a camminare: verso palazzi di legno a uno, due, tre piani... *Salì sul*

primo terrazzino d'ingresso e diede uno strattone alla maniglia della porta. La porta scricchiolò e si aprì pesantemente.

Как мы отметили выше (в начале этого параграфа) при переводе приставочных глаголов с префиксом *в-* на итальянский язык может применяться глагол *entrare*, передающий ту информацию о структуре маршрута, которая содержится в семантике префикса *в-*. Помимо этой стратегии наблюдаются также другие способы передачи этого компонента маршрута. Речь идет о выражениях аналитического типа, т. е. о конструкциях с опорным глаголом, состоящих из глагола *fare* и существительного, как в примере (413б). Отметим, что в отличие от глагола *entrare*, выражение *fare il proprio ingresso* является маркированным и в какой-то степени привлекает внимание читателя именно на пересечение границы ориентира.

(413а) Двустворчатая огромная дверь раскрылась, и *в пересыльный барак вошел* раздатчик.

(413б) L'enorme porta a due battenti si spalancò e *nella baracca di transito fece il suo ingresso* il dispensiere.

Соответствие аналитического типа встречается также в примере (414б), в котором конструкцией с опорным глаголом кодируются структура маршрута и способ движения.

(414а) После завтрака нарядчик *влетел в барак* со списком, с маленьким списком, как сразу облегченно отметил Андреев.

(414б) Dopo colazione l'intendente *fece irruzione nella baracca* con una lista, una lista breve, come Andreev notò immediatamente con grande sollievo.

Фокус на пересечении границы ориентира может наблюдаться тоже при переводе русского примера (415а): в итальянском тексте в качестве соответствия глагола *войти* употребляется глагол *varcare*, фокусирующийся не столько на передвижении внутрь, сколько на самом пересечении границы ориентира.

(415а) Ясно было одно: мы будем возвращены в лагерную зону, опять *войдем в ворота* с обязательной, официальной, казенной надписью: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства».

(4156) Solo una cosa era certa: ci avrebbero fatti tornare al lager, *avremmo* di nuovo *varcato il portone* sormontato dall'immutabile iscrizione governativa: «Il lavoro è una questione d'onore, una questione di gloria, una questione di valore e di eroismo»

Далее приведем анализ некоторых примеров, в которых при переводе на итальянский язык наблюдается компактный образ передачи компонентов движения. В этих переводах глаголом выражаются как способ, так и структура маршрута, т. е. та составляющая маршрута, которая маркирует переход в новую область пространства. Кроме того, предложной конструкцией уточняется, как правило, информация о векторе маршрута. В качестве примера рассмотрим итальянский перевод (4166), в котором структура и способ движения передаются компактным образом глаголом *penetrare*, обозначающим передвижение внутрь ориентира с трудом, за счет какого-то усилия.

(416a) Взяв щетку под мышку, Маргарита *вошла в подъезд*, толкнув дверь удивленного швейцара, и увидела рядом с лифтом на стене черную громадную доску, а на ней выписанные белыми буквами номера квартир и фамилии жильцов.

(4166) Presa la spazzola sotto il braccio, essa *penetrò nell'atrio* urtando con la porta il guardaportone meravigliato e sulla parete a fianco dell'ascensore scorse un'enorme lavagna nera che recava scritti in bianco i numeri degli appartamenti e i cognomi degli inquilini.

Схожим образом, в примерах (417a) и (4176) можно увидеть некую симметрию в кодировании различных компонентов движения. В русском тексте глаголом выражаются структура маршрута и способ движения, в то время как векторная составляющая маршрута определяется предложно-падежной конструкцией. Со своей стороны в итальянском тексте (4176) глаголом *irrompere* (см. сноску 84) выражаются структура маршрута и способ движения, в то время как информация о векторе маршрута передается при помощи конструкции с предлогом *in*.

(417a) Оба мы шумно, как дети, мокрые, запыхавшиеся, стуча по лестницам, *влетели в комнаты*.

(4176) Facendo gran rumore, come bambini, fradici, senza fiato, battendo i piedi sulle scale, *irrompemmo nelle stanze*.

Схожая стратегия применяется тоже в примере (418б), в котором глаголом *pioombare* выражаются структура маршрута и способ движения, а вектор маршрута определяется при помощи предложной конструкции, указывающей здесь на передвижение в более замкнутое пространство.

(418а) За минуту до конца он **вбежал** к ним в купе, схватил Григория Осиповича за руку, хотел что-то сказать, но не мог и, выбежав на площадку, бросился с поезда.

(418б) Un momento prima della sua fine, **era piombato nel loro scompartimento**, aveva afferrato Grigorij Osipovich per un braccio, come se avesse voluto dire qualcosa, ma senza riuscirvi, ed era corso di nuovo fino alla piattaforma, per gettarsi dal treno.

В итальянском переводе (419б), как и в предыдущих примерах ((416б)-(418б)), глаголом кодируется как способ движения, который становится фоновым элементом как в русском тексте, так и структура маршрута, а информация о векторе маршрута передается при помощи конструкции с предлогом *in*. Важно обратить внимание на то, что в семантике глаголов, участвующих в образовании этих компактных конструкций (см. примеры (416б)-(419б)), заложена некая направленность движения (стремительное, внезапное продвижение вверх и вперед в случае глагола *balzare*), которая актуализируется при определенных контекстных условиях.

(419а) Прыгая в мутных реках, бандиты в одну секунду доволокли полуживого администратора до дома № 302-бис, **влетели** с ним в подворотню, где к стенке жались две босоногие женщины, свои туфли и чулки держащие в руках.

(419б) Saltando tra i fiumi torbidi e illuminandosi coi lampi, i banditi trascinarono in un batter d'occhio l'amministratore mezzo morto fino al 302 bis, **balzarono nell'androne** dove si stringevano al muro due donne scalze che tenevano in mano le scarpe e le calze fradice.

Интересно обратить внимание и на иной тип компактной конструкции при переводе на итальянский язык. Покажем ее при анализе перевода в (420б). В нем способ движения выражается глаголом, как в русском тексте, и как и в предыдущих переводах (см. (416б)-(419б)). Однако, в этом случае глаголом выражаются только способ и некая направленность движения, а структура маршрута передается отдельно, сателлитной частицей *dentro*, кодирующей пересечение границы ориентира. Как мы уже отметили в этой главе, этот тип

синтагматической конструкции (а именно, *verbo sintagmatico*) характеризует прежде всего языки сателлитного типа, поскольку в ней маршрут кодируется сателлитом, а не глаголом.

(420a) "Гм... Спокойно... — подумал профессор, — он *влетел*, когда я отходил от окна. Все в порядке", — приказал себе профессор, чувствуя, что все в полном беспорядке и, конечно, главным образом из-за этого воробья.

(420б) "Hm... calma! — pensò il professore. — *È volato dentro* quando io mi sono allontanato dalla finestra. Tutto è a posto!", ordinò a se stesso, pur sentendo che tutto era fuori posto, e soprattutto per colpa del passero, naturalmente.

Информация о маршруте выражается сателлитной частицей также в примере (421б), в котором применяется глагол *correre*, обозначающий передвижение бегом в сторону конечной точки и включающим в себя как информацию о способе движения, так и о векторе маршрута. Вклад префикса *в-* отображается только в применении предложной конструкции, указывающей здесь на передвижение внутрь ориентира. Важно здесь подчеркнуть, что итальянский глагол *correre* сам по себе не указывает на пересечение границы ориентира (см. сноску 134), его семантика ориентирована на достижение цели передвижения, а не на передвижение в новую область пространства, хотя эта информация может уточняться иными элементами контекста, как в примере (421б).

(421a) Когда покойника привезли по месту последнего жительства в Камергерский, и извещенные и потрясенные известием о его смерти друзья *вбежали с парадного в настежь раскрытую квартиру* с ополоумевшей от страшной новости Мариной, она долгое время была сама не своя, [...].

(421б) Non appena il morto venne trasportato nella casa dove aveva abitato ultimamente, al Kamergèrskij, gli amici, sconvolti dalla notizia, *erano accorsi nell'appartamento* insieme a Marina, che al terribile annuncio era quasi impazzita.

Стратегия, представленная при переводе нижеприведенных примеров (422a) и (423a) сильно не отличается от той компактной конструкции, которую мы приняли во внимание при анализе примера (420б). Во всех итальянских примерах ((420б), (422б), (423б)) глаголом (*volare, correre*) передается информация о способе движения и о направленности движения, но только в примере (420б) применяется сателлитная частица для передачи семантики префикса *в-*. В примерах (422б) и (423б) не используется специализированный элемент поверхностной

структуры, маркирующий переход в новую область пространства. В примерах (422б) и (423б) информация о структуре маршрута может восстанавливаться только из направительной интерпретации, приписываемой в этом контексте предложным конструкциям, предполагающей также пересечение границы ориентира.

(422а) — Итак, господин коллежский регистратор, я вас слушаю. В этот момент дверь без стука отворилась и *в комнату влетела* светловолосая барышня с очаровательно покрасневшимся личиком.

(422б) «Allora, signor registratore di collegio, vi ascolto,» In quel momento la porta si aprì senza che nessuno avesse bussato, e *nella stanza volò* una signorina bionda dall'incantevole visino acceso.

Подчеркнем, что в примере (423б) применение формы имперфекта может (отчасти) повлиять на то, какая интерпретация (направительная или локативная) может приписываться предложной конструкции, обозначающей здесь скорее передвижение внутрь ориентира. Иначе говоря, за счет присутствия глагола в форме имперфекта направительная интерпретация предложной конструкции несколько менее очевидна (прозрачна // предсказуема), чем в примере (422б).

(423а) Подошел к окну, постучал он пальцами в стекло и закричал: «Эй, Прошка!» Через минуту было слышно, что кто-то *вбежал впопыхах в сени*, долго возился там и стучал сапогами, наконец дверь отворилась и *вошел* Прошка, мальчик лет тринадцати, в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул из них ноги.

(423б) Avvicinatosi alla finestra, picchietto con le dita sul vetro e chiamò: «Ehi, Proska!» Un minuto dopo si sentì qualcuno che *correva in fretta e furia nel vestibolo*, vi trafficava a lungo e sbatacchiava degli stivali, poi finalmente la porta si aprì ed *entrò* Proska, un ragazzino di circa tredici anni, con un paio di stivali così grandi che, camminando, per poco non ne sfilava i piedi.

Наконец, рассмотрим некоторые примеры, в которых при переводе на итальянский язык фокус падает на вектор маршрута, указывающий на обратное передвижение в прежнюю локализацию субъекта. Когда из контекста можно подразумевать, что в тексте описывается обратное движение в то место, откуда субъект начал передвигаться или где он уже был по мере движения, в качестве соответствия глаголов движения с префиксом *в-* можно применять глагол *rientrare*, как показано в примере (424б). Глагольной лексемой *rientrare* кодируются структура маршрута и значение обратного передвижения (рефактива).

(424a) И maman смеялась... maman! Боже мой, зачем ты дал мне такую мать? Зачем?» Но идти в дом нужно было, во что бы то ни стало. Он раза три прошелся по аллее, немного успокоился и *вошел в дом*.

(424б) E maman rideva... Maman! Dio, perché mi hai dato una madre così? Perché?» Ma occorreva a qualunque costo ritornare; fece qualche giro per il viale, e un poco calmato *rientrò in casa*.

Обратное передвижение может выражаться также при помощи оборота *essere di ritorno*, фокусирующегося на достижении субъектом конечной точки (и на пересечении границы ориентира), как в примере (425б), в котором способ движения лексически не выражается.

(425a) Она не окончила мысли, а покрасневшая Катя *влетела в комнату*.

(425б) Non ultimò il suo pensiero perché Katja, rossa e affannata, *era già di ritorno*.

В примере (426a) употребление наречия *опять* предполагает повторное передвижение субъекта в прежнюю локализацию. В итальянском тексте (426б) это значение передается при помощи глагола *tornare*, кодирующего вектор маршрута. Информация о способе движения выражается отдельно, посредством наречной конструкции, характеризующей темп движения субъекта.

(426a) Тут опять *вбежала* обычным своим аллюром спелая молодая шлюха, воня мочой и чесноком, с газетой "Дезерет", которую моя прелестная пациентка жадно схватила, не обращая внимания на роскошно иллюстрированные тома, принесенные мной.

(426б) **Col solito passo fulmineo tornò** la frolla, giovane donnaccia, puzzolente di urina e di aglio, con il «Deseret News»; la sua bella paziente lo accolse con entusiasmo, ignorando i volumi sontuosamente illustrati che le avevo portato io.

Результаты нашего сопоставительного анализа можно систематизировать по тому, актуализируются ли при переводе на итальянский язык следующие признаки и какими средствами: вектор маршрута, структура маршрута, пересечение границы ориентира, способ движения, релевантность понятия контейнера, выраженная семантика префикса *в-*. В частности, отметим, что, как правило, когда имеется специализированный элемент поверхностной структуры для передачи семантики префикса *в-* (глагол, конструкция с опорным глаголом, сателлитная частица) кодируется структура маршрута, маркирующая

переход в новую область пространства. В этих контекстах релевантны, как правило, понятия пересечения границы ориентира и контейнера для концептуализации той области пространства, относительно которой передвигается субъект. Кроме того, наблюдается некая корреляция между нерелевантностью понятия контейнера и отсутствием элемента поверхностной структуры, кодирующей семантику префикса *в-*. В этих случаях фокус падает на достижение конечной точки, и, как правило, лексически не выражается пересечение границы ориентира. Что касается способа движения, как мы уже отметили, этот компонент лексически выражается только в тех контекстах, в которых он значим для целей коммуникации. Он может передаваться отдельно, деепричастием или наречной конструкцией, что отражает типичную для языков глагольного типа модель лексикализации события движения. Однако, способ может также выражаться глаголом, в том числе и в сочетании с сателлитной частицей, как в языках сателлитного типа, к которым относится русский язык.

Заключение к Третьей главе

В этой главе мы представили подбор глагольных префиксов с пространственной семантикой, выбранных для целей сопоставительного анализа. Для каждого префикса мы рассмотрели прежде всего его словарное толкование, представленное в некоторых толковых словарях современного русского языка, сосредотачиваясь на пространственных значениях, описываемых в данных источниках. Внимание уделялось также описанию семантики приставочных глаголов движения, представленному в Русской Грамматике 1980 г. Далее, мы описали пространственную семантику каждого префикса согласно концепциям, разработанным различными авторами (Dickey 2010; Endresen et al. 2012; Janda 1986, 1988; Talmy 1975, 2007; Апресян 1995; Добрушина, Меллина, Пайар 2001), после чего мы обратились к функционированию префиксов в составе глаголов движения. Для каждого префикса мы провели сопоставительный анализ на основе материала из русско-итальянского параллельного корпуса НКРЯ, фокусируя свое внимание на контекстах употребления приставочных глаголов в русском языке и на возможных стратегиях их передачи на итальянский язык.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование посвящено лексикализации события движения в русском языке в сопоставлении с итальянским. Теоретическая рамка этой работы основывается прежде всего на той концепции события движения, которую разработал Л. Талми в своих исследованиях, выполненных в русле когнитивного подхода к изучению лексикализации пространственных отношений и передвижения в пространстве. В частности, в ходе анализа мы опирались на выявленные и описанные автором концептуальные компоненты события движения, среди которых определяющую роль играют следующие составляющие: (само) движение как таковое (*Motion*), фигура, т. е. движущийся субъект (*Figure*), ориентир или фон, т. е. объект или область пространства, относительно которого совершается передвижение (*Ground*) и маршрут (*Path*), представляющий собой траекторию, по которой передвигается субъект. Кроме того, в зависимости от события движения, в нем могут участвовать также иные компоненты, такие, например, как способ (*Manner*), который в русском языке выражается обязательно, или каузатор (*Cause*) движения. Как известно, согласно классификации Талми, языки мира могут относиться к двум различным типам, глагольного или сателлитного, в зависимости от того, чем выражается информация о маршруте. Напомним здесь, что в языках глагольного типа (*verb-framed languages*), к которым относят романские языки, маршрут, как правило, выражается глаголом, в то время как, в языках сателлитного типа (*satellite-framed languages*), к которым принадлежат славянские языки, маршрут выражается так называемым 'сателлитом'. К сателлитам относятся те элементы, которые, вне зависимости от их формального статуса, относятся к глагольной группе и участвуют в выражении маршрута движения (Talmy 2000a, 2000b, 2007).

При анализе языковых средств, выражающих компоненты события движения в русском языке, мы уделили особое внимание семантическому вкладу глагольных префиксов, участвующих в кодировании маршрута движения. В ходе сопоставительного анализа, которому посвящена Третья глава нашей работы, мы описали пространственную семантику выбранных нами глагольных префиксов, определили их семантический вклад в лексикализацию события движения и проанализировали некоторые возможные соответствия русских приставочных глаголов движения при переводе на итальянский язык. Для целей нашего анализа мы решили представить префиксы в определенном порядке: сначала мы сфокусировали наше внимание на тех префиксах, которые описывают в разной степени удаление из исходной точки движения. В эту группу мы включили префиксы *вы-*, *от-* и *у-*. Далее мы рассмотрели префиксы *пере-* и *про-*, ориентированные на преодоление какого-либо

пространственного интервала, и особенно не фокусирующиеся на исходной или конечной точке движения. Наконец, мы рассмотрели пространственную семантику префиксов *до-*, *при-* и *в-*, ориентированные на достижение конечной точки. Мы считаем, что этот порядок представления приставок позволяет лучше выявить какие нюансы пространственной семантики префиксов, ориентированных на один и тот же участок маршрута, могут опускаться, а какие выражаются обязательно и какими языковыми средствами при переводе на итальянский язык. Кроме того, на наш взгляд, этот подход к описанию пространственной семантики префиксов глаголов движения может оказываться полезным (эффективным) также при усвоении русского языка итаоговорящими учащимися.

Из нашего сопоставительного анализа высвечивается довольно сложная картина как в плане составной семантической структуры русских префиксов, так и в плане возможных итальянских соответствий. Перед тем, как обратить внимание на характеристики пространственной семантики отдельных префиксов и на стратегии передачи их семантического вклада при переводе на итальянский язык, мы подчеркнем некоторые особенности, отличающие итальянские соответствия.

Результаты нашего сопоставительного анализа показывают, что несмотря на то, что итальянский язык относят к языкам глагольного типа, наблюдаются также стратегии передачи информации о событии движения, которые характеризуют прежде всего языки сателлитного типа, в том числе и русский язык. В частности, в ходе анализа мы неоднократно обращали внимание на синтагматические конструкции (*verbi sintagmatici*), в составе которых входит частица, относящаяся к глаголу движения и выполняющая функцию сателлита, т. е. выражающая информацию о маршруте. Кроме того, в итальянском языке встречаются также компактные способы выражения компонентов события движения, характеризующие в основном языки сателлитного типа. Речь идет, например, о глагольных лексемах типа *irrompere, fuggire, scappare*, включающих в себя информацию как о способе, так о маршруте движения.

Из рассмотренных в параграфе 3.1 примеров видно, что пространственная семантика префикса *вы-* состоит из нескольких составляющих, которые могут актуализироваться при подходящих контекстных условиях. В частности, при сопоставительном анализе выявляется противопоставление компонентов пространственной семантики префикса *вы-* 'удаление субъекта из исходной точки' и 'передвижение в более открытую и видимую область пространства'. Когда в результате передвижения субъект оказывается в более открытой и видимой области пространства, при переводе на итальянский язык могут применяться глагольные лексемы (*entrare, emergere, spuntare, sbucare*), описывающие появление субъекта

в пространственной сцене. Более того, при рассмотрении итальянских переводов приставочных глаголов с префиксом *vy-* выявляется употребление синтагматической конструкции (*verbi sintagmatici*), характеризующей, как правило, языки сателлитного типа. Итальянские сателлитные частицы, входящие в состав синтагматических конструкций, могут относиться как к глаголам, кодирующим информацию о маршруте (*andare via, tornare fuori*), так и к глаголам, выражающим способ движения (*correre via, volare fuori, scivolare fuori*). Более того, в тех случаях, когда сателлитные частицы относятся к итальянским глаголам, кодирующим одновременно информацию о маршруте и о способе движения (*fuggire, scappare*), они выполняют усилительную функцию, дублируя информацию о маршруте движения. Среди итальянских частиц, выполняющих функцию сателлита, высвечиваются *via* и *fuori*. Сателлит *via* передает, как правило, компонент удаления из исходной точки движения, присущий семантике префиксов *vy-*, *om-* и *y-*. С другой стороны, сателлит *fuori* (ср. *balzò fuori* в примере (144б)) маркирует передвижение изнутри наружу, характеризующее префикс *vy-* и отличающее его пространственное значение от семантики префиксов *om-* и *y-*. Кроме того, семантика префикса *vy-* отличается еще релевантностью понятия пересечения границы ориентира (*boundary-crossing constraint*), которое отличает его от близких ему префиксов *om-* и *y-*, пространственная семантика которых фокусируется на увеличивающемся по мере передвижения расстоянии между субъектом и ориентиром (*om-*) и на исчезновении субъекта из поля зрения наблюдателя (*y-*).

В параграфе 3.2 мы отметили, что в пространственной семантике префикса *om-* заложены некоторые специфические составляющие: отдаление от исходной точки, увеличивающееся по мере передвижения расстояния между субъектом и ориентиром (*reversal*), а также потеря связи (контакта) с ориентиром. Эти семантические компоненты префикса *om-* могут передаваться в итальянском языке различными способами. В частности, отдаление от исходной точки может выражаться в итальянском языке глаголом (*allontanarsi, assentarsi, scostarsi*), а также синтагматической конструкцией (например, *volò via* в итальянском переводе (179б) и *scappò via* в (180б)). В иных случаях глаголом выражается именно потеря связи с ориентиром (*lascero* (163б), *si staccò* (164б)), или отдаление от исходной точки (*se ne andò* (177б), *partivano* (175б)), а понятие *reversal* может оказаться второстепенным. Наконец, наблюдаются случаи, в которых при переводе на итальянский язык полностью теряется информация об отдалении субъекта от ориентира и выражается только последний этап того события движения, который описывается в русском тексте при помощи предложно-падежной конструкции (*к + дат. п.*), т. е. продвижение в сторону конечной точки (ср. *si avvicinò alla finestra* (181б), *volò verso la finestra* (185б)).

Сложная пространственная семантика характеризует также префикс *у-*, как мы отметили в параграфе 3.3. В итальянских соответствиях может эксплицитно выражаться один из компонентов семантики префикса *у-*, в то время как остальные могут опускаться и, в некоторых случаях, восстанавливаться из контекста. Компоненты пространственной семантики префикса *у-*, т. е. удаление из исходной точки и исчезновение из поля зрения наблюдателя, могут передаваться как глаголом (*fuggire, filare, scappare*), так и сателлитом, образующим синтагматические конструкции (*andare via*). Глагольные лексемы типа *partire, andarsene, andare via* маркируют удаление из исходной точки, в то время как глагол *scomparire* фокусируется на исчезновении из поля зрения наблюдателя. Следует также учесть тот факт, что в некоторых итальянских соответствиях не имеется специализированного элемента поверхностной структуры для выражения семантики префикса *у-* (ср. *era andato al fiume, corse nei campi*). В этих случаях только при ознакомлении с (расширенным) контекстом, как правило, может восстанавливаться информация о различных этапах пройденного субъектом маршрута. Выявленные в ходе сопоставительного анализа компоненты пространственной семантики префиксов *вы-*, *от-*, *у-* представим в Таблице 7.

Таблица 7

	передвижение изнутри наружу (в более открытую область пространства)	удаление из исходной точки движения	увеличивающееся расстояние между субъектом и ориентиром	исчезновение из поля зрения наблюдателя	пересечение границы ориентира
префикс <i>вы-</i>	+	+	–	–	+
префикс <i>от-</i>	–	+	+	–	–
префикс <i>у-</i>	–	+	– / +	+	+

Параграфы 3.4 и 3.5 посвящены префиксам *пере-* и *про-* и возможным соответствиям их семантического вклада при переводе на итальянский язык. Пространственная семантика этих префиксов ориентирована на преодоление определенного пространственного интервала, т. е. в фокусе внимания оказывается, как правило, серединная порция маршрута, а не исходная или конечная точка движения. В этом смысле эти префиксы определяются как «покрывающие» (*spanned*) приставки (Флайер 1997). Применение термина обусловлено тем, что при концептуализации маршрута, описываемого префиксами *пере-* и *про-*, релевантно именно передвижение от одной границы, начальной, к другой, конечной границы той области пространства, по которой передвигается субъект по определенному маршруту. Именно

‘морфология’ маршрута отличает пространственную семантику префикса *про-* от той, которую можно приписать префиксу *пере-*. В частности, префикс *про-* называет передвижение, которое совершается прямо через внутреннюю часть области пространства, в то время как при употреблении префикса *пере-* передвижение может осуществляться также по периферийным контурам пространственной области (см. Флайер 1997: 35-37).

Различие между семантикой префиксов *про-* и *пере-* состоит в том, что при употреблении префикса *про-* фокус падает скорее всего на заполнение пространственного интервала по мере передвижения, т. е. на расстояние между начальной и конечной точки. Эта особенность отражается и при переводе на итальянский язык: среди соответствий приставочных глаголов движения с префиксом *про-* фигурирует глагольная лексема *percorrere*, указывающая на передвижение через определенный пространственный интервал. Кроме того, как видно из сопоставительного анализа, представленного в параграфах 3.4 и 3.5, некоторые глагольные лексемы итальянского языка, такие, например, как *attraversare*, *oltrepassare*, *passare* могут употребляться при переводе как приставочных глаголов с префиксом *про-*, так и приставочных глаголов движения с префиксом *пере-*. Это явление, как будет видно из Таблицы 8, может свидетельствовать о том, что префиксы *про-* и *пере-* объединены тем, что оба могут выражать передвижение через определенный пространственный интервал. Различие в том, что при употреблении префикса *пере-* в фокусе внимания оказывается преодоление этого пространственного интервала, который может концептуализироваться также как препятствие (преодолимый ориентир или объект в пути субъекта, ср. *oltrepassò il ponte; hanno attraversato la Sventa*), в то время как семантика префикса *про-* подчеркивает именно заполнение определенного пространственного интервала (ср. *attraversò l'intero Vasilevskij Ostrov*), который, как правило, не воспринимается как препятствие, но может концептуализироваться как объект или точка, к которым до некоторого момента субъект приближается, а после некоторого момента отдалается от них без остановки (ср. *oltrepassarono la serra; passarono vicino correndo*). Со своей стороны, пространственная семантика префикса *пере-* предполагает передвижение из одного места (точки) в другое (в другую, конечную точку), и фокус делается на преодолении этого расстояния и, возможно, препятствия. Более того, семантика префикса *пере-* ориентирована на достижение конечной точки и, возможно, также на пересечение ее границы. Выявленные в ходе сопоставительного анализа компоненты пространственной семантики префиксов *про-* и *пере-* представим в Таблице 8.

Таблица 8

	этапное продвижение вперед	заполнение пространственного интервала, определяемого начальной и конечной точками	приближение к области локализации ориентира и отдаление от него без остановки	преодоление ориентира (препятствия) в пространственном интервале	достижение конечной точки (возможное пересечение ее границы)
префикс <i>пере-</i>	–	–	–	+	+
префикс <i>про-</i>	+	+	+	–	+

Компонент 'поэтапное продвижение вперед', присущий семантической структуре префикса *про-*, играет ключевую роль также в толковании пространственной семантики префикса *до-*. Кроме того, префикс *до-* характеризуется достижением [определенного] предела, в то время как для семантики префикса *про-* релевантны обе точки движения, начальная и конечная, хотя в фокус попадает именно заполнение пространственного интервала. Это различие отражается и в итальянских переводах: среди соответствий приставочных глаголов движения с префиксом *до-* имеются глагольные лексемы *arrivare/ giungere*, ориентированные на достижение конечной точки, которые могут сопровождаться конструкцией с составным предлогом *fino a*, передающей ту сему продвижения до определенного предела, заложенную в семантике префикса *до-*, в обязательном порядке коррелирующего с предлогом *до-*. Подчеркнем также, что пространственная семантика префикса *до-* противопоставляется значению *от-*, в том смысле, что по мере передвижения расстояние между субъектом и ориентиром не увеличивается, а уменьшается. Продвижение по пространственному интервалу характеризует в меньшей степени также семантика префикса *при-*, для толкования которого релевантна именно новая локализация субъекта в результате передвижения. В ходе сопоставительного анализа высвечивалась составная семантическая структура префикса *при-*, так как в зависимости от контекста могут актуализироваться различные компоненты его семантики: дейктическая составляющая маршрута, целевой компонент передвижения, достижение конечной точки и пересечение ее границы, появление субъекта в новой локализации в результате движения. Как мы уже отметили в случае других префиксов, актуальность этих компонентов отражается в итальянских соответствиях. В частности, при дейктическом употреблении префикса *при-* в итальянских соответствиях могут встречаться глаголы *andare* и *venire*, которые могут применяться также при переводе тех русских примеров, в которых фокус оказывается на цели

передвижения, а не на самом движении. С другой стороны, при недействительном употреблении префикса *pri-*, т. е. когда фокус делается именно на достижении конечной точки, могут употребляться глаголы *arrivare/giungere, accorrere*, ориентированные на конечную точку передвижения, на его достижение, в том числе на возможное пересечение ее границы. При употреблении глаголов движения с префиксом *pri-* в фокус внимания может попадать также появление субъекта в новой локализации в результате передвижения: этим признаком семантика префикса *pri-* противопоставляется той, которая приписывается префиксу *u-*, для которой релевантно именно исчезновение субъекта из пространственной сцены.

Наконец, в параграфе 3.8 мы приняли во внимание префикс *v-*, пространственная семантика которого сильно ориентирована на передвижение внутрь, на переход в новую область пространства. При переводе на итальянский язык мы отметили роль синтагматических конструкций в выражении структуры маршрута, указывающей на смену локализации (*è volato dentro*).

Интересно обратить внимание на то, что по мере того, как в семантической структуре префиксов выступают на первый план компоненты 'достижение конечной точки' и 'пересечение ее границы', утрачивается релевантность семантической составляющей 'поэтапное продвижение вперед'. Префиксы *пере-*, *про-*, *до-*, *pri-* и *v-* можно классифицировать по степени релевантности этого компонента ('поэтапное продвижение вперед'). На одном конце воображаемой линии располагаются префиксы *про-* и *пере-*, сильно ориентированные на серединную порцию маршрута, в центре находим префикс *до-*, описывающий продвижение до определенного предела. Далее располагается префикс *pri-*, ориентированный на достижение конечной точки, но семантика которого может выражать также предшествующий пересечения границы ориентира этап. Наконец, в противоположной префиксу *про-* позиции находим приставку *v-*: ее пространственная семантика фокусируется только на конечном этапе того составного события движения, который может описываться префиксом *про-*. Выявленные в ходе сопоставительного анализа компоненты семантики префиксов *до-*, *pri-* и *v-* покажем в Таблице 9.

Таблица 9

	этапное продвижение вперед	заполнение пространственного интервала, определяемого начальной и конечной точками	уменьшающееся расстояние между субъектом и ориентиром по мере передвижения	дейктическая интерпретация нуля, или передвижение к области локализации наблюдателя	достижение конечной точки	пересечение границы ориентира (<i>boundary-crossing</i>)
префикс <i>до-</i>	+	+	+	-	+	+/-
префикс <i>при-</i>	+	+	+	+	+	+
префикс <i>в-</i>	-	-	-	-	-	+

В заключение отметим несколько важных моментов.

Во-первых, при сопоставительном анализе высвечивается решающая роль глагольных префиксов в более развернутом и точном описании маршрута и его различных компонентов в русском языке по сравнению с итальянским, в котором, как мы неоднократно отмечали в третьей главе, не всегда имеются специализированные элементы поверхностной структуры для точной передачи семантического вклада префикса.

Во-вторых, обратим внимание еще раз на определяющую роль расширенного контекста при сопоставительном анализе текстов из параллельного корпуса. Как мы неоднократно отмечали в ходе работы иногда только при ознакомлении с расширенным контекстом возможно понять выбор итальянского переводчика и восстановить полную информацию о пространственной сцене движения русского оригинала.

В-третьих, сопоставительный анализ комплексной семантики пространственных префиксов глаголов движения в русском языке с возможными стратегиями их перевода, в том числе при помощи различных синтагматических конструкций, показал, что в итальянском языке имеется определенный набор специализированных частиц-сателлитов, характерных, как правило, для языков сателлитного типа. Эта особенность итальянского языка может свидетельствовать о том, что на шкале значимости по степени выражения способа движения, введенной Д. Слобиным, итальянский язык не занимает фиксированного положения на одном из полюсов вместе с остальными романскими языками, а продвигается в сторону языков сателлитного типа.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995a** – Апресян, Ю.Д. *Избранные труды*. Том I. *Лексическая семантика*. 2-е изд., испр. и доп. Москва. Школа «Языки русской культуры». Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Апресян 1995b** – Апресян, Ю.Д. *Избранные труды*. Том II. *Интегральное описание языка и системная лексикография*. 2-е изд., испр. и доп. Москва. Школа «Языки русской культуры».
- Апресян 2009** – Апресян, Ю.Д. *Исследования по семантике и лексикографии*. Т. 1. Москва. Языки славянской культуры.
- Аркадьев 2015** – Аркадьев, П.М. *Ареальная типология префиксального перфектива*. Москва. Языки славянской культуры.
- Арутюнова 1999** – Арутюнова, Н.Д. *Путь по дороге и бездорожью // Логический анализ языка. Языки динамического мира* (Арутюнова, Н.Д., Шатуновский, И.Б. ред.). Дубна. 3-17.
- Берницкая 2019** – Берницкая, Н.В. *О грамматической оппозиции глаголов движения типа идти / ходить в русском языке. Вопросы языкознания*. 1. 75-92.
- Бондарко, Буланин 1967** – Бондарко, А.В., Буланин, Л.Л. *Русский глагол*. Ленинград. Просвещение.
- Виноградов 2001** – Виноградов, В.В. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)* (Под ред. Г. А. Золотовой). 4-е издание. Москва. Русский язык.
- Генчева 1979** – Генчева, Т. *Старобългарският глагол ходити // Трудове на Велико-Търновския университет «Кирил и Методий»*. Филологически факультет езикознание. Т. XIV. Книга 2. София. 7-48.
- Грамматика–60** – *Грамматика русского языка*. (Виноградов, В.В., Истрина, Е.С., Бархударов, С.Г. ред.). Т. 1 Фонетика и морфология. Москва. Издательство Академии наук СССР.
- Добрушина, Меллина, Пайар 2001** – Добрушина, Е.Р., Меллина, Е.А., Пайар, Д. *Русские приставки: многозначность и семантическое единство*. Москва. Русские словари.
- Зализняк 2006** – Зализняк, Анна А. *Многозначность в языке и способы ее представления*. Москва. Языки славянских культур.
- Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015** – Зализняк, Анна А., Микаэлян, И.Л., Шмелев, А.Д. *Русская аспектология: В защиту видовой пары*. Москва. Языки славянской культуры.
- Зализняк, Шмелев 2000** – Зализняк, Анна А., Шмелев, А.Д. *Введение в русскую аспектологию*. Москва. Языки русской культуры.
- Исаченко 1960** – Исаченко, А.В. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*. Морфология. Часть II. Братислава. Издательство словацкой академии наук.

- Карцевский 2000** – Карцевский, С.И. *Из лингвистического наследия* (сост., вступ. ст. и коммент. И.И. Фужерон). Москва. Языки русской культуры.
- Карцевский 2004** – Карцевский, С.И. *Из лингвистического наследия II* (сост., перевод, вступ. ст. и коммент. И.И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон). Москва. Языки славянской культуры.
- Кашкин 2007** – Кашкин, В.Б. *Сопоставительная лингвистика*. Воронеж.
- Князев 1999** – Князев, Ю.П. Обозначение направленного движения в русском языке: средства выражения, семантика и прагматика // *Логический анализ языка. Языки динамического мира* (Арутюнова, Н.Д., Шатуновский, И.Б. ред.). Дубна. 182-192.
- Кошелев 1999** – Кошелев, А.Д. Описание когнитивных структур, составляющих семантику глагола *ехать* // *Логический анализ языка. Языки динамического мира* ((Арутюнова, Н.Д., Шатуновский, И.Б. ред.). Дубна. 41-52.
- Кронгауз 1995** – Кронгауз, М.А. Приставки и глаголы: грамматика сочетаемости. *Семиотика и информатика*. 34. 32-57.
- Кронгауз 1997** – Кронгауз, М.А. Исследования в области глагольной префиксации: современное положение дел и перспективы // *Глагольная префиксация в русском языке*. Сборник статей (Кронгауз, М.А., Пайар, Д. ред.). Москва. Русские словари. 4-28.
- Кронгауз 1998** – Кронгауз, М.А. *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*. Москва. Школа «Языки русской культуры».
- Кустова 2004** – Кустова, Г.И. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. Москва. Языки славянской культуры.
- Кубрякова 1996** – Кубрякова, Е.С. *Краткий словарь когнитивных терминов* (Кубрякова, Е.С. гл. ред.). Москва. Издательство МГУ.
- Кубрякова 1996** – *Краткий словарь когнитивных терминов* (Кубрякова, Е.С. ред.). Москва. Изд-во МГУ.
- Кубрякова 1997** – Кубрякова, Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы). *Известия АН Серия Литературы и Языка*. Т. 56. N. 3. 22-31.
- Кубрякова 2002** – Кубрякова, Е.С. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва. Языки славянской культуры.
- Лакофф, Джонсон 2008** – Лакофф, Дж., Джонсон, М. *Метафоры, которыми мы живем*. Москва. Издательство ЛКИ.
- Левонтина, Шмелев 1999** – Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке // *Логический анализ языка. Языки динамического мира* (Арутюнова, Н.Д., Шатуновский, И.Б. ред.). Дубна. 269-285.

- Левонтина, Шмелев 2000** – Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Родные просторы // *Логический анализ языка. Языки пространств* (Арутюнова, Н.Д., Левонтина, И.Б. ред.). Москва. Языки русской культуры. 338-347.
- Майсак 2005** – Майсак, Т.А. *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции*. Москва. Языки славянских культур.
- Майсак, Рахилина 1999** – Майсак, Т.А., Рахилина, Е.В. Семантика и статистика: глагол *идти* на фоне других глаголов движения // *Логический анализ языка. Языки динамического мира* (Арутюнова, Н.Д., Шатуновский, И.Б. ред.). Дубна. 53-66.
- Макеева 2003** – Макеева, И.И. Семантика глаголов беспорядочного движения // *Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка* (Арутюнова, Н.Д. ред.). Москва. Индрик. 395-404.
- Маслов 2004** – Маслов, Ю.С. *Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание*. Москва. Языки славянской культуры.
- Милославский 2002** – Милославский, И.Г. *Культура речи и русская грамматика*. Москва. Инфра-М.
- Мелиг 1985** – Мелиг, Х. Р. Семантика предложения и семантика вида в русском языке // *Новое в зарубежной лингвистике*. Выпуск XV. Москва. Прогресс. 227-249.
- Мельчук 2000** – Мельчук, И.А. *Курс общей морфологии*. Т. 3. Москва-Вена. Языки русской культуры/Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 38/3.
- Муравьева 1975** – Муравьева, Л.С. *Глаголы движения в русском языке*. Москва. Русский язык.
- Падучева 2002** – Падучева, Е.В. Дейктические компоненты в семантике глаголов движения // *Логический анализ языка. Семантика начала и конца* (Арутюнова, Н.Д. ред.). Москва. Индрик. 121-136.
- Падучева 2004** – Падучева, Е.В. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва. Языки славянской культуры.
- Плунгян 2002** – Плунгян, В.А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации. // *Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира*. / Ред. В.А. Плунгян. Москва. ООО «Русские словари». 57-98.
- Плунгян 2011** – Плунгян, В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва. РГГУ.
- Рахилина 1990** – Рахилина, Е.В. *Семантика или синтаксис? К анализу частных вопросов в русском языке*. München. Verlag Otto Sagner.

Рахилина 2000 – Рахилина, Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики. *Известия АН Серия Литературы и Языка*. Т. 59. N. 3. 3-15.

Рахилина 2002 – Рахилина, Е.В. Мы едем, едем, едем... // *Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой*. Москва. Индрик. 395-402.

Рахилина 2008 – Рахилина, Е.В. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. Москва. Русские словари.

Рахилина 2010 – Рахилина, Е.В. А был ли концепт? Контейнер и содержимое в русском языке. // *Лингвистика конструкций* (Рахилина, Е.В. ред.). Москва. Азбуковник. 219-246.

РГ–80 – *Русская Грамматика* (Шведова, Н.Ю. гл. ред.). Т. 1. Москва. Наука.

Татевосов 2000 – Татевосов, С.Г. Метафизика движения в грамматике естественного языка: глагольная префиксация в северокавказских языках. *Вестник Московского университета*. Сер. 9. Филология. 6. 14-29.

Татевосов 2009 – Татевосов, С.Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // *Корпусные исследования по русской грамматике* (Киселева, К.Л., Плунгян В.А., Рахилина Е.В., Татевосов С.Г. ред.). Москва. Пробел-2000. 92-156.

Тихонов 1964 – Тихонов, А.Н. Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования. *Вопросы языкознания*. 13. 42-52.

Толкин 1976 – Толкин, Дж. Р. Р. *Хоббит, или туда и обратно*. Пер. Н. Рахмановой. Издательство «Детская литература».

Флайер 1997 – Флайер, М. С. Делимитативные приставки в русском языке // *Глагольная префиксация в русском языке. Сборник статей* (Кронгауз, М.А., Пайар, Д. ред.). Москва. Русские словари. 29-48.

Шмелев 2002 – Шмелев, А.Д. *Русский язык и внеязыковая действительность*. Москва. Языки славянской культуры.

Янда 2012 – Янда, Л. А. Русские приставки как система глагольных классификаторов. *Вопросы языкознания*. 6. 3-47.

Ярцева 1981 – Ярцева, В.Н. *Контрастивная грамматика*. Москва. Наука.

Aske 1989 – Aske, J. Path Predicates in English and Spanish: A Closer Look. *Proceedings of the Fifteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1-14

Aurnague, Borillo, Vieu 1997 – Aurnague, M., Vieu, L., Borillo, A. Représentation formelle des concepts spatiaux dans la langue. // *Langage et cognition spatiale* (Michel Denis, ed.). Paris. Masson. 69-102.

- Babko-Malaya 1999** – Babko-Malaya, O. *Zero morphology: A study of Aspect, Argument, Structure and Case*. PhD dissertation. New Brunswick Rutgers, The State University of New Jersey.
- Barotto, Mattioli 2020** – Barotto, A., Mattioli, S. Reduplicazione e ripetizione in tipologia: due strategie separate o espressione dello stesso fenomeno? // *CLUB Working papers in Linguistics 4*. Bologna. AMS Acta – Alma Mater Studiorum – Università di Bologna. 47-66.
- Beavers, Levin, Tham 2010** – Beavers, J., Levin, B., Tham, S. W. The typology of motion expressions revisited // *Journal of Linguistics*. 46.2. 331-377.
- Benacchio, Muro, Slavkova 2017** - Benacchio, R., Muro, A., Slavkova, S. (eds.) *The role of prefixes in the formation of aspectuality: issues of grammaticalization*. Firenze. Firenze University Press.
- Berman, Slobin 1994** – Berman, R. A., Slobin, D. I. Narrative structure. // *Relating events in narrative: A crosslinguistic developmental study* (Berman, R. A., Slobin, D. I. eds.). Hillsdale, NJ. Lawrence Erlbaum Associates. 39-84.
- Bernini 2006** – Bernini, G. Strategie di lessicalizzazione: tipologia e apprendimento. Il caso dei verbi di moto // *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. 143. 94-118.
- Bernini, Spreafico, Valentini 2006** – Bernini, G., Spreafico, L., Valentini, A. Acquiring motion verbs in a second language: The case of Italian L2. *Linguistica e Filologia*. 23. 7-26.
- Bertinetto 1986** – Bertinetto, P. M. *Tempo, Aspetto e Azione nel verbo italiano. Il sistema dell'indicativo*. Firenze. Accademia della Crusca.
- Bertocci 2017** – Bertocci, D. “Intensive” verbal prefixes in Archaic Latin // *The role of prefixes in the formation of aspectuality: issues of grammaticalization* (Benacchio, R., Muro, A., Slavkova, S. eds.). Firenze. Firenze University Press. 41-58.
- Cardelli 2004** – Cardelli, E. I verbi di movimento del russo e l'espressione del movimento in italiano: analisi di un divario semantico. *Quaderni del Dipartimento di Linguistica*. Università di Firenze. 14. 53-72.
- Cardelli 2006** – Cardelli, E. *Andata e ritorno: breve viaggio cognitivo attraverso la semantica dei verbi di movimento del russo* / Tesi di dottorato. Università degli Studi di Firenze. Dipartimento di Linguistica.
- Cerruti 2008** – Cerruti, M. Verbi sintagmatici e sinonimi monorematici nell'italiano parlato. La dimensione diafasica, diatopica, diastratica // *I verbi sintagmatici in italiano e nelle varietà dialettali. Stato dell'arte e prospettive di ricerca* (Cini, M. ed.). Frankfurt am Main. Peter Lang. 193-208.
- Ceruti 2009** – Ceruti, E. Linguistica contrastiva e didattica di lingue affini: l'insegnamento dell'italiano ad un pubblico ispanofono. *Romanitas, lenguas y literaturas romances*. 4/1.

- Cini 2008** – Cini, M. I verbi sintagmatici in italiano: una proposta di descrizione // *I verbi sintagmatici in italiano e nelle varietà dialettali. Stato dell'arte e prospettive di ricerca* (Cini, M. ed.). Frankfurt am Main. Peter Lang. 41-59.
- Dickey 2010** – Dickey, S. M. Common Slavic “indeterminate” verbs of motion were really manner-of-motion verbs // *New Approaches to Slavic Verbs of Motion* (Perelmutter, R., Hasko, V. eds.). John Benjamins Publishing Company. 67-109.
- Dickey 2017** – Dickey, S. M. Prefixation in the rise of Slavic aspect // *The role of prefixes in the formation of aspectuality: issues of grammaticalization* (Benacchio, R., Muro, A., Slavkova, S. eds.). Firenze. Firenze University Press. 85-102.
- Endresen et al. 2012** – Endresen, A., Janda, L. A., Kuznetsova, J., Lyashevskaya, O., Makarova, A., Nessel, T., Sokolova, S. Russian “Purely Aspectual” Prefixes: Not so “Empty” after All? *Scando-Slavica*. 58. 2. 231-291.
- Evans, Green 2006** – Evans, V., Green, M. C. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Edinburgh University Press.
- Fillmore 1975** – Fillmore, Ch. J. Santa Cruz Lectures on Deixis 1971. Indiana University Linguistics Club.
- Fillmore 1983** – Fillmore, C. J. How to know whether you're coming or going. // *Essays on deixis* (Rauh, G., ed.). Tübinger Beiträge zur Linguistik. 188. Tübingen. Gunter Narr Verlag. 219-228.
- Folli 2008** – Folli, R. Complex PPs in Italian // *Syntax and Semantics of Spatial P* (Asbury, A., Dotlačil, J., Gehrke, B., Nouwen, R. eds.). Amsterdam. John Benjamins. 197-220.
- Folli, Ramchand 2005** – Folli, R., Ramchand, G. Prepositions and results in Italian and English: an analysis from event decomposition // *Perspectives on Aspect* (Verkuyl, H. J., De Swart, H., Van Hout, A. eds.). Dordrecht. Springer. 81-105.
- Fontaine 1973** — Fontaine J. Sur la nature de l'opposition dans la catégorie dite des verbes de mouvement en russe contemporain. *Revue des études slaves*. T. 49: Communications de la délégation française au VIIe Congrès International des slavistes (Varsovie, 21-27 août, 1973). 147-158.
- Forsyth 1970** – Forsyth, J. *A Grammar of Aspect. Usage and meaning in the Russian verb*. Cambridge. Cambridge University Press.
- Fortis, Vittrant 2016** – Fortis, J.-M., Vittrant, A. Path-expressing constructions: Toward a typology. *STUF - Language Typology and Universals (Sprachtypologie und Universalienforschung)*. 69. 3. 341-374.
- Gebert 1982** – Gebert, L. I verbi di moto in russo e in italiano // *Linguistica contrastiva*. Atti del convegno internazionale di studi. Asti 26-28 maggio 1979. Roma. Bulzoni. 391-399.

- Goschler, Stefanowitsch 2013** – Goschler, J., Stefanowitsch, A. (eds.). *Variation and Change in the Encoding of Motion Events*. John Benjamins.
- Grande Grammatica italiana di Consultazione (GGC) 1995** (Renzi, L., Salvi, G., Cardinaletti, A. eds.). Vol. 3. Bologna. Il Mulino.
- Grinevald 2011** – Grinevald, C. On constructing a working typology of the expression of *path*. *Faits de Langues*. 3. 43-70.
- Iacobini 2009** – Iacobini, C. The role of dialects in the emergence of Italian phrasal Verbs. *Morphology*. 19. 15-44.
- Iacobini 2010** – Iacobini, C. The number and use of manner verbs as a cue for typological change in the strategies of motion events encoding // *Space in Language. Proceedings of the Pisa International Conference* (Marotta, G., Lenci, A., Meini, L., Rovai, F. eds.). Pisa. Edizioni ETS. 495-514.
- Iacobini 2012** – Iacobini, C. Grammaticalization and innovation in the encoding of motion events. *Folia Linguistica*. 46.2. 359-385.
- Iacobini, Corona 2018** – Iacobini, C., Corona, L. Variazione e continuità nella espressione linguistica della Traiettorie in latino e nell'italiano delle origini // *Strutture e dinamismi della variazione e del cambiamento linguistico*. Atti del Convegno DIA III, Napoli, 24-27 novembre 2014 (Greco, P., Vecchia, C., Sornicola, R. eds.). Napoli. Giannini Editore. 83-105.
- Iacobini, Corona, Buoniconto 2020** – Iacobini, C., Corona, L., Buoniconto, A. A Grid for Decoding Motion Encoding. *Testi e Linguaggi*. 14. 21-59.
- Iacobini, Masini 2006** – Iacobini, C., Masini, F. The emergence of verb-particle constructions in Italian: locative and actional meanings. *Morphology*. 16. 155-188.
- Ibarretxe-Antuñano 2004** – Ibarretxe-Antuñano, I. *Tipi-Tapa, tipi-tapa korrika!!! Motion and sound symbolism in Basque*. // LAUD Series A: General and Theoretical Papers. N. 629.
- Ikegami 1979** – Ikegami, Y. 'Goal' over 'Source': A Case of Dissymmetry in Linguistic Orientation // *Angol Filológiai Tanulmányok / Hungarian Studies in English*. Vol. 12. 139-157.
- Janda 1986** – Janda, L. A. *A Semantic Analysis of the Russian Verbal Prefixes za-, pere-, do- and ot-*. Slavistische Beiträge Munich Sagner. Band 192.
- Janda 1988** – Janda, L. A. The Mapping of Elements of Cognitive Space onto Grammatical Relations: An Example from Russian Verbal Prefixation // *Topics in Cognitive Linguistics* (Rudzka-Ostyn, B. ed.). John Benjamins. 327-343.
- Janda 2007** – Janda, L. A. Aspectual Clusters of Russian Verbs. *Studies in Language*. 31. 3. 607-648.
- Janda 2008** – Janda, L. A. Motion Verbs and the Development of Aspect in Russian. *Scando-Slavica*. 54. 179-197.

- Janda, Lyashevskaya 2013** – Janda, L. A., Lyashevskaya, O. Semantic Profiles of Five Russian Prefixes: *po-*, *s-*, *za-*, *na-*, *pro-*. *Journal of Slavic Linguistics*. 21. 2. 211-258.
- Jansen 2004** – Jansen, H. La “particella spaziale” e il suo combinarsi con verbi di movimento nell’italiano parlato // *Generi, architetture e forme testuali. Atti del VII convegno SILFI, Roma 1-5 ottobre 2002*. Vol.1 (D’Achille, P. ed.). Firenze. Francesco Cesati ed. 129-144.
- Jezeq 2003** – Jezeq, E. *Classi di Verbi tra Semantica e Sintassi*. Pisa. Edizioni ETS.
- Johnson 1987** – Johnson, M. *The Body in the Mind*. Chicago/London. The University of Chicago Press.
- Kagan 2016** – Kagan, O. *Scalarity in the Verbal Domain. The case of Verbal Prefixation in Russian*. Cambridge. Cambridge University Press.
- Kopecka 2006** – Kopecka, A. The semantic structure of motion verbs in French: Typological perspectives // *Space in languages: Linguistic systems and cognitive categories* (Hickmann, M., Robert, S. eds.). Amsterdam. John Benjamins. 83-101.
- Kopecka 2009** – Kopecka, A. L’expression du déplacement en français : l’interaction des facteurs sémantiques, aspectuels et pragmatiques dans la construction du sens spatial. *Langages*. 1.173. 54-75.
- Kopecka 2017** - Source-oriented and Goal-oriented events in Old and Modern French // *Space in diachrony* (Luraghi, S., Nikitina, T., Zanchi, C. eds.). John Benjamins. 305-328.
- Kopecka, Vuillermet 2021** – Kopecka, A., Vuillermet, M. Source-Goal (a)symmetries across languages. *Studies in Language*. 45. 1. 2-35.
- Lakoff 1977** – Lakoff, G. Linguistic Gestalts. *Proceedings of the Thirteenth Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago. Chicago Linguistic Society. 236-287.
- Lakoff 1982** – Lakoff, J. *Categories: An Essay on Cognitive Linguistics*. // *Linguistics in the Morning Calm* (Linguistics Society of Korea, ed.). Seoul. Hanshin. 139-193.
- Lakoff 1987** – Lakoff, J. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories reveal about the Mind*. Chicago. University of Chicago Press.
- Lakoff, Johnson 2003** – Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors we live by*. Chicago, London. The University of Chicago Press.
- Lakusta, Landau 2012** – Lakusta, L., Landau, B. Language and Memory for Motion Events: Origins of the Asymmetry Between Source and Goal Paths. *Cognitive Science*. 36. 517-544.
- Langacker 1987** – Langacker, R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1. *Theoretical Prerequisites*. Stanford. Stanford University Press.

Lapesa, Lenci 2012 – Lapesa, G., Lenci, A. *Italian Verbs of Manner of Motion at the Syntax-Semantics Interface: a Distributional Analysis* < https://portal.ikw.uni-osnabrueck.de/~glapesa/materials/Lapesa_Lenci_tubingen.pdf >

Levin, Rappaport Hovav 1992 – Levin, B., Rappaport Hovav, M. The lexical semantics of verbs of motion: the perspective from unaccusativity // *Thematic Structure: Its Role in Grammar* (Roca, I. M. ed.). De Gruyter Mouton. 247-269.

Lyons 1977 – Lyons, J. *Semantics*. V. 2. Cambridge. Cambridge University Press.

Masini 2006 – Masini, F. Diacronia dei verbi sintagmatici in italiano // *Archivio Glottologico Italiano*. XCI.1. 67-105.

Marcol-Cacoń 2016 – Marcol-Cacoń L. Tipologia e traduzione dei verbi di moto italiani - analisi semantica. *Neophilologica: Études sémantico-syntaxiques des langues romanes*. Vol. 28. Katowice. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. 176-192.

McNeill, Duncan 2000 – McNeill, D., Duncan, S. Growth points in thinking-for-speaking // *Language and gesture: Window into thought and action* (McNeill, D. ed.). Cambridge. Cambridge University Press. 141-161.

Miller, Johnson-Laird 1976 – Miller, G. A., Johnson-Laird, Ph. N. *Language and Perception*. Cambridge. Cambridge University Press.

Nesset 2008 – Nesset, T. Path and Manner: An Image-Schematic Approach to Russian Verbs of Motion. *Scando-Slavica*. 54. 1. 135-158.

Nesset 2010 – Nesset, T. Is the choice of prefix arbitrary? Aspectual prefixation and Russian verbs of perception. *The Slavic and East European Journal*. Vol. 54. N. 4. 666-689

Nesset 2020 – Nesset, T. What's in a Russian Aspectual Prefix? A Cognitive Linguistics Approach to Prefix Meanings. *Journal of Slavic Linguistics*. 28. 2. 141-162.

Nikitina 2008 – Nikitina, T. Pragmatic factors and variation in the expression of spatial goals. The case of *into* vs. *in* // *Syntax and Semantics of Spatial P* (Asbury, A., Dotlačil, J., Gehrke, B., Nouwen, R. eds.). Amsterdam. John Benjamins. 175-225.

Nistratova 2019 – Nistratova, S. Особенности функционирования глаголов движения в русском и итальянском языках в аспекте дейксиса // *Atti del VII incontro di linguistica slava. Nuove prospettive e metodologie di ricerca* (Krapova, I., Nistratova, S., Ruvoletto, L. eds.). Edizioni Ca' Foscari. 340-356.

Özyürek, Kita 1999 – Özyürek, A., Kita, S. Expressing manner and path in English and Turkish: Differences in speech, gesture, and conceptualization // *Proceedings of the 21st Annual Conference of the Cognitive Science Society* (Hahn, M., Stoness, S. C. eds.). Mahwah, NJ. Lawrence Erlbaum Associates. 507-512.

- Pavlenko, Volynsky 2015** – Pavlenko, A., Volynsky, M. Motion Encoding in Russian and English: Moving Beyond Talmy's Typology. *The Modern Language Journal*. Vol. 99. Supplement. *The Language and Thought of Motion in Second Language Speakers*. 32-48.
- Perissutti 2012** – Perissutti, A.-M. Problemi di acquisizione del ceco da parte di apprendenti di madrelingua italiana: il caso dei verbi di moto. *Lingue antiche e moderne*. 1. 55-72.
- Perlmutter 1978** – Perlmutter, D. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis. *Berkeley Linguistic Society* 4. 126-70.
- Pourcel, Kopecka 2005** – Pourcel, S., Kopecka, A. Motion expression in French: Typological diversity. *Durham & Newcastle working papers in linguistics*. 11. 139-153.
- Puato 2016** – Puato, D. “Linguistica contrastiva” o “linguistiche contrastive”? Alcune riflessioni su una disciplina multiforme tra teorie e metodi // *Lingue europee a confronto. La linguistica contrastiva tra teoria, traduzione e didattica* (Puato, D. ed.). Roma. Sapienza univ.tà editrice. 1-17.
- Ricca 1993** – Ricca, D. *I verbi deittici di movimento in Europa. Una ricerca interlinguistica*. Firenze. La Nuova Italia.
- Romanova 2004** – Romanova, E. Superlexical vs. lexical prefixes. *Nordlyd*. 32.2. 255-278.
- Rosch 1978** – Rosch, E. Principles of Categorization // *Cognition and Categorization* (Rosch, E., Lloyd, B. B. eds.). Hillsdale. 27-48.
- Ruvoletto 2014** – Ruvoletto, L. I verbi *iti* e *choditi* in antico slavo orientale // *Studi italiani di linguistica slava: strutture, uso e acquisizione* (Biblioteca di Studi slavistici. 24). Firenze. Firenze University Press. 213-225.
- Ruvoletto 2016** – Ruvoletto, L. *I prefissi verbali nella Povest' vremennykh let: per un'analisi del processo di formazione dell'aspetto verbale in russo* (Biblioteca di Studi slavistici. 33). Firenze. Firenze University Press.
- Ruvoletto 2017** – Ruvoletto, L. Префиксация глаголов неопределенного движения в русском языке // *The role of prefixes in the formation of aspectuality: issues of grammaticalization* (Benacchio, R., Muro, A., Slavkova, S. eds.). Firenze. Firenze University Press. 183-195.
- Schooneveld 1958** – Schooneveld C. H. van. The so-called 'préverbes vides' and neutralization. *Dutch contributions to the Forth International Congress of Slavistics*. The Hague. 159-161.
- Schwarze 1985** – Schwarze, C. “Uscire” e “andare fuori”: struttura sintattica e semantica lessicale // *Sintassi e morfologia della lingua italiana d'uso. Teorie e applicazioni descrittive. Atti del XVII Congresso Internazionale della SLI* (Franchi de Bellis, A., Savoia, L. M. eds.) Roma. Bulzoni. 355-378.
- Simone 1996** – Simone, R. Esistono verbi sintagmatici in italiano? // *Lessico e grammatica. Teorie linguistiche e applicazioni lessicografiche. Atti SLI*. Roma. Bulzoni Editore. 155-170.

- Simone 2008** – Simone, R. Verbi sintagmatici come categoria e come costruzione // *I verbi sintagmatici in italiano e nelle varietà dialettali. Stato dell'arte e prospettive di ricerca* (Cini, M. ed.). Frankfurt am Main. Peter Lang. 13-30.
- Sinha, Kuteva 1995** – Sinha, C., Kuteva, T. Distributed Spatial Semantics. *Nordic Journal of Linguistics*. 18. 167-199.
- Slobin 1987** – Slobin, D. I. Thinking for Speaking // *Proceedings of the Thirteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 435-445.
- Slobin 1996** – Slobin, D. I. From “Thought and Language” to “Thinking for Speaking” // *Rethinking Linguistic Relativity* (Gumperz, J., Levinson, S. eds.). Cambridge. Cambridge University Press. 70-96.
- Slobin 1997** – Slobin, D. I. Mind, Code, and Text. // *Essays on Language Function and Language Type Dedicated to T. Givón*. (Bybee, J. L., Haiman, J., Thompson, S. A. eds.). John Benjamins. 437-467.
- Slobin 2000** – Slobin, D. I. Verbalized Events A Dynamic Approach to Linguistic Relativity and Determinism // *Evidence for Linguistic Relativity* (Dirven, R., Niemeier, S. eds.). John Benjamins. 107-138.
- Slobin 2004** – Slobin, D. I. The Many Ways to Search for a Frog. Linguistic Typology and the Expression of Motion Events. // *Relating Events in Narrative: Typological and Contextual Perspectives* (Strömquist, S., Verhoeven, L. eds.). Hillsdale, NJ. Lawrence Erlbaum Associates. 219-257.
- Slobin 2005a** – Slobin, D. I. Linguistic representations of motion events: What is signifier and what is signified? // *Iconicity Inside Out: Iconicity in Language and Literature 4* (Maeder, C., Fischer, O., Herlofsky, W. eds.). Amsterdam/Philadelphia. 307-322.
- Slobin 2005b** – Slobin, D. I. Relating Narrative Events in Translation // *Perspectives on language and language development: Essays in Honor of Ruth A. Berman* (Ravid, D., Shyldkrot, H. B. eds.). Dordrecht. Kluwer Academic Press. 115-129.
- Slobin 2006** – Slobin, D. I. What makes manner of motion salient? Explorations in linguistic typology, discourse, and cognition // *Space in Languages: Linguistic Systems and Cognitive Categories* (Hickmann, M., Robert, S. eds.). John Benjamins Publishing Company. 59-81.
- Slobin 2017** – Slobin, D. I. Afterward. Typologies and language use // *Motion and Space across Languages. Theory and applications* (Ibarretxe-Antuñano, I. ed.). John Benjamins. 419-446.
- Slobin, Hoiting 1994** – Slobin, D. I., Hoiting, N. Reference to Movement in Spoken and Signed Languages: Typological Considerations. *Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the*

Berkeley Linguistics Society: General Session Dedicated to the Contributions of Charles J. Fillmore. 487-505.

Sorace 2000 – Sorace, A. Gradients in Auxiliary Selection with Intransitive Verbs. *Language*. Vol. 76. N. 4. 859-890.

Spreafico 2008 – Spreafico, L. Tipologie di lessicalizzazioni avverbali in alcune lingue d'Europa // *I verbi sintagmatici in italiano e nelle varietà dialettali. Stato dell'arte e prospettive di ricerca* (Cini, M. ed.). Frankfurt am Main. Peter Lang. 61-81.

Stefanowitsch 2018 – Stefanowitsch, A. The goal bias revisited: A collostructional approach. *Yearbook of the German Cognitive Linguistics Association*. 6 (1). 143-166.

Stefanowitsch, Rohde 2004 – Stefanowitsch, A., Rohde, A. The goal bias in the encoding of motion events. // *Studies in linguistic motivation* (Panther, K. U., Radden, G. eds.). Berlin. Mouton de Gruyter. 249-268.

Strömquist, Verhoeven 2004 – *Relating Events in Narrative: Typological and Contextual Perspectives* (Strömquist, S., Verhoeven, L. eds.). Hillsdale, NJ. Lawrence Erlbaum Associates.

Svenonius 2004 – Svenonius, P. Slavic Prefixes inside and outside VP. *Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes*. 32 (2). 205-253.

Talmy 1972 – Talmy, L. *Semantic Structures in English and Atsugewi*. Ph.D. dissertation. University of California at Berkeley.

Talmy 1975 – Talmy, L. Semantics and Syntax of Motion. // *Syntax and Semantics*. Vol. 4 (Kimball, J. ed.). New York. Academic Press. 181-238.

Talmy 1985 – Talmy, L. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms. *Language typology and syntactic description*. Vol. 3. *Grammatical categories and the lexicon* (Shopen, T. ed.). New York. Cambridge University Press. 57-149.

Talmy 2000a – Talmy, L. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. 1. *Concept Structuring Systems*. Cambridge (MA). The MIT Press.

Talmy 2000b – Talmy, L. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. 2. *Typology and process in Concept Structuring*. Cambridge (MA). The MIT Press.

Talmy 2007 – Talmy, L. Lexical typologies. // *Language Typology and Syntactic Description*. Second edition. Volume III: *Grammatical Categories and the Lexicon* (Shopen, T., ed.). Cambridge. Cambridge University Press. 66-168.

Tatevosov 2008 – Tatevosov, S.G. Intermediate Prefixes in Russian // *Formal Approaches to Slavic Linguistics*. 16. (Antonenko, A., Bethin, C., Baylin, J. eds.). New York-Ann Arbor. The Stony Brook Meeting. 423-442.

Tesnière 1959 – Tesnière, L. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris. Librairie C. Klincksieck.

- Thorton 2009** – Thorton, A. M. Italian verb reduplication between syntax and the lexicon. *Italian Journal of Linguistics*. 21.1. 235-261.
- Townsend 1978** – Townsend, Ch. A semantic profile of the Russian preverb *u-* // *Studies in Honor of Horace G. Lunt on the Occasion of His Sixtieth Birthday*. Columbus. 329-339.
- Ungerer, Schmid 2006** – Ungerer, F., Schmid, H.-J. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. Second Edition. Pearson Longman.
- Vaillant 1939** – Vaillant, A. L'aspect verbal du slave commun : sa morphologisation. *Revue des études slaves*. Vol. 19, No. 3/4. 289-314.
- Vandeloise 2007** – Vandeloise, C. A Taxonomy of basic natural entities. // *The Categorization of spatial entities in language and cognition* (Aurnague, M., Hickmann, M., Vieu, L. eds.). Amsterdam. John Benjamins. 35-52.
- Vendler 1957** – Vendler, Z. Verbs and Times. *The Philosophical Review*. Vol. 66, No. 2. (Apr., 1957). 143-160.
- Verkerk 2014** – Verkerk, A. The correlation between motion event encoding and path verb lexicon size in the Indo-European language family. *Folia Linguistica Historica*. 35. 307-358.
- Verkerk 2015** – Verkerk, A. Where do all the motion verbs come from? The speed of development of manner verbs and path verbs in Indo-European. *Diachronica*. 32.1. 69-04.
- Verspoor, Dirven, Radden 2004** – Verspoor, M. H., Dirven, R., Radden, G. Putting Concepts together: Syntax. // *Cognitive Exploration of Language and Linguistics* (Dirven, R., Verspoor, M. H. eds.). John Benjamins. 75-100.
- Vey 1952** – Vey, M. Les préverbes 'vides' en tchèque moderne. *Revue des études slaves*. 29. 82-107.
- Veyrenc 1980** – Veyrenc, J. *Études sur le verbe russe*. Paris. Institute d'études slaves.
- Vicario 2008** – Vicario, F. Verbi sintagmatici e organizzazione dello spazio cognitivo // *I verbi sintagmatici in italiano e nelle varietà dialettali*. *Stato dell'arte e prospettive di ricerca* (Cini, M. ed.). Frankfurt am Main. Peter Lang. 31-40.
- Voeltz, Kilian-Hatz 2001** – Voeltz, F. K. E., Kilian-Hatz, C. eds. *Ideophones*. Amsterdam/Philadelphia. John Benjamins.
- Wälchli 2001** – Wälchli, B., A typology of displacement (with special reference to Latvian). *Sprachtypologie & Universalienforschung STUF*. 54.3. 298-323.
- Wälchli, Sölling 2013** – Wälchli, B., Sölling, A. The encoding of motion events. Building typology bottom-up from text data in many languages // *Variation and Change in the encoding of motion events* (Goschler, J., Stefanowitsch, A. eds.). John Benjamins. 77-113.

Wälchli, Zúñiga 2006 – Wälchli, B., Zúñiga, F. Source-Goal (in)difference and the typology of motion events in the clause. *STUF - Language Typology and Universals (Sprachtypologie und Universalienforschung)*. 59. 3. 284-303.

Список справочного материала

Il Nuovo De Mauro – edizione online.

< <https://dizionario.internazionale.it/> >

Vocabolario Treccani della lingua italiana – edizione online.

< <https://www.treccani.it/vocabolario/> >

Il Sabatini Coletti Dizionario della lingua italiana (a cura di F. Sabatini, V. Coletti) – edizione online.

< https://dizionari.corriere.it/dizionario_italiano/ >

Vocabolario etimologico della lingua italiana (a cura di O. Pianigiani) – edizione online.

< <https://www.etimo.it/> >

БАС 1950–1965 [БАС] – *Словарь современного русского литературного языка*. Изд-во Академии наук СССР. Москва-Ленинград.

(Новый) БАС 2004-2019 [Новый БАС] – *Большой академический словарь русского языка*. Институт лингвистических исследований РАН. ТТ. 1-26. Москва-Санкт-Петербург. Наука.

МАС 1999 – *Малый академический словарь русского языка в 4-х томах*. РАН, Ин-т лингвистич. Исследований. 4-е изд., стер. Москва. Русский язык; Полиграфресурсы.

Ефремова 1996 [ТССЕРЯ] – Ефремова, Т.Ф. *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*. Москва. Русский Язык.

Ушаков 1935 [СУ] – *Толковый словарь русского языка* (под ред. Д.Н. Ушакова) в 4 т. Москва. Гос ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ.

Список источников иллюстрированного материала

НКРЯ – *Национальный Корпус Русского Языка* (русско-итальянский параллельный корпус).

< <https://ruscorpora.ru/> >

Толкин 1976 – Толкин, Дж. Р. Р. *Хоббит, или туда и обратно*. Москва. Детская литература.

Bulgakov 2011 – Bulgakov, M.A. *Il Maestro e Margherita*. Milano. Feltrinelli.

Bulgakov 2016 – Bulgakov, M.A. *Il Maestro e Margherita*. Milano. Mondadori.

Mayer 1969 – Mayer, M. *Frog, where are you?* New York. Dial Press.

Pasternak 2020 – Pasternak, B.L. *Il dottor Živago*. Milano. Feltrinelli.

Tolkien 1937 – Tolkien, J. R. R. *The Hobbit, or There and Back Again*. London. George Allen & Unwin.

Tolkien 2012 – Tolkien, J. R. R. *Lo Hobbit o la riconquista del tesoro*. Milano. Adelphi.

Riassunto

La lessicalizzazione degli eventi di moto è stata ed è al centro di numerosi studi sia in chiave tipologica che in prospettiva cognitiva. Il nostro lavoro prende le mosse dalle ricerche condotte da Leonard Talmy e da altri studiosi quali Dan I. Slobin nell'individuazione e nella descrizione delle componenti concettuali di un evento di moto e nello studio della loro espressione nelle diverse lingue. Su questo apparato teorico si basa l'analisi contrastiva dei mezzi di codifica degli eventi di moto in russo e in italiano presentata in questo lavoro.

Partendo dalla classificazione tipologica proposta da Leonard Talmy, secondo la quale le lingue possono ricondursi a due modelli di lessicalizzazione del percorso del moto (lingue a satellite vs. lingue a cornice verbale) nel corso dell'analisi contrastiva si osserva come il russo e l'italiano, riconducibili rispettivamente al gruppo delle lingue a satellite e a quello delle lingue a cornice verbale, possono codificare in modo diverso le componenti di un evento di moto. Particolare attenzione è dedicata al ruolo della prefissazione verbale nell'espressione del percorso del moto.

Nello specifico il primo capitolo è dedicato alla presentazione dello stato dell'arte e alla cornice teorica di riferimento di questo studio contrastivo. Nel secondo capitolo sono descritti i mezzi linguistici a disposizione delle due lingue considerate per esprimere un evento di moto. Il terzo capitolo presenta l'analisi contrastiva basata su esempi tratti dal corpus parallelo russo-italiano del Corpus Nazionale della Lingua Russa. Nel corso dell'analisi contrastiva emergono due fatti importanti: la complessa semantica spaziale dei prefissi verbali russi caratterizzata dalla presenza di più componenti che possono attivarsi o meno a seconda del contesto e la varietà di strategie che possono applicarsi in italiano per rendere la ricchezza semantica dei verbi prefissati di moto della lingua russa.